

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

**Жизнь и поражения советского
инакомыслящего**

**(буржуазный коммунизм в тени
Бутырки)**

Том I

Москва, 2015

Оглавление

Предварение.....	5
Раздел 1. Мои предки по маме	8
Дополнение 2011 года про Гвинтовое	20
Раздел 2. 1931г. - «год перелома»	22
Раздел 3.Таня в Харькове - начало семьи.....	26
Раздел 4. Начало войны для нас с мамой и эвакуация в Сибирь	44
Раздел 5. Военное детство в Филях (1943-1945 гг.)	52
Приложение 1. Память о маме	64
Отец и мать: 1915–1932 годы.	68
Харьков. Учеба и любовь. 1932-1935 гг.....	78
Владимир Климентьевич Сокирко.....	87
Замужество и материнство. 1935-1941 годы.....	92
Война. 1941-1945 годы.....	97
В Германии. 1946-1948 годы.	106
Рождение невроза. Мазилово. 1948-1955 годы	111
Рождение гипертонии. Фили. 1955-1965 годы.	121
Одной семьей. 1961-1968 годы.	125
Разъезд. 1966-1974 годы	128
Смертельная болезнь.1974-1975 годы.	138
Консультация. Апрель 1975 года.	141
Последний приезд на дачу. Май 1975 года.	151
Смерть 28 мая 1975 года.	156
Похороны	162
Приложение 2. Сто лет недвижимости (<i>Ася Сокирко</i>).....	166
Митрофан	166
Владимир.....	169
Виктор.....	173
Алексей.....	188
Приложение 3. О Вите (<i>Л. Ткаченко</i>)	203
До студенческих лет.....	203
1956-1961гг	205
1962-1965гг.	209
1966-1970гг.	214

1971-1974гг.....	219
1974 - 1979 гг.....	224
1980-89 гг.....	239
1990-2000 гг.....	245
Начало ХХІ столетия.....	249
Приложение 4. Мой дед был рабочим (<i>Артем Сокирко</i>)	252
Приложение 5. Сценарий диафильма «Аня, Алеша и мы».....	275
Приложение 6. Сценарий диафильма "Курско-белгородская земля"	299
Приложение 7. Сценарий диафильма "Украина - 1977" Ч. 1. "Земля северская - Украина русская"	313
Путивль	313
Новгород-Северский	315
Чернигов	318
Приложение 8. Три письма о книге О.Сулейменова "Аз и Я" (переписка с ак. Д.С.Лихачевым)	337
Приложение 9. Украинский дневник	347
Почаевская лавра	364
Приложение 10. Сценарий диафильма "Харьков"	382

Предварение

Большинство людей нуждается во внешнем поводе для начала даже нужных действий. Мы - не исключение. Задиристые тексты старшей невестки про крестьянскую прижимистость мужниных родных¹ вызвали энергию Лилиной защиты², а у меня пробудили веру в то, что такое стереоскопическое (от двух разных женщин) описание произошедших в рядовой семье событий может быть интересным для людей, если не сейчас, то в далеком и более умном будущем. И потому я с самого начала был искренне благодарен не только Лиле, но и критичной Асе и Тёме с его воспоминаниями о деде³.

Тем более что всей жизнью был приуготовлен к «самофилософствованию, самиздату и самоанализу». Уже в 1977 год мы с Лилей приступили к созданию собственного жизненного архива своих путевых дневников, диафильмовских сценариев, иных самиздатских текстов. Тогда это был единственный способ сохранения своих чувств и мыслей - через детей и внуков. Это упорядочивание осозналось как реальная работа по введения своей жизни в общую душу человечества, в реальное духовное бессмертие. Сейчас (2010г.) мы заканчиваем работу самоархивации.

Готовя семейные архивы к существованию после нас в интернетных глубинах, я склонен думать, что цениться в них будет уже иное, а именно; субъективно честный рассказ как о репрессиях слабеющего государства к рядовому советскому инакомыслящему, так и о не менее драматичных моральных санкциях со стороны друзей и знакомых, причем на фоне непрекращающихся споров о способах реформирования

¹ См. приложение 2

² См. приложение 3

³ См. приложение 4

практически нереформируемой страны. Хочется верить, что этот длительный, чаще неудачный опыт поиска взаимопонимания и терпимости окажется небесполезным⁴.

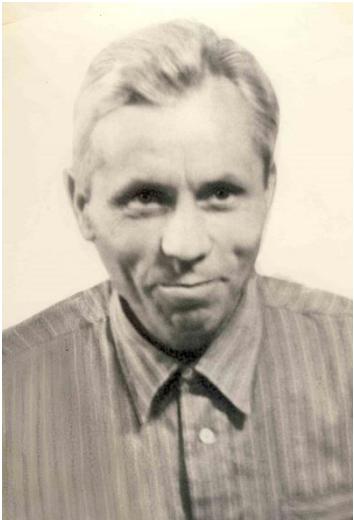
Витя родился в первый день января 1939 года в семье военнослужащего - авиатехника (30-ти) и медсестры (24-х лет). А ведь мог бы и не родиться: врачи не советовали Татьяне Дмитриевне рожать из-за больных почек, сведших таки её рано в могилу, но

уже после рождения последних внуков. Будь она "благоразумной", не было бы у меня любимого мужа, а для наших невесток и зя..тьёв не родились бы мужья и жёны. На кладбище в Петрищево, где Витины родители сейчас лежат рядышком, я сперва благодарю маму за веру в своё главное предназначение - родить и вырастить ребёнка (вырастить первенца-дочку ей не привелось), а затем папу - за его безукоризненно внимательное ко мне отношение и за его ненамеренные уроки поведения во здравии и болезни. Мамины уроки мне тоже часто вспоминаются. А первый из них - обучение меня обращению "мама". В присутствии моей мамы она прижала меня, чужого ребёнка, к своей груди и ласково предложила сказать вслух "мама", а про себя "Витина". И так тепло и защищённо почувствовала я себя на её большой груди, что только секундочка понадобилась мне, чтобы выдохнуть "мама". Это оказалось таким счастьем получить от судьбы организаторов нашего быта и советчиков в виде мамы-папы (родители - то мои жили далеко, в Волгограде). Жаль, что не смогла я этот

⁴ Здесь и далее закурсивлены Лилины тексты из «О Вите». В походных дневниках было принято курсивить мои тексты.

урок передать невесткам.

Вступив в войну в ВКП(б), Владимир Климентьевич никогда не был на партийных должностях, но и не порывался выйти из партии. Так что свою веру Витя получил хоть и не с молоком матери, зато с теплотой отца - непорочного коммуниста.

Мне следует только присовокупить уверенность в обыкновенности и типичности своего советского детства, которое никак не предопределяло будущее инакомыслие. Конечно, наша жизнь не могла быть

названной дистиллированно советской, но таких «недорепрессированных», смиренно покорных и трудолюбивых людей было огромное большинство. У их детей тоже было полугоолодное военное настоящее, сказочное, со слов взрослых, счастливое «до войны». Слава богу, меня миновал главный ужас детей военных лет - гибель родителей на фронте.

Впервые я написал о своей семье в книжке «О маме»⁵, затем был диафильм «Аня Алёша и мы»⁶, нынешний текст – расширение моих воспоминаний.

⁵ См. приложение 1

⁶ См. приложение 5.

Раздел 1. Мои предки по маме

Сейчас, приступая к описанию жизни своих предков, я призадумался, с кого начать. Ясно, что у каждого из нас были отец и мать, у большинства есть и жива память о дедах и бабушках. К сожалению, память о прадедах и пррабабушках в нашей памяти дырявая, а про следующее поколение прямых предков и говорить нечего. Кроме изредка сохранившихся имен и прозвищ задержались в родовой памяти лишь легенды и слухи.

Вот, например, только благодаря частому поминанию в церкви усопших моя бабушка Полина Михайловна Шевцова донесла до нас имена не только своих родителей, Михаила Сергеевича и Варвары Васильевны, но своей бабушки Марии и деда Сергея Александровича Шевцовых, а значит, и прадеда - Александра.

Если считать среднее время жизни одного поколения 25 лет, то Александр жил на Северской Украине в начале 19-го столетия, т.е. во времена Пушкина, Гоголя и их литературных героев. Уже для моих детей пррапрапрападед Александр Шевцов считается предком в 7-м поколении и согласно киргизскому народному обычаю (если верить Ч.Айтматову) они могли бы именоваться благородными людьми, конечно, если бы помнили деяния своих предков и хранили честь их имени. Так что не только мы не благородны, но и дети и даже внуки

наши не посмеют причислять себя к благородным людям, если я им не помогу.

И потому начну с материнской линии.

Бабушка Поля рассказывала, что ее семья издавна проживала в деревне Нечаевка Курской губернии и, несмотря на

многодетность, считалась весьма зажиточной. Достаточно сказать, что, выходя замуж, Поля получила от отца по местным понятиям богатое приданое - десятину пахотной земли, что сделало моего деда Митрофана

состоятельным, «справным» хозяином. А ведь кроме Поли у Михаила Сергеевича Шевцова было еще пять дочерей Феня, Татьяна, Галина, Акулина, Марфа и сыновья и, видимо, они получали столь же значимое приданное. У меня создалось впечатление, что уроженцы

русской Нечаевки принадлежали к весьма распространенному в Курской губернии разряду однодворцев, т.е. потомков обедневших, но лично свободных «детей боярских» (в 1985 году

мы записали диафильм "Курско-Белгородская земля"⁷, в котором используются сюжеты романа писателя пушкинского времени Нарежного

⁷ См. приложение 6

о похождениях курского однодворца-князя Чистякова), или может, потомков ратников храброго войска путивльского князя Игоря Святославича (см.фильм «Украина 1, Северская⁸»)... Но самая красивая версия - о возможной причастности предков бабушки Поли к свите путивльской княгини Ярославны и ее сестры Марии Васильковны, киевской княгини и, одновременно, возможного автора великого «Слова о полку Игореве» (догадка Е.А.Белякова). Она даёт объяснение и особой привязни моей мамы к рассказам о древнем Путивле. Возможно, на маму каким-то мистическим образом, помимо ее воли, влияли столетия путивльских родственников.

Никогда я не слышал от бабушки Поли каких-либо упоминаний о крепостном состоянии её предков, в отличие от моих родственников по отцу из центральной Украины, Черкашины. Может, именно ореол стен старого Путивля, еще от Игоря и Ярославны, хранил их свободу и землю. И даже при царе Борисе Путивль помнил о своей свободе - став оплотом первого победоносного войска Григория Самозванца и всех последующих битв Смутного времени.

Однако спустя века, эти земли вошли в Курскую губернию, в XX веке основная их часть, вместе с маминым родным селом Гвintовое и Путивлем - отошла к Украине, была включёна в ее Сумскую область.

Жители села Гвintовое не были русскими потомками укорененных в этой земле путивлян. Их предки - украинские казаки, выселившиеся из черниговского города Нежина и имевшие в своей родовой памяти совсем иной, печальный опыт жизни под польскими панами и разгульными казаками, опыт Смуты революционных войн и последовавший за ней вековой Разрухи, которая кончилась практически добровольным переселением ранее свободных казаков в царские пределы, под самодержавную власть московского царя. Словарь Брокгауза

⁸ См. приложение 7

основание села Гвintовое в пойме реки Сейм в 14 верстах от уездного Путивля жёстко не увязывает с нежинским полковником Матвеем Гвintовкой, но нам хочется это сделать. Можно сказать, что он был первым в роду "самостийцем" и правозащитником! Однажды он попытался отстоять записанные по договору права вместе с наказным гетманом Многогрешным, но заподозренный вместе с гетманом в желании отделиться от России, был сослан в Сибирь и там окончил свою жизнь.

Как известно, последним мятежом украинского гетманства была безнадежная и потому бессмысленная измена царю Ивану Мазепы, потому что уже задолго до этого «бунта» своим свободолюбивым козацким заветам изменили сами переселившиеся в пределы России украинцы. И хотя они оставили себе дедовы прозвища и язык, но по своим привычкам стали в гораздо большей степени подданными царя, чем исконные русские в Путивле, также как выходцы из Запорожья, переселившиеся на Кубань, на Дон и в Сибирь. Сейчас Украина избавляется от имперского морока и в будущем, надеемся, покажет братской России пример возврата к своим историческим корням на «пути из варяг в греки».

Украинские беженцы в Гвintовом не были справными хозяевами в сравнении с путивльскими старожилами. Конечно, часть пришедшей с ними оккультуренной поляками «старшины», вроде гетмана Мазепы, сама старалась как можно быстрее обогатиться, но к бедной и безземельной семье Глобенко это никак не относилось. Судя по краткой справке бабушки Поли, у ее свекра Степана Афанасьевича Глобенко было только небольшое подворье (мы его видели) и немного детей: две дочери Феодора и Василиса и два сына Иван и Митрий (Митрофан).

Дочь Ивана Степановича, Анна Ивановна 1928 г.р., продолжающая жить в Гвинтовом, сохранила семейное фото 1913 года, где слева - её бабушка, а моя прабабушка Ирина Андреевна; справа - родная тётка Анны Ивановны и моя двоюродная бабушка Василиса, в замужестве Зайцева. Между ними стоит мама Анны Ивановны Евдокия Сидоровна с двумя детьми Колей и Игнатом. С портретов в большой комнате Анны

её бравый отец - унтер-офицер в том же 1913 году.

На коленях у Василисы сидит мой двоюродный дядя - будущий пермский адвокат Семён Иванович Зайцев

С.И. перед войной учился в Харьковском юридическом институте и остался верен дружбе с моими родителями до

глубокой старости. Он приезжал много раз Москву и даже бывал на даче в Усадково.

На семейном фото рядом с ним старшая дочка Таня, Люба на руках у бабушки и Надя на руках жены Даши Дядя Сеня рано потерял родителей и фактически вырос в детской

колонии Антона Семеновича Макаренко, которым искренне восхищался, как отцом родным. Многие годы детства дядя Сеня считался не только моим харьковским, но и уральским(пермским) родственником, у которого трагически погибла (по медицинской халатности) жена, мать его троих осиротевших дочерей.

Второй раз мы приехали в Гвинтовое уже через тридцать с лишним лет по совету молодого священника и богослова -отца Владимира Голубцова, внука племянника Анны Ивановны по мужиной линии, и его матушки Настасьи, уже родившей четверых деток (на правом фото Анна Ивановна с отцом Владимиром, на левом- она же с двумя своими правнуками и Настасьей).

Мы были счастливы лично познакомиться с дочерью последнего из рода "Степенкив" - Ивана Степановича Глобенко, прямого потомка нежинских козаков.

Анна Ивановна по мужу Голубцова , а двоюродный брат её мужа, Михаил Васильевич Голубцов, женился на Витиной тёте Насте. Был он, по словам Анны Ивановны, уважаемым человеком- трактористом, а дома -тихим, жену слушался. В их браке родилась Витина двоюродная сестра Лида, выросшая без отца, т.к. он погиб на войне.

Оба брата Иван и Митрофан с Первой мировой вернулись живыми и здоровым. В годы НЭПа Иван, будучи более разбитным, чем брат, входил в сельский актив и стал одним из первых председателей сельхозкооператива. Труднее, но, в общем, благополучно прошлась первая война по Митрию. На фронт он попал уже в разгар окопной войны, судьба и его хранила и от пуль-газа, и от плена, и даже от сильного влияния на фронте большевистской агитации. Незадолго до смерти он рассказал мне, что на фронте все же поддался агитации и записался в партию большевиков, но когда наступила стихийная демобилизация, то, едучи в домой, он выбросил в окошко теплушки свой членский билет. Вот так просто отказался от дореволюционного стажа и практически всю жизнь молчал о своем «грехе», «исповедавшись» лишь своему старшему внуку после его исключения из комсомола. Впрочем, может, это и не было исповедальным признанием... Разговоры у меня с ним случались редко и шли они не в связном рассказе, а в виде оценочных примечаний. Например: «Когда в детстве я бегал к морю, в Одессу, то жил вместе с хлопцами в порту и ничего, выжил». Или так: «Когда в гражданку в село заходили красные или деникинцы, я в лес убегал... Совсем недалеко... Сколько раз

мобилизовали, столько раз и убегал».

Видно в эти годы он приобрел и свою хмурую индивидуальность, и стремление отстоять свой путь даже наперекор старшему и общительному брату Ивану. До Первой войны им пришлось жить рядом: разными домами, но на одном отцовском подворье, что было несладко. Об этом я знаю по редкому отзыву моей младшей тети Сони. Попав в годы Второй войны в родную деревню, она привезла оттуда старую сельскую сплетню про «братьев Степанків», которые вечно ссорились или даже дрались из-за бабских склок и худых горшков. Мне в это верится с трудом, и зная сердобольность и незлобивость своей бабушки, я мог подозревать в сварливости лишь Евдокию Сидоровну, которую совсем не знал, но неизбежность женских склок в условиях столь скученного подворья вполне понимал и даже сочувствовал.

Выбирались из таких почти коммунальных условий Митрофан и Поля очень медленно, с трудом накапливая деньги и материалы для своего дома. Вдобавок у них беспрерывно рождались дочери: Настя (1913г.), Таня (1915г.),

потом Варвара и Акулина. Две последние не выжили. В 1924 году появилась последняя дочка Соня, а в 1926 году родился, наконец-то, долгожданный сын, названный в честь деда - Степаном.

Скорее всего, после рождения сына семья стала строить свой дом. Поскольку он был исполнением мечты, то оказался достаточно большим, и после «раскулачивания» деда дом раскатали по брёвнам и перевезли в соседнее село Коновалово, где собрали школу.

К сожалению, ни мама, ни бабушка ничего не рассказывали мне о стройке своего дома, как будто ее и не было. Помня, как грубо дед достраивал и дополнял купленные в подмосковном Мазилово полдома, мне трудно представить, что как-то по-другому он строил в молодости дом в Гвинтовом. Скосившиеся и рассохшиеся стены мазиловской бревенчатой избы дед не перекладывал, а скреплял железными болтами и поперечными деревянными стойками (лесинками) и болтами,

вместо деренвенского забораставил привычные для подмосковных огородов обрезки труб как столбы, опутанные ржавой железной обрезью взамен штакетника (кстати, возможно от деда Митрофана я унаследовал такой же примитивный, скорее, даже ленивый характер ведения домашнего хозяйства, что никак не могло радовать ни его, ни моих женщин).

А в целом, моя детская жизнь была несравненно легче и благополучней маминой. Но зато у меня не было, как у Тани, ни родного конька «Гнедка», ни разумной дворовой собаки по кличке Соболь, которая любила прятать куриные яйца между своими могучими лапами, чтобы искося ими любоваться. Маленькая Таня дружила с могучим Соболем, который, может, и не крал яйца, а просто подбирал их за неаккуратными курами (я сам в Мазилове подбирал и тем спасал яйца от гибели), но взрослые хозяева Соболя этого не понимали и потому на бедного пса несправедливо «серчали». Митрофан даже бил его, а Татьянка сильно жалела.

Не сомневаюсь, что новый дом со временем был бы украшен женскими руками и полюбился бы женщинами до славных воспоминаний у внуков, если бы на то было время, но времени не оказалось из-за коллективизации и раскулачивания.

И потому из редких воспоминаний мамы о родительском доме в моей памяти встает не он, а бедная холодная старая хата, откуда даже выходить на двор приходилось зимой по снегу, босиком, если не удавалось подхватить обувку более старшей Насти. Мама говорила, что именно в детстве застудилась, заболела

Мама и отец на Сейме, 1940г

нефритом, и всю жизнь над ней висела нежелательность беременности. Из-за нефрита и сопутствующих ему болезней она и умерла так рано, в 60 лет, далеко до конца своего жизненного срока.

И всё-таки мама передала мне свое детство природной девчоночьей радостью от общения с конем Гнедко, когда тот позволял босоногой наезднице забраться на его спину и мчал ее, держащуюся за его гриву, по широкому лугу к царственному и раздольному Сейму, где аккуратно скидывал прямо к его страшным омутам с легендарными сомами, умудрявшихся, по рассказам, затягивать в воду даже молодых лошадей. Правда, про реальную гибель купающихся девчонок мама не слышала, но вот опасность быть «испорченной» в соседнем лесу чужими хлопцами вполне сознавала и очень этого боялась.

Ещё одно светлое воспоминание: вместе с другими детьми сборы в бутылку вредителя долгоносика на плантации буряка в бывшей панской экономии. Может, от родительских похвал за впервые принесенный домой заработок, а может, от детской соревновательности, но чистая радость от работы у нее в детстве была и как-то меня обогрела. Наверняка, такое старание было родителями отмечено и покупкой для Тани ее собственной обувки, тем более что уже ей надо было ходить в начальную школу, где она очень старалась. Хотя, куда денешься, чем больше было земли, тем больше обмолота на взрослых и детей, и потому в школу ходить пришлось мало.

И когда пришли злые годы ее вынужденного бегства из родного села в Харьков, тогда выявился природный талант Тани к учебе: имея за плечами неоконченную начальную школу, она сдала экзамены за среднюю школу и смогла поступить в лечебный (фельдшерский) техникум.

Дополнение 2011 года про Гвинтовое

Только к концу жизни до меня дошла мысль посмотреть в Словаре Брокгауза и Ефрана сведения о родном селе моего деда Митрофана «Гвинтовое» на Сумщине, откуда я легко узнал, что в окрестностях старинного Путивля это село было основано довольно поздно, уже в 1688 году , как раз в пору окончательного «Андрусовского перемирия» и размежевания древней Руси между Польшей и Московией , что было связано с переселением. Нежинского полка под водительством полковника Гвинтовки под русский Путивль. Наверное, в связи с прозвищем этого полковника село казачьих переселенцев и получило свое название Гвинтовое.

В моей памяти с детства праздничная спевка нашей семьи, включая любимую украинскую «Роспрягайте, хлопци, коней, тай лягайте спочивать»И в этих словах песни мне чудятся те первые украинские переселенцы из города Нежина, в числе которых был , наверное, предок моего прадеда Афанасия Глобенко, который как раз, может и выходил в местный садочек в надежде встретиться с подпугивльской дивчиной «рановранци» и тем начать вместе с ней наш глобенковский род, именно наш, нежинско-путивльский, сумской народ.

Другая любимая песня моих предков уже носит на себе уже несомненно русское происхождения. О чем мечтает «тонкая рябина»?- Оказывается, она мечтает «к дубу перебраться», чтобы качаться, сплетаясь с ним ветвями. Мне было бы совсем нетрудно в семейной приязни к этой трогательной песне увидеть сейчас вечную тягу украинцев к совместной жизни с «русским дубом-великаном»... Но на деле никогда такой мечты-приязни в семье моих предков не было. Ну, не мечтали они прижаться к русскому дубу своими тонкими ветвями и с ним вечно качаться, хотя я даже не исключаю, что сама эта «народная песня» именно в таком смысле и была первоначально

создана... Сам я могу только помнить, что в моем детстве ее пели, но никогда об этом ее главном смысле ничего не говорили, а значит, об этом и не мечтали. Иные были изначально «мысли и желания» моих предков. Думая о последних мечтаниях своих гвинтовских предков, я склонен больше присоединяться к тем, кто погибая в морозной ссыльной Сибири жалел, что в момент Руины и гибели Украины ушел его предок к русскому Путивлю вместо того, чтобы уйти к туркам, «за Дунай» и стать рядом с героями оперы Гулак-Артемовского «Запорожцы за Дунаем» Козаком и Одаркой, тем самым исправив вину князя Игоря за его наезд на Степь

Раздел 2. 1931г. - «год перелома»

В стране была взята линия на усиленный рост промышленности, за счёт крестьянства, понятно. Прошла выюжная зима 1930-31 года с собраниями-сходами, «приглашающими» всех односельчан к «добровольному, но поголовному» вступлению в новые производственные кооперативы- колхозы. Эта кампания была очень упорной и всеобъемлющей. Уже в мои юношеские годы рассказала мама тогдашний деревенский анекдот. Председатель долго длящегося собрания, на которое загнаны все жители села, объявляет: «Граждане! Товарищи из района, из города, другие уже выступили. Предлагаю перейти к дебатам, а за этим к общему решению». На трибуну высакивает молодайка: «Поддерживаю предложение перейти немедленно к «ебатам» и сразу уходить по домам. Начинайте с меня. Кто первый?»

Реальность была иной. После первых же провальных собраний мужики, типа упрямо отказывающегося от вступления до решения авторитетного Митрофана, получали почти открытые угрозы: «Смотри!» Обещанная «расплата» пришла уже ранней весной 1931 года - из Гвинтовского сельсовета поступило указание

наложении на Глобенко М.С. штрафа «За невыполнение плана сева сахарной свеклы». Почему самостоятельный крестьянин обязан был выполнять распоряжения сельсовета по каким-то райкомовским планам на своей земле, сейчас непонятно, но оказывается, что такие «порядки над крестьянами» власть уже установила, не дожидаясь их вступления в колхоз. Причем никакие объяснения, что «сеять свеклу по мокрой холодной земле нельзя», во внимание не принимались и расценивались лишь как злостное невыполнение распоряжений советской власти. Наложенный немыслимый штраф предписывалось заплатить на следующий день. Естественно, он заплачен не был. Это немедленно повлекло за собой решение о конфискации дома в счет наложенного штрафа при безотлагательном выселении, что и было исполнено в тот же день с перенесением детских постелей в холодную «клунью»-сарай. Да, умела действовать советская власть «решительно и строго». И даже сверх того. Поздно ночью клуня была подожжена и сгорела. Детей, слава Богу, родители успели спасти. Никто клуню не тушил, но деда тут же арестовали... за порчу конфискованного имущества, как злоумышленного поджигателя и вредителя, мстящего советской власти.

Годы спустя, когда дед уже пристроился с семьей в Москве, ему было передано через знакомого односельчанина покаяние какого-то местного комсомольца-поджигателя и его предложение «отомстить» - поджечь несправедливо отобранный дом. Дед на такое «предложение» ответил руганью и обещанием убить поджигателя лично, если он его встретит. Дедово возмущение я очень хорошо понимаю. Мерзкий «комсомольский» тип был не только соучастником отнятия у деда его дома, но и личным исполнителем поджога последнего его прибежища в родном селе. И именно он предлагал Митрофану «отомстить» следующим поджогом дедова дома, ставшего школой.

Я плохо помню, но, кажется, что судьба того комсомольца-поджигателя была печальной, потому что с приходом немцев он оказался в числе полицаев с последующей

смертью. В моей памяти он остался образцом предательства односельчан: в одном лице и пособник раскулачиванию, и фашистский пособник. Но моя память хранит и свет от другого, совестливого односельчанина, поставленного властью сторожить сельскую «кутузку», куда под замок посадили моего деда, и открывшему ему дверь со словами: «Беги, Степаныч, пока тебя не хватились».

Дед и бежал из деревни от пришедшей туда, казалось, лишь временно, советской власти, а получилось, что на всю вторую половину своей жизни. Вначале он убежал лишь на двести километров южнее, до стройки тракторного завода в столичном Харькове, где

спрятаться было нетрудно среди масс приезжего и практически непроверяемого «пролетариата» из бывших крестьян. Его реального раскулачивания, конфискации дома и имущества, как будто и не было. Но только «как будто», потому что почти всю оставшуюся жизнь Митрофан боялся ареста, как «вредитель». Страхом ареста были зачумлены все, кто выжил. Дети в меньшей степени, потому что они были молоды, а взрослым надо было жить, потому что они были обязаны поднять детей. Старших дочерей Настю и Таню Митрофан практически сразу устроил на работу в Харькове, жену и младшеньких Соню и Степу увез позже, в 33 или 34 году, в Москву, где он уже работал на трубном заводе. До этого они почти два года жили в деревенской землянке, оборудованной Иваном Степановичем. Отъезд из деревни нельзя было затягивать, т.к. сломанная у Степана нога срослась неправильно. Требовалась квалифицированная хирургическая помощь, на что Митрофан использовал невесту откуда взявшегося кабанчика, и ногу вернули в исходное состояние.

Во время войны в Москву перебралась Татьяна, а уже в хрущёвское время переехала из Гвинового в Москву и старшая Настя с дочкой Лидой

Так к концу жизни Митрофан помог стать на ноги всем своим детям, выполнив свой долг перед Богом.

Раздел 3. Таня в Харькове - начало семьи

Оказавшейся в столичном Харькове в 16 лет Тане пришлось поначалу тяжело трудиться прачкой в больнице.

Как в таких условиях она смогла подготовиться и сдать экзамены, а потом учиться и закончить фельдшерский техникум - уму непостижимо. У меня остались ее выпускное фото 1935 года.

Я с интересом вглядываюсь в лица преподавателей - советских интеллигентов 30-х годов... Откуда у них такой запас энергии и доброты для обучения деревенской плохо подготовленной молодежи? Но прошло еще немного времени и

такие же интеллигенты учили следующее поколение, т.е. нас.
Откуда же они взялись?

Немного осталось в моей памяти от маминых рассказов. Вот примеры «смешных» ответов сокурсниц: «Тундра - это такой зверь», «Сталин - таким раньше был царь». Раз ей было смешно, это значит, что сама мама такие «ошибки не допускала». Мне ещё хорошо запомнилась ее благодарные слова: «Сейчас много говорят плохого про евреев. Я на это отвечаю лишь одним: «Мне самой евреи делали только добро». Сама не зная того, она оберегла меня от антисемитизма. В результате я имел и имею добрых, сердечных друзей из русских евреев – Юлию Самуиловну Кальманович, Любовь Иосифовну Зайцеву (обе врачи), Ирину Семёновну Котову (инженер и правозащитник) и многих других, а также с радостью ношу звание «дедушки евреев».

Мне всегда было интересно рассматривать маминые фото (и при том мысленно благодарить ее бескорыстного вздохателя из числа пациентов этой водной больнички, оставившего фото миловидной сестрички Тани).

В этой же подборке фото двух подружек, одна из которых подарила в 1934г. его Тане, приписав предупреждение: «Коли загубишь, то забудешь». Мама его сохранила, и теперь для меня эти почти «простушки» трогательно напоминают бронзовые статуи молодых спортсменок и колхозниц в вестибюле московского метро, причем я ни на секунду не забываю, что рядом с ними стоят бронзовые же статуи пограничника с трехлинейкой и чекиста с наганом.

В те короткие годы путем стихийного самообразования Таня завершала свое превращение в тогдашнюю горожанку. Как именно у нее это проходило, я не знаю. О прочитанных в юности книгах она со мной не делились, не было такой привычки у них с отцом. Я же могу судить только по книгам, которые

от нее ко мне попали уже много позже.

Конечно, у неё были подруги, о которых я ничего не знаю. У нас сохранилось фото 1935 года мамы с неназванной подругой и еще более позднее фото харьковской подруги Тани Боцман, с которой мама поддерживала переписку почти до своего конца.

Но подруги подругами, а пришла пора и неизбежное свершилось:

Таня влюбилась и вышла замуж (в 1936г.) на всю жизнь.
На наше счастье!.

Мне повезло, потому что в свой последний приезд в Харьков на ветеранскую встречу 9 мая 1978 года отец прошелся с нами по местам своей первой встречи с Таней и их последующего местожительства (диафильм "Харьков"⁹)

Вот их первое, семейное, после «свадьбы» в общежитии фото:

У меня же с ним связан поразивший меня в молодости мамин доверительный рассказ о том, почему она оставила себе

⁹ Приложение 10

девичью фамилию: «Когда мы сходились, то решали вначале только попробовать семейную жизнь, хотя бы на год». И ее, еще более радикальное условие: «Володя, имей в виду, если хоть раз на меня руку подымешь, у меня топор всегда под подушкой наготове будет!» У этого рассказа не было продолжения, потому что они любили друг друга, и помыслить было невозможно про «поднятие отцовской руки на маму». Но у нее самой такое опасение было реальным. Я думаю, оно связано с тягостными впечатлениями времен гражданской войны и общего беспредела, которому надо было сопротивляться. Повторяю, никаких реальных причин к такому отпору у Тани, слава Богу, не было, но готовность к нему была, и счастью им не помешала. Моя детская жизнь тому доказательство. У меня возникали подозрения в отношении деда Митрофана, основанные на догадках тети Сони о том, что он мог поколачивать жену Полю «для порядка». Но позже я отказался от этих возможных, но несправедливых домыслов. Конечно, Митрофан и Поля были совсем другими людьми, но он по-своему тоже любил и уважал жену и не мог поднимать на неё руку.

Ко времени своей встречи с Таней Володя кончил киевский техникум водного транспорта, после которого его забрали в армию, а затем оставили на сверхсрочной службе по обслуживанию самолётов. Крестьянское трудолюбие, с каким он сначала шил брюки для односельчан, потом руководил пионерами и комсомольцами, теперь обратилось на самолёты. Ни у кого из техников не было столько запасных частей в загашнике, столько инструмента, так тщательно не готовились к вылету самолёты, как у Сокирко. За это он получил приязнь и героя челюскинской эпопеи Каманина, и комиссара полка, неоднократно спасавшего его от наветов и сделавшего важнейшее для молодой семьи дело - нашел врача-специалиста, снявшего запрет с ее родов (она в детстве простудила почки, и на пенсии умерла от нефрита и гипертонии), при условии, что Володя будет выполнять все его рекомендации по уходу за женой.

Их первая и единственная дочка Валечка родилась в 1937 году, но прожила недолго, всего четыре месяца и умерла от воспаления легких и отсутствия пенициллина .

Первые Витины снимки, 1939г.

Хотя за малостью лет я ничего не помню от прогулок по своему родному Харькову, но впечатления от них не могли не лечь в подсознание. На Сумской улице, вблизи памятника А.С.Макаренко, когда-то стоял мой родной дом, а в недалекий парк возили меня на прогулку и там же гуляли мы с воспитанником Макаренко - двоюродным братом Тани Сеней.

Учась в начальных классах, я прочитал и полюбил знаменитые книги А.С.Макаренко - «Педагогическая поэма» и «Флаги на башне», в совокупности представляющие летописи двух его главных педагогических творений - коллективов. В моей памяти они слились с романтично-революционными книгами Аркадия Гайдара про битвы мальчиков с разными «буржуинами» и все последующие его, более приемлемые для меня сегодняшнего, повести типа «Чук и Гек», «Тимур и его команда» еще более взрослым и трагичным Н Островским «Как закалялась сталь». В этой романтике как-то терялась страшная правда ужасов гражданской войны и начинающегося чекистского террора. И только много позже, в средних классах, я стал сознавать, насколько макаренковская «поэма» находится не только под прямым влиянием Максима Горького, но и чекистов-ГБ. Так уж случилось, что мое осознание не привело к разочарованию в текстах и отторжению опыта Макаренко. По завету дяди Сени я верен его духовному отцу до сих пор, хотя многое знаю про сегодняшних наследников: МВД-воспитателей

в нынешних «красных зонах», про «костоломов» и пр. Для себя я это объясняю непониманием «всей отцовской правды».

В парке гулял с нами и отцовский двоюродный брат Виктор Сокирко, погибший потом на Волховском фронте.

Виктор Данилович Сокирко и его Зина. Мама говорила, что мне дали имя в честь него.

Моя маленькая кузина
Лида с на руках деревенских
соседских "нянек".

В 90-е годы моей очень небольшой известности как правозащитника, я получил письмо от вдовы Виктора Зины из Нерехты - ей хотелось увидеть меня. Ее письмо было очень трогательным и разумным, хотя было понятно, что её ждёт огорчение от несходства оставшегося в ее памяти любимого с чужим и уже пожилым человеком только с тем же именем и фамилией. И наверное, такое разочарование Зина от нашей встречи испытала, но она была умницей и смогла скрыть его, оставив нам на память замечательное свидетельство, что существовал другой трогательно любимый женщиной Виктор Сокирко и останется таким навсегда

По отцовским последним фотографиям от поездки к тёте Насте в материнское Гвинтовое в 1940г. я осознаю, чтоу меня всё же было небольшое время привыкания к украинскому деревенскому быту, и значит, была возможность стать украинцем.

В Харькове, 1940г

Для отца война началась в Финляндии еще в 1938году, продолжилась на Украине летом 1941 года. После разгрома их аэродромов полк перебазировался в Крым, откуда прошла его драматическая переправа на Кубань через косу Чушка. Ещё отец рассказал мне про обстрел их аэродрома в Джанкое, когда только противогаз спас его от мессершмиттовской пули ... Потом было еще одно перебазирование в Центр через Баку и Каспий.

Раздел 4. Начало войны для нас с мамой и эвакуация в Сибирь

Мои первые собственные воспоминания относятся к Сибири, к концу третьего года жизни, когда материнский госпиталь

бы

л эвакуирован из Харькова в Минусинск. ...И кажется, это мой отчаянный рев звучал (и остался в моей памяти) на вокзале в Новосибирске, когда мама куда-то отлучилась в поисках утраченных вещей, а меня оставила под присмотром вокзальной служительницы. Потом всплывает картина переезда грузовиком по pontонному мосту, наверное, через величавый Енисей в районе Абакана. Жили мы какой-то многодетной семье в Минусинске. Мама приносила домой только полбуханки

теплого хлеба и миску твердого, замороженного молока, которое надо было колоть и растапливать кусками. Еще помнится замечательный пир, который устроила детвора в отсутствие работающих матерей, когда в бочку с мороженой капустой был всыпан обнаруженный месячный паек сахарного песка, и этой вкуснятиной мы лакомились от пуз. Пир закончился многоголосым ревом, когда вернулись скорые на расправу мамы. Но больше всего памятны те блестящие черные сапоги, которые получались на ногах из черной грязи в какой-то минусинской протоке. Правда, на солнце это великолепие быстро обсыпало и трескалось, но «сапоги» были легко восстановимы, стоило только вновь залезть в ту грязь. Наверное, в этой чувственной мозаике и состоит чувство родины. Думаю, что прежде чем поездка из Москвы в оккупированную Германию сделала меня немного немцем, еще более ранняя эвакуация маминого госпиталя с Украины в Минусинск сделала меня немного сибиряком

Уже после окончания вуза в 1963 году Лилины друзья позвали меня в поход по Саянам от железной дороги Абакан-Тайшет через Минусинск, и я обрадовался, что смогу попутно заехать в страну своего сибирского детства. Мать снабдила меня минусинским адресом и двумя килограммами апельсинов в подарок сибирским подругам.

Но поезда по новой дороге ходили только раз в сутки, терять сутки в Минусинске мои попутчики не могли, и потому мое возвращение в прошлое не получилось. Апельсины мы съели в поезде сами, а минусинское былое осталось лишь в памяти и вот на этой фотографии

Что же касается Саян, то дневник я тогда не писал и фото не делал, но зато Толя Жилин и Боря Быков сделали классные фото нашего похода, а Толя сохранил свои стихи. Я их соединил в «Саяны в стихах и фото»и перепечатал дневник «Саяны. 1963г».

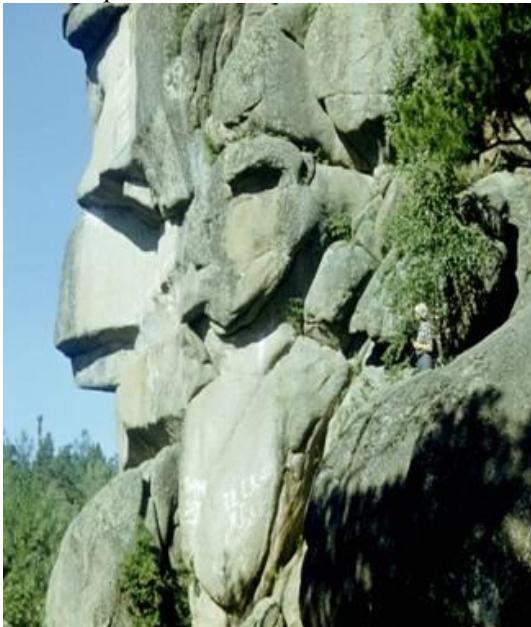
В те же военные годы состоялась и наша обратная поездка на Запад, только не в оккупированный немцами Харьков, а в Москву. Уже взрослым я понял, как не просто деду было устроить официальный вызов из минусинского госпиталя моей мамы, военнообязанного фельдшера на дедово предприятие МТЗ «Красная Труба» (в годы войны завод производил снаряды и мины) в качестве сменной медсестры заводского здравпункта. Но вызов был все же получен и, видимо, ранней весной 1943 год мы с мамой уехали из Сибири с ее просто-каменными шаманскими столбами Бабой и Дедом к настоящим, живым бабушке Поле и деду Митрофану в Москву. Именно от них я получил уже не просто понятие «бесконечная природа», а первое ощущение иконы и церкви как дома, где живет таинственный Бог. Именно через их вечерние молитвы, рассказы про разбойников «с топорами в подполе», про героев вроде гоголевских, булгаковских с их дьявольскими и иными ухищрениями запоминались и входили в мою суть, наряду с простыми словами и делами главных людей моего детства – дедушки и бабушки. Но это было уже в Москве.

Так что настоящего знакомства с каменной, шаманской Сибирью в Красноярске в детстве у меня не было. Сейчас же в поисках начала своей азиатской, сибирской веры я вспоминаю впечатление от посещения галереи первобытных рисунков близ деревни Шишкино в скалах над рекой Леной, где наши давние предки своими рисунками оставляли - дарили нам, продлевая в бессмертие, не только животных, но и самих людей.

Другое великое впечатление произошло при встрече в верховьях Печоры с каменными выходами Маньпупунёр, обработанными ветрами и дождями до нынешнего зримого вида. Над духовным, сказочным обликом «Пупов» трудилось воображение местных людей, которых русские называли

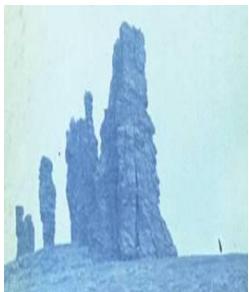
воинственными вогулами, предками европейских венгров. Наиболее полно их описал пермский романист Алексей Иванов. Его картины борьбы вогулов-венгров с пришедшей Москвией стали и моими картиной.

Теперь я верю, что в Сибири живут кроме обычных людей, еще и предки художников-охотников с «Шишкинских писаниц», и сами природные «Красноярские Столбы», и уральские Мамыпупынёры, которые дарят нам понятие «бессмертия».

Красноярские столбы

Мамыпупынёры мы увидели вместе Игоре Крюковым - архитектором в байдарочном походе по Печоре.

«Шишкинские писаницы» нам показал ангарчанин Витя Михайлов на пути к дому его матери Анны Михайловны в Качуге

Вернувшись в Москву и уверенные в благополучии своих сибирских доброжелателей, ставших по духу почти родными, мы оказались поглощенными собственной тюремной драмой 1980 года и практически ничего не знали о трагедии, поразившей семью Михайловых. И вдруг взамен традиционной новогодней открытки мы получили от Лиды Михайловой известие о недавней скоропостижной смерти Виктора и вскоре ушедшей за ним его мамы Анны Михайловны. Он умер от рака, и мы догадываемся, что эта гибель неразрывно связано с его работой на Ангарском комбинате и особенно с его многомесячной командировочной работой в Монголии на каких-то секретных, может, атомных, радиационных шахтах... Именно их, достойных русских сибиряков «достает» атомная смерть, как общая азиатская зараза, как какая-то несправедливая месть сибирской земли за насилия над нею государственных гигантов. А мне вспоминается неожиданный прощальный Витин тост на нашем ресторанном столике в его гостинице «Балчуг», где мы праздновали успех его предзащиты. Он сказал так: «Давайте выпьем за нашу свободу на нашей нормальной советской Земле!» Нам было удивительно услышать такой тост. Но после его рассказа о пребывании в глубинах Монголии, мы уже могли понимать и принимать его пафосные и искренние слова... А сейчас – только поминать.

Раздел 5. Военное детство в Филях (1943-1945 гг.)

Как ни странно, я никак не могу вспомнить, чтобы хоть когда-то верил в Бога, хотя в военные годы жил при истово верующих

бабушке и деде в коммунальной заводской комнатушке. Полулегальный исход из украинского села был для них непоправимым сломом всей жизни.

Две взрослые дочери, сменив отчество на "Дмитриевна" стали полностью советскими гражданками, младшие Степа и Соня стали уже в московской жизни чужими им пионерами, а потом комсомольцами-студентами, стыдящимися отсталых, верных самим себе родителей, Дед и бабушка каждый вечер молились и изредка (по праздникам) ездили в церковь «в Хамовниках» у метро «Парк Культуры».

Единственным для меня важным религиозным событием было крещение, проведенное по дедову настоянию. Он никогда не поучал и не воспитывал своих детей и соответственно жившего с ним довольно продолжительно внука. Но однажды... внук его «допек».

После приезда в Москву из эвакуации, мы жили в девятиметровке вшестером в предельной тесноте. Причем обычно, после дневной инструментальной смены, скучного ужина и противоэзземных процедур дед чаще всего

укладывался дремать на своей угловой(перед выходом) кровати и тем самым освобождал остальное пространство комнаты для существования прочих, прежде всего, для бабушки со мной. Как правило, тетя и дядя оставались ночевать до субботы в студенческих

общежитиях, мама-медсестра была на суточных дежурствах через два дня на третий в заводском здравпункте, а бабушка, цеховая уборщица с «полусвободным» графиком имела возможность вовремя привезти меня из заводского садика и накормить ужином.

Территория моего существования сужалась до размера небольшого кухонного (обеденного) стола перед единственным прохладным зимой окном (оно играло роль продуктового холодильника). Сразу от обеденного стола вдоль стен нашей девятиметровой комнаты были установлены большие деревенские сундуки с одеждой, тканью и вязаньем, чем распоряжалась, в основном, бабушка длинными осенними или зимними вечерами. В правом углу на стене были расположены иконы Богоматери и Христа с зажженной лампадкой, перед которыми дед и бабушка ежевечерне вставали в долгих молитвах и поклонах. Обычно я под шопот и "осенения" мирно засыпал. Правее от икон располагались общие фотографии. На них не было каких- либо семейных предков в своем бегстве из деревни дед не решился брать с собою такую "улику". Зато висели над спальным сундуком дедовы

групповые фотографии- в память о его пребывании на отдыхе в Сочинском санатории и о каком-то заводском награждении, которым дед мог официально гордиться.

Вместе с этими фото мне с детства помнится висящая над сундуком и написанная маслом на картоне картина: лунная ночь, пара ослепительно белых лебедей на пруду перед украинской хатой. Чтобы закончить описание нашей комнаты, помяну неожиданные гвозди над дедовой кроватью, на которых висели летние пальто и фуражки сталинского покроя и вида. Наверное, это был дедов оберег от вечно ожидаемого ареста и возможной гибели семьи.

В какой-то из таких вечеров, видимо, в ответ на бабушкину просьбу быть потише, потому что дед отдыхает, я вдруг громко заявил: «Дедка проклятый!» Это заставило его сильно попереживать и решиться на категорическое требование: «Витю надо крестить, это в нем дьявол играет». Наверное, при этом он вспомнил более ранний случай, когда за ужином я стукнул бабушку ложкой по лбу за то, что она зачерпнула своей ложкой суп с моей стороны от намеченной ею границы в общей тарелке. Бабушка, конечно, только удивилась, но домашние долго потешались, так что мне этот стыд за «бабушку ложкой» надолго запомнился.

А за решение «изгнать дьявола крещением» я своему деду до сих пор искренне благодарен. Это дало мне право всю жизнь честно отвечать: «В детстве был крещен в православии». А тот солнечный летний воскресный день, проведённый вместе с мамой и бабушкой в Хамовническом храме, я, четырехлетний, хорошо запомнил. Детей было немного, в медной блестящей купели под струйкой теплой водички мы легко умещались, так что крещение для меня и всей семьи было радостным событием. Всем нам было хорошо. Отец-коммунист был на фронте и никакой справки-согласия от него не требовалось, он с фронта как бы молча нас одобрял. Дед вместе с бабушкой и мной были рады миру в семье. Кстати, должен отметить что после крещения я больше не огорчал своих православных предков. Видно, дьявол как-то «притих в своих играх во мне».

Честно говоря, дед не терял своей вечной хмурости в отношениях с младшими детьми и старшим внуком, хотя и пытался сблизиться. Помню после нашего приезда из Сибири,

он в своей цеховой инструменталке сделал мне настоящую блестящую детскую лопатку, но существовала она у меня очень недолго, потому что я ее сразу уронил в огромное общее отхожее место и достать ее было невозможно. Наверное, дед даже не понял, насколько мне была огорчительна утрата его подарка. Такое же или может чуть большее горе испытал я через год, когда приехавший с фронта отец подарил мне настоящую ракетницу, но я ее бездарно утратил. Стоило показать отцовский подарок в детском саду, как почти сразу меня зазвали старшие ребята в туалет и почти насильно обменяли отцовский подарок на какую-то ерунду типа ненужных мне патронов, но при формальном соблюдении всех правил мены. И я утвердился на долгие годы, что дорогие подарки приносят мне несчастья. Лучше без них.

Но этот страх уже давно прошел, а сейчас меня мучит совесть от своей чрезмерной зацикленности на воспоминаниях о дедовой хмурости. Конечно, и в военном детстве было немало поводов для поощрительных и добрых улыбок, хотя бы в летние месяцы почти поголовного переселения нашего стандартного дома в собственные сараи перед домом, где хранились дрова и общие спальные топчаны, где иногда наигрывали тихонько Степан и Соня на своих дешевеньких балалайке и гитаре, а перед сарайными дверями беспрерывно на зиму заготавливались дрова. Иной раз и у меня кулачки от усталости отваливались, но поощрительные улыбки деда и бабушки просто вливали в меня трудовые силы и будущее здоровье... Еще большую радость вселяли во всех нас те немногие огородные грядки, устроенные между железной дорогой и забором нашего завода для всех заводчан. Ведь они давали не только радость от баб-дедовых похвал, но и от свежевырытой молодой картошки и еще чего-то вкусного. Так, в суровые военные годы мое детство наливалось здоровьем и счастьем от земли и православия деда и бабушки при родительском на то согласии.

Это время я считаю своим первым контактом с московскими церквями. Настоящее знакомство состоялось после возвращения из Коломны и встречи с дядей нашей

подруги Тани Прониной Михаилом Леонидовичем Богоявленским., сыном репрессированного священнослужителя из г.Черни Тульской области. Выйдя на пенсию от трудов в лесном хозяйстве, он стал самодеятельным московедом, посвятив несколько лет жизни истории московских храмов, большей частью разрушенных при советской власти. На этом обоюдном интересе мы познакомились и подружились. Вот мои архивные воспоминания о столкновении М.Л. «архаровцами» (его термин) из КГБ

Его самиздатские альбомы стали нашими путеводителями по Москве и московской области. Для меня М.Л. стал как бы прямым продолжением моего православного деда, продолжением его крещения и введения в христианство.

Следующим в цепочке уважаемых верующих – наставников был отец Сергей Желудков, соединивший для меня мою личную «термодинамическую веру» и веру моего деда Митрофана.

Хотя мне сегодня нетрудно понять причины хмурости деда - советская власть сделала его вечно виноватым. Убежавшие из села старшие дочери Настя и Таня по его совету назывались «Дмитриевнами», чтобы не оказаться под клеймом «дочь недораскулаченного». И эта нестыковка осталась с ним навсегда. В годы войны она нечаянно продлилась и на меня. По документам я носил отцовскую фамилию, но в заводском садике воспитательницы меня знали по известной им дедовой фамилии Глобенко, а главное, считали его моим отцом. И когда иной раз забирать меня приходила не бабушка, а дед, и меня выкликали: «Витя, иди скорей, за тобой отец пришел», а на самом деле вместо чудесного отца появлялся все тот же хмурый дед, у меня всё обрывалось. Теперь я понимаю, как обижала деда моя вечно удрученная мордашка, но что я смог с нею сделать?

Настоящего сближения у меня с православными дедом и бабушкой так и не случилось и чуда приобщения к их вере тоже.

Но

однажды с нами случилось так нужное в детстве чудо. Иначе, как еще можно назвать вылов бабушкой из речки Фильки напротив Покровской церкви громадной щуки - невероятной, сказочной?! Я

не понимал, как бабушка смогла пойти на рыбалку при своей вечной загруженности, как смогла ее поймать и затащить в свой мешок. Но она это сделала, может, и не без помощи божественного покровительства! До сих пор помню эту громадину, свернутую кольцом в самом большом бельевом тазу, поставленном на табуретке в нашей комнате, тяжело дышащую своими жабрами. Бабушка рассказывала, как ей помог выволочь рыбину из водной ямы какого-то мужик и при этом он уговаривал обменять ведро с его ночным уловом на эту щуку, а бабушка не соглашалась и бросилась домой, резонно понимая, что охотников на содействие чем дальше, тем больше будет, пока удачу не отнимут. Вечером, потроша рыбину, она вынула немереное количество икры и млечин. В общем, пир у нас был не меньше, чем у первобытного племени, когда оно завладевало мамонтом. Бывали у бабушки другие чудесные успехи. Помню, что она спасла от трех слаженно действующих котов драгоценный кусок колбасы из подфорточного проема, правда и

домочадцы, и она сама склонны были объяснить случившееся не чудом или молитвой, а просто невероятным везением.

А однажды под Новый год Соня и Стёпа принесли чудесную пущистую елку из своего лесотехникума. Мама со мной тут же принялась украшать ее всякими сеточками с яблочками и разноцветными бумажными гирляндами, стремясь закончить это до новогодних курantов и пожеланий по радио быстрой победы (чтобы их слушать была открыта дверь к коридору с черной картонной тарелкой динамика. И вдруг у мамы закапали слезы. На вопросы бабушки или Сони: «Что случилось? - она призналась, - У Вити день рождения, он попросил вкусного, а у меня даже в этот день ничего для него нет, кроме картошки!» Я же, наверное, ничего не понимал: «Картошка ведь такая вкусная».

А через неделю с лишним маме достался от завода билет на настоящее рукотворное чудо - новогоднюю елку в Колонном зале. Правда, маму туда не пустили, но она все же была недалеко, я был спокоен и смог получить свою порцию радости от Мороза со Снегуркой и с зайцами и ощущение чуда от метущихся хлопьев снега по стенам зала и «завываний ветра». В моей памяти это событие сливалось с салютами по поводу освобождения городов, и с впечатлением от позже увиденного фильма «Золушка».

Главная радость военных лет - приезд с фронта отца и его сослуживцев, в том числе и летчика - Героя Советского Союза, за получением штурмовых самолетов. Ради их приема и ночевки дед упросил у домового коменданта ключи от соседней временно пустующей комнаты. Но торжественный праздничный стол был устроен все же в нашей девятиметровке. При этом случился мой самый первый в жизни «запой». Уже были разлиты стаканы с пищевым спиртом (или водкой). На меня в суматохе никто не обращал внимания, я же залпом выпил один из стаканчиков и был сражен «наповал» Слава богу, мать была рядом и сразу определила, что дыхание у меня

нормальное, и я был уложен спать лицом к стенке... Утром моё внимание привлекла летчицкая гимнастерка с орденами и золотой звездой, которую я стал пробовать на зуб, но был остановлен испуганным хозяином: «Витя, не съешь мою звезду». Этот случай, о котором в семье часто упоминали, в моей памяти осталось знанием, что золотая звезда вручалась летчику за сто боевых вылетов. Мало лётчиков их получило, погибали раньше.

К счастью, война шла к концу, страха в нашей жизни от нее становилось все меньше, хотя девушки-бойцы ПВО продолжали ежевечернее проводить по Станционной улице заградительные аэростаты.

И вот пришел майский день Победы. В моей памяти праздник длился непрерывно много дней: сверкали уличные салюты, приходили в наш детский сад раненые фронтовики из близлежащих госпиталей, а мы стайкой бегали к проходящим через станцию Фили воинским эшелонам с фронта в Россию и дальше, на Дальний Восток, к еще неизвестной войне с Японией. Мы кричали непрерывное «Ура!!!» в ответ на выбрасываемые из теплушек «трофейные подарки» - немецкие монетки, значки и прочее... Наш праздничный ажиотаж иссяк к июню, вместе с прекращением возвращающихся с фронта поездов. Праздник сталинской победы после лета окончательно закончился возвращением в тоскливо-осенние будни: безногих инвалидов на вокзалах, конной милиции в поисках вдруг размножившихся бандитов, хлебных и прочих карточных очередей. Но у меня в этой круговерти наступил неожиданно светлый перерыв, связанный с выездом к месту службы отца в побежденную Германию.

Детский сад - первое социальное возмущение.

Пытаясь понять истоки своего инакомыслия, я роюсь в своих детсадовских воспоминаниях и не нахожу ничего оппозиционного. Впрочем, эпизод обкрадывания детей, вернее, объедания их воспитательницами на «лесной даче» под Звенигородом летом 1945 года вполне тянет на память о первом социальном возмущении «обжирающимся начальством».

Правда, этот случай, наверное, был единственным в моем полуголодном военном детстве. После возвращения отца с фронта я оказался у родителей одним и потому очень благополучным

ребенком - может, потому меня миновали детские комплексы плебейской ненависти к богатым и сытым, которые до сих пор корёжат психику немалой части моих современников, без вины виноватых, просто недокормленных и недолюбленных в их детстве.

Тем не менее революционная идеология входила и в сытого ребенка - просто через всю окружавшую его сталинскую культуру: фильмы, радио, книги.

Чем доверчивей и глубже ребенок воспринимал в себя эти однолинейные сказки, тем болезненней происходило в нем их крушение при неизбежном столкновении с действительностью и с тем большей вероятностью он становился позже инакомыслящим, как неизбежно прорастает трава через трещины в асфальте.

Приложение 1.

Память о маме

**О Татьяне Дмитриевне Глобенко –
ее дорогим внукам и моим детям Артему, Гале, Алеше и Ане
Сокирко. (Виктор Сокирко)**

1975 г.

Эту памятную запись я делаю для своих детей, для их будущего. Для вас: Тема, Гая, Аня и Алеша, когда станете взрослыми и почуеете жажду разбираться в себе и в своих истоках.

Я печатаю эту память в 5-ти экземплярах, чтобы каждый из вас, уходя из дома, имел свое наследство памяти.

Только одному Артему досталась радость близкого общения с бабушкой Таней и счастье помнить ее живой всю жизнь. Не мудрено – ведь был он ее первым внуком.

Я помню один случай еще до Темки, когда ваша мама (тогда просто Лиля) готовилась к его рождению и принесла из магазина первые детские вещички. Увидев в ее руках одеяльце, бабушка Таня (тогда просто моя мама) радостно схватила его и прижала комком к груди, порывисто как ребенка.

А потом, почти 12 лет, Артемка был для нее вторым сыном. Жили долго в одной комнате, в одном доме, вместе жили на даче. Ко дню смерти бабушки Тани Артем стал достаточно взрослым, чтобы разбираться немножко в своих близких, их хороших и слабых сторонах, в их большой любви, и в малых

недостатках. Его личная память о бабушке Тане – ничем не заменимое богатство.

Гале повезло меньше. За месяц до ее рождения нам дали отдельную комнату, и контакты резко сократились. Последние годы бабушка Таня все больше болела, сил оставалось все меньше. Ухаживать за Галей, как за Темой, она не могла и делила заботы с прабабушкой Полей. Летом же Галя жила всегда в Волгограде с бабушкой Файнной.

Галя еще не пошла в школу, когда умерла бабушка Таня, и возможно, эта смерть не стала большим событием в ее жизни и памяти - связей было меньше. И все же обрывки детских личных воспоминаний о бабушке Тане у Гали останутся, останутся ее посещения и угождения, останутся куклы – Ваня большой и двойняшки маленькие, останутся подарки и ласка. И в будущем, когда взрослая Галя заинтересуется своим происхождением, ей будет легче собственным воображением восстановить в душе образ мамы своего отца.

Хуже всего нашим двойняшкам – Алеше и Ане. Им не было и месяца, когда бабушка Таня занемогла в последний раз и, проболев всю зиму и весну, не встала. Можно по пальцам перечислить все встречи бабушки Тани с младшими внуками. При выходе мамы Лили из роддома, потом, когда бабушка лечила ее от мастита – поздней осенью 1974 г., уже больной и очень слабой бабушка Таня пожила несколько дней у нас в новой квартире, лишь в малой степени осуществив свою последнюю мечту «понянчить внуков», младшеньких.

Сейчас я понимаю, что это были ее последние дни, когда усилием воли она заставила себя быть на ногах, казаться здоровой, радоваться внукам и быть всем нам полезной. Больше ей ничего не удалось самой сделать. Сколько раз она за эту зиму принималась вязать шапку и шарфик для невестки (вашей мамы), но бессильно и неудовлетворенно откладывала начатое. Уже после больницы, когда начала пухнуть смертельной водянкой, когда ей самой близость смерти стала ясной, она просила родственницу довязать начатое. Подарок она сделала

Вашей маме за месяц до дня рождения – уже не надеялась сама увидеть этот день.

Всю зиму, в дни моих посещений она говорила, как ей хочется погладить и послушать Аню и Алешу, но увидеть их ей пришлось лишь три раза на несколько часов. В январе, в день 60-летия, мы все еще считали, что жить ей долго-долго – и не только с Алешей и Аней, но и с правнуками. В апреле, когда я уже почти все понял, даже напрасность надежд и свое бессилье, выполнение каждого ее желания стало святым делом. И, наконец, на Пасху – в последний праздник бабушки Тани. Она уже почти не могла ходить, до пояса опухла. Огромными дозами сильнодействующих лекарств и жестким ограничением воды и пищи мы пытались остановить и повернуть вспять этот страшный процесс. И иногда бывала видимость успеха, когда опухоль вроде отступала. Так нам тогда хотелось верить в ее выздоровление, так страшна была мысль о смерти, что любая видимость казалась твердым основанием для уверенности и спокойствия. Жажда веры в спасение была непреодолимой. Так было и 4 мая, за 24 дня до смерти бабушки Тани.

Все мои майские посещения ее (в квартире на Багратионовской и на даче в Усадково), она много раз вспоминала Аню и Алешу. «Так и стоит у меня перед глазами Алеша, когда он стоял у колен, смеялся и дергал за руки» – говорила она, улыбаясь и светясь из последних сил.

И горько мне было ее слушать.

И горько было в день похорон смотреть на Алешу и Аню у родственников на руках и сознавать, что так и не удалось моей маме стать живой бабушкой для своих любимых последних внуков. В тот солнечный майский день они были спокойны и радостны, не понимали своей обездоленности.

Тем больше нужда в этих записках для них – когда повзрослеют. Только из рассказов знатавших бабушку Таню Алеша и Аня смогут узнать, создать в своей душе ее образ. Образ человека, воспитавшего их отца и старшего брата, влиявшего на их деда, маму и старшую сестру – и через них, пусть косвенно, определившего воспитание и судьбу младших.

Алеше и Ане будет труднее всего, к ним я обращаюсь прежде всего. Пусть мои дети вспоминают бабушку Таню, пусть обогащают свою душу этой памятью, как и памятью обо всех своих родственниках, друзьях и учителях. Такая работа поможет Вам стать добрыми и мудрыми людьми.

В разном возрасте к людям приходит понимание необходимости осознания связи с предками. Ко мне оно пришло только сейчас – перед сорокалетием. Надеюсь, что к Вам оно придет раньше.

Но когда придет эта пора задуматься о будущем своих детей, и рассказывать им о мире, я надеюсь, Вы не забудете помянуть и обо мне, будущем деде. Не перервete связи поколений.

Давняя мудрость говорит, что о покойниках следует говорить только хорошее. Но она совсем не противоречит тому, что об умерших можно говорить всю правду. Надо говорить всю и полную правду! Умерший не связан с живыми противоположными интересами и пристрастиями. К нему можно и нужно относиться только объективно, вспоминать все стороны: и безусловно хорошие, и те, которые раньше казались плохими, но если разобраться, то оказываются либо продолжением достоинств, либо следствием внешних сил или слабой внутренней природы. Мы должны понять недостатки умерших и этим самым – оправдать их. Только так, только пониманием, как можно их избежать. Мы не имеем право бранить мертвых. Надо понимать и учиться на их жизни.

Так и с памятью о бабушке Тане.

Мне нет надобности скрывать сложности ее общения с другими людьми, в том числе и с самыми близкими. Я только не могу позволить себе быть поверхностным, не докапываться до всех добрых ее истоков. И не могу позволить себе часто отвлекаться на детали, иначе не смогу толком рассказать о главном.

Отец и мать: 1915–1932 годы.

Таня родилась 17 января 1915 года в селе Гвинтовое Сумской области северо-восточной Украины, в крестьянской семье. По срокам видно, что зачата она была в последние мирные месяцы 14-го года, но родилась – уже в новую эпоху «мировых войн и революций», безжалостное время, не зная которого вам, мои дети, не понять характера и душевного облика бабушки Тани.

Ее отец, а ваши прадед – Митрофан Степанович Глобенко. Когда Таня в годы «великого перелома» (коллективизации) полуграмотной

девчонкой искала в городе себе документов и жизни, то в ответ на вопрос паспортистки: «Как звали Вашего отца?» ответила: «Митей» и на всю жизнь ее сделали «Дмитриевной».

Ваш прадед был крестьянином. Его родители, а ваши прапрацуры – Степан Афанасьевич и Ирина Андреевна Глобенко – тоже были украинскими селянами. И все

прочие, еще более дальние предки, о которых я ничего не знаю, наверняка были крестьянами. Крестьянский характер сохранился у вашей бабушки Тани, возможно – у меня самого и, надеюсь, вы ему тоже не измените.

До революции Митрофан, как и все односельчане, лишь мечтал о зажиточности. Еще подростком мечта о неведомом счастье выгнала его из дома. В Америку он не попал, а после нескольких лет мытарств и приработков в портовом городе Одессе вернулся блудным сыном на родину, чтобы больше никогда не изменять ее крестьянским идеалам. Женитьбы сделал его обладателем приличного по тогдашним понятиям куска земли, а привычка к труду и врожденное упорство обещали его семье не мрачное, во всяком случае, будущее.

Но в 1914-ом началась «война с германцами». Фронт, окопы, грязь, страх и тоска по дому. Потому революция и призыв: «По домам!» воспринимались с радостью. Летом 17-го года Митрофан вступил в партию большевиков, но уже в декабре, возвращаясь с фронта, выкинул партийный билет в окошко теплушки. Видимо, посчитал, что все партийные задачи – уже достигнуты, война окончена, земля – обещана, и в партии крестьянам делать нечего. Надо возвращаться домой и заниматься делом – хозяйством.

Глубокое равнодушие к политике и нежелание участвовать в борьбе партий проявил ваш прадед в годы гражданской войны. Несколько раз его мобилизовывали в армию на борьбу с Деникиным, Брангелем и прочими, но каждый раз он самовольно уходил от мобилизации. Выражаясь языком ревтрибуналов – дезертировал, уклонялся от «борьбы трудового народа с прислужниками, лакеями и эксплуататорами». Он просто хотел крестьянствовать на старой и новой земле, строить дом и укреплять хозяйство.

20-е годы были для Митрофана, наверное, самыми плодотворными и даже счастливыми годами жизни, когда его семья росла (правда, за счет дочерей, лишь шестым и последним родился долгожданный сын Степа), строил новый дом, хозяйство считалось – середняцким, не хуже других (лошадь, корова и пр.)

Они же были и годами памятного детства для его второй дочери Тани. Мое собственное детство полно ее рассказами о быстром полноводном Сейме; о зеленых прекрасных лугах, к

которым выходил дворами их новый, крепкий на зависть дом; об отцовском коне Чалдоне и его хитростях, когда он, допустив на свою спину маленьку Татьянку, вдруг начинал ошалело мчаться по лугу, брыкаться и останавливаться как вкопанный, скидывая через голову нахальную наездницу; о собаке Соболе, битой за воровство куриных яиц; о сомах в Сейме, таскавших лошадей и людей; о древнем Путивле; о базарной Бурыни и Конотопе... Но не только радужными бывали ее рассказы о детстве, она помнила и худое в той жизни: и тяжелую работу на полях бывшей панской экономии, и нянченье младших детей, и трудность, с которой давалась школа (в нее приходилось уходить урывками от домашней работы), и скучность одежды, особенно, обуви: одни взрослые обноски на всех детей, так что зимой нередко приходилось бегать босиком по снегу, и в этом никто не видел ничего плохого. Эту деталь: «босиком по снегу» она мне особенно часто поминала, потому что именно в детстве, как осложнение после простуды, она получила болезнь почек, которой страдала всю жизнь и от которой преждевременно умерла.

И все же, и все же – вот эти годы на коне Чалдоне и босиком по снегу – и есть счастливое детство бабушки Тани, ибо большинство нормальных людей называют годы, проведенные с отцом и матерью – счастливым детством.

Несчастья начались «великим переломом» эпохи коллективизации и раскулачивания...

Много времени потратили сельские партийные власти, чтобы уломать вашего прадеда, как бывшего фронтовика, участника «движения за ликвидацию безграмотности» (в ликбезе немного учительствовал), зажиточного и авторитетного в деревне крестьянина – вступить добровольно в колхоз, и тем подать пример другим.

Митрофан твердо отказывался, хотя, наверное, понимал всю тяжесть такого прямого сопротивления. И я понимаю своего деда: он не хотел лишаться земли и хозяйства, которым отдал жизнь, не хотел менять свою хозяйственную независимость на батрачество у нового начальства.

То время было суровым. Сталинским. Колхоз-таки сколотили, а с Митрофаном и ему подобными поступили просто и по закону: обязали растить сахарную свеклу для государственных поставок – на болотных землях, т.е. записали в батраки. Когда пришла весна, ему приказали: сей свеклу, хотя на том поле стояла еще вода, и бессмысленность приказа была очевидна. А может, то была издёвка. Конечно, Митрофан не подчинился. Ах, так – накладываем на тебя штраф. По закону! Штраф был наложен в размере стоимости всего имущества: описали и продали новый дом, амбар, скот, и пр. И покатилось все, и повалилось...

Сжалившись над детьми, начальство разрешило семье временно (только временно) переночевать в сарае-клуне. Этой же ночью клуня загорелась. Еле успели спастись и вынести детей из огня. И жалкую часть оставшихся тряпок. Явились на пожар и власти и тут же обвинили Митрофана, что из-за своей классовой злобы он сам поджог клуню, чтоб не досталась колхозу. И тут же – посадили в кутузку (в сельскую тюрьму). Жену и детей приютили родственники. Урок деревне был преподан. Можете себе представить, как эти события отразились на 16-летней Тане, самой болезненной в семье девочке, в самую-самую пору ее личностного формирования. Как заронили в душу все последующие страхи, нервные и прочие болезни, мнительность и чуткость к боли.

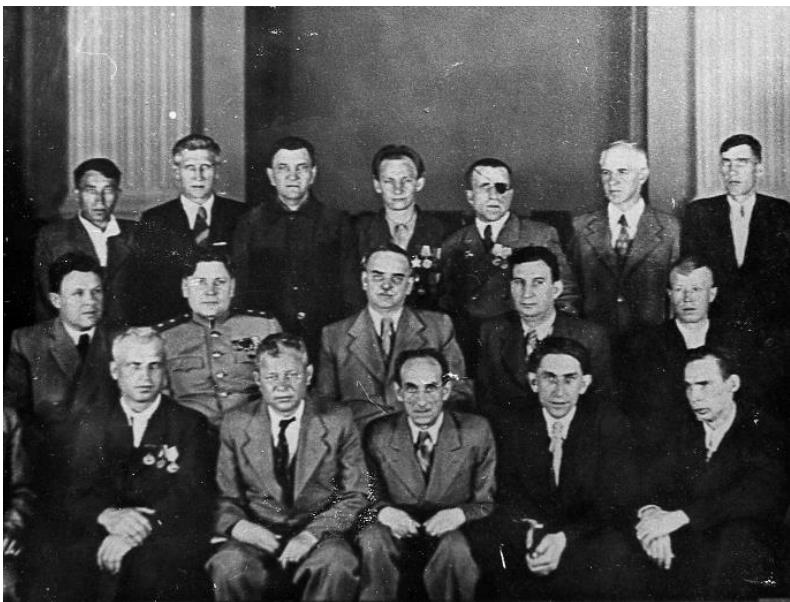
Думаю, что Вашего прадеда эти события поранили в гораздо меньшей степени, хотя речь шла именно о нем и его хозяйстве, его труд и жизнь развеивали по ветру, а самого посадили в кутузку.

В ту же ночь односельчанин, приставленный сторожить «злобного врага колхозной счастливой жизни», сказал ему: «Митрофан Степаныч, не могу взять грех на душу» - и выпустил на волю.

И тот бежал. Недалеко, в тогдашнюю Украинскую столицу Харьков, на первенец сталинских пятилеток – Харьковский тракторный завод. Люди были нужны заводу и его приняли без особых формальностей. Так Митрофан стал

пролетарием. Его история – отнюдь не исключительна. Напротив – самая рядовая. Из одной их деревни подобным образом было выгнано, «раскулачено» более двадцати семей. Многие уехали сами. И вся эта масса обездоленных, «раскулаченных» людей оказалась очень нужной (в начавшуюся эпоху индустриализации) рабочей силой. Именно эти «освобожденные от земли» люди и стали главной основой трудовой армии новостроек сталинских пятилеток. Рабочим классом сталинских лет, героями индустриализации.

Через год Митрофан перебрался подальше от родины, прямо в Москву (пригодился Одесский опыт молодости), где со временем стал одним из старейших и уважаемых рабочих-инструментальщиков завода «Красная труба» (ныне Московский трубный завод). Неоднократно награждался грамотами и медалями, местами на доске почёта и бесплатной путевкой в сочинский санаторий... Поистине трудовой человек нигде не пропадет, после любого удара, как кошка встает на лапы, оказывается вновь «уважаемым и авторитетным» человеком.

Ваш прадед, третий слева сверху в группе награжденных работников «Красной трубы», заснят со Шверником Н.М. (тогда Председателем Президиума Верх. Совета СССР). Меня особенно смешит, настолько не вписывается его мрачная, почти «зэковская», по-крестьянски упорная фигура в общий строй окружающих Председателя лиц!

Всю эту историю вынужденного перехода Вашего прадеда из вольных крестьян в наемные рабочие, в «передовой отряд пролетариата» (завод черной металлургии), в нашей семье было принято называть историей его раскулачивания. Однако формально мы неправильно употребляли этот термин. И не только потому, что Митрофан Степанович никогда не держал ни магазина или лавки («кулак» - в дореволюционном понимании), ни батраков («кулак» в послереволюционном, партийном понимании), но и потому что процедура сгона его с земли не похожа на официальное «раскулачивание»: подготовленное комячейкой собрание бедноты, на котором зажиточным

односельчанам присваивалось звание «кулака» и присуждалась высылка с семьей в Сибирь – с конфиснацией всего имущества (кроме одежды на себе). Так из деревни выслали в 1929 году лишь одну семью. А потом по-другому выгнали гораздо больше.

Вашего же прадеда эта «классическая» процедура раскулачивания не касалась. Его хотели обвинить в поджоге собственной семьи в сарае, но из-за побега и хлипкости самого обвинения (позднее, по рассказам односельчан, один из комсомольцев в подпитии хвастался тем, что собственноручно поджигал «дядю Митрофана») официального уголовного дела и розыска, видимо, не возбуждали. Да и много тогда было «таких дел» - органы с ног сбивались. А цель: запугать деревню примером была достигнута. Таким образом, официально в деревне Митрофана и его детей считали – то раскулаченными (и выдавали в том официальные справки), то лишь уехавшими из деревни в город (и давали чистые документы). Последнее и обеспечило не только перспективу спокойной пролетарской жизни для него самого, но и возможности образования и любой карьеры для всех его детей.

По существу же, конечно, все произошедшее было раскулачиванием - беззаконной конфискацией имущества и изгнанием из деревни. Дети его чувствовали себя детьми раскулаченного и скрывали это ущербное чувство «без вины виноватого». Я сам только иногда, с вызовом, называю себя внуком раскулаченного. Но надеюсь дожить до времени, когда вы сможете без вызова, а просто с достоинством, сказать о себе, как о правнуках раскулаченного.

Таким образом, вся долгая московская жизнь глобенковской семьи, в том числе и Тани, протекала под гнетом тяжелой семейной тайны – раскулаченных, но случайно избежавших сибирской ссылки. Страх перед «черным вороном» (т.е. ночным арестом работниками госбезопасности), которыми болели граждане в эти годы, для прадеда и его семьи был особенно остр и мучителен. На нервы и психику детей страх действовал с разрушительной силой, вырабатывая удвоенную осторожность и чуткость. Даже при внешнем благополучии

жизни и карьеры (в анкетах – «пролетарское происхождение», образование – вплоть до высшего, возможность допуска к секретной и даже «руководящей» работе, поездки заграницу и т.д. и т.п.).

А теперь пришла пора рассказать о маме бабушки Тани. Ваша прабабушка Поля еще, слава богу, жива и, бог даст, долго еще будет с нами. Вы ее сами знаете, а в будущем, может, узнаете больше. Но я хочу рассказать о ней прежней – давешней и молодой, когда-то родившей девочку Таню и ее воспитавшей.

Пелагея Михайловна Шевцова родилась в 1894 году в соседней, уже русской деревне Нечаевке, в весьма богатой крестьянской семье. Она называла мне своих родителей – Михаила Сергеевича и Варвару Васильевну Шевцовых, и даже вспоминала свою бабушку Марию и деда Сергея Александровича Шевцова. И, наверное, крестьянское (а может, и не крестьянское) имя вашего пра-пра-прадеда Александра Шевцова обозначит самую дальнюю вглубь истории ступень знания своих предков. Время жизни Александра Шевцова – время Александра Первого и Александра Пушкина.

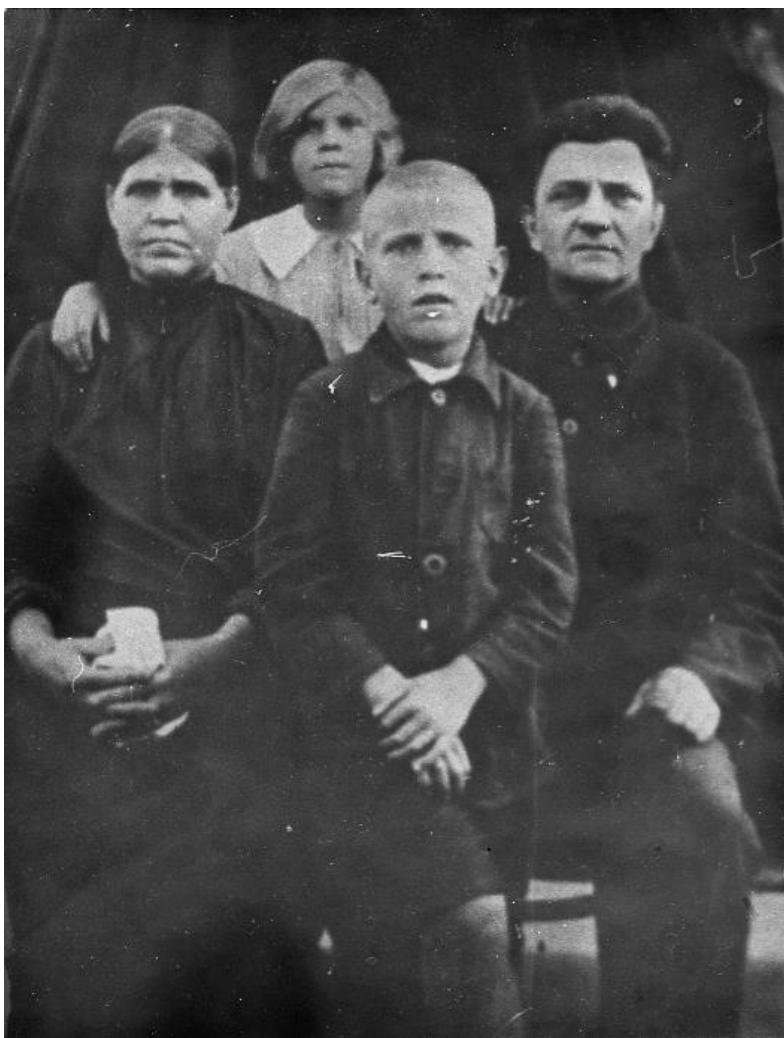
Поля была одной из семерых дочерей. Семь же сыновей умерло в детстве. Из переселения на Кубань ничего не вышло, но какие-то деньги и земли (кубанские и украинские) у семьи оставались. Вместо умерших сыновей работали батраки. В приданое за каждой дочерью Михаил Сергеевич давал десятину земли – большое по тем временам богатство – главная надежда Митрофана на успех.

Кроме этой земли и всяких тряпок, Поля принесла в свою новую семью железное здоровье, неутомимость в работе, простосердечие и доброту. И сегодня у женщин двойная нагрузка: на работе и дома. Однако прежняя жизнь крестьянки была много тяжелее. На ней лежала ответственность и за детей и стариков, и за домашнюю скотину-птицу, и за помощь мужу в поле. Ранний (далеко затемно) подъем, чтобы успеть «нагодувать скотину», и поздний (заполночь) конец прядильной домотканой работы. Таков был обычный день молодой Поли и таким же он был летом, когда вставать надо было с первыми

лучами солнца, а возвращаться с поля лишь в сумерках. До сих пор в ее рассказах о прежней жизни звучит обида на Митрофана, который летом работал много и тяжело, зато зимой, после осенней страды, в перерывах между молотьбой, позволял себе спать, отдохнуть (много-много), но не делал ни малейшей попытки помочь ей, соблюдал традиции (по традиции, возня с детьми, готовка еды, «годувание скотины», домоткачество и др. считались женской работой).

Так и жила Поля в русле старых традиций, деля силы и душу между тяжкой работой, детьми и церковью. Наверное, единственным ее развлечением была церковь по воскресениям, да стакан водки на домашних праздниках.

У Поли было шестеро детей, но две девочки умерли в младенчестве, выросли же Настя, Таня, Соня и Степан. Ко времени раскулачивания Настя и Таня были по деревенским понятиям почти взрослыми, вполне способными начать самостоятельную жизнь. Долго жить на милостыни родственников невозможно. И вот через год в 1932 году, в Харьков уезжают старшие дочери, а с младшими детьми в 1935-м Поля перебралась к мужу в Москву. С той поры жизнь ее круто переменилась.

Семья Глобенко в Москве 1935 года: Пелагея Михайловна, Соня, Степа, Митрофан Степанович.

Для своих младших детей, Сони и Степы, она стала настоящей матерью-пролетаркой. Я говорю – настоящей, потому что, несмотря на свое «зажиточное» происхождение и

крестьянскую жизнь, у бабушки были изначально ей присущие пролетарские черты: желание жить одним днем, бескорыстие, простодушие, привычка работы на других и пр. Если для Митрофана его пролетарское положение было лишь внешним мундиром, а сам он оставался прежним крестьянином, то с Поля было иначе. А самое главное, только здесь она стала ближе к детям.

Не надо думать, что в деревне, работая дома, женщина ближе к своим детям, чем в городе, где она уходит каждый день на завод. В деревенской семье обязанность присматривать за детьми лежит, как правило, на старших детях или стариках. Мать лишь урывает от своих дел минутки, чтобы покормить грудью очередного младенца. Не было даже самого короткого декретного отпуска: роды прямо в поле – не литературный вымысел, а рядовая бывальщина.

В городе же дети получают от матери гораздо больше внимания. Для вашей прабабушки ее младшие Соня и Степа стали как будто первыми, настоящими (городскими) детьми. Старшие дочери невольно отдалились. Может, в этом корень сложных, немного отчужденных взаимоотношений впоследствии, когда все дети съехались к родителям в Москву.

Я не знаю, конечно, что именно от своего характера, доброты и работоспособности передала Поля своей дочке Тане. Описываю лишь то, что знаю: ваша бабушка Таня росла в суровых условиях, когда матери, в общем, было не до нее. И может, в этом объяснение того, почему Таня так дорожила своей семьей, так заботилась о сыне и внуках.

Харьков. Учеба и любовь. 1932-1935 гг..

Через год после побега Митрофан тайно, ночью, вернулся в деревню. Вернулся, чтобы забрать старших дочерей и пристроить их в городе. Той же ночью они ушли. Справки из сельсовета с припиской – «дочь раскулаченного», кажется, были получены заранее. Долго потом мудрил Митрофан с этими справками, мял их, тер и подклеивал, чтобы проклятая фраза

исчезла, и дочки могли в городе получить потом «чистые» паспорта. С Таниной справкой это удалось.

А пока две деревенские девочки, босые и в платочках, вдруг оказались в столичном городе. Предоставленные сами себе. Отец жил в рабочем общежитии за городом, их же поселил у рынка, за стирку хозяйствского белья (долго потом Таня помнила эти горы белья), и видел их лишь урывками. Надо было устраиваться на работу и потому они ходили по городу, и младшая читала объявления о приеме (старшая читать не умела). Долго ходили и безуспешно. На босых девчушек не велик был спрос в эпоху индустриализации.

Но, в конце концов, устроились: Таня нашла себе место санитарки в водолечебнице, а Настю отец пристроил-таки на завод.

Теперь Таня жила практически одна, лишь наезжая к отцу и сестре в заводской поселок за хлебной помощью: основная зарплата состояла в хлебном пайке. Если на заводе давали в день по 800 г, то в больнице лишь 400 г. Понятно, что старшие немного подкармливали младшую.

Однако через год, а может меньше, начались «чистки» от раскулаченных и прочих. Митрофан уехал в Москву, а Настя – в деревню. Счастливые – увертывались как-то от ссылки или лагеря. Настя даже стала колхозницей.

T. Глобенко до 1935 г. Таня же осталась совсем одна в большом городе. Мыть и убирать множество ванных комнат за бесконечной чередой больных, готовить сами лечебные ванны во влажной и душной атмосфере для Тани, страдавшей с детства нефритом, было очень большой, предельной нагрузкой. Этую

нагрузку она всё же выдерживала, а времени для тоски и переживаний не оставалось.

А потом – она привыкла к городу. Застенчивую и безотказную девочку заметили медсестры и врачи, заметили и стали выделять, поручать менее тяжелую физически, но более квалифицированную работу, приглашать на учебу в медицинский техникум при лечебнице. Правда, у Тани к тому времени было всего два или три неполных года посещения деревенской школы. Она едва могла читать. Однако в то бурное время, когда вместо и на место старой интеллигенции в массовом порядке готовили новых («красных») специалистов из бывших рабочих и крестьян, недостаток начального образования не был большой преградой. Написали, что Таня Глобенко окончила пять классов и направлена как медработница в вечерний медтехникум. И подобно многим своим сверстникам, она не обманула надежд посылавших ее – схватывала верхушки знаний, сумела подправить начальные прорехи просвещения. Большего для тогдашних «новых интеллигентов» и не требовалось. Да и не одна она сделала такой рывок из «грязи в князи». Она любила вспоминать типичные ответы своих подруг на занятиях: «Что такое тундра? – … это такой зверь», или «Какой пост занимает Сталин? – Царь». Причем она не скрывала, что сама вполне могла отвечать таким же, если не худшим образом.

Вот таких простодушных, но трудолюбивых крестьянских детей учебные программы того времени шустро и без особой волокиты переводили в разряд образованных людей. В 1935 году Таня Глобенко окончила техникум и получила звание фельдшера. А вдобавок – на всю жизнь огромное уважение к науке, почти веру во всемогущество медицины, ее лекарств и рекомендаций. И уж самой собой и потом – мечту дать сыну высшее образование. Безусловность такой веры в науку, стремление полностью и категорично выполнять ее заветы, во многом осложнили ее жизнь, заставили тратить массу сил и нервов, например, чтобы убедить мужа бросить курить, а сына – проходить лечебные процедуры. Сама же она

беспрестанным лечением и самолечением, наверное, не улучшила, а ухудшила свое здоровье...

В целом же годы учебы были трудным, но хорошим периодом в жизни вашей бабушки. О «студенческих годах» человек обычно тепло вспоминает. А бабушка Таня – особенно. И не мудрено. В те годы кругом свирепствовала неустроенность, людское горе, голод. В 1934 г. на улицах самого Харькова валялись трупы умерших, и прохожие перестали обращать на них внимание. Ссылки и лагеря, а у Тани - прочная работа, перспективная учеба, ежедневный паек на 400 г. хлеба (карцерная норма в лагерях -300г.), теплое общежитие с новыми и ставшими близкими подругами. Она тоже обходила привычно трупы голодающих на харьковских мостовых, она знала, что в деревне ее сестренка и братишко пухнут с голода, но помочь им не могла, а себя чувствовала неожиданно кем-то облагодетельствованной. Наверное, изливалась свою благодарность на всех окружающих и легко воспринимала их «научную веру».

Таня в 1935г. В 1935 году Таня окончила медтехникум, перешла в сословие «среднего медицинского персонала» и переехала из общежития на частную квартиру в Новую Баварию (поселок немцев-колонистов под Харьковом), где ей выделили «угол» (так звали койку в одной комнате с другими

квартирантами или даже хозяевами). Она стала самостоятельным человеком.

К этому времени относится появление первых фотографий Тани, выполненных каким-то любителем, находившемся на излечении и усиленно внимательном к миловидной сестричке. И понятно. Окончание учебы высвободило у нее время для отдыха. Более квалифицированная работа, большая плата и питание – подправили ее здоровье и превратили из подростка в цветущую и привлекательную девушку. Вполне в духе 30-х гг. Меня до сих пор поражает этот почти мгновенный переход от деревенской девочки из религиозной семьи к уверенной в себе «современной» молодой особе!

Но думаю, «модный облик» был навеян ей средой, кинокартинами, девчачими обсуждениями. Как будто она продолжала свое образование, но не медицинское, а жизненное, и вполнеправлялась с предложенной ей ролью модной девушки. Замужество быстро прервало эту игру.

Не кажется ли вам удивительным: грозовые годы, истерический накат чисток и репрессий, а для одинокой 20-летней девушки, дочери раскулаченных, - годы образования, самоутверждения личности, годы личного успеха?

Из своей общежитской компании она, кажется, первой вышла замуж. Еще в годы учебы у нее было трое поклонников, но довольно быстро она предпочла одного, самого доброго и положительного, самого застенчивого и красивого, в красивой летной форме: сказалась крестьянская интуиция. Это и был мой отец, а ваш дед – Владимир Климентьевич Сокирко.

Недавно он рассказал мне трогательную историю их начала. Природная застенчивость его губила – не умел и не мог решиться ни то, чтобы признаться, хотя бы подарить что-то понравившейся девушке, и находился в безысходном состоянии. Наконец, после очередных летних маневров в Крыму (он был самолетным техником) решился: купил там южнобережную ракушечную шкатулку, а в нее засунул кусок тонкого, дефицитного и неодолимо привлекательного в те годы шелка (в

материале он, по привычке бывшего портного, разбирался). По возвращению же в Харьков сумел-таки передать шкатулку Тане. Она была благодарна и удивленно отложила коробку в сторону. Но когда немного времени спустя обнаружился сам шелк, слезы покатились по ее лицу, и удержать их не было сил.

Что было в этих слезах – радость от великолепного тогда подарка? Благодарность? – Наверное. Но, думается, главной была радость опознания, узнавания долгожданного и дорогого человека, который вот так может угадать твою мечту и вот так самоотверженно и бескорыстно, ради тебя самой – ее осуществить.

Легко можно съязвить: «Человека не замечала, не любила, пока отрез не подарил». Но не заблуждайтесь, мои дети, у ваших бабушки и деда была настоящая любовь, на всю жизнь. А почему она началась с шелка – подарка, так это легко понять: в таком вещественном, реальном действенном виде лучше, чем в тысячах слов, проявилась готовность вашего деда угадывать и исполнять желания своей любимой, проявилась близость их вкусов, желаний, душ, если хотите. Проявилась не на словах, а на деле.

Подарок шелка был, прежде всего, духовным делом, и может, в нем важнее всего было не исполнение мечты самой по себе, сколько та неловкость и самоустраниенность, с которой его не дарили, нет, а втискивали в руку, передавали, всучивали что-либо... Та неподдельная стеснительность, которая неопровергимо свидетельствует о чистоте намерений, убеждает, что человек – не из племени щедрых ухажеров, для которых вот этот шелк – лишь расхожее средство пустить пыль в глаза, а напротив – что это свой, родной и близкий, что он мучился, старался, угадывал и находил, делал себя несвойственным и почти необыкновенным – только из-за нее одной. Так неужели такой шелк - не повод для радостных слез? И разве вы не находите сходство с шелком «Алых парусов» у А. Грина?... Правда, там было немного грубее, богаче и обнаженнее: подслушанное, а не угаданное желание Ассоль, многое больше шелка, давление блеска и роскоши...

Еще ничего не было сказано, ни мысли, ни намека, но с этого момента судьба Володи и Тани (и вместе с ними и наша с вами судьба) – была определена...

После этого случая они не долго жениховались. Таня жила под Харьковом и поездом ежедневно ездила на работу. Дорога была долгая и страшная для молодой девушки. Вместе с ней мучился и добровольный провожатый. Сколько так могло длиться? Положение осложнилось еще тем, что в первые месяцы после учебы Таня оставалась и без стипендии и без зарплаты, от родителей помочь ждать не приходилось, а попросить денег взаймы даже у Володи, с которым гуляла каждый вечер, она не могла, хоть убейте. Предпочитала не есть, дожидаясь первой получки. И так отчаянно таяла на глазах, что терявшийся в догадках Володя, все же решился спросить, а потом и навязать взаймы деньги, которые (впоследствии он это с торжеством отмечает) – так и не пришлось возвращать.

Слезы от подарка, ежевечерние прогулки, принятые деньги: Володя смелел день ото дня. И, наконец, осмелел до следующих слов: «Таня, а что ты мучаешься с этой Новой Баварией? Давай в ЗАГСе распишемся и будем жить у меня в Харькове...» Не знаю, так ли смело он говорил эти слова, но речь шла как будто о квартирах, об удобном способе устраниТЬ утомительные поездки. Сам брак оказался в разговоре как бы в тени, второстепенной деталью, почти фиктивной и временной мерой. Так им легче было разговаривать о столь таинственном и почти страшном предмете.

Потом ваша бабушка так объясняла мне, почему не сменила своей фамилии: «Думала – а зачем? Поживем немного, не понравится – разойдемся». Ну, чем не легкомыслie? Не напускное, не наигранное – а настоящeе? Ведь фамилию она так и не сменила.

Это трудно понять, но такова противоречивая реальность: настоящая любовь совмешалась с не менее искренним намерением «сразу же разойтись, если не понравимся». Серьезнейшее сообщение о том, что, по мнению врачей, из-за болезни почек ей нельзя рожать, сопровождалось

на равных полууштывым условием: «Знаешь, Володя, мне нравится, когда парень красиво курит, но это вредно, обещай, что бросишь». В том же тоне все сообщения и условия принимаются... Так мне и слышится этот якобы непринужденный разговор, где двое уставливались о важнейших предметах – как бы на периферии своего сознания, ибо все их существование в эти минуты было захвачено ликующим чувством сказанного слова «Да», праздника Великого Согласия.

Да и что они могли сказать словами? Словами комсомольских общежитий 30-х годов? Шел привычный легкомысленный и независимый разговор, а души между тем молча и по врожденному умению ловко закладывали первые камни вечной семьи.

Свадьбы не было. Пока расписывались в ЗАГСе, кто-то из Володиных друзей сходил в магазин, купил стаканы, тарелки, вилки, вино и продукты, кто-то вместо Володиного закутка освободил им комнату – и все это стало одновременно и свадебным праздником, свадебным подарком, и началом семейного хозяйства.

Игра кончилась. Началась жизнь.

А теперь я должен подробнее рассказать о третьем и самом главном человеке в жизни бабушки Тани – вашем деде, каким он был в прежние годы

Владимир Климентьевич Сокирко

родился в 1908 году и вырос на родине знаменитого украинского поэта – в селе Кирилловка (ныне Шевченково) в достаточно культурной по сельским понятиям, но неблагополучной семье. Его отец, а ваш прадед – Клим Иванович Сокирко вместе со своими братьями и сестрами получил по тем временам неплохое образование. По-видимому, их отец, а ваш прапрадед Иван Сокирко, славившийся редким уменьем находить в этой жаркой стороне воду и отрывать колодцы, - обладал немалыми средствами, если мог отдать

своих многочисленных детей не на работу, а на учебу. На сохранившихся фото они выглядят вполне интеллигентными и даже респектабельными господами. Но, конечно, до «настоящих господ» им было очень и очень далеко. Так, брат Клима Ивановича был женат на киевской горничной, сестра вышла замуж за учителя, бывшего семинариста, сам Клим Иванович вначале учительствовал, а в последние, послевоенные годы - шил одежду и шапки.

Мне почти ничего не известно о маме деда Володи, кроме имени Антонина, да смутных слухов. Если интересно – расспросите сами дедушку, но вряд ли он станет охотно отвечать. Неизвестно, кем была Антонина, какой семьи и воспитания, почему вышла замуж и почему бросила мужа и маленького сына. Я слышал лишь туманные предположения о том, что она была красива и из богатой городской семьи, но была взбалмошной и жила не для дома, а для чужих людей. Ее изображения на семейных фото Сокирок аккуратно вырезались. Трудно понять, в чем тут дело.

Во всяком случае, портреты и единодушные рассказы свидетельствовали о Климе Ивановиче, как о прекрасном, добром и душевном человеке, сочувствовавшем даже революционерам, и не дают возможность заподозрить здесь какое-либо семейное притеснение или оскорбление. В то же время судьба этой странной женщины, прожившей долгую жизнь (она умерла лишь в 50-х годах, так и не проявив ни малейшего желания увидеть сына, не говоря уж о внуке) – на положении домработницы, батрачки-приживалки в какой-то крестьянской семье, вызывает у меня не одни лишь отрицательные эмоции. Возможно, у нее, действительно, был поврежденный интеллект, но скорее она была больна гораздо более распространенной болезнью дореволюционной молодежи богатых семейств – болезнью «самоотверженности, благородства». Наивысшей степени эта болезнь проявлялась у народников, террористов, революционеров. Что для них значила

брошенная семья, убитые горем родители, оставшиеся сиротами дети – в сравнении со счастьем «разбить мещанский уют», делать революцию? Но как у этой многократно воспетой героической самоотверженности были свои темные оборотные стороны, так и в нашем случае, странные, ненормальный альтруизм Антонины лишил сына матери. И с этим совершил непростительное преступление, несравнимое с принесенной где-то пользой.

Володя воспитывался в семье отца, во время войны – с бабушкой, а когда Клим Иванович вернулся из австрийского плена – то опять жил вместе с ним. Однако сразу же после гражданской войны отец умер от тифа, и Володя остался лишь с бабушкой, круглым сиротой, несмотря на то, что где-то рядом жила, как сейчас говорят, его биологическая мать.

Горечь сиротства – главное воспоминание дедушки Володи. Вот у него, действительно, не было счастливого детства, пусть он был лучше одет, обут и накормлен, чем босые девчонки в селе Гвинтовом. И как только чувство обиды на мир не захлестнуло его? Наверное, деятельная натура деда Ивана Сокирко не дала это сделать. После смерти отца он поступает «в люди», в подмастерья к деревенскому портному, довольно быстро выучивается портняжному мастерству и заводит самостоятельное «дело», постепенно прибирая к рукам сельскую клиентуру (при помощи и поддержке учителя). И кто знает, может, так и остался бы уважаемым на селе портным до конца жизни, если бы на громадные сдвиги в стране, если бы в селе вообще можно было бы остаться независимым ремесленником.

Володя вступил в комсомол. Социальное положение бедного сироты и революционные симпатии родственников увлекали его на путь комсомольского активиста.

Ваш дед был одним из комсомольских вождей-секретарей в огромном селе Кирилловка: сам участвовал в пионеризации детей, в их военном воспитании, в закрытии церквей и сожжении икон (в одной общей яме), в конфискации «излишков хлеба» и высылке раскулаченных.

Не все ему в те времена нравилось, многое он считал «перегибами» и, в духе знаменитого письма Сталина, - «головокружением от успехов». Но многолетние контакты с сельскими партийцами приучили его, что «партия всегда права», что все недоумения со временами разрешатся и что главное – дисциплина. Приучили «не уклоняться».

Таким он и остался надолго (по крайней мере, до XX съезда). Не фанатичным, нет, а человеком, убежденным, что в стране все делается в основном правильно. Он осознавал ограниченность своих знаний, невозможность противостоять убеждающей силе «комиссаров» и потому находил для себя опору лишь в партийной вере.

Мне помнится одна из нечастых стычек (после войны, но до 1953 года) между отцом и мамой в споре о колхозах: мама говорила, что они разорили крестьян, довели народ до голода и нищеты, а отец оборонялся утверждением, что «она ничего не понимает», что «так было нужно». Как же он обрадовался моей поддержке, тогдашнего четверо- или пятиклассника, всунувшего в их спор фразу из учебника о том, что «кулаки прятали и гноили хлеб, чтобы рабочие голодали, и потому были созданы колхозы!» Как будто услышал слово комиссара! Вместе мы «задавили» спорящую маму, хотя и не переубедили. Думаю, что увидев, как серьезно воспринимает суть слов ее маленький Витя, она испугалась, потому что повторив несколько раз «не нужно нигде болтать о глупостях, о которых мы здесь говорили», а то «придет черный ворон...» - она закруглила опасный разговор.

... Меня давно интересовал вопрос: как могли сдружиться и сойтись на всю жизнь люди столь разных судеб и положений, как ваши дед и бабушка? Глядя на дореволюционное фото маленького, еще дошкольного Володи, богато одетого и обутого, сытого и ухоженного, трудно предположить, что он станет в будущем комсомольцем и раскулачивателем, а вот «босая по снегу» девочка Таня, фото которой даже не сохранилось (а может и не было), - станет жертвой комсомольцев (поджог клуни) и раскулачивания. Как

противоречит это схеме: «бедняки кулачили богатеев». И как соответствует крестьянской догадке: «баре снова пробрались в начальство и снова закабаляют народ»!

Я решусь объяснить совместность своих родителей. Если вдуматься, то в отношениях Вашего деда и Вашей бабушки к жизни вообще и коллективизации деревни в частности – не было большого различия. Оба они были крестьянами по месту рождения и воспитанию. Им обоим было неприятно раскулачивание, но оба вместе с тем признавали неизбежность этого, пусть в разной степени и с разной моральной оценкой (Таня не раз осуждала своего отца за «ненужное упрямство и непокорство») и потому оба чувствовали свою неответственность за происходящее. Таня не отвечала за «упрямого отца», а Володя не отвечал за «неизбежное» участие в «неизбежной» коллективизации. Их обоих нес поток времени, и каждый играл навязанную ему роль комсомольца или раскулаченного. А ко времени встречи в Харькове они были одинокими сиротами, нечаянно нашедшими друг друга в бушующем мире.

Ваш дед недолго комсомольствовал в деревне. За коллективизацией шла волна индустриализации и массового создания технических кадров. Сельский партийный секретарь, симпатизируя своему комсомольскому помощнику и исповедальнiku и в душе, видимо, отнюдь не радуясь происходящему, сам вытолкнул его в город, напутствуя словами: «Езжай, Володя, в город учиться, пока можно. Здесь тебе делать нечего».

Вообще-то Володя учился в церковно-приходской школе, но революция и гражданская война помешали ее окончить. Однако полученных знаний и комсомольской биографии оказалось достаточным, чтобы поступить, а потом и окончить киевский техникум водного транспорта и портовой техники. Но работать по специальности ему не пришлось (неразбериха в планировании тогда была, быть может, не меньшей, чем сейчас): забрали в армию, а через год оставили в сверхсрочной службе в части по техническому обслуживанию

молодой еще тогда авиации. После женитьбы он совсем укоренился в своей новой специальности, теперь уже надолго. Крестьянское трудолюбие, с каким он сначала шил брюки односельчанам, потом руководил пионерами и комсомольцами, теперь обратилось на самолеты. Ни у кого из техников не было столько запасных частей в загашнике, столько инструмента для ремонта, так тщательно не готовились самолеты к вылетам, как в звене Сокирко. Никто столь много времени не проводил на аэродроме, как Сокирко. За это его хвалили, поручали ответственную работу, перевели на обслуживание эскадрильи знаменитого героя челюскинской эпопеи – летчика Каманина, будущего шефа советских космонавтов. Не секрет, что авиация в те годы имела высокий статус, т.е., можно сказать, что ваш дед хорошо устроился. И всё же, хочу еще раз повторить: крестьянское трудолюбие везде приносит свои плоды.

Замужество и материнство. 1935-1941 годы.

Мне ничего толком не известно, как Таня перешла от мысли «пожить немного, если понравится» до осознанного решения строить семью прочно и, конечно же, с детьми, хотя бы одного заиметь ребенка. Просто, наверное, она любила своего Володю, чем дальше, тем больше. И потому хотела и ему, и себе прочного человеческого счастья.

Думаю, желание иметь ребенка в ней долго боролось с безусловной верой в силу медицинского запрета на роды. Во всяком случае, сама она ослушаться его не могла и изводила нерешительностью себя и мужа. Даже командование части обратило внимание на пасмурный вид старшего техника. В результате нескольких душеспасительных бесед и наведения справок комиссаром полка состоялся разговор врача-специалиста с будущим отцом: "Хорошо, голубчик, пойдем с Вами на этот риск, пусть она рожает. Сделаем все от нас зависящее, чтобы это ей не повредило. Но и Вы обещайте выполнять все рекомендации по уходу и что будете следить за ее здоровьем...»

Володя обещал, и с тех пор его жизнь стала выполнением этого наказа: беречь здоровье жены, выполнять все врачебные наставления, не раздражать и пр. и пр. Конечно, далеко не все было в его силах, даже привычки к курению он не смог преодолеть, но правило беречь хрупкое здоровье жены, выполнять все ее требования засело в него крепко, стало стилем совместной жизни. Саму смерть бабушки Тани он воспринял как свою тяжелейшую неудачу, недосмотр, недогляд, как будто он не исполнил обещание, данное очень давно и очень серьезно

В 1937 году родилась моя старшая сестра. Как странно так звать девочку, оставшуюся младенцем. Назвали ее Валентиной - бог знает почему, ведь ни у кого в роду таких имен не было. Несмотря на все трудности и опасения, здоровье роженицы было нормальным, девочки – тоже. Однако 4-х месяцев от роду она умерла от воспаления легких - простейшей сегодня болезни. Но тогда еще не было пенициллина, и маленькая жизнь загасла...

Таня в 1937г. Что было в это время с Таней? - Я и представить себе не могу. Так долго вынашиваемый в мыслях, а потом в теле, один раз позволенный дитёнак, погиб прямо на глазах, на руках. Необратимо. Все что я сам ощущал с ее собственной смертью, было у мамы много острее и больнее, давила еще и случайность, абсурдность произошедшего: не во время опознанная болезнь, халатность приходящей детской медсестра и вот... Тяжесть была невыносимой: «Все что угодно, только верните мне мою Валечку. Никогда больше, никаких детей, ничего не надо, только верните мою Валечку...

Наверное, от этой смерти Таня не смогла отойти всю жизнь. Наверное, от нее она стала еще тише, грустнее и психически неустойчивей. Вина детской медсестры усилила

Танину недоверчивость, мнительность. Ни о каком ребенке больше она не хотела и думать...

А вне дома между тем шел 37-й год. Таня и Володя, конечно же, знали о многом: и о разоблачениях, и об исчезновениях людей, и о процессах над вредителями, но отодвигали всё невероятное и непонятное в непроговоренную глубь сознания. Наверное, им представлялось, что их лично коснувшиеся трагедии – и раскулачивание и смертельный голод - уже отыгрались и ничего не должно угрожать. На правах воспитанников советской власти они наслаждались любимой работой, неголодной жизнью и пр. и пр. Но сознание слало обратно тревожные сигналы, делая личную и семейную жизнь неуверенной и непрочной, порождая неврозы и срывы. К тому же Таня продолжала себя чувствовать «недораскулаченной», и над Володей в 1938 году начали сгущаться тучи.

В Шевченкове был арестован (а потом исчез без следа) муж Володиной тети Груни, бывший учитель математики, объявленный "попом" за то, что учился в семинарии (на аналогичный факт биографии И.В.Сталина почему-то не обращали внимания). Как водится, в воинскую часть пришло соответствующее сообщение с требованием повышенной бдительности к родственнику выявленного "врага народа". Володю сначала освободили от должности комсомольского секретаря и от других общественных нагрузок и начали готовиться к его проработке. Поскольку симптомы и течение этой "болезни" всем были хорошо известны, так же как и ее неизбежный исход - арест, то Володя чувствовал себя без вины виноватым, но внутренне уверенным в неминуемой гибели и покорным ей.

Неизвестно, что помешало обычному течению этой болезни. Неизвестно, почему Володю скоро восстановили в прежнем положении на работе, "вернули доверие", а у его жены отлегло от сердца. Сам он объясняет это чудо влиянием комиссара полка, который его хорошо знал и хлопотал о нем. Возможно. Но скорее - просто повезло: 38-й год идет под знаком исчезновения Ежова, борьбы с перегибами в борьбе с

вредителями, временного притормаживания разогнавшейся машины арестов. Если в 37-м году "заступники за арестованных" обычно сами шли вслед за теми, кого пытались спасти, то в 38-м году некоторых удавалось спасти (потому что чрезмерного количества арестов стало не нужно).

Вот так и жили Таня и Володя в свое молодое, счастливое время двадцатилетних (53 года на двоих), и жизнь брала свое...

Семья Сокирко, февраль 1939 года: Володя, Таня и сын Виктор. 1939 год начался с меня – я родился. Назвали Виктором, в честь двоюродного Володиного брата, харьковского студента (в 42-ом погиб артиллерийским лейтенантом). Родился я легко, был толстым, веселым и здоровым. И как-то вдруг все вокруг упростилось и образовалось. Боль от потери Валентины утихла, сын радовал, дали вторую комнату, у родителей с сестрой и братом в Москве также все устроилось. Таня бросила работать и стала вести жизнь офицерской жены. Фотографии того времени выдают

сильное изменение ее облика. Она округлилась, одомашнилась, во всех ее позах сквозит улыбка и ублаготворенность. Счастье.

После поездки в Москву к родителям, в 40-м году состоялась поездка к сестре в Гвинтовое к старому дому, не боясь и не стесняясь прошлого раскулачивания. Казалось бы, все страхи остались позади - впереди простиралась ровная счастливая жизнь. Эти годы бабушка Таня (да и не только одна она) вспоминала всегда как самые лучшие, благополучные, самые спокойные.

А вернее, надо говорить в лучшем случае об одном году. Ведь в сентябре 1939 года вспыхнула вторая мировая война, и каждому военному было ясно, что без нашего участия в ней не обойдется. О каком спокойствии могла идти речь?

Правда первые два года войны была трагедией для иных народов, для нас же она обходилось тревогой и малыми военными действиями (в Польше и в Финляндии, где участвовал и ваш дед).

В бешеных водоворотах военных гроз и внутренних репрессий расцветало семейное счастье ваших предков и всего их поколения – они строили своё благополучие. И правы, потому что жизнь коротка и вся состоит из коротких мигов: сколько успел, то твое. Бабушка Таня смогла-таки родить ребенка и построить полноценную семью в предвоенные годы, и этим создала всех нас.

А света от воспоминаний о "благословенном довоенном времени" ей хватило не только на тяжелые военные годы, но и на всю жизнь.

Война. 1941-1945 годы

22 июня 1941 г. Главная война. Муж сразу же, с первого дня - на фронт, сын - в ясли, а фельдшер Глобенко Т.Д. мобилизована в тыловой госпиталь.

Через несколько месяцев, осенью - эвакуация вместе с госпиталем в далекую-далекую Сибирь, Красноярский край, г. Минусинск. В спешке. Брошена на разорение и уничтожение квартира, созданный своими руками родной дом. С собой

разрешено брать только детей, одежду и еду на дорогу. Но каким-то отчаянием она взяла с собой еще мужчин костюм и семейный ковер (он сохранился до наших дней)./p>

Бомбейка состава в пути, поездная неразбериха, обиды на начальство, кражи и потеря вещей, временная вынужденная разлука с сыном на несколько дней в Новосибирске. Переживаний хватало, только поворачивайся... Проняло даже меня - именно с этой дороги в Сибирь начались мои личные воспоминания.

И наконец, год жизни в Минусинске - на военном положении, впроголодь, с работой сверх головы. А главное, томила тревога за мужа. Лихорадочное ожидание писем, суеверная боязнь почтальонов с их похоронками. Задержка писем на месяц-два представлялась уже как "пропал без вести" или даже "погиб". И правильно представлялась - сколько было таких примеров.

Судьба, однако, их хранила. Сколько дорог и отступлений прошел Володя, вытаскивая свою дорогую самолетную "технику" из безнадежных окружений, сколько бомбек перенес, пули и осколки рвали на нем одежду и амуницию - но за всю войну самого не тронули ни разу. Счастливее!.

Зимой 1943 года Таня добилась разрешения перевода в Москву к родителям (вышли льготы для военнообязанных матерей с детьми) и переехала, став медсестрой здравпункта завода "Красная труба", где работали все Глобенки. Здесь она проработала почти до конца жизни, 30 лет.

Фотографии военного времени показывают Таню неестественно худой, красивой, с блестящими глазами. И куда подевалась ее довоенная полнота? Конечно, заработок и паек медсестры, работавшей по 12 часов в сутки, был невелик, но офицерский аттестат от мужа был существенным подспорьем, позволял не голодать, хотя и не давал есть досыта. Мама часто вспоминала какой-то Новый Год (наверное, 1944) и, следовательно, мой день рождения, когда после украшения елки бумажными игрушками, я просил есть, а была лишь одна

картошка с подсобного участка. Именинник счастливо уплетал эту вкусную картошку, а его мама еле одерживала слезы, что не было подарка ребёнку, даже конфетки. Впрочем, детей в садах кормили неплохо.

Таня в годы войны, 1944 год В общем, если бы не тревога за мужа, жизнь в эти годы при всей своей физической трудности не была бы тяжелой. Тем более что пошли наступления, выход войск за рубеж, ежедневные победные салюты и нетерпеливо-радостное ожидание победного конца.

Но мешали трения в большой родительской семье, которыми были отмечены эти военные годы и о которых я должен рассказать, как нынче их понимаю.

Все упиралось в Вашего прадеда. Хотя он и оказался в почетном звании пролетария, привилегированного класса, и мог бы спокойно наслаждаться достигнутым уровнем жизни, деля время между заводом, игрой в домино и выпивкой, но, расставшись с землей, он не изменил ни своих крестьянских привычек, ни своим юношеским целям. Придя с работы, он или отправлялся на подсобный участок к картошке или укладывался на койку и оставался на ней до следующей смены. И только. Домашняя работа и жизнь детей его деревенской традиции не колебали и не касались. Он был выше этого. Заветной целью стало - купить "дачу" - какой-нибудь деревенский дом в Подмосковье с приусадебным участком и "осесть на землю". Конечно, своим решением перебраться в Москву Митрофан определил московское будущее всех своих детей и многих родственников, но сам он стремился к иному, к "земле".

Однако для покупки "дачи" нужны немалые деньги, которые простому рабочему с двумя малыми детьми найти тогда было чрезвычайно мудрено. Митрофан и не пытался мудрить. Он поступал, подчиняясь извечному крестьянскому инстинкту - копил. Ввел жесточайший режим экономии. Не только для себя, но и для семьи. Только черный хлеб, только старая залатанная одежда, никаких развлечений и "излишних" удобств. Жили они в 9-метровой комнате стандартного баракчного дома. Когда во время войны соседняя комната в 13 кв.м стала свободна, и никто ее не занимал, завком настоятельно предлагал Митрофанду Степановичу занять комнату, но тот отказался - чтобы не увеличивать семейные расходы на жилье!

Так и жили вчетвером (а после нашего с мамой приезда – вшестером) в узкой девяностометровке. Три кровати, сундук и пол.

Когда наступали летние каникулы, Митрофан старался определить младшую дочь в няньки, хотя бы за еду и грошовую плату. Для сына мужской работы еще не было в городе, и подросток работал на заводе.

Вместе с тем Митрофан был достаточно осторожен: записался в разные общества с их членскими взносами, ходил на праздничные демонстрации, беспрекословно подписывался на займы и добровольные пожертвования на оборону во время войны. Из ряда незаметных рабочих не выделялся и своим скопидомством отнюдь не бахвалился.

Его поведение сегодня может показаться странным и смешным, но для прадеда мечта о даче, о кусочек земли при ней, была, наверное, смыслом жизни. Для осуществления мечты он вел борьбу с собственной жалостью, добротой, леностью, неверием. Этим самым он вел титаническую борьбу за жизненное призвание, за сложившуюся душу. Можно смеяться над размерами прадедовой цели, но трудно отказать ему в уважении за непреклонное упорство, внутреннюю независимость и противостояние колossalному внешнему давлению.

Вся сила могучего государства и пропаганды вопила и взывала: «Откажись от земли и независимости, откажись от мечты! Стань платным слугой и наемным пролетарием, стань добровольно, не думай об иной доле. Доказывало по-разному, но очень действенно: кнутом конфискаций, ссылок и лагерей и пряником бесплатных путевок, нормированного рабочего дня, большого пайка, дешевых квартир

Но ничто не могло сломить прадедовой души, его устремлений. Правда, они стали совсем скромными: земля, хозяйство, крепкий дом урезались в «дачку». Потому что в рамках существовавших тогда установлений только такая мечта была дозволена и не грозила репрессиями, т.е. была осуществима.

Главным препятствием было лишь отсутствие денег, а на пути к их сбережению - просьбы и слезы жены и младших детей, которым уже не нужна была земля и "дачка", нужны были еда, одежда получше, книжки, кино, мороженое, т.е. потребление ради него самого. И вот семья начала противиться режиму экономии. Пошла настоящая борьба за утаивание части денег от "отцовского скопидомства", от всевидящего догляда. Шла она очень долго, разворачивающее долго, приучая одну сторону к изворотливости и обману, а другую - к подозрительности и мелочности.

И в этой атмосфере враждебных интересов мы с мамой оказались чужеродным включением, почти бельмом на глазу, вызывая неудовольствие обеих сторон. Конечно, ваш прадед не думал устанавливать власть на деньги взрослой дочери и ее мужа (уж он-то уважал чужую собственность), но то, как "широко" тратила дочь эти деньги на ребенка и себя, нарушало сложившийся в семье режим жесточайшей экономии, еще больше возбуждало дух протesta у жены и младших детей. Все попытки Митрофана склонить дочь к самостоятельному накопительству (это в те-то годы!) ни к чему не привели. Татьяна уже оторвалась от крестьянской почвы и не понимала смысла ни в земле, ни в деньгах на "черный день".

А от матери и младших брата-сестры Таня неожиданно для себя вдруг встретила ожидание полного денежного слияния с ними.

Согласно простой "семейной логике": раз живем вместе, то и деньги, откуда бы они ни взялись, давайте делить побратски, поровну, по справедливости. Сегодня такое предположение и требование могут показаться нелепыми, но мы просто ничего не понимаем ни в тогдашних условиях жизни, ни в тогдашних жизненных представлениях. И действительно, жить в одной комнате с братом и сестрой, почти в голоде и нищете - и на разных деньгах и уровнях - хорошо ли это? справедливо ли? Видеть, как старшая сестра лучше их одевается, хотя и не гуляет с молодежью, тратит драгоценные деньги зря на ребяченка (например, новые галоши, хотя старые еще не развалились) и

сознавать, что они сами все свое детство ходили в обносках, хуже всех своих друзей и подруг, и сейчас, в наступившей юности, это продолжается - каково? Отсюда происходил этот оскорбительный для Тани мотив: "Ты уже замужем, уже старая, скоро тридцать лет будет, наряжаться совсем ни к чему, а у нас - еще все впереди, нам одежда больше нужна..."

Мать держала в таких пререканиях сторону своих младших и потому главных детей. И это сильно обижало Таню, гораздо больше, чем неудовольствие отца. Его она могла понять, хоть и не одобряла. Да он и не посягал на ее самостоятельность и равно относился ко всем. Мать же не могла проявить равной любви и привязанности ко всем детям, не могла понять необходимости защищать среднюю дочь от "справедливости" младших. Еще важнее, что она не могла понять и принять устремлений своего мужа. Прабабушка Поля выросла в относительно богатой семье, поэтому честолюбивые мечты о своей земле, об укреплении своего хозяйства ей чужды, посторонние, оставляли равнодушной. Она лишь пассивно подчинялась воле мужа и традиции. Сытое и не ущемленное мечтой о богатстве детство приучило ее к потребительскому (пролетарскому) стилю жизни, привило стремление брать от жизни все, что можно, сейчас и не строить далевых планов. Такой "легкий" склад Полиного характера вдруг оказался весьма соответственным послереволюционной эпохе, стилю жизни воспитанных при советской власти младших детей. Прадед же оказался антагонистом не только времени, но и жене. Потому и произошел столь глубокий раскол в семье Глобенок...

Меньше 15 лет прошло с тех пор, как Таня покинула деревню - и как все изменилось. Какими чужими оказались родные! Самым близким и понятным из них проявился прежде далекий и отчужденный отец. Приехав к матери и отцу, она не почувствовала ни на миг возвращения домой, в детство. И лишь поездки вместе с отцом на посадку и копку картошки под Можайск или иные места, отведенные заводу "Красная труба", неожиданно поднимали у нее прилив воспоминаний, ощущение возвращенного детства, зеленого поля, росяного утра, тяжелой

земли на лопате, уверенности от сильного отца рядом, радость от прекрасной жизни. Я это знаю, потому что именно эти поездки она вспомнила в последний год жизни, ими жила последние месяцы и дни. Может, в эти поездки вместе с отцом она в последний раз бывала маленькой девочкой или "гарной дивчиной" - и по чувствам, и по здоровью и по внешнему виду.

Хотя бы вот такой, как на фотографии 1945 года со мной на загородной "даче" заводского детсада. Кстати расскажу: приехав навестить меня, мама охнула от моего исхудавшего вида и немедленно забрала домой, несмотря на категорические

возражения детсадовского начальства. Надо признать, что это начальство, действительно, обнаглело, воруя у детей продовольствие самыми разными, скрытыми и даже открытыми способами. Одно из моих голодных впечатлений того "райского житья": мы, дети, собираем в лесу грибы, нас хвалят и говорят, что сжарят добычу и подают на обед. Восторженное ожидание чудесного обеда завершилось горьким разочарованием. На тарелках каждого малыша оказалось по мизерной грибной кучке, зато огромное блюдо (как сейчас помню - не охватить), заваленное жареными грибами до неба, улыбающаяся повариха торжественно подносит улыбающейся воспитательнице или заведующей... А обман шоколадом? - Было объявлено, что от шоколада болят зубы, поэтому детям советовали возвращать свои дольки обратно. Поскольку я уже тогда всерьез мучился зубами, то возвращал все дольки до единой. И лишь мама меня потом просветила.

Прошли многие годы после войны, но отчужденность от родных не изгладилась до конца. По-деревенски большой семьи уже не было: все сестры и брат жили отдельными семьями, и лишь на праздники, на Пасху особенно, собирались у родителей. И, тем не менее, настороженное отстаивание своего положения у матери и обидчивость-не изживались. И особенно у моей мамы. И не в ее силах было бороться с собственными навязчивыми представлениями. Может, в годы войны ее настороженность и была нужна, но позднее она просто губила ее саму. Губила, переносясь на соседей, на мир, даже на мужа и сына.

В Германии. 1946-1948 годы.

Весной 1946 г. из Германии приехал отец и забрал нас обоих с собой. Кончилась война, и мы, наконец-то, были вместе. Но не в Харькове, а по месту расположения отцовской воинской части - в Германии.

Сохранилось одно фото бабушки Тани того периода. Группа офицерских жен авиационной части на фоне портрета "Отца Родного". Наверное, снялись после политзанятий. В

общем ряду сидит и моя мама. Снова повторилась довоенная история: сытая жизнь с мужем в кратчайший срок и уже окончательно располнила ее и превратила в знакомую вам "бабушку Таню". Даже многочисленные переезды и хлопоты (за 2 года - четыре переезда) не помешали процессу сытого старения. Переезды не могли заглушить главного нашего ощущения этих двух лет - удовлетворенности (может, радости) от свалившегося несказанного богатства и роскоши. Как сейчас помню: после тесного и шумного польского поезда (чемоданы и узлы) отец вводит нас ночью в огромную квартиру с множеством комнат, уставленных диванами, зеркалами, старинными часами, роялем (а для меня припасено маленькое ружье и сабля). И нам предстояло здесь жить. Ощущение сказки. Недаром люблю увиденный именно там наш фильм "Золушка".

Все понятно: брошенные немецкие квартиры занимались семьями советских офицеров, а брошенная мебель и вещи считались естественными трофеями. Сбежавших хозяев обратно не пускали, оставшихся немцев вскорости выселили, или, как выражаются теперь - переместили на Запад, объявив эти восточно-немецкие земли новой польской территорией.

*Германия=Польша, г.Заган. Жены офицеров, 1947г.
Вторая слева в нижнем ряду - Т.Д.Глобенко*

Приехав в побежденную Германию, мы скоро очутились в союзнической Польше, что со временем отразилось и на положении советских военнослужащих: они должны были постепенно перебираться из городов в специальные военные городки, а в обращении с местными усваивать более вежливый,

менее барский той. Если в первые месяцы к нам приходили тихие немки и униженно выпрашивали стирку или иную работу за хлеб, а непривычная к этому моя мама не могла устоять против просьб немецких девочек (она просто давала хлеб), то в последнее время мы жили уже в сплошь русском военном поселке казарменного типа, квартира состояла всего из трех комнат (но мы помнили, что в Москве четверо живут на 9-ти метрах), а служилых немцев уже выселили. После редких поездок в городские магазины женщины обычно возмущались вредными и высокомерными "панами" - польскими торговцами.

Однако первое впечатление господской жизни - и по богатой обстановке и по отношению окружающих (немки, стирающие белье) - было колоссальным.

Шел 47-й голодный в России год. Но здесь, в побежденной Германии и Польше, хлеба и продуктов было довольно. Многие, и мы тоже, отсылали домой продуктовые посылки. Но разве на всех - отошлешь? Голод в Москве подчеркивал здешнее благополучие.

Не знаю, насколько естественно восприняла бабушка Таня свое превращение из раскулаченной крестьянской дочери через советскую медсестру и жену офицера - в западноевропейскую барыню (фрау), у которой "немцы были на посылках". Наверное, как награду судьбы за разбитый и исчезнувший в Харькове дом, за все страхи и переживания в военные и предвоенные годы. А скорее просто как жизненную удачу.

Конечно, по-настоящему освоиться с ролью госпожи она не успела - уж слишком короток был срок. Но, наверное, именно с этого времени у нее начало появляться иногда новое выражение лица - спокойное, горделивое, советско-господское, чуть ли не торжественно-официальное. К счастью, для меня - только на людях и очень редко. Но вот осталось на некоторых фотографиях, и сейчас я думаю: может, это выражение было не только маской для внешнего употребления, может, она соответствовала и развивающейся сути?

Отодвинулась в сознании тема "черных воронов", материально "жить стало легче и веселее", а вот в маминых словах появилась (и надолго осталась) благодарность Сталину за "выигранную войну". Слова Молотова "Не было бы у нас Сталина, не было бы и победы" казались ей очень правильными. Один раз в компании за столом она даже несмело предложила выпить за Сталина-победу. Наступила неловкая тишина, которую снял один офицер: "Мы собрались здесь запросто, дружески, а в неофициальной обстановке такие тосты неуместны". Слова эти были очень рискованными, но, кажется, прошли для говорившего без последствий, а для мамы оказались хорошим, на всю жизнь уроком. Незабываемым чувством стыда. Я это хорошо знаю.

Чем была занята мамина заграничная жизнь? Офицерские жены обычно не работают. Не работала и Таня. Конечно, была «общественная деятельность офицерских жен», были политзанятия, были курсы кройки и шитья. Но главное - начало школьных занятий сына, устройство дома и кормежка мужа. Откормить исхудавшего и вымотавшегося за войну Володю постепенно стало ее основной жизненной целью. О других детях она почему-то больше не думает. Не знаю - почему. До сих пор не понимаю. Не из-за тяжести родов - я бы помнил тогда отклики родительских обсуждений. А просто им тогда хватало одного ребенка. Правда, пройдет несколько лет, и уже в Москве, она будет горько жалеть о своей нерешительности, но поздно.

Конечно, Таня не была крестьянкой, но во многом унаследовала крестьянский характер своего отца. Как и он, она, видимо, не могла жить без собственной цели. При достигнутом материальном достатке и здоровом, благополучном ребенке целью стало благо и здоровье ее дорогого мужа. Во что бы то ни стало! Даже вопреки его собственной воле и, следовательно, в подрыв семейного согласия.

Есть мудрое правило: надежны невзгоды и поражения, в довольстве и покое таятся будущие несчастья. Принятая в богатые послевоенные годы Таней цель преследовалась ею в

течение всей оставшейся жизни - но без ощутимого успеха, и потому привела ее к раннему неврозу, потом к гипертонии и к гибельному обострению нефрита. Начавшаяся благодаря тогдашним ее стараниям хорошая учеба сына привела его через годы к "опасным вопросам", что обострило материнскую болезнь, заставило казниться за "неосторожное воспитание сына" ("лучше бы тебе стать рабочим").

Даже физиологически ей было вредно довольство. Хорошее питание сделало её толстой, почти с неизбежностью подготовило гипертонию. Иногда мне кажется, что сохранись тяжелые условия войны, полуголодная жизнь с естественными заботами о хлебе насущном, но без душевных терзаний о судьбе мужа и родных, моя мама еще долго была бы вот такой худой и сильной, прожила бы много дольше, чем ей удалось. Но легко гадать, так было бы или иначе. Труднее самому правильно действовать, даже если знаешь пользу несчастий или недоедания. Вот, например, мы с вашей мамой Лилей знаем бабушкин опыт, а все равно тянемся к более богатой жизни, большим деньгам и обильной пище, хотя именно из-за них и умрем раньше срока. Есть логика давно усвоенных жизненных привычек и очень трудно, может, невозможно ее ломать. Уже привыкли так жить и не можем иначе.

Рождение невроза. Мазилово. 1948-1955 годы

годы.

Весной 1948 г. ваш дед в чине капитана демобилизовался и с семьей и многочисленным трофейным скарбом (по три офицерских семьи на товарный вагон) приехал в Москву, бросив нажитую военную специальность, променяв завоеванное благополучное положение на состояние временного безработного. Трудно понять, почему он это сделал. Конечно, из-за отсутствия высшего образования ему был закрыт рост в "высшие офицеры". Конечно, он соскучился по нормальной жизни в России, Но, наверное, были еще причины, из-за которых он так быстро и так решительно, против воли жены

(она хотела, чтобы он дослужил оставшиеся немногие годы до военной пенсии) демобилизовался и оказался в Москве. Он никогда и никому не раскрывал этих крутых причин, но, кажется, они - в том равнодушии, с которым командование части отнеслось к перспективе ухода одного из лучших авиационных механиков. Ваш дед привык работать в два-три раза больше положенного, не требуя соответствующих вознаграждений, а лишь искреннего уважения, чувства собственной необходимости, ибо служба в армии была его собственным «полем». Все было хорошо, когда интересы начальства совпадали с интересами службы. В иные же времена все расстраивалось. В годы послевоенного сокращения воинских частей люди совсем без охоты шли под демобилизацию в голодную Россию, и, конечно, в такой обстановке интересы собственные и своих личных друзей для командования значили много больше, чем интересы "качественного обслуживания" самолетов. Словом, "умри ты сегодня, а я - завтра". Для вашего же деда обида могла тогда звучать так: "Мавр сделал свое дело и не нужен"

Но, повторяю, все это - лишь мои домыслы, ибо в семье было признано: "Отец сам, по доброй и непонятной воле демобилизовался".

Поселились мы у прадеда, но не в его девятиметровке, а в купленной к тому времени "даче"... Сейчас уже нет практически той подмосковной деревни Мазилово, в которой стоял этот дом, и где прошло мое сознательное детство. Между станциями метро "Филевский парк" и "Пионерская", ближе к железной дороге, сейчас укоренились кварталы блочных домов. А раньше - тянулись три деревенские улицы, окруженные полями ржи, картошки или капусты. Поля перерезали два противотанковых рва, вырытые женщинами в годы войны и засыпанные лишь в начале 60-х годов. А ближе к лесу, который сегодня вдруг преобразился в маленький Филевский парк, по нынешней трассе метро текла речка Филька – прозрачная, веселая, с пескарями на песчаном дне в солнечных бликах, в высоких зеленых берегах (сейчас напрочь и безжалостно

срезанных и засыпанных). Когда же мы, мальчишки влезали на насыпь белорусской железной дороги, то за ней вдалеке виднелся синий лес, который казался нам за далью-даль. В таинственном лесу - все говорили это вполголоса - стоит дача Калинина или Ворошилова (на самом деле - кунцевская дача Сталина).

Сейчас ничто не напоминает здесь деревни, а раньше ничто не напоминало города. Сама же старинная деревня, получившая свое название от живших здесь "мазил" (по старинному обычью, здесь смазывались колесные оси, готовя в путь обозы из Москвы на запад), имела обычный колхоз и полагавшиеся к нему магазин, правление и клуб-кино.

Историю покупки "дачи" ваш прадед рассказывал как мистическую: будто бы он явственно услышал голос: "Ты ищешь? - Иди", и он пошел... "Голос свыше" довел его до Мазилова, до полуразвалившегося большого дома, одна половина которого была брошена и закрыта, а в другой тесно жили хозяйка и ее дети. Муж у нее погиб, и занимать-топить весь дом она была не в состоянии. За 20 тысяч тогдашних денег он приобрел половину дома и 6 соток земли рядом с ним. Кстати, только что прошла денежная реформа 1947 года, сильно обесценившая все прадедовы накопления. Наученный этим горьким опытом, он, по известному правилу, теперь "дул на воду" и спешил-спешил "осесть на землю", не жалея полегчавших денег, решая судьбу свою бесповоротно. Наконец-то, у него снова появилась своя, пусть крохотная по размеру, но своя земля. Однако не успел он на ней обосноваться и что-то сделать - приехали мы и поселились, конечно, временно.

Так, временно, мы прожили здесь около 6 лет. Почти заново отстроили свою половину дома - с верандами, печью, фундаментом, хозяйственными пристройками - курятником, свинарником, дровяным сараем. В это обзаведение родители ухнули почти все привезенные с Германии деньги, все время и силы. Прадед же, в начале активно участвовавший в перестройке, потом отошел в сторону, предоставив зятю право

на инициативу и решения. Как будто, он приобрел землю, но тут же ее потерял. Почему же он так поступил? - Наверное, входил в положение дочери и зятя (деваться же им было некуда) и терпеливо ждал, когда им дадут московскую прописку и заводскую квартиру. А пока зять и сам неплохо обустраивает его "будущий дом" и землю. Так оно, собственно, и вышло.

В 1954-м году родителям дали-таки от завода две маленькие комнатки в том же самом доме, где жили старые Глобенки, и прадед с женой, старшей дочерью и внучкой перебрался на свою дачу. Наконец-то!

Казалось бы, старый "спор" прадеда с властями закончен. Власть, конечно, и думать не думала о каком-то споре с каким-то пролетарием из раскулаченных. Но для прадеда все иначе. Он снова жил не в казенном, а в своем доме. И утром мог выйти на свою землю. При пенсии, при "выведенных в люди" детях, при уважении от соседей.

Так бы ему дожить до смерти - и это было бы справедливой, хоть и малой наградой за все пережитое. Но... судьба была к нему безжалостной - Кунцево-Мазилово включили в черту города, слухи о перестройки деревни становились все упорнее, а с конца 50-х годов стали явью. Застройка массива "Фили-Мазилово" все ближе и ближе подвигалась к их дому, надрывая душу безнадежностью. Кажется, в 60-м году дом и сад снесли, заплатив какую-то ерунду, и всех четверых переселили в однокомнатную квартиру нового блочного дома. Снова в одну комнату этого человеческого муравейника.

Внешне Ваш прадед спокойно перенес эту последнюю катастрофу. Но только внешне. Вскорости его разбил паралич, потом он оправился, но почти не выходил из комнаты, и летом 1964 года умер.

Годы, проведенные нами в Мазилово, вспоминаются уже мною, как годы счастливого детства: стройка дома - в стружке и земле, игры с мальчишками и походы в лес и на Москву-реку, запруды на Фильке, сладость вишен и кислота яблок.

У родителей же был хлопот полон рот: отец после долгих мытарств устроился на якобы временной работе кладовщика на складе Трубного завода, да так и остался там до сегодняшнего дня. Мама же вернулась в медкабинет того же завода, правда не сразу, некоторое время работала на заводе "Москва-толь", от которого у меня остались в памяти списанные и запрещенные, изъятые из библиотек и отправленные на переработку в толь книги. Эти книги иногда и тайком приносила мне мама. До сих пор помню ее и свое недоумение, зачем нужно было уничтожать совсем новенькие книжки чудесных детских стихов Л.Квитко: "Анна-Ванна, наш отряд хочет видеть порослят, мы их не обидим, поглядим и выйдем..".

Ходить на работу приходилось пешком, далеко и долго, особенно в осеннюю и весеннюю грязь. А заботы с домом, курами, поросенком отнимали много сил. Нет, Таня не стала вновь худой и красивой, ибо голода больше не испытывала. Болезни у нее в это период не проявлялись. У нее хватало силы даже таскать на себе мешки с картошкой или отрубями для поросенка - быстро и радикально европейская "фрау" снова стала русской работницей. А когда я был в 5-м классе, она пыталась еще бегать со мной наперегонки ("Боже мой, как отяжелела, а ведь в детстве не могла нормально ходить, только бегала!").

Жизнь текла нормально, и только худоба мужа ей докучала. А он не мог жить иной, не напряженной жизнью: в деле, таком прозаическом и почти презираемом, как складирование и отгрузка труб потребителям, он проявил всю ту же добросовестность и старание, с которыми начинал раньше портняжить, потом комсомолил или ремонтировал изрешеченные немецкими пулями самолеты. Может, на фронте часто бывало труднее, зато было понятнее, откуда трудности взялись и почему нужно бросаться на их преодоление. Здесь же, в мирных условиях, понять и оправдать причины заводских "трудностей" и "порядка" он не мог и все силы ухайдакивал в их преодоление. С помощниками или без них, одному ли - все равно. Всю жизнь привыкнув рассчитывать только на

собственные силы, он и здесь оставался верным себе, не обращая внимание на кличку "чудак" (или даже грубее), приставшую с первых же месяцев работы.

Дедушка Володя и сейчас, спустя почти тридцать лет приходит на работу за час до начала и уходит позже. В первые же годы он возвращался домой не раньше 9-10 часов вечера, а иногда - лишь на следующие сутки (как на фронте). В цеху же не гнушался никакой работой: бывший офицер, нынешний мастер, он работал и на кране, и чальщиком, и кем угодно. Только бы не останавливалась погрузка...

Ну, как могла относиться к этому любящая жена? - Любая ругала бы его и пилила, что не бережет себя, не имеет гордости, не может заставить подчиненных и т.д. и т.п. Не была исключением и Таня - но без толку! Покладистый и исполнительный, когда речь шла о здоровье жены или интересах семьи и родственников, Володя был непреклонен, или проще, упрям, когда уговоры касались его лично. Изменить себя и переделать он не мог. И наверное, был прав в этом. Небезопасно переделывать себя в зрелом возрасте (за сорок). Тяжелая же, на износ, работа и отчаянная худоба вовсе не подорвали его здоровья. Он работоспособен даже сейчас, через тридцать лет. А Таня была убеждена тогда: "При такой жизни Володя проживет 3-5 лет, не больше 10-ти" и прикладывала максимум усилий, чтобы избежать своего страшного предсказания: вкусной едой (куры и пороссята заводились в немалой степени именно из-за этого), попытками упорядочить режим и работу, наконец, долголетними и безуспешными попытками отучить от курения с расчетом: «Бросит курить - потолстеет - проживет дольше».

Но даже в последнем, кажется, наиболее простом средстве, Таня потерпела поражение. Если вначале Володя делал серьезные попытки избавиться от вредной привычки, то после нескольких неудач, поняв, что на нервной работе не может удержаться без курева, перестал и пробовать. Ожесточившись от непрекращающихся уговоров и упреков жены, перестал и слушать ее на эту тему. Только молчал.

Впервые и неожиданно для себя Таня наткнулась в своей семейной жизни на неодолимую стену, много лет пыталась ее преодолеть, но в результате разбилась сама.

Последняя и отчаянная попытка ее относится уже к периоду нашей жизни в заводском стандартном доме, сразу же после переезда. Прекратились хлопоты мазиловского дома и двора, и мамины силы еще больше сконцентрировались на муже. С другой стороны - места для курения в наших комнатах было меньше, чем в Мазилово. Короче говоря, проблема обострилась.

Было перепробовано множество рецептов, помогающих бросить курить - множество средств и таблеток. Наконец, дошли до последнего - до записи на прием к модному врачу-специалисту, отучавшему людей от курения гипнозом и еще чем-то. С огромным трудом, после долгих просьб и ожидания, Тане удалось записать мужа на прием и лечение. Наконец, она, торжествуя, сообщила, что назначен день и час приема. Осталось только пойти и... вылечиться. И вот тут происходит тот самый бунт: Володя категорически отказывается идти на прием. Навсегда!

Сначала Таня просто не верила, не могла поверить: «Да, он давно уже потерял веру в силу своей воли, давно махнул на все рукой, на ее уговоры и надежды, но тут-то как раз успех гарантирован, гипноз действует помимо воли и выдержки. Да и как можно не пойти, когда затрачено столько сил, труда, чтобы добиться приема? Столько нервов и лет жизни ушло в этой изнурительной борьбе за его же здоровье! Разве он может отказываться именно сейчас, на пороге успеха? Ведь обещал, всегда обещал бросить курить, еще до женитьбы обещал...»

Нет, худшей измены она не могла себе представить. Все дни до дня приема плакала и уговаривала. Но он, не веря в очередной женин рецепт (сколько уже было их перепробовано), решает на этот раз выдержать характер до конца, чтобы больше его не воспитывали, и конечно же, выдерживает. Она с отчаянием наблюдает, как истекает срок явки на назначенный прием у специалиста-кудесника. Истекает неотвратимо.

Надеется на чудо: что муж в последние минуты опомнится, придет с работы, и они поедут, пусть даже немного опоздают и ей придется извиняться. Ради бога, сколько угодно раз! Как она умоляет его свершить это чудо!

Но чудо не происходит. Муж приходит, как всегда, поздно. Делает вид, что ничего не произошло. О чем же может быть теперь у них речь, когда он изменил тому самому первому, еще в Харькове до замужества молчаливому обещанию: угадывать и исполнять все ее желания? Как с коробкой шелка... А сейчас он не то что угадал и исполнил, а просто растоптал ее самое главное, самое заветное желание. О чем же теперь разговаривать?

Но будем справедливы. Он совсем не изменял своим главным обязательствам. Он просто стал со временем опытнее и понял, что невозможно выполнять все желания жены, что многие из этих желаний относятся к нему самому и если их все и беспрекословно выполнять, то от самого себя ничего не останется. Ей же от этого будет потом хуже.

Конечно, ваш дед зря так резко повернул в те дни - от беспрекословного подчинения к каменному отказу. Такие крутые повороты не могут не действовать разрушительно на женскую психику. Он просто не догадался, как было важно для Тани сделать эту последнюю попытку. Наверное, она тоже была бы неудачной, и курить бы он не бросил. Но зато не было бы такого резкого разлома сложившихся семейных отношений, Таня не потеряла бы в тот момент веру в него как близкого человека, того самого - с подарочным шелком в руках.

Однако ошибки становятся нам ясными лишь много позже...

А тогда Таня собралась немножко и ушла из дома. Недалеко ушла - к отцу и матери в Мазилово. Ушла серьезно. Надолго, может, навсегда... Я смутно помню эти странно пустые дни, когда мы с отцом выжидали ее возвращения. Мы были совершенно в нем уверены и не ошиблись. Действительно, куда ей деться? При своем доме, при подростке-сыне, при негулящем и некормленом муже - разве можно уходить только из-за

мужинного курения? Смешно - никто не поймет... Разве объяснишь кому про "человека с шелком"? Да и сердце за ними, брошенными, болит. Чем дальше, тем больше.

И мама вернулась к нам. Только не вернулось к ней здоровье, ее психическая цельность, ненадломленность. Мир в душе был сломан и лишь наскоро непрочно склеен. Бессонница, раздражительность, подозрительность теперь никогда с нею не расставались. Довольно скоро ей оформили 2-ю группу инвалидности с записью в книжке: "общая нервная болезнь" (или что-то в этом роде).

Может быть, я преувеличиваю связь нервной болезни с описанной историей, но какая-то связь все же была. Внешне мама сталатише и спокойнее даже, меньше входила в отцовские дела и интересы по работе, не делала новых решительных попыток ликвидировать его курение и поправить худобу. Сын пока рос нормально, хорошо кончил школу и, выполняя желание родителей, поступил в хороший институт учиться дальше. Жизнь катилась по установленному порядку, без особых всплесков и треволнений, без событий, заметных для меня, занятого собственными проблемами.

Только теперь мне ясно, что именно этой "тихости", смене равнодушием прежнего деятельного напора надо было не радоваться, а ужасаться. Ибо они признаки неизлечимого упадка, потери жизненной цели, начала смерти. Ибо человек не может жить без цели.

Как многие женщины, бабушка Таня росла, училась, чтобы работать, работала, мечтая найти друга и создать семью, поддерживала семью, чтобы сберечь и охранить мужа и вырастить сына. Теперь муж сделал безнадежными и бессмысленными ее старания, а сын вырос, перестал нуждаться в опеке, естественным ходом вещей отдалился и стал просто холоден.

Гибель жизненной цели можно еще пережить в молодости, когда здоровое тело пересиливает духовную немощь и вынуждает к поиску и нахождению новой цели, ради которой следует продолжать жить. В старости этого обычно не

происходит, не получается. Мудрая природа, неукоснительно заботящаяся о том, чтобы старое умирало, освобождая место под солнцем новому, молодому, обычно благосклонно смотрит на старииков, не меняющих ритма своей жизни, неуклонно преследующих поставленную когда-то жизненную цель, в чем бы она ни состояла: в научных исследованиях, в садоводстве или воспитании внуков. Заведенный режим работы, выполняемый с охотой и воодушевлением, отгоняет болезни и сохраняет жизнь насколько это возможно для биологического организма. Потеря же цели, а вместе с нею и стимула к работе, уступки усталости, стремление к "отдыху" и бездеятельности ведут к самоликвидации человека, к самоисчерпанию. И никакими средствами нельзя внести извне в угасающую жизнь новую цель. Ухудшающееся здоровье препятствует целеустремленной работе, а здоровье ухудшается от отсутствия цели и нормальной жизни. Такая порочная спираль - удел наших пенсионеров - закручивает старых без спешки, но до конца.

Кажется, немногое отняли у бабушки Тани - лишь надежду существенно улучшить здоровье мужа, отучить его от вредной курительной привычки, все же остальное - при ней по-старому. Но оказывается, все оставшееся потеряло смысл, цену, как будто соль вынули из приготовленной уже пищи. Ей всего 40 лет, самый расцвет, середина жизни, однако, это уже надломленная, грустная жизнь, как будто до инерции, по обязанности, а не по любви.

Лишь гораздо позже той ссоры, начали проявляться эти следствия распада - не только в здоровье, но и в поведении. На работе она отказывается от должности старшей медсестры - начальника заводского здрavпункта, и вместе с тем - от всяких перспектив по службе, от медицинской учебы, совершенствований. Как рефреном к этому спаду служат периодические повестки из военкомата, вызывающую военнообязанную Глобенко Т.Д. на переаттестацию, причем, раз от раза ее воинское звание снижается: от лейтенанта к сержанту или ефрейтору, рядовому и, наконец, списывают в отставку.

Дома тоже наступают перемены, ощущаемые мужем и сыном, как облегчение, но на деле - зловещие: уже нет у мамы той погони за чистотой, что была раньше, нет обязательных ранних подъемов по утрам, чтобы успеть нас сътно и вкусно накормить и за одеждой проследить, теряется интерес даже к самой готовке, которая было, может, главным ее пристрастием. Даже интерес к красивой женской одежде, к красивому материалу, становится каким-то академическим.

Рождение гипертонии. Фили.1955-1965 годы.

Болезнь угасания началась, но, слава богу, в последующие годы были и радостные перемены, как переезд в новый кирпичный дом на Багратионовской, поездки на море и в деревню, но были и крупные неприятности, связанные на этот раз со мной.

В 1961 году меня исключили из комсомола и едва не выгнали с последнего (дипломного) курса института. От матери скрыть это было невозможно.

Когда, после грозы, она пыталась сама с собой выяснить корни несчастья, то перечисляла и свои "дурящие разговоры о колхозах", и мое излишнее увлечение книгами, и как она его поощряла, и дружбу со странными, опальными учительями в школе, и чрезмерную самостоятельность...

Первые признаки моего грехопадения проявились еще в 1955г., когда я отдал уважаемому историку и директору школы на консультацию свои недоумения в письменном виде после чтения "Краткого курса истории ВКП (б)". Ответов на свои вопросы я не получил, зато с заводского парткома затребовали данные об отце на предмет выяснения причин уклонений сына. Случись такой казус год назад, судьба моя и всей семьи изменилась бы быстро, решительно и бесповоротно (сколько таких юнцов арестовывали главным образом за разговоры в своих компаниях).

На мое счастье уже готовился XX съезд, и коренные перемены готовились не в моей судьбе, а в судьбе всей страны. От меня же доброжелательные учителя потребовали только

сжечь все "неправильные бумаги". По настоянию родителей я, как обещал, сжег наиболее сомнительные из них на газовой плите.

Последующие, уже институтские годы, когда страна, а вместе с ней и мои родители воспринимали с удивлением, облегчением и осторожным недоверием все разоблачения культа личности и ослабления системы страха, для части молодежи было временем внутреннего освобожденного развития. Процесс личного освобождения для каждого должен был неминуемо натолкнуться на внешние ограничения и противодействия, т.е. привести к столкновению человека с системой официальщины. Для разных людей этот кризисный момент наступал по-разному и в разное время. Для некоторых - сразу после ХХ съезда и венгерских событий (кстати, отмечу, что тогда я был искренне рад вводу в Будапешт советских войск), для других - в 1968 году, для большинства этот момент еще не наступил. Для меня же «час Икс» настал в 1961 году, перед ХХII съездом партии (кстати, почти в то же самое время этот «час» наступил и для генерала Григоренко П.Г.).

Не буду здесь подробно рассказывать о тех, наверное, самых важных в моей жизни неделях. Только скажу, что главное мое преступление заключалось в документе "Критика проекта программы КПСС", направленном в ЦК, и "provokacionnom" выступлении на факультетской комсомольской конференции. Я был исключен из комсомола с шумом и гамом за "неубежденность в марксизме-ленинизме, клевету на советскую деятельность (назвал выборы в Верховный Совет - ширмой партийного руководства) и неправильное понимание товарищества (не назвал имени комсомольца, с которым доверительно беседовал на острые темы)". Мое исключение из института было делом предрешенным, и лишь личное расположение ректора и мое последующее "покаяние" по некоторым пунктам позволили мне все же получить диплом в 1962г. Если для меня самого все произошедшее казалось неожиданной лавиной, землетрясением, то важно представить

себе состояние родителей, особенно мамы, когда все узналось. По ее поздним словам, она "словно окаменела"

Когда пришлось все открыть, я ожидал моря упреков и слез. Но ошибся. Мама была тиха и спокойна. Меня это приводило в замешательство. Конечно, в 1961 году мне уже не грозила тюрьма, но исключение из института и испорченная навсегда трудовая биография казались обеспеченными. Стычки и обиды у меня с мамой раньше бывали по гораздо более мелким поводам.

Все же и тогда я понимал, что "тихие" мамины переживания не могут не оказаться отрицательно на ее здоровье, на нервах. И острое чувство вины еще больше тяжелило мое подавленное состояние.

В конечном счете, все обошлось, я получил диплом и уехал по распределению в подмосковный город Коломну. А через полгода был даже принят в комсомол. Заново. Тем самым исключение из ВЛКСМ стало из анкетного факта неким необязательным к упоминанию частным фактом биографии (так мне казалось).

Начались иные, более радостные и важные события. В Коломне возникла наша с мамой Лилей семья, родился и рос Артемка. Но все же в Коломне мы не чувствовали своего дома и почти каждое воскресенье уезжали в Москву, к родителям: отдохнуть, отъедаться и встречаться с друзьями. Я еще больше отдалился от родителей и лишь краем уха слышал мамины жалобы и тревоги. К ставшим уже привычными сетованиям на почки, бессонницу прибавилось новое слово - гипертония - повышенное кровяное давление. Распространенное и неприятное слово. Новая болезнь развивалась постепенно. Год от года давление крови у нее все увеличивалось, самочувствие становилось все хуже, а периоды поправки все реже. И хотя сильными дозами лекарств или летним отдыхом удавалось снизить давление, вернуть иллюзию здоровья - это бывало лишь временным облегчением. Откуда могла взяться такая напасть? Для меня ответ ясен: в те годы у моей мамы не было больших переживаний, чем связанные со мной.

От родителей бабушка Таня получила хронический нефрит, от мужа - нервную болезнь, от сына - гипертонию. Самые близкие и дорогие ей люди оказались причиной ее болезни, и, в конечном счете - гибели.

Не подумайте, что я говорю это ради лицемерного кокетства или жалости. В том-то и дело, что даже сейчас, когда ясно вижу, сколько терзаний я причинил своей так рано умершей маме, я не каюсь и не жалею о своем тогдашнем поведении. Это страшно, но, наверное, и естественно, что именно близкие губят родного человека. Потому что к близким своим человек не равнодушен и именно от них исходит на него вместе с радостью и основная масса огорчений и неприятностей. И гибель. Но, сознавая это, не надо забывать и первое - от близких исходит и радость. Сама жизнь.

Да, конечно, бабушка Таня получила от своих родителей, от деревенского "беганья босиком по снегу" пожизненную гибельную болезнь, неустойчивость психики - от сиротской юности, огорчения от родительской холодности и непонимания в последующей жизни. Но разве можно забывать, что только от них она получила саму жизнь, счастливо детство, чувство уверенности от присутствия живых родителей в мире, от их помощи. Ведь она и умерла на руках своей матери, так и не испытав горечи полного сиротства. Хоть в этом была счастлива до конца.

Да, Таня погубила свои нервы в борьбе за здоровье и благо своего дорогого мужа, чуть ли не головой пытаясь пробить стену упрямого отстаивания своей самостоятельности. Но именно он - был главным и единственным другом в ее жизни, целью и смыслом ее жизни (мне сейчас неожиданно вспомнилась ее запальчивая фраза, над которой я долго измывался: «Все - плохие, кроме твоего отца, да и он слишком простак»). Если бы она так не любила своего Володю, разве стала бы добиваться и разбивать себя до болезни и надрыва? Наконец, моя мама заработала себе гипертонию на своем сыне. Но разве в силах она была не прощать меня, не заботиться, не радоваться каждому моему (в последние годы - не частому)

посещению. «Вот пришло мое солнышко», - так раскрылась она в предсмертные месяцы, а раньше не могла бы быть столь откровенной.

Мы живем и питаемся соками, силами, нервами близких своих. Родителей своих прежде всего. Ведь к нашим бедам и неудачам они относятся ревностнее, чем к своим собственным. Но дети, я уверен, не должны из родительского здоровья делать культ, из-за боязни их огорчить не выходить из-под родительской воли и желаний, отказываться от самостоятельности. Да, родителям очень больно, переживания за детей укорачивают их жизнь. Но будет плохо, если дети будут на них оглядываться и не решаться на рискованные поступки, по своей воле и разумению. Достойная человеческая жизнь прекратится, если дети не будут убивать горем своих родителей...

Вот почему я не раскаиваюсь в маминых переживаниях.

Одной семьей. 1961-1968 годы.

Ваша мама и Артемка перебрались в Москву в конце 64 года, я в начале 65-го. С марта мы уже все вместе жили на Багратионовской, в той самой комнате, где живет сейчас один дедушка

Шумно стало тогда в тихой квартире. Бабушка Таня вдруг очутилась настоящей бабушкой, в большой семье с невесткой и внуком, и не знала, как себя вести.

Вопрос об отношениях с будущей невесткой ее давно волновал, задолго до моей женитьбы. Любила повторять мне предание, по которому в раю до сих пор стоит незанятым золотое кресло для свекрови, угодившей невестке.

Живя при долгой борьбе своей мамы с отцом из-за "мелочей", как мне тогда казалось, я вырос в уверенности, что у нее тяжелейший, нетерпимый характер, осложненный болезненностью, что если мои "вольности" она терпит по природной любви к сыну, то с невесткой ужиться не сможет. И

потому сразу же и честно (так мне тогда казалось) предупредил маму Лилю: "Ужиться с моей мамой очень трудно. Но из-за прописки нет другого выхода. Придется терпеть". Сейчас вижу - неправильно тогда сказал, оклеветал невольно бабушку Таню. Она была на удивление сдержанна и терпима. Она любила своего первого внука и ей было важно сохранить мир в семье.

Было очень трудно жить больному человеку в одной комнате с ребенком и взрослыми детьми, но думаю, что именно в это время жизнь ее снова заиграла поздними красками и смыслом. Бабье лето. Сын, хоть и с трудом, но вернулся - понятым и домашним, без идеологических вывертов, под ногами ползал внук, а будет, наверное, и второй. Невестка оказалась сносной, хотя и не без недостатков по молодости и беспечности. Впереди маячила перспектива получения отдельной квартиры с тихим углом, перспектива жизни заботливой и уважаемой бабушкой в семье сына. Идеал спокойной и достойной старости. Конечно, не бог весть что - старость все равно не радость, но все же не мрачное одиночество с не нуждающимся в заботах мужем. Ради такого будущего стоило терпеть и приспособливаться к невестке. Насколько хватало сил.

Однако не всегда терпения хватало. Обстановка однокомнатной жизни в шуме и на виду, уже накопленные болезни и нервозность не давали осуществляться её благим планам. Конечно, мы с вашей мамой тоже не сахар, а тогда - тем более мы не были сладкими. Не думаю, что мы и вправду были большими эгоистами, нетерпимыми к чужим советам, резкими в решениях и воспитании, «извергами» по отношению к детям, но что-то в этом, конечно, было. И уж понятное дело, ярились от любых видов поучений и нотаций. Их мы только терпели, мечтая все больше о будущей раздельной жизни. Особенно выматывали споры по поводу наших туристских отпусков и поездок, право на которые приходилось пробивать через раздраженные споры и чуть ли не слезы. И всё же, если мы терпели «временные трудности» и набирались вежливости и обходительности, то бабушка Таня, наоборот, уверялась в

будущей совместной жизни. Уж лучше бы мы сразу и определенно говорили ей правду, лишали иллюзий. А с другой стороны, как можно лишать больного человека надежд, когда еще ничего не известно: живем вместе и, кто знает, сколько еще будем жить?

Владимир Климентьевич и Татьяна Дмитриевна на свадьбе Маруси Гордеевой, 1965 год

В 1967 году была куплена дача в Усадково, вернее, садовый участок с землей, яблонями и домом. Эта покупка не была исполнением давнишних, заветных желаний моих родителей, как это часто бывает. Нет, они даже сомневались перед покупкой и спрашивали у нас совета. Но уверен, вздумай мы их отговаривать - не были бы услышаны. Сомневались они сознанием, а действиями их руководила глубокая, непреодолимая интуиция.

Вступление в садовый кооператив - это лишь форма извечной "покупки земли", закономерного возврата к земле таких крестьянских по воспитанию людей, как мои родители.

В маминой жизни покупка дачи была, наверное, последней и благодатной радостью, позволившей ей протянуть еще несколько лет жизни после потрясения 1969 года. Здесь, в грибном лесу, на свежем воздухе, вдали от шума и споров, в окружении понятных хозяйственных дел (многое ей стало уже не под силу из-за гипертонии), она отдыхала и набиралась сил, чтобы выдержать новую зиму в городе.

Нашел себя на даче и мой отец. Для него, утратившего к этому времени веру в значительность своей заводской работы (пришлось молча признать справедливость Таниных упреков и аргументов в прежних спорах, но как горька и не нужна ей оказалась эта "победа"), возвращение к настоящей земле, к работе на ней оказалось целебным. Он снова, в который раз, проявляет все свои лучшие качества трудолюбия и упорства в перестройке и достройке дома, кухни, в перепланировке по своему вкусу сада, в обзаведении пчелами и пр. и пр. Ваш дед и сейчас остался таким же, и только смерть бабушки Тани подкосила его, окрасила все эти хлопоты бессмысленностью, выбила из жизненной колеи. Я не могу ничем ему помочь, остается только молить судьбу: «Дай Бог ему найти новую!»

Ведь раньше, как бы он ни "тянул-работал", как бы ни хлопотал, но тайной или явной заводилой его действий, центром распоряжений, была, конечно, бабушка Таня. А она понимала просто: для той большой семьи, в которой ей суждено жить заботливой бабушкой, нужен дом. Летний дом устраивался на "даче", зимний же дом (в виде отдельной двух-трехкомнатной квартиры) мало зависел от наших личных усилий и почти не подвигался в общей заводской очереди» на улучшение жилищных условий".

Разъезд. 1966-1974 годы

Только в 1968 году, за месяц до рождения Гали, когда юридически нас стало уже шесть человек в одной комнате, из которых один - инвалид II группы, а другой -грудной ребенок, завод откликнулся на давние заслуги моих родителей, отдал одну из освободившихся в доме комнат (в соседнем подъезде) в

наше распоряжение. Это было, конечно, совсем не то, о чем бабушка Таня официально просила (отдельную квартиру на всю семью), но неплохим временным выходом из положения и укреплением наших позиций в заводской очереди .

Иначе смотрели на ситуацию мы с Лилей. Предложение отдельной комнаты в том же доме показалось нам счастливым подарком судьбы: жить отдельно от родителей по своей воле и в то же время - рядом с ними, рядом с их помощью и заботой. А мама не понимала нашей радости. С некоторой грустью я говорил ей: "И все же жаль, что нам не дали большой квартиры. Разъехаться легче, чем съехаться вновь."

Но человеку не хочется думать о плохом. Часто столь проницательная и подозрительная, моя мама, поддаваясь нашей радости и собственному желанию отдохнуть от шума, не чувствовала беды, не понимала, что ее только что созданная и укрепившаяся мечта-цель о большой семье - новый жизненный стержень гибнет, рассыпается, теперь уже навсегда.

Сам я, кажется, сознавал всю безнадежность положения и потому тянул с объяснениями, не желая разрушать необходимые ей для жизни иллюзии. Тянул, пока мог. Но тем горже было её наступившее разочарование.

Правда, перед этим начались очередные неприятности со мной. В конце 1968 года меня проработали на заводе за "подписанчество" (под возмутительными с точки зрения властей, но очень мягкими по форме просьбами: о пересмотре суда над демонстрантами на Красной площади 25 августа 1968 года и о возвращении крымских татар на родину). Кроме ощущимых реальных последствий той проработки (понижение в должности, исключение из аспирантуры, предупреждение об увольнении) были гораздо большие моральные последствия для моих родителей.

Для меня проработка 1968 года прошла много легче потрясений 1961 года, для них – тяжелее. Правда, и в 1961 году моя история не прошла мимо заводской "общественности" (со мной, кажется, даже беседовал секретарь заводского парткома

на предмет возможного оказание помощи). На тогда моих родителей просто жалели, что их "мальчик" почему-то оступился и стремится "исправиться". Сейчас же положение было совсем иное: я работал на том же заводе, был у всех на виду, своими поступками "марал" уже не какой-то институт, а честь самого завода. Мало того, история повторилась, следовательно, я был уже "закоренелым", «рецидивистом», тем более что, несмотря на давление, не желал ни каяться, ни переубеждаться. Действительно, "закоренел". С каким бы удовольствием заводское начальство уволило столь неудобную личность, но не было на то верхнего согласия (всех подписантов стригли под одну гребенку - проработками и предупреждениями, а увольнять всю массу - слишком много "визга" будет).

Вся история моего "осуждения" в 1968 году разыгралась прямо на глазах отца и матери, в среде их давних знакомых, внутри взаправду им «родного» коллектива (пусть даже небезразличного только). Их сверстники и знакомые, дышали и дышат еще воздухом сталинских чисток и проработок. И если для верхнего начальства мои "проступки" не кажутся такими уж тяжелыми, а родительской вины они совсем не видят, то для многих членов "родного коллектива" вина моих отца и матери казалась несомненной. Ведь они воспитали настоящего "врага народа". Времена, жалко, другие. Официальных осуждений произносить нельзя, но словесных и "частных" было сколь угодно (в основном, правда, от лиц, лебезивших перед начальством). Странное дело, но мне лично на заводе было много спокойнее и увереннее, чем отцу и маме. Даже через много лет после моего ухода с завода им напоминали и тыкали в нос моей историей при всяком удобном случае. И может, те самые людишки, которые со мной самим разговаривали в то время вежливо и внимательно.

Положение осложнилось приездом перепуганных Лилиных родителей - вашей бабушки Фаины и деда Коли, чтобы "спасать дочку и внуков". Но что они могли сделать? Только переругались с нами и моими родителями,

недвусмысленно бросив им упрек в плохом воспитании сына, который губит их дочь и внуков (все тот же упрек и воспитании "врага народа"). Каково это было слышать матери?

Прежде неплохие отношения теперь испортились и больше не восстановились. И вину за то я обязан принять на себя.

Конечно, всё походит. Прошла и острота моей проработки. Все успокаивалось, и я осваивался с новой для меня ролью заводского "диссиденты". Из всех оргвыводов на мою голову наиболее чувствительным оказалось не отстранение от исследовательской работы (так я и не провел ни одного опыта на близкой к окончанию экспериментальной установке), а предупреждение об увольнении и вынужденное в связи с этим стыдное решение не подписывать больше протестов. Примириться с этим трудно до сих пор. В этих оргвыводах я и не заметил такой "мелочи", как приостановление нашей заводской очереди на жилье. В завкоме родителям объяснили, что все прежние обещания - недействительны, что ни о каких жилищных переменах для "Сокирок" не может быть и речи. Знали б - в апреле второй комнаты ни за чтоб не дали. А могли бы не дать - в марте 68 года я поставил свою подпись под протестом по суду Галанскова-Гинзбурга, но она "затерялась", не дошла до КГБ и западной печати. Поэтому я не попал в весеннюю "проработку" и на меня выписали комнату, имевшую огромное значение для нашей семьи. Такова цена "затерянной" подписи.

Для нас с Лилей потеря жилищной перспективы на заводе не была чувствительной в ряду прочих бед. Другое дело - для моей мамы. Вот когда она реально поняла, что ее мечта жить вместе с внуками заботливой бабушкой отодвигается в бесконечность. К тому, что сын у нее вырос «непутевым», она все же привыкла и не огорчалась, что ему закрыта карьера административная или научная. Но перспектива жить до смерти в коммунальной квартире с нелюбимой соседкой - показалась ей тогда невыносимой.

Как раз в этом году отцу исполнилось 60 лет, и он ушел на пенсию, а вместе с ним, по инвалидности ушла на пенсию и мама. Но долгожданный приход пенсионной свободы не доставил им радости. На зиму дача была нежилая, дети и внуки хоть и жили рядом, но совсем отдельно, старались просьбами и участием не тревожить. Что же делать со свалившимся свободным и пустым временем? - Вернуться на работу? Но как тогда быть с идеалом и мечтой уважительной, спокойной старости среди внуков? И неужели она обречена до гроба тащить лямку сutoчных дежурств на заводском здравпункте?

Конечно, завод теперь не даст им отдельной хорошей квартиры на всю семью. Но может, найти ее самим? Бабушка Таня пробует искать, но ничего толкового не находит. Остается только сменяться комнатами с ее соседкой и получить двухкомнатную квартиру в нашем же доме. Что нам и предлагается

Вот когда мне пришлось повертеться, убеждая не торопиться с решением, убеждая, что это не выгодный обмен (мы теряли 9 кв. метров жилой площади), что следует подождать другого варианта или перемены заводского решения. Что ей, больной, будет очень трудно слышать плач маленькой Гали, даже в соседней комнате. Ничто не помогало - мама поняла всю опасность.

Пришлось сказать прямо и определенно: "Нет, мама, сейчас мы съезжаться не будем, Лилия не хочет, и я ее понимаю". Все. После этих слов объяснений больше не нужно. Мама давно могла бы догадаться, но не хотела этого делать. Тут же ей пришлось увидеть сразу и полностью всю непереносимую правду: дети и внуки не хотят и не будут с нею жить вместе... Потом, годы спустя, она рассказывала: «Я почувствовала, что меня гонят, как собаку. И кто гонит? - единственный сын...»

Свет померк для бабушки Тани.

Может, даже сильнее, чем в катастрофе 1955 года после Володиного отказа идти к врачу. Ведь теперь ей было больше лет и еще хуже, намного хуже здоровье. Жизнь снова потеряла смысл и цену. И снова, еще плотнее обступили болезни.

Сразу же после этого она заболела. Простуда, потом обострилась гипертония, небывало высокое давление. Несколько недель лежала дома, в соседнем с нами подъезде, нам не звонила, как будто ушла в молчание. Только дедушка Володя ее выхаживал, да прибегал проводить маленький Артемка. Я же, пристыженный, не показывался. Боялся новых слез, уговоров, жалоб. Дел было всегда достаточно, хватало и поводов, чтобы убедить себя в недостатке времени для визитов к матери.

Сейчас я вижу - здесь моя большая вина, себя жалел, свои нервы. А ведь мог бы и ходить, и слушать сетования, и оправдываться, чем снял бы немного ее душевные терзания, притушил их своим виноватым видом.

Я не раскаиваясь в тех огорчениях, которые причинил ей в 1961 и 1968 годах неугодными для властей поступками. Эти огорчения были неизбежны, да и не они нанесли ей основной непоправимый вред. В глубине души она понимала, что у взрослых детей - своя дорога. Но разрушение цели ее собственной жизни, холодное оставление ее без поддержки, в одиночестве с мужем - такого предательства она мне, наверное, так и не смогла простить. Хотя и не заговаривала об этом. А сейчас я именно в этом горько каюсь. Горько, потому что поздно. Сделанного иль не сделанного не вернешь...

В конце концов, бабушка Тани попала в больницу. Там ею основательно занялись, с помощью высокоэффективных лекарств снизили страшно высокое давление, подняли на ноги. Скоро после возвращения она вернулась на работу. После лета вернулся на работу и дедушка Володя, и зажили они вдвоем так, как жили раньше без меня.

Но от высокого давления и бессонницы бабушка Таня избавиться теперь не могла. Ей все мешало спать - холодильник, настенные часы, шум на улице. Она стала как бы порченой. И хоть вышла на работу, но ее трудоспособность резко снизилась. Даже обычную домашнюю работу она делала уже с трудом - не могла стирать, мыть полы, с трудом ходила в магазины. Только готовка еды была пока в ее силах.

Вся оставшаяся энергия уходила у нее на работу, за которую она теперь держалась, как якорь спасения. Стремление заработать максимально возможный для медсестры размер пенсии стало ее квазицелью. Коллеги-медсестры ей мирволили, часто подменяли на дежурствах в периоды ее болезней (негласно). Так она дотянула до 1975 года. Только весной 1975 года, когда ее выписали из больницы как безнадежную, она была оформлена на этой самой "максимальной пенсии" и получила ее в первый раз. Второй раз эти деньги получал уже дедушка Володя сразу после ее смерти. Тратил их не на жизнь, а на похороны.

Но это - позже.

А тогда, шесть лет назад, на нянченье маленькой Гали сил у бабушки Тани оставалось очень мало. Смертельно обиженная на нас в те годы, она обычно не соглашалась помогать, но когда мы решительно оставляли Галю на прабабушку Полю, она не выдерживала и приходила к ней сама.

Правда, шум от живой Гали утомлял ее гораздо больше, чем Артемка. А нам это служило лишним подтверждением невозможности совместной жизни: "Видите, мама, Вам даже день трудно пробыть с детьми, а если все время?" - И она соглашалась, в общем, с такими доводами. Хотя звучали они для нее, может и так: «Что ж мама, Вы уже старая и больная, ни на что не способны, потому живите от нас подальше. Лучше будет». Но где нам было понимать такие тонкости, когда понимать их вовсе не хотелось.

Да и не до тоски теперь стало бабушке Тане. К ней приединулась вплотную и нешуточно главная опасность - гипертония. Гипертония сделала ее слабой, инвалидом в полном смысле, противной самой себе ("инвалид" или "кусок инвалида" одно из худших ругательств вашего прадеда Митрофана). Отбросить эту немощность, вернуть себе силы и здоровье - стало теперь ее главной заботой. Борьба за жизнь постепенно становилась главной целью ее жизни, а я не понимал этого и думал, что мать стала еще более терпимой и не поминает больше про совместную жизнь. Вернее, заводились иногда такие

разговоры, мы сами делали попытки найти обмен своих комнат на 3-х комнатную квартиру, и эти попытки воспринимались бабушкой Таней благожелательно, но спокойно, без лишнего интереса. То ли потому, что она уже не верила в совместную жизнь, то ли потому что ей было уже не до планов этой совместности, не до тоски от будущего одиночества. Перегорело.

Бабушка Таня с Сережей и Артемкой.

Стремления ее стали стягиваться вокруг выздоровления - хоть ненадолго, хоть на несколько лет (5-10), чтобы пожить спокойно, как жилось раньше, совсем недавно. Поведение ее стало глухой обороной от наступающей смерти. Чем больше ее интересы замыкались на своем выздоровлении, тем становилось хуже. Выздороветь значило тогда - снизить кровяное давление. Она достала аппарат для измерения давления и постоянно контролировала свое самолечение. Долгое общение с участковыми спешащими врачами приучило не доверяться им. Основным инструментом этого самолечения были лекарства из разных стран. Потребляла их уйму. Какие-то помогали сначала, потом приходилось усиливать дозы, а потом выяснялись нежелательные последствия, переходила на другие средства. И так без конца.

. Неумеренное потребление лекарств вконец расстроило больные почки, и они отказали.

... А мы, все вокруг, относились к ее самолечению спокойно: «Мать болеет и себя лечит. Ну что ж, она всегда болела и себя лечила, потом проходило. Авось и сейчас все обойдется, и она станет прежней». Я многого не понимал.

Ну, а если бы понимал, мог бы что-нибудь изменить? - Наверное, нет. Наверное, поздно. Не от печек, так от сердца - но близкий конец был уже неизбежен.

А с другой стороны - если бы я настаивал на соединении во что бы то ни стало, и нам снова пришлось бы сжиматься в своей воле и желаниях и терпеть поучения - уже без перспектив на облегчение - то сколько бы это могло продолжаться и не кончилось бы еще худшим, еще более резким разрывом и разъездом? А как следствие - еще более скорой смертью моей мамы?

Мозг услужливо подсовывает положительные ответы, но я не хочу снимать своей вины за свои немногие слова, после которых мама смертельно заболела, и я до сих пор не знаю, что должен был говорить тогда.

Смертельная болезнь.1974-1975 годы.

Мне осталось рассказать вам о последнем году жизни бабушки Тани.

Весной 1974 года мы переехали в кооперативную квартиру в "Печатниках", с сожалением бросая родные Фили и дом с родителями. Мы окончательно расставались, это было всем ясно. У мамы это уже не вызывало никаких ревнивых чувств. Напротив.

Лето она провела на даче с Артемкой. А с конца августа заболела. Той самой непонятной болезнью, которую лишь через полгода, в больнице отличили от гипертонии и расшифровали как неизлечимый нефрит и азотемию, как безнадежное перерождение почечных тканей.

Но, еще не зная этого беспощадного диагноза и лишь чувствуя особое недомогание, она поняла, что дело худо. Я уверен, что уже осенью она серьезно думала о близкой смерти. Но... и тут проявилась ее душевная сдержанность: никому о том она не говорила, никого не тревожила напрасно. Только иногда, мечтательно желала: «Хотя бы еще два годика побывать здоровой». Я уже рассказывал вам, как в ноябре, совершенно больной, она гостила в нашей новой квартире несколько дней. Теперь-то я вижу, с выжимающей слезы ясностью вижу, что эти гостевые дни были началом ее прощания с так и не осуществленной будущей жизнью, с прежней мечтою о жизни заботливой бабушкой со старшими и только что родившимися внуками. "И ведь внуки какие, удались на славу! А жизни нет..." Прошли эти дни, приехал дед Володя и увез ее, слабую, к себе на Багратионовскую.

Потом потянулись недели, полные ожидания улучшения и исцеления. Но состояние не улучшалось. Слабость, даже рвоты. Теперь, живя в разных концах города, приходить к родителям стало труднее, но я старался бывать регулярно. При обычной уверенности "все пройдет как всегда" неясное чувство опасности и меня томило, но сознание его забивало.

В январе 75-го года на дне маминого 60-летия я искренне пил за долгие годы ее жизни - 10-20 лет как минимум. Но тут же настаивал, чтобы она легла в больницу. Ведь в прошлый раз она попала к хорошему, внимательному врачу и помогли, подняли на ноги. Надо найти этого врача и постараться попасть к нему в отделение. Пусть хоть диагноз правильный установит, чтобы знать правильный курс лечения, не шарахаться в модных лекарствах и советах участковых врачей от одного к другому. Хоть разобраться в этой странной и долгой болезни.

В феврале она попала-таки в больницу, к тому самому врачу. Но мои надежды оправдались лишь частично. Врач, действительно, докопалась до первопричин болезни, но не вылечила и эффективного лечения не назначила. Назначить эффективное лечение тамошний врач не могла. Это было не в ее силах. Мама лежала в гипертоническом отделении и потому ей снизили немного давление и выписали домой, фактически, как безнадежную, не объявляя этого ни больной, ни ее родственникам. Больница поступила формально, отпихнувшись от невыгодного больного, не остановившись перед тем, чтобы ввести нас в заблуждение. Но почему-то у меня нет претензий к лечащему врачу. Эта внимательная и трудолюбивая женщина не покривила душой - она выдала маме на руки всю историю болезни с подробным и несомненным диагнозом. Больничная политика запрещала быть откровенной даже с родственниками, но с таким диагнозом мы могли бы догадаться и сами. Но куда нам... спохватились, когда совсем плохо стало. А в феврале думали: после больницы ей стало немного лучше, домашнее лечение назначено – замечательно. Теперь дело пойдет на поправку. Пусть даже медленно...

У мамы отказывались работать почки, в организме копились соли и шлаки, отравляя его, вызывая слабость и рвоты, а ей могли рекомендовать лишь мочегонные средства и диету, только пассивные средства, не излечивающие, а притормаживающие процесс отравления и смерти.

Теперь-то я знаю, что лечебный выход был: хронический диализ, т.е. периодическое искусственное очищение крови с помощью аппарата типа "искусственная почка". Считается, что при неработающих почках человек погибает через двое-трое суток от накопления в крови солей и шлаков, которые в свою очередь притягивают воду и раздувают тело водянкой. Если же кровь периодически, 2-3 раза в неделю очищать, то человек будет жить. Даже годами. Даже совсем без почек, не говоря уже о моей маме, у которой почки плохо, но еще действовали.

Конечно, такой жизни на привязи к клинике с ее аппаратурой трудно позавидовать, но все же это жизнь! А маму выписали из больницы, даже ничего не сказав о такой возможности. Почему? Я, конечно, не знаю, но догадываюсь: уже в феврале больничный врач "навела справки" и поняла, что больной Глобенко Т.Д. не позволят прибегнуть к аппарату "искусственная почка" из-за дефицитности последней. Тогда-то и стала Глобенко Т.Д. безнадежной больной, о чем лучше никому не говорить, а уж об искусственной почке совсем не поминать... Врачебная этика!

Теперь я знаю: спасение, пусть временное, пусть на годы - было, но в нем отказали. Звучит как приговор к смерти. Страшно звучит, но такова действительность нашей гуманной и бескорыстной медицины. Ее действительная изнанка.

Смертельную болезнь не скроешь. Сразу после больницу у мамы стали опухать ноги. В крови накопилось уже так много дряни, что организм начал предпринимать экстренные меры, он стал разбавлять кровь водой, чтобы снизить концентрацию вредных веществ до приемлемого уровня. Емкости кровяных сосудов теперь не хватает, вода их расширяет, поступает в ткани, начиная с ног, где давление больше. Вода как бы наливает все возможные емкости тела, от ног все выше и выше - вплоть до мозга и легких. Таково течение водянки, от которой и умерла моя мама.

Когда в марте опухоль ног у нее не исчезла, а, напротив, поднялась выше колен, - и дураку станет понятно, что

такой процесс сам собой пройти не может, что мать сама вылечиться не может, что надо что-то предпринимать.

Понял это и я.

Кстати, врач при выписке советовала маме пить меньше, а если пить - то боржоми, поскольку он лучше утоляет жажду. Дело в том, что из-за накопления солей в крови организм чувствует нестерпимую жажду, которой очень трудно противостоять, особенно человеку с подорванной волей. Дополнительная же вода еще ухудшает положение, усиливает опухание. Рекомендация пить "Боржоми" означала лишь рекомендацию меньше пить. Мать же нам представила эту минералку, как очередное средство лечения, правда, редко бывающее в магазинах. Обрадованные, мы достали много бутылок. А потом раскаивались... Мама забыла рекомендацию "пить меньше" и потребляла в день одну-две "целебных" бутылок. Медленное опухание теперь сменилось быстрым. Вода начала наливать живот и поясницу. Ходить стало совсем трудно, и она почти не вставала с постели.

Начали опухать кисти рук. С ужасом смотрел я на это. С не меньшим ужасом я слушал ее разговоры о завещании. Я не хотел и не мог слышать о ее смерти, но ясно было, что в свое выздоровление она уже не верит, лечить сама себя уже не может.

Что было делать? В больничных диагнозах я не разбирался и как лечить это опухание - не понимал. Надо было искать настоящего врача.

Консультация. Апрель 1975 года.

Я не люблю врачей, вернее, не люблю к ним обращаться. Ничего не понимаю и не желаю понимать что-либо в их делах. Но тут был крайний случай, и я мог просить от своих знакомых максимально возможной помощи.

Марк Александрович, ознакомившись с диагнозом, растолковал мне современную ситуацию с лечением почек, рассказал про аппараты "искусственная почка", устроил консультацию у ведущего специалиста (заведующего

лабораторией хронического диализа акк. Тареева) и обещал сделать все, что в его силах, чтобы поместить маму в клинику. По моим представлениям силы и авторитет Марк Александровича в медицинских кругах были такими большими, что в успехе (если он только был возможен) я не сомневался. Даже пробовал описывать все это маме, уговаривая ее решиться на консультационную поездку. В начале она принимала мои бодряческие объяснения настороженно, и даже страшилась возможной "машинной жизни", но потом вдруг оживлялась, как будто передавалась ей частица моего энтузиазма: "Ну, хорошо, раз вы этого сами хотите, поедем". Я радовался, как будто вернулась к ней надежда на жизнь. Нет, не на долгую жизнь, а хотя бы на два годика еще... Ведь обидно умирать в 60 лет...

Сама идти она уже не могла, вели под руку, с трудом усадили в такси, а уж в клинике добирались до кабинета с долгими перерывами. Распоряжался всем Марк Александрович.

Заведующий лабораторией (по моим тогдашним чувствам - почти бог врачебного всемогущества)- молодой кандидат - прочел историю болезни, быстро осмотрел маму, задал ей несколько вопросов о диете и количестве ежедневно выделяемой мочи и попросил меня увести ее в коридор. Как передернула меня эта холодная бесстрастность. Но - подчинился.

Вернулся я в уже начавшийся разговор. Не знаю, о чем говорил зав. с Марком Александровичем. Очевидно, что, не желая разговаривать откровенно с больной и ее сыном, вряд ли он был откровенен и с Марком Ал. Тем не менее...

"Положение очень серьезное. Но об аппарате искусственной почки не может быть и речи. У нас в лаборатории всего 8 аппаратов, работают с полной нагрузкой, и не могут обслужить даже больных нашей клиники. Сейчас мы подключаем на диализ лишь больных с временным расстройством деятельности почек. Подключать же настоящих хроников, надолго, может, на годы - значит, быстро съесть весь машинный фонд, остаться ни с чем. Нет, таким хроникам мы отказываем почти всегда.

Проводить операцию по замене почки тоже невозможно из-за возраста и состояния сердца. Следовательно,...» -

"Но ведь тем самым Вы многим хроническим больным просто отказываете в праве на жизнь, как приговариваете к смерти", - говорит Марк Александрович.

"Фактически так» - соглашается зав. - «но у нас пока нет другого выхода. А чтобы избежать произвола в приеме или отказе на лечение, мы организовали комиссию под председательством акк. Тареева, которая одна имеет право ставить больных на подключение к машинам. Я - член этой комиссии и могу Вас заверить на 100%, что Вашей больной откажут".

"Неужели ничего нельзя сделать?» - вступаю я. "Человек работал всю жизнь, заработал пенсию, имеет деньги на любую машину и помочь ради жизни - и ничего нельзя сделать? Почему?"

"Поймите, дело не в нас. Аппаратов типа "искусственная почка" в стране очень мало. В Москве одна моя лаборатория, еще одна - вне Москвы. И это практически - все. Потребность удовлетворяется лишь на долю процента. Капля в море. Почему не выпускают больше аппаратов? К 1980 году намечено увеличить их количественно и тогда, конечно, будет не хватать. Что ж тут можно сделать?

Но погодите, погодите, давайте говорить о другом. Почему все уперлось в искусственную почку? Да, кардинальное решение для Вашей больной сейчас невозможно: ни оперативное - она может умереть на столе, ни аппаратное. Но ведь у Вашей больной свои почки еще действуют. Плохо, но действуют. Надо только наладить правильный режим. Прежде всего, согнать воду с тела и установить баланс: пить жидкости не больше, чем выделяется. Положение, конечно, очень серьезное, надо принимать экстренные меры - ударные дозы сильнодействующих мочегонных средств, снизить давление, установить строжайшую бессолевую и безбелковую диету. И если это удастся, можно установить режим, при котором почки будут справляться, можно будет жить..."

Говорил он веско, уверенно, профессионально. Сейчас мне ясно, что говорил он не ради лечения, а ради меня. Чтобы дать надежду, возможность борьбы. Его обман был столь понятен, что какой-то своей частью я его сознавал, но другой, более активной частью (душой что ли?) полностью доверился его уверенности. «Что же делать? Ведь аппарат тоже выход не надолго... кровь мотор гоняет и разрушает... да и тяжело как... на дачу не поедешь, ведь это главная мамина радость... А может, он прав и могут ее почки сами работать... Да и реально надо судить... все равно не добьешься ... Вон Марк Саныч с ним соглашается... молчит... Главное, диета и баланс воды... баланс воды... И, конечно, никакой работы - и она сможет жить, пусть на помощи... А чего ж еще нужно, Боже мой... только бы наладить этот режим..."

А другая моя часть сопротивлялась, негодовала, упрекала за самообман, за капитуляцию перед непреклонным отказом в единственно реальной и близкой (где-то здесь, за стеной) помощью, металась в поисках способа воздействовать на врачебного бога и не находила, только выплескивалась в жалком лепете о том, что может все-таки, хоть не надолго, хоть на разочек профильтровать мамину кровь, первую воду согнать... Но, наталкиваясь на завову непреклонность и профессиональную снисходительность, все реже и слабее становились эти попытки и всплески моего бессильного реализма, и тем внимательнее и торопливей я записывал рекомендации лекарств - заграничных, дефицитных, труднодоставаемых, диету, в которой хлеб из особой (потом оказалось - несуществующей) пекарни, что основа всех блюд - особый крахмал, этого нельзя, а это, это, это - можно...

В общем, он был мудр и циничен, этот врач, и забил мне голову напрочь своими советами, заставил благодарить на прощанье...

Вернулся к маме в коридор я деятельно оживленным. Выходило вроде, что аппарат и не нужен вовсе, что если нам всем получше взяться, то можно повернуть болезнь вспять... Мама слушала меня спокойно и даже ублаготворено: "Ну и

хорошо. Сами справимся..." Как будто иного она и не ожидала, и не было в это утро у нее искры надежды. Как будто была рада, что выполнила этой поездкой мою волю-прихоть, что оживила-утешила своего мальчика...

Такси возвращало нас домой все тем же Кутузовским проспектом. Давно уже, очень давно она не была здесь, в магазинах по сторонам, и оживленны были ее глаза. Конечно, теперь она понимала, что смерть близка. Оживленные рассказы сына о лекарствах и диете не давали ей ничего нового (это было лишь вариантом того, что ей говорили два месяца раньше в больнице и что не дало выздоровления). Она благосклонно их слушала и ясно понимала, что больше никаких консультаций не нужно, что даже высшая врачебная "Наука" от нее отступилась. И что поездок больше никаких не будет. И может, едет московскими привычными улицами последний раз. Последний раз едет от врачей домой, оброняться от смерти в одиночку. Ах, хотя бы еще два года, хоть годик бы еще... Московскими улицами она и вправду ехала последний раз.

С того дня я не переставал колебаться от суматошного бега в поисках импортного "лазикса" (мощного мочегонного средства) и накачивающих разговоров с отцом, еще не осознавшим страшной ситуации, - до слез бессилия и отчаяния. В эти трезвые и, к счастью, редкие минуты я лаял про себя врачей, медицину, их равнодушие, ее слепоту и бесплатность.

В жизни много смертей, много трагедий. Ужасно, когда человек умирает от рака и ничем нельзя ему помочь. Еще хуже, когда спасти можно, когда есть реальные средства спасения, а ты не добиваешься их, не вырываешь их зубами, а поддашься обману и иллюзиям. Других больных высокопоставленных, наверное, спасут, а вот для моей мамы - «возможностей нет»!

А ведь она так истово верила советской медицине, так ревностно ей служила, как Богу.

Неужели не заслужила она этого чертового аппарата?

Неужели мы все, ее близкие, его не можем заслужить?

Я видел снимок этого агрегата в книжке Марка Александровича. Невысокий бачок вроде стиральной машины.

Нехитрое устройство-набор целлофановых фильтров, насос для перемешивания крови, простые приборы. И все. При налаженном производстве, не только вид, но и стоимость его будет, наверняка, на уровне стиральной машины. И вот этой-то жестяной и целлофановой чепухи - нету! Величайшая держава не находит сил сделать их для многих тысяч своих умирающих. Спасает из них лишь долю процента! А к 1980 году планируют "несколько увеличить эту долю" - каков успех! Черт, дьявол, сволочи! Я вою от ярости. Вы что же и в 2000-ый год вползете с умирающими от "дефицита" этих железок?

Мне говорили: но нельзя же все сразу - нужно спокойно и планомерно. Искусственная почка возникла недавно - наша промышленность еще не успела... Но я не могу "спокойно и планомерно" - у меня мать умирает.

И потом, ведь врете. Я смотрел энциклопедию: искусственная почка создана в 1913 году, еще до рождения моей мамы, и с 1944 года на западе реально спасает людей. Всех людей. Почему же у нас тогда такое завидное спокойствие? Почему мы умеем быстро поворачиваться лишь в ракетах и атомных бомбах?

- Да потому что наплевать государству на тысячи почечных умирающих. Да, наплевать! Это я говорю точно, говорю на основании факта, убийственного факта. Факта смерти моей мамы.

Кто бы мог подумать, что в наше время существует вот такая врачебная комиссия под председательством академика, которая потоком рассматривает "дела"- не преступников, а заслуженных и честных людей. И что эта "гуманная" комиссия приговаривает к смерти 99 из 100 рассмотренных и даже больше. И лишь на основании производственной необходимости! Ну, кто из нас это может знать? - Только сами умирающие да их близкие. Да и те не сознают, кто виноват, иль виноватых нету.

Иногда, когда боль и ярость меня отпускают, я взаправду стараюсь быть спокойным и трезвым. Ну, хорошо. Государство - не всесильно. И допустим, пушки и атомные бомбы нам,

действительно, нужнее, ибо случись война, будут гибнуть миллионы совершенно здоровых людей, а не тысячи почечных больных. Пусть государство даже право в этой арифметике будущих потенциальных и нынешних действительных смертей. Пусть государство не может. Денег у него не хватает.

Но у нас-то самих - ведь хватило бы денег! Неужели и сама мама с ее «полной пенсиею», и отец с его заработком, и братья-сестры, и дети-внуки - не могли бы купить ей нужные часы пользования аппаратом, чуть сложнее холодильника? И оказывается - нет: система бесплатной государственной медицинской помощи запрещает врачам и медицинской промышленности ориентироваться непосредственно и сразу на потребности больных и на их денежные возможности. Можно ориентироваться только на план, только следовать высшим распоряжениям начальства. А ты тут, внизу, хоть истекай криком: «Не хочу телевизор, хочу купить искусственную почку для мамы», тебя, букашку наверху не услышат и выдадут тебе "по плану" - телевизор. Чтоб Вы пропали с вашим людоедским планом, не знающим и не желающим знать ни людей, ни их воли, ни их желаний, с вашим бесплатным, слепым здравоохранением, с вашей надутой и глупой гордостью: «У нас лечение гораздо дешевле, чем на Западе, и почти бесплатное!» Да потому и дешево, что мало тратят, плохо лечат, не имеют достатка в инструментах и аппаратах. Потому и бесплатно, что не лечат, а лишь халтурят, замазывают болезни. Лечат так, как лечили в феврале 75 года мою маму: болела почками, а ей снизили давление и на основе этого "улучшение" отправили домой умирать, хотя средства спасения были.

Я уверен: разреши больным платить врачам деньги, и разреши врачам за эти деньги заказывать у промышленности нужное им оборудование, тысячи больных, конечно, будут спасены. Что ж, со мной могут согласиться, но не преминут спросить: "А как же тогда принцип бесплатности нашей медицины, ее общедоступности и социалистичности?" И вот, чтобы не гибли перечисленные мифы, гибнут реальные люди.

Так будьте вы прокляты!

Я знаю, меня можно упрекнуть в резкости, в пристрастности. Я и не могу быть сейчас холодным и объективным. Не хочу быть беспристрастным, не хочу взвешивать на весах успехи и неудачи нашей медицины, ее плюсы и минусы. Как экономист, я могу легко представить, как происходит такое несчастье в обществе, когда перепроизводство телевизоров и развлечений дается убийственным недопроизводством "искусственных почек".

Все определяет Госплана - он планирует от сложившихся пропорций вчерашнего дня, намечая лишь осторожные их изменения и лишь по рекомендациям различных главков и ведомств. И если на планирование пропорций между производством тех же телевизоров и холодильников лишь косвенно и через длинную вереницу начальников, но влияет соотношение реального и покупательского спроса (холодильники, например, хватают, а телевизоры не берут), соотношение реальных человеческих желаний и воли (народной воли), то на пропорции между производством, допустим, зубоврачебных кресел и аппаратов "искусственная почка" влияет только мощь и авторитет различных медицинских ведомств или "научных школ". Академики спорят, начальники доказывают, что именно их необеспеченность деньгами и оборудованием приводит к повышенной смертности советских больных. Учета же реальных потребностей реальных больных нет и быть не может в "бесплатной" медицине. Не говоря уже о том, что не может быть гибкого перелива средств из "платного" ширпотреба в "бесплатное" здравоохранение.

Так и получается, что если, допустим, специалисты по сердцу привыкли получать львиную долю средств и оборудования, выделяемых из года в год Минздраву, то плевать им на то, что "почечникам" эти средства еще нужнее. И тем более плевать на это специалистам по телевизорам. Все больные умирают в одиночку и жалоб не пишут. А раньше они это сделают или позже, какая разница? - умирать ведь все равно надо... И какое отношение имеет их частная жажда спасения к

такому общегосударственному (такому важному в грызне ведомств) вопросу, как распределение капитальных вложений?

Повторяю, я могу понять логику происходящего - значит, оправдать конкретные лица и учреждения. Но только вот как мне быть с маминой смертью? - Ей было шестьдесят лет, она беззаветно верила и гнула спину на Медицину. А медицина от нее отвернулась, приговорила к смерти. Не медицина, нет, что-то более общее!

"Пепел Клааса стучит в моё сердце" - эти слова вошли в мою душу и бывают там не переставая. Теперь они навсегда связаны с памятью о маме.

Перебираю сегодня варианты возможного в то время поведения, чтобы понять - а не оказался ли я сам в пленау "государственного плана"? Мне сказали: "Нельзя!" - я и смирился. А нельзя ли было самому сделать такой аппарат? - Найти связи с изготовителями этих аппаратов... и пусть даже на "левых" материалах и чертежах, на "левой" работе... плевать на риск, плевать на то, что изготовление "частным образом" любого оборудования у нас почитается преступлением... Да черт с ними, пускай судили бы за попытку спасение матери...

Замечтаюсь так, но тут же опомнюсь: во всех странах гемодиализ ведется лишь в клиниках - нужны специалисты, черт бы их драл, нужны особые растворы, много растворов, нужны опыт и технология, отложенная десятилетиями. А у меня оставался до маминой смерти лишь месяц с небольшим.

Тогда я еще верил в возможность самолечения, еще бегал за лекарствами и пытался контролировать диету. Мама терпеливо все переносила: и три полных шприца лазикса в день, и лишь одну картошку в день и сильнейшее ограничение воды. К концу апреля у нее спала опухлость рук и даже стало меньше воды в пояснице и животе. Ноги были еще налиты, но стали мягче, как будто в них снизилось давление. Я торжествовал - водянка явно отступала! Думалось: вот так и надо держать дальше, когда вода совсем уйдет, можно будет и смягчить режимы пищи и лекарств. Только выдержать характер и будет все хорошо. И даже к лучшему, что маме не дали аппарат, не

привыкла она к нему... На дачу поедет, там силы у нее прибавятся без всякой еды...

Удивительна эта склонность людей к самообману. Я теперь понимаю: лазикс только выкачивал из тела воду, но не очищал организм, он давал только временное облегчение. Вода на деле и не думала отступать: она находила новые области тела для опухания, а в уже заполненных участках несколько снижалось давление и растянутая до лопания кожа мягчела и собиралась морщинками - складками. А мы принимали это отступление воды перед рывком - своей победой. Так повторилось и в мае. Даже в последнюю неделю, когда вода добралась до маминого лица, раздула его до невероятности, через два дня вдруг отпустило, и я в свой последний приезд к ней на дачу увидел густую сеть морщин на едва узнаваемом лице.

Я радовался, не понимая, что вода отступила, чтобы наброситься на последние работающие ткани мозга и легких. Через три дня все было кончено.

А я - все еще оптимистировал, утешал и планировал. Ясно, что улучшений нет, что смерть неизбежна, что бессмысленно и безжалостно мучить маму ограничением воды и еды, лучше выполнять последние желания умирающей, но принять это - невозможно. Нельзя отказаться от мысли, что шансы на спасение все же есть, нельзя удержаться от цепляния за любые признаки, хоть немного похожие на улучшение. Может, срабатывал инстинкт самосохранения, не пропускающий в сознание страшной мысли, а, может, это стучалась в душу Вера. Не знаю...

Помню, в тот же месяц один из знакомых тихо предупредил: "Знаешь, Витя, не рвись, не бейся головой об стенку. Процесс естественный, все там будем". Он был прав, но только как можно смотреть на смерть и не спасать, не мучиться? С ума сойти можно...

И хотя мама умерла, но я знаю: надо действовать обязательно. Во-первых, в некоторых случаях, я верю, сильное упорство вызывает чудо спасения. Жизнь такая сложная, такая

хрупкая и вместе с тем такая могучая вещь, что о ее конце никогда нельзя судить с полной определенностью. Жизнь - такая важная вещь, что за нее надо бороться до конца. В этом убежден. А во-вторых, душевно мысль о неизбежной смерти столь непереносима, что лучше борьба любой степени безнадежности за сколь угодно малую надежду.

Последний приезд на дачу. Май 1975 года.

Да, конец апреля был нам радостен отступлением водянки. 4 мая была Пасха, и мы из Печатников, вшестером, поехали к бабушке Тане и деду Володе на праздник. В последний раз.

Я знал, как мама любила и радовала этому главному семейному, вернее, родительскому празднику. Ждал, что она будет выглядеть еще лучше, что опухлость еще уменьшится, и мы поговорим о скором переезде на дачу. (Еще в прошлом году предполагалось, что как только Тема кончает школу, все дети, мама Лиля и бабушка Таня отправятся в Усадково на все лето).

И действительно, она была веселой и радостной, но внешний вид ее... снова ухудшение. Опять опухла правая рука. Почему? - «Что-то лишнее выпила на 1 мая» - легкомысленно отвечает, а я про себя ужасаюсь этой легкости. Нельзя было портить ей дорогую Пасху, но и веселого было уже мало. Пил не за ее здоровье, а за ее жизнь. Но как же можно было надеяться, если тут же при мне она съела пасхальное яйцо - чистый белок, самый страшный яд в ее положении, а я лишь ахал и упрашивал.

Ее нежелание или неспособность сдерживать и контролировать свое питание вдруг стали очевидны.

"Мама, мама, Вы же губите себя, меня хоть пожалейте..."
- "Ну, что ты, Витя, я обязательно буду сдерживаться, это только сейчас, ради праздника".

Но я уже видел: не будет. Оставаясь целыми днями одна (отец приходил с работы только на обед), она уже не может сдерживать свою жажду и голод, воля ее разрушена. А о своем желании держаться и выкарабкаться она говорит мне и отцу только в утешение, как благодарность за желание спасти ее.

Сама же не верила, и, оставаясь одна, иногда не отказывала своим сильным желаниям.

Порешили, что днем с мамой будет сидеть ее мама – прабабушка Поля, а как станет чуть лучше, они переедут на дачу.

Кажется, к этому дню относятся мои последние и очень неудачные ее фотокадры: Алеша на коленях деда, а Аня - у бабушки Тани.

Еще несмышленная, нераскрывшаяся Анина мордашка обращена к мертвому лицу, тусклые глаза которого уже связаны с чем-то вне нас, с какой-то неподвижной вечностью. Лилю в тот раз испугала "мертвость" еще живой мамы, которая на коленях своих качала собственную молодую поросль, самый младшенький росточек, так похожий на неё молодую. Как будто старое дерево, уступая жизнь молодому растению, распадается тут же, освобождая ему место под солнцем. Распадается - и вот уже... пусто... Девочка Таня, боже мой, что же с тобой стало? Ещё не так давно цветущее создание глядит вот так - в пустую бесконечность, где нет неба, солнца, где нет ничего. Страшно, мои дети?

Мне - страшно. Но это спасительный страх.

Бабушка Таня с Аней, дед Володя с Алешией. 4 мая 1975 года

Я не боюсь вам рассказывать про бабушкину смерть, чтобы вы еще жаднее и крепче любили эту короткую и такую прекрасную жизнь. А когда все же придет ваш черед - чтобы держали на коленях свою поросль. Так все же легче умирать, я уверен.

В мае болезнь наступала почти непрерывно. Дежурства прабабушки Поли не помогали. Может, ее сердце не выдерживало дочерних просьб о "водичке", а может, собственные представления и опыт диктовали доставать для дочки истинное средство спасении" - «святую (освященную) воду» - все ту же "водичку". Прабабушка Поля к старости стала скрытной и упрямой. И никто не мог поручиться за логику ее поведения. Деда Володю особенно смущала и пугала прабабушкина вера и связанные с нею поступки. Так, еще осенью, прабабушка Поля приходила к своей дочери Тане и убеждала ее, что смерть близка, надо думать о смертном часе, о

Боге, приготовить похоронное платье, распорядиться имуществом, раздать часть его бедным и пр.

Интуиция ее была безошибочной. Мы о смертельной опасности догадались лишь весною, а она уже осенью была убеждена в неминуемо быстрой кончине средней дочери. Но если для нас атеистов, сама мысль об этом страшна и непереносима, то для верующего человека она означает лишь необходимость практической подготовки своего перехода в мир иной. Как готовятся в дальний путь, как переводят дом с летнего сезона на зимний. Нет у них страха. Может, подсознательно он и есть, но сильная вера этот страх легко подавляет.

Но прабабушка Поля совсем не учитывала, что дочь не верит в ее Бога и собственное бессмертие. Всю жизнь она хотела поверить и не смогла. Для нее, еще осенью борющейся и надеющейся на "два годика" реальной и единственной жизни, все деловые разговоры о близкой смерти и поспешной подготовке к ней были тяжелы и трудно переносимы. Как будто мать желает ей смерти поскорее... Для нас же с отцом - они были страшны и чудовищны. Пара таких посещений и мы вынудили прабабушку Полю прекратить такие гостевания с душеспасительными целями. Она обещала молчать и теперь. Но кто же ее проверит - отечность у мамы все увеличивалась.

Она уже только лежала и лишь изредка садилась на кровати. Говорила мало, находясь в полудреме. Сознание постепенно угасало. Перебирая в памяти последние встречи, я лишь 9 мая и помню ее ясной - был долгий, разумный разговор. Помню живой, как всегда смышленой и бесконечно доброй ко мне. Кажется, тогда она сказала слова обо мне-солнышке... А дальше, в последующие дни, на длинные предложения ее уже не хватало, только на короткие ответы....

Оставалась лишь одна надежда - с мамой сидеть мне или отцу. А у нее билось лишь одно желание-просьба - скорее на дачу, в цветущий сад.

Долго мы говорили-судили, прежде чем решиться на поездку в столь тяжелом состоянии. Наконец, отец сдвинул свой отпуск с лета на май, и 16 мая мы отправились на заводском

микроавтобусе: шофер, я с мамой, а сзади - отец с прабабушкой Полей.

Всего лишь месяц прошел с той памятной консультации. А как будто годы... Прекрасный весенний день. Но мама уже не воспринимает его. Где ее оживленность, где умные глаза? Они полузакрыты, речь затруднена и односложна. Да разве можно назвать речью отдельные слова, да и те - часто невпопад? И только редкие вздохи-зевки меня успокаивают: значит, не больно, значит, едем хорошо. Предупрежденный шофер вел машину изумительно ровно.

Через полтора часа мы были на даче. Остановили машину прямо у калитки и ввели, почти внесли бабушку Таню во двор. Яблони уже начали отцветать. Вот где она оживилась, хотела что-то сказать, но слова приходили трудно. Наконец, выдавила радостно: "Це наша дача". А потом долго сидела на крыльце в созерцании любимой земли... Сколько лет она не была на родине, и вот, когда стало совсем плохо, вернулась к ней "украинская мова".

Уехал я на следующий день, окончив с отцом обустройство комнаты под лазарет, договорившись подробно о лекарствах и о режиме с соседкой-врачом и со своими.

Всё вроде было в порядке: и в окно мамы лился свежий воздух весеннего сада, и ухода лучше, чем от отца, не пожелаешь, и врач рядом, но тяжко было у меня на душе. Словами оптимистировал, внушал надежды, а сам - не верил уже. Знал, что мать умирает, а сказать себе это словами боялся.

Среди своих я был наиболее трезвым, действенным и понимающим. И вот оставил умирающую мать - как устранился. Как будто на моих руках лежала мамина жизнь, а у меня нет сил ее удержать... Как будто я разжимаю пальцы, и мамина жизнь протекает сквозь них невесомыми, неудержимыми каплями. Уже не было чувства, что я предаю или убиваю маму своими поступками и жизнью. Нет - только разжимаю пальцы и роняю. Роняю в землю. В голове стучит маринцветаевская фраза - «жизнь выпала копейкой ржавою».

Навязчивый мотив этих слов прекратился, кажется, только на похоронах, когда с моих рук и вправду посыпался песок в могилу

Еще один раз я увидел маму 25 мая. В первый раз (да и последний тоже) не было у нее оживления от моего прихода, хотя глаза открыты и понимание было. Отец сам ее кормил, сам колол лазиком. Он был убежден, что воды дает меньше, чем выделяется мочи, но улучшений нет. Вот только что вода склынула с ее лица, избороздив его мешком морщин (а я и это готов принять за улучшение). Багровое, отравленное тело, вспухшие руки, дрожащие мелкой дрожью. Бедное тело, оно живет, оно сопротивляется изо всех сил безжалостному напору воды. Эта дрожь - самое живое, что в ней осталось.

Разговора с мамой уже нет. Можно только сидеть рядом с ее постелью, о чем-то простом громко спросить и добиться односложного ответа. Потом она начинает дремать. Тихо так, успокоительно для меня зевнет, что подумаешь: «К лучшему это». И только один раз за эти дни она подарила мне пронзительное воспоминание. Ей нужно было встать. С моей и отцовской помощью она встает, но ходить уже не может, как малый ребенок неустойчива, стоит раздумчиво и враскорячку. И вдруг коротко на меня посмотрела, улыбнулась своей чудесной кривой усмешкой и сказала: "Какой корявкой..." На слово "стала" ее уже не хватило.

До сих пор этот взгляд и эту "корявку" я не могу вспоминать без слез, они снова и снова лезут в глаза. Я в последний раз увидел тогда свою маму, которая дала мне жизнь и силы жить, разум, вот эту усмешку над самим собой, душу и тело. Маму, которая всегда и во всем отдавала мне всю себя. И если что-то хорошее не передала, то только потому, что я взять не смог. Я это понимаю теперь так ясно, так пронзительно ясно понимаю.

Смерть 28 мая 1975 года.

Через три дня, в среду, 28 мая, я сидел там же, у ее мертвого тела. Нет - у тела мертвой, потому что хотя мама была

мертва и лоб, губы - уже холодные, но тело еще было теплым. Говорят: "тело остывает", но я думаю - оно еще продолжает жить. Как в городе, взятом наконец-то врагами, еще действуют некоторое время разрозненные очаги сопротивления без связи и управления, так жили еще группы клеток в мамином неподвижном теле.

Я трогал ее, гладил, окликал негромко, понимал, что ответа не получу. Она не слышит. В прошлый раз от нее тоже было трудно получить ответа. Тоже была безучастной. И тогда была почти мертвой. Сейчас - стало хуже. Остановилось сердце, остыло сознание. Мама все-таки умерла. Все-таки это произошло. Но мама еще жива, она теплая, и я реально, явственно чувствую ее живое тепло. Какая смерть? И я пытаюсь с ней разговаривать, спокойно почти культурно, но все на ту же тему: «Мам, а мам? Мамочка ты моя...»

Подходит бабушка Поля, хоть я и просил ее повременить с рассказом. Рассказывает: с понедельника стало хуже, во вторник впала в беспамятство, не признавала никого. К вечеру пришла вызванная из деревни официальный врач. Сказала - долго не проживет, вколола что-то и ушла. Ночью с трех часов начала сильно кричать, мучилась. Ничего с отцом они сделать не могли, только бегали и звали ее. В этиочные часы и пришла к маме, наверное, страшная, главная смерть, последнее убийство водой маминого существа, маминого сознания, всего бездонного мира милой «корявки».

В 6 часов утра мучения ее кончились. Она затихла и только, редкое дыхание говорило о жизни. Жизни тела. В три часа дня она в последний раз коротко всхлипнула и перестала дышать. Вдвоем отец с прабабушкой Полей обмыли ее, одели и уложили на помост.

Я приехал только в шесть вечера, когда отец уже уехал в Москву заказывать гроб и сообщать родственникам и сослуживцам. Наутро мне предстояло тоже ехать домой, оформлять похоронные документы.

До утра у меня было много времени. Нет, я не пересматривал своей жизни, не давал обещаний или клятв. И

вообще ничего не делал и не думал, наоборот, напоминал себе, что часто спорил и ссорился с мамой, и был от нее далек, и боялся ее видеть, с неохотой подвигал себя на сыновние визиты. Мне, конечно, бывала приятна радость на ее лице от моего прихода, но она нисколько не перевешивала неприятного ожидания упреков и поучений... Вспоминал, что ведь сам отказался от совместной жизни с нею. Так что ж теперь горевать и сетовать? - Сама природа утвердила твое решение: ни совместной жизни, ни даже редких свиданий. Что ж лицемерить? Мама, мамочка, и вправду так у меня и было... Странно, никогда в жизни я не употреблял этого уменьшительно-ласкового слова (может, в детстве, не помню), а в этот вечер оно стало единственным.

Я выискивал, вытягивал из себя все плохое, что знал о маме. Оно, действительно, было: и ее раздражительность, и мнительность, и излишнюю заботливость, и упрямство при настаивании на своем, иногда вдруг нетерпимость, в общем, все, что могло отравлять и отравляло и ее и нашу жизнь. При этом убеждал себя: о мертвых плохо не говорят - это правильно, но ты-то, ты сам все знаешь. И ты здесь один. И сейчас про себя и себе не нужно лицемерить, скрывать, что с мамой жить не хотел, что этим сам оттолкнул ее от жизни. Что даже в последний месяц борьбы за ее жизнь, ты боялся этой смерти, оттягивал ее и в то же время томился и желал, чтобы "скорее все кончилось". Неужели ты боишься признаться даже себе?

Да, мои дети, это было именно так. Я боролся за жизнь своей мамы и вместе с тем хотел, чтобы все быстрее кончилось. Не мог я вместо "всё быстрее кончилось" сказать прямые слова "хотел, чтобы мама скорее умерла". Вот пишу их сейчас и ужасаюсь.

Не хотел я маминой смерти! Я хотел бы, чтобы она жила долго, всегда, чтобы она просто была, и я мог прийти, когда захочу, и увидеть всегда радостную мне улыбку. Чтобы только знать, что она есть на свете, а ты для нее остаешься сыном, маленьким мальчиком, чтобы с тобой ни случилось. И для меня - огромнейшее несчастье эта смерть. Впрочем, нет, неправильно.

Несчастье - это что-то необычное, а по природе я и обязан пережить смерть моей мамы. Скорее, это огромная жизненная грань-ступень.

Умерла моя мама, и я навсегда перестал быть ребенком. В цепи человеческих поколений - теперь моя очередь умирать. Как будто огромное дерево, поившее меня своими соками, рухнуло, и я остался с миром один, без защиты и материнского укрытия, остался сам на положении стареющего дерева над собственными детьми.

Конечно, я не хотел смерти мамы, не хотел и слышать о ней. Но понимал ее неизбежность. И это бессильное ожидание так непереносимо тяжело, что невольно ждешь конца этого состояния, хотя бы даже через непредставимую маминую смерть. Я это пережил, мои дети, и уверен, что вам будет тоже тяжело в свой черед. А потому хочу сейчас, заранее, подбодрить и утешить: не бойтесь этой боли, она перейдет потом в печаль и благодарственную мудрость. И может эта облагораживающая душу печаль - последний подарок, который нам дарят умирающие родители.

Я пытался быть в тот вечер объективным, пытался вспомнить причины наших ссор, ее обиды и все наши, еще со школы, далеко не безоблачные отношения. Каким же я был тогда заносчивым мальчишкой! Как защищал свою независимость! Как ранил ее сердце! Год за годом. Копаясь позже в ее бумагах, нашел свое школьное обязательство: как стану взрослым и начну работать, выплачу маме все деньги, затраченные ею на мое кормление и воспитание. Слава богу, что не стал выплачивать, идиот несчастный! А в 9-м классе,"в шутку", укрепляя свою независимость от мамы, доказывал, что "кровь ничего не значит" и чтобы доказать это, с удовольствием выпустил бы из себя всю ее кровь и заменил ее новой. Эта глупость обидела ее страшно, на всю жизнь. А потом, уже в институте, я запретил ей подойти к эшелону, отправлявшему меня в первый раз на целину, и она была вынуждена глотать слезы на мосту, далеко от толпы провожавших поезд родителей,

завидуя их нехитрому счастью... А потом споры о политике... А потом отказ жить вместе...

Из этих разбирательств никак не складывался привычный образ раздражительной и трудной в общении женщины. Вырисовывался ее истинный облик ранимой, изломанной жизнью и любящей женщины. Чуткой и умной. Все отрицательное не было в ней главным и было лишь результатом нанесенных жизнью обид, душевных ран даже от близких, даже от меня.

Весь последний год ее жизни, почти год ее смертельной болезни вдруг открылся мне истинным благородством ее поведения. Ведь мама знала, что умирает, давно знала, может, весь этот год. Но никогда мне этого не говорила. Только раз, заговорив о деньгах, тут же сконфуженно умолкла. В близости смерти она была уверена и шла на нее спокойно. И в тоже время лечилась, мучилась от жажды, от диеты - ради меня, и мужа, и всех близких.

Сама смерть ее произошла для всех нас, детей и внуков так тихо, так ненавязчиво, так во время! А мы еще про себя страшились: ведь надо на дачу летом выезжать Лиле со всем детям. Как же ужиться тяжело больной с ребячым гомоном и криками? Как же успеть ходить за нею, за детьми и садом? И мы оттягивали дату выезда на июнь и дальше... А мама взяла и умерла за два дня до начала Темкиных каникул... И в этот вечер я удивленно повторял: «Ах, мама, мамочка, как во время, как во время ты умерла... Зачем же ты ушла?»

Вот так, в смертный час - нет, не час, а год - вдруг виден станет человек, весь из любви и мужества. Как будто пропадает шелуха мелочных пристрастий, обыденных обид и высыпается суть.

Ты видишь воочию, как гибнет тело и как гаснет сознание. Но вот вдруг прорывается к тебе ее общение - совсем как прежде - лаской, иронией к себе, насмешливым лукавством и бесстрашием ("Какая корявка... стала") И видишь, что душа ее, очищенная от суетного быта и брюзганья, стала краше или просто вся открылась перед уходом к Бесконечному Богу. Мне

стала немного понятной людская уверенность в бессмертии души, но я был не в состоянии додумать все до конца.

Да, еще о Боге... Конечно, маме было бы много легче умирать при вере в Бога, когда ужаса смерти нет, а смерть считается каким-то времененным забытьем типа сна или наркоза для перехода в другой, небесный мир. Конечно, собственное тело и интуицию не обманешь, совсем от ужаса избавиться нельзя, но все же легче, много легче.

В последние дни и часы с мамой была ее твердоверующая мать. Как ей всё просто и понятно! Как убеждала она маму, как настаивала и просила исполнять все обряды православных - до последней здравой минуты. Казалось бы, любой в таких условиях захочет поверить-успокоиться и уверует сразу. Тем более что всю жизнь она тянулась к вере, и на бумажные иконки я часто натыкался в укромных уголках ее вещей. Но - не выходило, не получалось! И я уверен, в последний год она об этом и думать перестала и лишь из жалости к своей маме Поле соглашалась с ее уговорами. Это признала сама прабабушка Поля, когда сказала мне в тот вечер, что священника для чтения молитв, отпевания в церкви не надо, неверующей мама умерла...

И для меня это событие громадной важности. Оно - как завещание и укрепление в нашей новой, безбожной вере. Сильной, мужественной и тяжкой вере в бескрайний прекрасный мир и в нас - песчинки в нем, взметающие жизнью-мигом, чтобы передать свое движенье любимым близким существам. И нет другого бессмертия, как в этой связи поколений, как в любви и жалости к здесь остающимся, в этом чистейшем альтруизме в последний час.

Прекрасна наша вера!

Мама лежала предо мной и тихая, «покойная» улыбка чуть скрашивала ее одутловатое и мертвенно наплывшее лицо. Ее суть проглядывала в этой незнакомой мне улыбке, как в особом новом свете. Мама становилась все холоднее телом, но все прочнее преображалась в моих воспоминаниях.

О мертвых не говорят плохое. Неверно! Просто нечего сказать о ней плохого. Я это точно знаю.

Может, уже в тот вечер, а может лишь сегодня, но как-то крепче ощутил свое родство с людьми ее поколения - поколения "войн и революций". С людьми, выросшими в музыке маршей и концлагерей, в атмосфере страха и энтузиазма. С этими страшноватыми на вид, брюзгливыми к молодежи и нетерпимыми людьми трудно жить, трудно даже уживаться. Но мы их дети. Мы сами выросли в противостоянии их навыкам и привычкам. Мы более терпимы и свободны. И все же мы их дети. И не уйти нам от их веры, воспитания, от тесного родства.

Да и не надо уходить. Напротив - надо понимать, какой тяжелый груз им в жизни достался - вынашивать в муках рожденную новую веру, сколько страха и страданий перенесли, сколько бурь и течений их ломало и безобразило. Но их мучительная жизнь должна стать нашим и вашим опытом.

Бессмысленно судить - кто был в прошедших штормах правым-виноватым: как правило, они бывали и жертвами и палачами вместе. Мой отец – комсомолец, кулачивший крестьян и закрывавший церкви, едва избег опалы в 1938 году. А мать-дочь раскулаченного - едва ль не искренне пила за здравие Сталина- победителя. Кого и как из них судить? Всех или никого? Да и зачем судить поколение, которое само себя судило и казнило много раз?

Нельзя отказываться от результатов столь дорогого опыта. Если не поймем - отринем, то снова натолкнемся на очередной виток истории, на те же революции и войны.

Похороны

30 мая 1975 года.

Через день, в пятницу, в Усадково собрались заводские сослуживцы, соседи и все родственники, кто был в Москве. Были здесь и все вы, мои дети. И пусть лишь Тема осознал смысл и значение своей утраты, пусть Алеша и Аня еще совсем ничего не понимали, но я считал тогда важным сам факт вашего присутствий на похоронах вашей бабушки, на закладке

семейного кладбища в Грибцово. Я хотел, чтобы ваша связь со мной, с бабушкой Таней и всеми за нею предками стала глубже и прочнее через личное участие. Пусть Алеша и Аня не будут сами помнить бабушку Таню, но раз они сидели у нее на коленях, раз хоронили - то припомнят, через рассказы и фото, и оттого крепче будут стоять на этой земле..

Был солнечный день. Было все как положено: венок и речь по бумажке от завода, соболезнование соседей, слезы на глазах родственников, рыдания прабабушки Поли. Тяжесть была непереносимой. Мучила несоразмерность случившегося со всем нашим обычным человеческим поведением: я до похорон улыбался чьим-то шуткам, дедушка Володя после похорон демонстрировал кому-то своих первых пчел, прабабушка на похоронах заботилась о том, чтобы выгоднее попасть в фотокадр. И это - в кругу искренне сочувствующих твоему горю людей.

Но, мои дети, не верьте такой "бесчувственности". Горе забирает не сразу. Я до сих пор пишу со слезами эту память, прабабушка в это лето начала заговариваться, разговаривая с умершей дочерью, бабушкина сестра Соня, ранее перенесшая инфаркт, теперь столько напримала лекарств в попытках успокоения, что с осени легла в больницу. А дедушке Володе - ему, чем дальше, тем хуже и хуже. Не спит, слушает ночью Танин голос, не знает, что ему делать, казнит себя, что не все сделал для опасения, для исполнения ее желаний, и никто не в силах его успокоить, утешить, вернуть смысл оставшейся жизни...

Нет, сразу всех последствий смерти не понять, не пережить, не выплакать - лишь в долгие недели, годы, жизнь.

30 мая 1975 года. Кладбище Петрищево-Грибцово.

А тяжесть самих похорон - когда касаешься дорогоого лица в последний раз, и крышка забивается, и сыпется песок, и вот уже на месте жилища-ямы могильщики формуют могильный холмик, и вдавливают в свежую землю лопатой крест ("Ведь русская, не нехристъ...") - что ж, это тоже трудно. Но преодолимо.

Я помню, как вернулись с кладбища и сели за поминальный стол. Пили, ели, даже потом шутили и смеялись. И почему-то снялась тяжесть, легче дышать стало. Может, это от водки. Очень может быть. Но мне тогда казалось - от другого. Как будто мы вернулись не с похорон, а с вокзальных проводов в далекую поездку в далекую страну, скажем, за границу, откуда возврата нет, и мы уже не встретимся. Конечно, это грустно, но, в общем - не страшно, все обычно. И жизнь течет по-прежнему.

С тех пор и повелось: чувствуя себя живым, веселым, сильным, далеким от смерти, когда во мне подспудно живет уверенность, что мама не умирала, а где-то там живет себе

тихонько. Но как только я начинаю внушать себе правду о ней - тяжесть задавливает сердце. И трудно жить.

Так до меня дошла нужда людей в поминках-проводах умерших, потребность веры в бессмертии души. Но как я примиряю это пониманье со своею материалистичной верой? - А никак: пусть будет неувязка, раз так легче...

Прошли месяцы... Проезжая автобусам Грибцово, я могу видеть дальний угол хвойного леса на высоком пригорке по дороге в Петрищево. В этом ельнике и огорожено наше кладбище. Там лежит моя мама.

Осенью мы с отцом поставили железную ограду. Весной, даст Бог, поставим на могилу камень... Красивое там место. Далеко вокруг видно. Приятно здесь лежать, что означает - приятно оставшимся живущим умерших навещать.

В день похорон, я отвел в сторону Тему и Галю от свежей маминой могилы и наказывал им: "Когда умру и будет у Вас возможность, не раскидаст если судьба, похороните меня здесь рядом с бабушкой Таней".

Сейчас я повторяю это для них и для Алеши с Аней.

От этого решения-завещания мне стало увереннее жить, покойнее. Теперь я знаю, "куда пойду в последний путь", и кто похоронит, и кто будет приходить поминать и помнить мою любовь и передачу знанья.

Приложение 2.

Сто лет недвижимости *(Ася Сокирко)*

« ... все в них записанное никогда и ни за что больше не повторится, ибо те роды человеческие, которые осуждены на сто лет одиночества, дважды не появляются на земле.»

Габриэль Гарсия Маркес,
«Сто лет одиночества»

Митрофан

Крестьянин Митрофан дважды в своей жизни получил землю и трижды ее потерял. Происходил он из бедных крестьян и земли не унаследовал. Случился с ним в ранней молодости приступ романтики – сбежал из дома, потыркался пару лет по городам и портам, но потом вернулся домой, женился и больше к себе и своему дому романтику эту и близко не подпускал. Жена его была добродушной, работящей и неграмотной; позже, когда жизнь забросила их в город, от необходимости учиться читать ее спасала плановая экономика, позволявшая угадать название продукта по его цене. Отец дал за нее в приданое изрядный кусок земли и Митрофан прочно осел, наладил свою жизнь, обзавелся детьми и стал человеком весьма уважаемым и, по меркам тех мест и того времени, зажиточным; это, впрочем, не означало, что у каждого обитателя дома непременно должна была быть своя пара ботинок. Гражданскую войну Митрофан и его семейство пережили, можно сказать, без особых потерь. Он вступил на фронте в партию, но вскоре осознал, что живопись – штука сложная, поскольку красный, зеленый и прочие цвета радуги могут смешиваться с малопредсказуемыми

последствиями, и, проявив изрядное благоразумие, он быстро, целый и невредимый, вернулся к своей пахоте.

Эта весьма пристойная крестьянская жизнь закончилась, естественным образом, коллективизацией. Митрофана хотели раскулачить, но он сумел вовремя сбежать, пристроив семью к родственникам, добрался до Города и устроился рабочим на завод, на котором и проработал всю отведенную ему жизнь. Через пару лет, когда в результате изнурительного труда койка превратилась в комнату, он смог вернуться на несколько дней в свою деревню и тайком, ночью вывезти в Город свою семью. Комната была, непристроенных детей оставалось всего двое и никто уже не охотился за новоявленным пролетарием. Это все еще сносное существование закончилось, как можно догадаться,войной, но Митрофан был уже не призывного возраста, да и работал к тому же на заводе с бронью.

Люди, к которым жизнь милостива, считают обычно, что война – это и есть тот самый «черный день», на который копили. Митрофана же жизнь не щадила, и к этому времени ему было уже неясно, чем эта война хуже той или того, что было между ними. До сих пор он оказывался, так сказать, на территории военных действий, а тут – как бы в тылу. А потому когда война стала подходить к концу, Митрофан уже начал копить деньги на землю. Он вовсе не торговал хлебными карточками - ни таких возможностей, ни таких наклонностей у него не было – он просто копил. Владение землей в Той Стране было, разумеется, запрещено, но можно было купить дачу в пригороде; домик с кусочком земли, что заменит ему потерянную пахоту, маячил у него перед глазами, разрастаясь, заслоняя собой солнце и создавая затмение. Жене его земля была не сильно нужна – она выросла в семье побогаче, и самоутверждаться ей не требовалось, дети и вовсе выросли в городе, но это ничего не меняло. Его семье запрещалось покупать белый хлеб; об остальном можно только догадываться. Жили они в шестером в одной комнате в коммуналке – он сам, жена, двое младших детей, да еще замужняя дочь с ребенком, муж которой был на фронте и которая в конце войны получила

разрешение переехать к родителям. Выходило полтора квадратных метра на человека. Каким-то чудом освободилась соседняя комната и ему предложили ее занять – со льготной очереди это семью все равно не снимало. Митрофан подумал-подумал, и комнату не взял. Платить за нее еще рубля два в месяц, а все одно – не свое, все равно съезжать скоро – лет через пять, не позже. Вот когда квартиру дадут или дачу купят, думал Митрофан, то уже будет свое, а пока – все равно ведь чужое, ну его, платить непонятно, за что, перебоятся, потерпят.

И действительно, через пару лет после конца войны Господь решил принять в его судьбе участие. Каковы при этом были Господни намерения – наградить, наказать или выразить свое недоумение происходящим - остается неясным. Митрофанду было видение. Он услышал голос, который направил его стопы и привел его в одну подмосковную деревеньку. Там он нашел полуразваленный дом, половину которого вместе с половиной участка ему согласились продать. Как раз перед этим, правда, провели денежную реформу, и денег сразу стало меньше, но на дом все равно хватило. Митрофан был опять со своей пахотой.

Митрофан успел немного подремонтировать дом и привести землю в порядок, как демобилизовался из армии его зять военный, привез семью обратно в Москву и поселился на этой самой даче. Митрофан, уже с одним ребенком и женой, опять остались в той самой комнате. Метров теперь, правда, на душу выходило целых три, а зять, будучи человеком крайне добросовестным, хорошо заботился о доме и земле, и, поджидая очереди на квартиру, тратил на дачу все накопленные за три проведенные в Германии года деньги, но к земле своей Митрофан попал только через целых шесть лет.

И вот, когда дочь с зятем получили наконец жилье в заводской коммуналке, он, через двадцать лет после своего изгнания, вернулся к земле. Памятуя о том, как власть в Той Стране умеет обходится со сбережениями своих граждан, и пребывая в святой уверенности, что земля то уж никуда не денется, он все деньги потратил на ремонт, кур, свиней и огород. Целых шесть земельных лет было отведено Митрофанду.

Город в это время рос, располжался, ему становилось тесно и, на седьмом году Митрофanova благополучия, у города затекла нога, он решил ее расправить и смел, сам того не замечая, с лица земли Митрофанову дачу вместе со всей деревней. Власти выплатили ему компенсацию по госрасценкам и выселили в однокомнатную квартиру.

Больше, собственно, ничего и не было. Бывший крестьянин пожил еще пару лет, потом его разбил паралич и он умер. После смерти Митрофана его родственники обнаружили матрац, набитый пятнадцатикопеечными монетами, за год до того отмененными в очередной денежной реформе. Просто все остальные деньги – и бумажные, и монеты, и вклады, и облигации – тем или иным образом отменялись Той властью в предыдущих денежных реформах, и эти монетки представлялись ему, после земли, конечно, самым верным способом хранить деньги.

Владимир

Пройдет много лет, и зять Митрофана, он же сын деревенского портного Владимир, уйдет из армии в отставку, чтобы вернуться к земле и саду, из которого его выкинула Та Страна. Чтобы такой мирный и мягкий человек, как Владимир, попал в армию, понадобилось немало странных политических событий, но обстоятельства все-таки смогли стечься таким образом, что, оставшись в двенадцать лет круглым сиротой, он поступил в военное училище и стал кадровым военным. Специальность он, впрочем, приобрел самую мирную, став авиамехаником. В довершение цепи странных событий, Владимиру довелось сначала, как и многим другим военным, участвовать в коллективизации, а вслед за этим жениться на дочери Митрофана, которой вовремя удалось устроиться прачкой в городе, а потом даже поступить в фельдшерское училище. Жизнь, тамошняя и тогдашняя, была столь неописуемо странной, что эти люди, не обладая ни образованием, ни сверхъестественной жизненной силой, так

никогда до конца и не поняли всей абсурдности происходившего с ними.

У Владимира и его жены родилась дочка и, через несколько лет, сын. Его жена уже тогда служила медицине Той Страны, и прослужит ей до конца жизни, но медицина эта не собиралась прикладывать хоть какие-нибудь усилия, чтобы спасти ее новорожденную дочку от обычного воспаления легких, а потом ее саму, совсем не старую женщину – от болезни почек. Но те несколько лет, что прошли между рождением сына и войной, были все же вполне счастливыми. Они жили в большом, но не слишком большом городе, у них, вместо хлебного пайка и койки, были зарплаты, уважаемые профессии и квартира.

Потом были война, эвакуация, шесть человек в Митрофановой комнате. И те три года, что Владимир с семьей после войны провели в оккупированной Восточной Пруссии, были для них несказанным благом. У них была трехкомнатная квартира, достаточно еды и голодные немки приходили спросить, нет ли какой работы. Хотя Владимиру не могло, даже в самом безумном сне, прийти в голову посмотреть на Ту Страну со стороны, он, сам того толком не понимая, находился с ней в глубоком психологическом разладе, потому что любил делать все добротно и осмысленно. В Германии он был наконец окружен добрыми вещами. Русское солдатье, которое он искренне считал соотечественниками, которое резало немецкие гардины на портянки, пинало, оплевывало и разрушало все вокруг, было ему, в сущности, куда более чужим, чем завоеванные им немцы. Уехать из этих мест и ему, и немцам придется одновременно.

С концом оккупации Владимиру пришлось уйти в отставку - за три года до получения воинской пенсии. Они вернулись в Город, привезли с собой много трофейного добра и поселились на Митрофановой даче. Все аккуратно скопленные в Германии деньги были потрачены на ее ремонт и обустройство. Дача была, конечно, не своя, а Митрофанова, но было понятно, что рано или поздно она перейдет по наследству. Дом аккуратно

отстраивался, много сил уходило на огород, свинарник, курятник и все прочее, что создавали себе эти уже не крестьяне, еще не настоящие горожане, не желавшие видеть, как на их дачу наползает Город. Шесть лет прожили они на даче, а вслед за ними прожил на ней шесть лет и сам Митрофан. А потом дачу снесли.

Через шесть лет после возвращения им дали комнату в коммунальной квартире. После дачи было, конечно, тесновато, но когда сын женится и их в этой комнате станет, совсем как в Митрофановы времена, шестеро, они будут вспоминать, как им было втроем просторно. Когда их сын с женой будут получать свою комнату, а потом квартиру, они сделают все, чтобы сменять комнаты вместе и хоть к старости вырваться из коммуналки. У них из этого ничего не получится.

Вскоре после рождения первого внука появилась возможность купить дачу. Покупка дачи не была мечтой их жизни, и они сомневались, нужно ли это делать. Впоследствии их сын, в попытке разобраться в своих отношениях с дачей, будет считать, что их на это толкнула крестьянская интуиция. Так или иначе, причин, чтобы это сделать, было достаточно – внуки, покупающие дачи знакомые – и было решено купить. На даче, часто с внуками, им было хорошо, просторно, огородную работу они, по старой памяти, любили. Единственным, что в этой дачной жизни Владимира тяготило, было отношение сына, которому дача хоть и нравилась, но как-то не всерьез. Владимир обустраивался основательно, качественно, со знанием дела, приделывая каждую доску и подрезая каждое дерево добросовестно, без малейшего намека на халтуру. Сын же его помогал, выполнял, что просили, но очень формально, все время сбегая то по своим делам, то в поход, и осознание того, что на него, непутевого, неприспособленного к настоящему хозяйству, делающего все как-то криво и насекоро, придется оставить сад, огород, пчелиные ульи и дом, не давала Владимиру покоя.

Настоящие горожане вырастают в осознании того, что за все – вещи, мебель, еду, квартиру, услуги - надо платить. Что-то можно сделать самому, но не очень многое. Выходцам из

бедных крестьян эта мысль несвойственна. Им также не очень верится, что больного человека можно взять и вылечить. А тут еще, как назло, миф о бесплатной медицине. А потому, когда жена Владимира, всегда страдавшая почками, начала болеть уже очень всерьез, никто из домочадцев не смог найти, кому давать взятки, и уж тем более не смог понять, как их давать, и жена Владимира умерла от почек в возрасте шестидесяти лет.

Лет пять простоял Владимир тихо между тем миром и этим, не имея ни причины оставаться в этом, ни возможности уйти в тот. Год прошел как сон пустой, царь женился на другой.

Новая жена тоже жила в комнате в коммунальной квартире. Та квартира, в которой после отъезда детей и смерти первой жены остался Владимир, превратилась, по сути своей, в приличного размера однокомнатную квартиру. Единственная остававшаяся соседка умерла, ее комната стояла пустой, в коммунальные квартиры в те годы уже не подселяли. Но формально квартира оставалась коммунальной, то есть не своей, и желание иметь, хоть на старости лет, свою квартиру было столь сильно, что Владимир и его новая жена стали сменивать свои комнаты. Хороший квартирный обмен требовал серьезных деловых, организаторских и манипуляционных способностей, которые у Владимира совершенно отсутствовали. Поэтому две комнаты были, в конце концов, сменяны на «полуторку» - однокомнатную квартиру с маленькой дополнительной каморкой размером с кладовку побольше – той же общей площадью, что Владимира комната. Старший внук Владимира, уже студент младших курсов института, разве что не бился в истерике, видя, как уходит в никуда та комната, что ему так не повредила бы. Он пытался объяснить всю неразумность такого обмена, объяснял, что на кооперативы уже стоят огромные очереди и купить их просто так нельзя, даже если заработать изрядные деньги, но Владимир хотел свою, настоящую свою квартиру, отдельную не только по сути, но и по ордеру, и обмен свершился. При всей его доброте и благородстве ему было непонятно, почему внук-студент должен

получить просто так то, за что его поколение страдало десятилетиями.

Теперь у него была и квартира, и дача. Вторая жена, правда, дачу не любила, во многом из-за того, что дача должна была отойти сыну, и никогда не забывала лишний раз напомнить, что ездит туда только ради мужа. Владимиру же в городе делать было уже особо нечего, и он старался когда только возможно жить на даче. Человеческой мудрости, которая позволила бы ей стать бабушкой младшим, не помнившим своей настоящей бабушки внукам, у нее не было, и с семьей Владимира она не очень ладила. Дача продолжала жить своей жизнью, на нее приезжали внучки, сын, как умел, держал ее в порядке, но система отношений на ней становилась все запутанней.

Владимир уходил из этой жизни тихо, в полном сознании и с миром. Когда он умер, было лето и почти все его родные были в отъезде. Они с трудом успели на похороны.

Жена с дачи немедленно уехала и, вконец повздорив с семьей, больше там никогда не появлялась. Улей согласился взять близкий друг, живший по соседству.

Виктор

Виктору - сыну Владимира и внуку Митрофана – уже не придется спасаться от коллективизации, воевать и голодать. Его самое раннее детство хоть и пройдет в войну, но в неплохом садике, поскольку мать его была медсестрой и военнообязанной, а самые голодные послевоенные годы он проведет в Германии, в весьма сытой воинской части. По меркам следующего поколения его детство было, конечно, очень бедным, но то, что после шести лет он ел досыта – это точно. До шести, как правило, тоже. А всерьез хорошо в те годы, кроме самых приближенных к власти, никто и не ел. Но в силу самых разных причин его, в отличие от многих его одногодок, всю жизнь будет преследовать жестокая атавистическая невозможность выкинуть изъеденную муравьями корку.

Виктор был уже полноправным, рожденным горожанином с высшим образованием. Он много читал, особо интересовался историей и экономикой, приобрел в них недюжинные познания и еще в институте, к ужасу своих родителей, проявил явные признаки инакомыслия. Из института его за это не выкинули, хотя пытались, но уехать из Города на три года по распределению пришлось. Чтобы вернуться в Город к родителям, требовалось быть холостым, и своего родившегося в эти три года первого сына пришлось усыновлять уже по возвращении. С этого несколько гrotескного эпизода и начались взаимоотношения Виктора с недвижимостью.

Вернувшись в Город, Виктор с женой и двухлетним сыном поселился у своих родителей. Жили те в одной комнате в коммуналке; с приездом сына их в этой комнате стало пятеро. Можно было бы предположить, что Виктор с женой, за несколько лет жизни вне Города привыкшие к отдельной жизни, сочтут жизнь через ширму от родителей невыносимой. Заработать на снятую комнату было вполне реалистично. Но разнообразные интересы, походы, чтение, диссиdenство, возможность оставлять ребенка по вечерам на бабушку и не тратить время на обустройство существенно перевешивали. С походами и прочими отвлекающими от воспитания детей занятиями бабушка сражалась, как могла. Деревенской женщине, которой здоровье почти не позволяло рожать, у которой умер первый ребенок и остался единственный сын, было крайне сложно понять молодых родителей, чуть что бросающих живого ребенка и несущихся по своим делам; но роль няни она выполняла еще довольно долго.

С появлением второго ребенка ситуация стала уже до неприличия митрофановой. Власти скалились и дали комнату в том же доме – в коммуналке, разумеется. Комната была большая, да еще и бабушка под боком. Некоторое желание добыть отдельную квартиру было, но государственная очередь тянулась годами и десятилетиями, а на кооператив надо было зарабатывать деньги, то есть тратить время. Времени же после занятий своими интересами не оставалось, поэтому было

решено оставить все, как есть. Это равновесие нарушалось только отношениями свекрови с невесткой, всегда непростыми и еще более осложнившимися на почве переезда. Дело было в том, что к моменту переезда в квартире, где жили родители, освободилась соседняя комната, и власти давали Виктору выбор – поселиться в ней или же в соседнем подъезде. Комната в квартире родителей была существенно меньше, свекровь с невесткой опять оказались бы на одной кухне, но это зато дало бы семье отдельную квартиру. Мечта об отдельной квартире, которая в ее жизни была только в детстве, а потом пару лет в Германии, была столь сильна, что свекровь, по природе своей способная принимать многое, не находила в себе сил простить или хотя бы понять произошедшее.

Статус кво был нарушен предстоящим появлением третьего ребенка. Семья с тремя детьми, живущая в одной комнате в коммунальной квартире, немедленно переходила в самую льготную очередь и получала не менее, чем отдельную трехкомнатную квартиру, причем в том же районе и в течение года после рождения третьего ребенка. Выходило, что до получения бесплатной квартиры, причем в пристойном районе Города, оставалось, после девяти лет ожидания, не более полутора лет. И тут что-то щелкнуло. Виктор решил потратить примерно двухлетний семейный доход на кооператив. Въехать в него было возможно тоже не назавтра, а почти через год. Как и зачем Виктор пришел к этому «проекту» - первому из его многочисленных «проектов» с недвижимостью - заслуживает отдельного описания.

Сама по себе возможность получить квартиру на полгода или год раньше причиной быть никак не могла. Будь это ему действительно важно, он бы построил кооператив на много лет раньше. Денег у него было примерно столько же, сколько и за три года до того, и деньги на первый взнос все равно пришлось отдалживать. Дело заключалось в том, что кооператив официально не принадлежал государству и, покупая его, Виктор мог считать, что ничего не взял у советской власти, с которой у него уже тогда были серьезные контры, а, кроме того, что у него

теперь есть «своя квартира». Это было весьма оригинальной идеей в стране, торговля недвижимостью в которой была запрещена. Любые квартиры в Той Стране как ей самой, так и ее гражданам, принадлежали и не принадлежали одновременно. Государственные квартиры являлись, по сути своей, выплатой тех не поддающихся оценке сумм, которые государство задолжало своим гражданам, полностью контролируя их зарплаты, делая квартирный обмен единственным разрешенным способом передвижения и создавая квартирные очереди на десятки лет вперед. Люди жили в них всю жизнь и передавали их своим детям, то есть, по наследству. Ремонты на свой вкус, наличие домашних животных и тому подобное никак не лимитировалось. Кооперативные же квартиры вроде как принадлежали жильцам, но продавались в рассрочку под смеютворные два процента годовых, то есть явно субсидировались государством, ибо ни на каком свободном рынке в мире таких займов не бывает. Кроме того, если государство клало глаз на конкретный кусок земли или дом, то спасти жильцов не могло ничто.

Происшедшее выглядело поистине, как вмешательство свыше. Идея обладания недвижимостью сделала с Виктором то, чего не могли сделать ни отношения между женой и матерью, ни необходимость делать детей на скрипучем диване через занавеску от родителей, ни отсутствие жизненного пространства – она заставила его взять в долг крупную сумму и пойти зарабатывать в свободное время деньги. Когда он выйдет на пенсию в ранге обладателя двух квартир и загородного дома, эта же самая идея и эта же самая квартира заставят его, еще не очень старого человека, требовать от наследников, чтобы они ни в коем случае не тратили деньги на его лечение, если только это потребует продажи этой квартиры. А если можно – то чтобы вообще не тратили. Тратить ли на жену? Это как она считает нужным. Нет, нет, и на меня тоже не тратить, ни в коем случае, подтверждала жена.

Прошло совсем немного времени, и купил Виктор свою квартиру, и въехал в нее за два месяца до рождения третьего

ребенка. Купил он ее «на подсадку» - в уже распределенном доме оставалась одна квартира, которую никто не хотел брать. В ней было четыре комнатки, размером она больше походила на большую двухкомнатную и располагалась далеко от метро в до невозможности заводском районе. Когда его дети и их приятели вырастут и станут работать, одно упоминание об этом районе будет вызывать у них такое же недоумение, как утверждение о том, что в Урюпинске живут люди. Результатом этой сделки явилось то, что Виктор и его семейство получили квартиру на год раньше, в гораздо худшем районе и оказались по уши в долгах как раз в то время, когда жене его пришлось надолго уйти в декрет. Присутствовать при рождении ребенка, оказавшегося к тому же двойней, он уже не мог – надо было срочно зарабатывать деньги на шабашке в Хабаровске. Даже если Виктор и неставил себе целью превращаться в Митрофана, то на ближайшие несколько лет он, по крайней мере, не оставил себе никакого выбора. Долги надо было отдавать, подрабатывая вместо отпуска на шабашках и отказывая себе в самом необходимом.

Природная нечувствительность Виктора к комфорту была феноменальной. Несмотря на то, что его мать тратила массу времени на приготовление вкусностей, Виктор не отличал кашу от жаркого, коньяк от ликера и туалетную бумагу от газеты с той же естественностью, с которой окружающие не могли эти вещи перепутать. Естественно, ему не могло прийти в голову, что окружающим подобные вещи могут быть существенны. Вид человека, который точно знает, как должен быть приготовлен его кофе, вызывал у Виктора те же ощущения, что у большинства людей вызывает вид туфель за восемьсот единиц очень твердой валюты – легкую иронию, средней степени раздражение и полное нежелание понять, зачем это нужно. Из всех синонимов, обозначающих процесс еды, в его лексиконе присутствовал только глагол «жрать». Когда он говорил ребенку, поедавшему принесенный кем-то в подарок бутерброд с икрой, «Г-г-гам три рубля! Ха-ха-ха!», им руководила даже не столько тривиальная жадность, сколько полное непонимание

того, зачем люди тратят на единицу еды три рубля вместо тридцати копеек. О том же, что его жена ломала ногу, а сын – руку, он через пять лет уже честно не мог вспомнить, и утверждал домашним, что перелом конечностей – событие редкое и серьезное, с которым он, к счастью, дела никогда не имел. Такое внутреннее устройство обладало одним бесспорным плюсом – оно делало его обладателя мало зависимым от внешних обстоятельств.

Это же качество было логичной частью, а может, и первопричиной, его на удивление абсолютного и бесхитростного антиаристократизма. Всех людей Виктор делил на плебеев, воров и аристократов. К плебеям относились инженеры, рабочие, крестьяне, учителя, альпинисты, парикмахеры, диссиденты, секретарши и врачи попроще. К ворам относились воры и обладатели новых денег. Аристократы включали в себя художников, ученых, врачей с именем, успешных музыкантов, успешных программистов и вообще тех, кто умеет покупать шоколадки, не думая, но вором не является. «Плебей я, плебей, и живу совершенно как все!», твердил Виктор даже в старости, забывая о всех своих знакомых в правительстве и выступлениях по телевизору. Уже через полчаса он предлагал обсудить Флавия. На каком-то уровне это была тоска несостоявшегося историка, которому пришлось стать дипломированным инженером-сварщиком. Историк бы был аристократом, а так – ИТР, одно слово. По-настоящему плебейских черт у него было всего две. Первой было непризнание чистого искусства и бесцельных действий. Поззия, музыка и живопись были ему весьма интересны, но только как средство достижения некоторой цели. Он обожал подчеркивать, что совершенно не разбирается в музыке и не умеет есть ножом и вилкой. Его потребность придать каждому действию цель была столь сильна, что он мог пойти в горы на восхождение, но не мог пойти погулять в лес. Она же приводила к тому, что Виктор все старался делать в общих чертах, опуская детали. Он был в состоянии создать общую экономическую теорию развития страны или добиться получения квартиры, но

напечатать письмо без опечаток или выпилить прямой угол было ему абсолютно не под силу. Он даже сам над этой своей чертой подсмеивался и только диву давался – отчего это все падает и ломается – судьба, видно, такая...

Второй его плебейской чертой была скучность в своем изумительно первозданном виде. Скупых обычно изображают злыми и нехорошими, но у Виктора скучность существовала как бы сама по себе. Он ни на каком уровне не упивался в образ человека нехорошего, но для того, чтобы остановить на улице машину, ему требовался умирающий, то есть нечто, что заклинило бы его нормальный поток сознания и вызвало шоковое состояние. Если же больной не умирал, а только нуждался в неотложной медицинской помощи, и шок не наступал, то он был готов на руках отнести больного к автобусу, а оттуда – к метро, но ему было легче умереть самому, чем поднять руку. Свою связь с Митрофаном он четко осознавал, представляя себе деда в романтическом свете - разумным крестьянином, несколько хмурым, но олицетворением здравого смысла.

Вся эта запутанная смесь стремления побыстрее достичь цели, скучности и нежелания создавать комфорт логичным образом приводила к тому, что Виктор пытался экономить время, деньги и силы одновременно. А потому в новоприобретенной собственной квартире навсегда остались грубая самодельная мебель, бесчисленные слои обоев, между которыми уютно жилось самым популярным в пролетарских районах домашним животным, чугунные утюги, которые надо было нагревать на комфорке, и один кусок мыла в ванной для мытья тел и волос домочадцев. Спустя много лет Виктор решил выяснить, чем же мыло отличается от шампуня. «Ну понимаете», несколько ошаращено объясняли ему, «бывает шампунь для сухих волос и для жирных, а еще от перхоти. Когда всякой химии еще не было, люди собирали травы, делали настои для мытья, промывали волосы яичным желтком ...» Виктор слушал и вежливо улыбался с выражением человека, понимающего тщетность всего сущего.

Время шло, дети росли, и по одному отчаливали из Квартиры – выходили замуж, а потом, когда Та Страна начала постепенно рассыпаться и становиться просто Страной, надолго уезжали за границу. Долги были давно отданы и в Квартире становилось все просторней. Тогда же стали возможны поездки за границу и Виктор отправился сначала в Европу, а потом и в Америку мир посмотреть и пообщаться с правозащитниками. Он и его жена ездили по разным странам, на велосипедах и электричках, с лозунгами «Свободу осужденным хозяйственникам!», общались с бывшими и еще активными, тамошними и своими, высланными правозащитниками, ночевали когда в палатке, когда в квартирах знакомых, и деньги при этом не тратили, а прикупливали. Если им надо было попасть из одного конца огромного города в другой, то они не тратили по доллару на метро, а шли четыре часа пешком. Когда кто-нибудь из знакомых начинал понимать происходящее и давал денег на транспорт, то они говорили спасибо, брали деньги, и шли пешком. Продукты они возили, в основном, на себе. Кроме того, за границей Виктор обнаружил, что музеи прекрасно можно смотреть снаружи, поскольку внутри находится чистое искусство и за него еще и берут деньги.

С осужденных хозяйственников, права которых он защищал большую часть своей жизни, Виктор денег никогда не брал, даже когда хозяйственники могли бы и предпочли бы заплатить. Но советы о том, куда вложить привезенные деньги, были им приняты, и небольшая сумма была многократно приумножена, превратившись в небольшой капитал. Нужно отметить, что Виктор, чуть ли не всю свою сознательную жизнь защищавший свободный рынок и права предпринимателей, мог иметь дело с деньгами, предпринимательством и свободными ценами исключительно в теории. Реальный поход на рынок или в парикмахерскую, необходимость спрашивать о цене или узнавать окончательную цену услуги в конце была для него абсолютно, физиологически невыносима. Он защищал крупных «спекулянтов», но не мог купить картошки у самой мирной бабушки даже в сентябре месяце, когда картошка у бабушек

была дешевле, чем в магазине. Он мечтал об одном – чтоб ему выдали его пайку неважно чего и оставили в покое. Структура потребления, к которой приводило такое устройство Виктора в сочетании с его природной прижимистостью, могла разрешить проблему любого дефицита в Той Стране и разрушить любую рыночную экономику ровно за год. Он старался с деньгами, по возможности, вообще дела не иметь и ходить без них, в особенности в тех ситуациях, когда они могут понадобиться и их траты будут сопряжены с дополнительными психологическими трудностями, как то при поездках за границу. Ему было гораздо проще попасть в какую-нибудь передрягу, не иметь возможности купить билет на метро или выпить стакан воды, чем постоянно решать, тратить ли деньги, и если да, то сколько. Жена Виктора - по природе ли, или из-за долгой жизни с ним - обладала сходными проблемами. А потому улучшать свою жизнь при помощи капитала они не могли, ибо кто-то должен был бы эти деньги тратить. Они хотели, чтобы деньги приносили процент и были в сохранности. Иностранные банки и фонды давали такую возможность, но они также давали постоянный доступ к деньгам, а с этой дилеммой Виктор с женой предпочитали дела не иметь. Поэтому деньги надо было срочно вложить в наименее ликвидную форму из возможных – купить недвижимость.

Купля недвижимости в Городе к тому моменту уже превратилась в серьезный бизнес. Заниматься им можно было или хорошо понимая рынок, или не ставя себе цели выгодно вкладывать деньги, а просто покупая себе квартиру для жизни. Когда крестьянин приходит в город и начинает делать бизнес, делают, как правило, его. Когда чистый теоретик начинает делать бизнес, делают, как правило, тоже его. Виктор был хитрой смесью крестьянина и чистого теоретика, а потому неудивительно, что он купил вторую квартиру на пике цен. Трагедии из этого не получилось, цены со временем поднялись и вложение окупилось, принеся ту же прибыль, что принесло бы вложение в иностранный банк под твердый процент, но только теперь эти деньги надо было отрабатывать – искать жильцов,

иметь с ними дело и постоянно переживать по массе мелких поводов. Наиболее комфортное для настоящего бедняка состояние – это заработать побольше, но все равно продолжать ощущать себя бедняком; точно так же люди богатые могут отдать деньги, но не ощущение собственного богатства, по коей причине они довольно скоро перестают отдавать деньги. Такое вложение позволяло Виктору и его жене продолжать считать себя плебеями, бедняками, в поте лица зарабатывающих на небольшой кусок хлеба, а не состоятельными людьми со счетом в иностранном банке.

В этот, равно как и в свои прочие разнообразные проекты, связанные с недвижимостью, Виктор пытался привлечь своего старшего сына, который уже давно иочно жил за границей и был вполне в состоянии делать существенные вложения. Но сын вечно создавал проблемы тем, что деньги хотел давать на еду, одежду, образование детей и лечение, особой потребности в плебействе не испытывал, сбережения предпочитал держать именно в банке, и именно в иностранном, а на все предложения выгодно вложить деньги просил показать ему бизнес-план. Подобное поведение плохо соответствовало родительским представлениям о русской душе – сын и не спорил; он давно осознал, что душа у него вполне тевтонская, то есть с огромным шкафом для романтики и отдельной полочкой для гроссбуха, и место для жизни себе выбрал соответственно.

За то время, что Виктору приходилось подрабатывать, чтобы отдать долги за собственную квартиру, он с помощью сыновей построил два дачных дома для знакомых, и немало домов в составе бригады на шабашках. Вложив все свои деньги во вторую городскую квартиру и вплотную приближаясь к пенсии, он вдруг осознал, что он, владелец двух квартир, дачного участка с домом и строитель двух домов, так за всю жизнь и не построил собственного дома. Возможно, здесь сыграло роль ощущение вины перед отцом за недостаточное участие в обустройстве дачи; возможно, ему захотелось строить, как всем – в Городе, после многих десятилетий запрета, активно строились особняки и перестраивались дачи. Факт остается

фактом – Виктор сначала вложил все в недвижимость, а потом решил строить на даче новый дом, почти без денег и своими руками. Дом был задуман четырехэтажным, зимним, с сауной снизу и оранжереей сверху. Нанимать рабочих Виктор не собирался, но рассчитывал на романтичный семейный подряд, с сыновьями и зятьями. Сыновья, зятья, дочери и невестки проявили нетипичное единодушие и объявили, каждый по своим причинам, что участвовать в этом проекте они не желают, ни руками, ни ногами, ни деньгами, что одним из них дача нужна в том виде, как она есть сейчас, а другим не нужна вовсе, и что ежели Виктор в этот проект ввязется, то разбираться с этим он будет сам. Виктор решил взять семейство на пушку и начал строить. Он смог поначалу добиться небольшой помощи от младшего сына и от жены, но и это скоро закончилось. Он упорно мешал бетон, копал фундамент и таскал балки. Тогда, много лет назад, когда он строил для других, ему давали достаточно стройматериалов. Это часто были готовые блоки и цельные стены. Все организационные вопросы решали хозяева, а ценности организационного труда Виктор, на марксистский манер, не осознавал. Теперь же он был сам себе хозяин, и его тяга делать все в общих чертах и экономить время, усилия и деньги одновременно приводила к очевидному результату. Дом хотя и строился долго, все равно выходил построенным на скорую руку. Строительство было еще совершенно не закончено, верхние этажи были недостроены, но уже слегка кривились стены и из оранжереи капала вниз вода. Отопление, хотя и было проложено везде, работало только в подвале. По странному совпадению, или же по странному сценарию, все дети Виктора были непосредственно связаны с Германией и или в ней жили, или были замужем за немцами, или работали в немецкой среде, и при виде этой постройки и всего строительного процесса впадали в веселье, постепенно принимавшее истерические оттенки, переходившее во вселенскую тоску, и так по кругу.

Когда у дома уже были стены, крыша, и он мог служить убежищем от дождя и несильного холода, у Виктора начали

спрашивать, когда он планирует закончить стройку и устроить новоселье. Ему это было в тягость, доделывать детали он терпеть не мог. К тому же младшие дети начинали строить свои дома, и он все норовил сбежать со своей стройки к ним, чтобы опять копать фундамент и идти к очередной крупной цели. В какой-то момент жена Виктора сообщила, что новоселье, оказывается, уже состоялось, дом – вот он, стоит, все прочее – детали, которые будут доработаны когда-нибудь со временем. Сама жена, впрочем, жить в этом доме не собиралась. Она выпасала внуков, те продолжали рождаться, и на ближайшие десять-двенадцать лет потребность в ее помощи иссякать не собиралась. С одной стороны, это было ясно еще при проектировании дома; с другой стороны, разъезжаться с женой и встречаться с ней раз в две недели Виктор тоже, вроде, не собирался. Где у всего этого был общий знаменатель – не было понятно никому. Прикрепленный к крыше плакат с надписью "I love you" жене листил – она объясняла соседям, что дом строится для нее – но мало что менял. По крайней мере, этот плакат спасало отсутствие в английском языке грамматического рода. На грамматические мелочи Виктор не разменивался, а потому предыдущий плакат, предназначавшийся для дома зятя-немца и гласивший «Das ist sehr groß Haus», был зятем при первой же возможности изничтожен.

Все дети Виктора обрастили недвижимостью – строили дома, покупали квартиры – за исключением старшего сына, который существенно превосходил остальных детей и самого Виктора по доходу, а, возможно, и по сбережениям. Но сын предпочитал иметь возможность выбирать себе страны и жить с комфортом во время вынужденных перемен профессий. Лежащие на счету полдома позволяли ему время от времени покрутить глобус, приехать в выбранную страну и поискать себе там пристойный источник дохода. Поскольку страны выбирались не случайным образом, то и источник находился довольно скоро. Поскольку время вкладывалось не в стройки, а в карьерный рост, то и доход получался немаленький. Виктор был за сына, конечно, рад, но уж слишком литературными и

«аристократическими» были эти спешные отъезды в Баден-Баден. С небольшой квартирой или домиком сын был бы куда понятнее и предсказуемее. Купи он себе роскошную виллу, да еще и не наделав обременительных долгов - литературности бы не убавилось. Виктор провел ревизию родной и двоюродной недвижимости, и вспомнил, что существует квартира его отца, Владимира, в свое время получившая из комнаты Владимира и комнаты его второй жены. В ней проживала теперь вдова Владимира, женщина не очень умная, не очень добрая, и происходившая, в отличие от Владимира с его несколько философским складом, из нормального люмпен-пролетариата. После смерти Владимира она, несмотря на отсутствие собственных детей и близкой родни, повздорила с Виктором и его женой, а через несколько лет и вовсе обвинила их в том, что они взломали ее квартиру и украли из-под подушки сумму, которой хватило бы примерно на месячный проездной. Виктору представлялось несправедливым, что квартира, на большую часть состоящая из комнаты его детства, перейдет к ее устрашающего вида родственникам. А потому он решил, что его старшему сыну самое время выяснить отношения со вдовой деда и договориться о схеме раздела квартиры с ее родственниками. Предполагалось, что сын должен получить квартиру, и выплатить адекватную часть ее цены люмпен-родственникам. То, что сын может получить часть цены и отдать квартиру, представлялось Виктору крайне нежелательным. Цена недвижимости всегда складывается из расположения дома, его содержания и той радости, которую испытывает владелец недвижимости от обладания оной. Радость, которую испытывал Виктор от обладания недвижимостью была такой, что придать ей денежное измерение было практически невозможно. Поэтому деньги копились и тратились на дома, землю и квартиры, которые потом нельзя было продать. Поскольку их нельзя было продать, то владелец мог честно утверждать, что он – человек бедный, ибо денег ему взять неоткуда.

Услышав о такой идее, сын лег на диван и ближайший час разглядывал носок своего уютного немецкого тапочка. Мысль о том, что он сейчас поедет судиться с полунищими рабочими вызывала у него легкую тошноту. Он живо себе представлял этих родственников, которые за гораздо меньшую сумму готовы грызть друг другу глотки и судиться до посинения, не говоря уже о прямом членовредительстве, и понимал, что может заработать ту же сумму за меньшее время, по своей прямой специальности, а также не повышая общее количество ненависти во вселенной и свое собственное давление. Юридическая сторона вопроса выглядела малоубедительно, и уж совсем было непонятно, зачем ему нужна своя квартира в Городе. Держать ее для приездов на две, ну три недели в год было бы странной роскошью. Заниматься ее сдачей, иметь кучу проблем с жильцами и, после всего, все равно не иметь возможности этой квартирой пользоваться, не лезло уже ни в какие ворота. Не желая идти на очередной конфликт, сын сообщил Виктору, что сам этим заниматься не будет, но готов полностью доверить ему ведение дела, а также распоряжение квартирой в случае успеха, и дело затихло само собой.

Здоровье Виктор унаследовал скорее от матери и деда Митрофана, чем от отца. По отношению к врачам он испытывал странную смесь неприязни, страха, недоверия и раздражения, которая была бы скорее понятна в отношении адвокатов. Обращался он к ним только по крайней необходимости и только за бесплатно. В излечимость болезней он предпочитал не верить, и его было почти невозможно заставить обратиться к врачу даже с таким простым, легко излечимым, но опасным недугом, как воспаление глаза или уха, причем даже когда врач обладал хорошей репутацией и лечение оплачивал кто-то другой. А потому, выйдя на пенсию и обнаружив у себя один за другим недуги матери и деда, он всерьез озабочился не собственным здоровьем, а распределением недвижимости среди наследников. Поскольку недвижимости было изрядное количество, расположена и устроена она была так, что никто из

наследников жить в ней не собирался, а распределял Виктор, в основном, не общую сумму, а сами объекты, то задача выходила крайне непростой. Он пытался, с одной стороны, раздать детям поровну; с другой стороны, ни в коем случае не продавать дачу со вторым домом; с третьей стороны, по возможности, не продавать первую квартиру; с четвертой стороны, не ставить детей перед необходимостью финансовых расчетов, а просто раздать каждому свое; с пятой стороны, сделать так, чтобы они все поделили сами, после его смерти, при соблюдении вышеуказанных условий и не поссорившись. Написание завещания превращалось в отдельный «проект», с многочисленными обсуждениями, привлечением к процессу детей и сложной дипломатией.

Поскольку дачу продавать дачу было нельзя, то вышло, что получающий дачу должен получить дополнительную сумму за то, что он об этой даче будет заботиться и ее не продавать. Отдать дачу можно было только на благотворительные цели. Получающий первую квартиру получал самую большую долю, а потому должен был выплатить братьям и сестрам их доли. Вторая квартира принадлежала жене Виктора, но жена не считала возможным куда-либо переезжать, равно как и продавать вторую квартиру, а потому она по завещанию продолжала жить в первой квартире до своей смерти, после чего можно было продать вторую квартиру и вступить во владение первой.

Когда все случилось и пришло время вступать во владение наследством, наследники находились в самых разнообразных странах и финансовых положениях. Старшая дочь и ее муж работали в альтернативной школе, денег зарабатывали мало, но обладали большим числом учеников с хорошими связями. Они получили дачу и сумму на ее содержание. Дети их к тому моменту уже выросли, и дочь вскоре передала дачу в пользование благотворительного фонда, сотрудницей которого сама являлась, получив неформальную плату за пользование в виде повышенной зарплаты и большого числа услуг. Младший сын унаследовал квартиру. На момент

создания завещания у него единственного не было подходящего места для жизни. Считая аренду квартиры делом неразумным, он начал, не имея на то достаточных средств, строить дом, через несколько лет окончательно обозлился на нескончаемый процесс, на невозможность бросить уже начатуюстройку, и уехал вместе со своей женой работать в Китай. Получив квартиру, он ее немедленно продал и разделся, наконец-то, состройкой. При выплате долей возникли разногласия со старшей сестрой – оценить переданную в благотворительность дачу было непросто, а от этой оценки зависел расчет с ней и, следовательно, со всеми остальными. Младшая сестра, замужем за немецким чиновником невысокого ранга, слегка пообижалась на процесс дележки, но, обладая самым легким в семье характером, взяла свою долю и вскоре забыла об этом думать. Старший же брат, которого весь этот процесс изрядно достал еще в момент написания завещания, не был обладателем столь легкого характера. Окончательно вживвшись в Германию с ее традициями, он пытался формализовать процесс раздела, потерпел полную неудачу, разругался со старшей сестрой и отказался от своей доли.

Алексей

Город охватила повальная эпидемия строительства. Люди богатые и просто состоятельные хотели себе жилье получше и поновее. Те же, что победнее, решили, что изобрели финансовый вечный двигатель. Землю купил, дом своими руками построил, потратив совсем немного денег, потом всегда есть где жить; а еще дом всегда можно продать. Если нет работы и жить не на что – значит, дом можно сдать, и, поскольку недвижимость в Городе дорогая, на это всегда можно прожить. Где при этом жить, если недвижимость в Городе такая дорогая, оставалось невыясненным. Как сдать за нормальные деньги наспех построенный непрофессионалом дом – тоже. А простой вопрос кота Матроскина – если молоко отдавать, то зачем корову покупать – и вовсе мало кому приходил в голову. Главное, что есть где жить. Остальное – как-нибудь. На что

жить, не имея работы и все потратив на дом – неважно. У нас на авось лучше получается, работа приложится. А дом – нет. О том, что кот Матроскин свои проблемы решил исключительно при помощи зарытого пиратами в деревне Простоквашино клада, уже тоже никто не помнил.

Обладатели домов и даже собственных квартир в больших городах или в непосредственной от них близости, во все времена и во всех странах, были или людьми зажиточными, или обладателями выгодных займов и налоговых льгот, или, в крайнем случае, очень умелыми мастеровыми. Алексей и его жена не были ни первым, ни вторым, ни, понятное дело, третьим.

Они уже даже не были ИТР-ами и самоучками. Алексея с самого начала привел в элитную школу старший брат, тем самым оградив его от излишне эгалитарных идей родителей. Чтобы попасть в эту школу с первого класса нужно было иметь правильных знакомых и уметь читать. Правильных знакомых брат завести успел, а вот читать его родители с братом научить забыли, а потому попал он туда только через год. С этого момента Алексей нечасто имел дело с людьми, которые к шести годам не умели читать.

Научная карьера у Алексея складывалась на редкость удачно. Ему даже удавалось получать за свою науку недурные деньги, хотя такой цирковой трюк выходил обычно только у людей с большим опытом и серьезной репутацией. И что уже было совсем невероятно, платили ему не иностранцы, а, в основном, местные. Хороших работодателей он находил исключительно талантливо – когда обанкротился один, он нашел другого, который платил так же много и тоже за науку, которую в будущем следовало использовать для создания коммерческого продукта. Когда его за непочтительное поведение выгнали со второго места, он за полгода нашел себе работу в одном из немецких университетов. Родители за него, конечно, радовались, но как-то с оглядкой, воспринимая каждый успех как большое, во многом случайное и непонятно куда ведущее везение. Каждый же раз, когда он работу терял и

оставался на бобах, родители переживали, но опять оказывались в своей тарелке. Ему давали добрые советы, как выжить на маленькие деньги, но совершенно не предполагали, что он может найти другую очень хорошую работу. С потерявшим работу и решающим кучу проблем сыном разговаривать было просто; с успешным и обеспеченным – не очень.

За год до отъезда в Германию Алексей женился. Жена была, как и у многих его родичей, хорошая, но с вывертом – мать болгарка, приехавшая в Город учиться и ставшая завкафедрой в том университете, где Алексей учился, отец – военный инженер, специальность жены – история искусства, специализация - китаистика. Алексей попытался подэкономить на аренде квартиры и привести жену в дом к родителям. Ничего хорошего из этого не вышло. Родители Алексея были святыми свекром и свекровью, в своем отношении к невесткам и зятьям они больше напоминали картину какого-то великого примитивиста, чем реальных людей; но перестать быть самими собой они все-таки не могли. И не пытались. А кто же пытается? И жене Алексея было очень сложно перенести их несколько отстраненную и очень ироничную, особенно у свекра, манеру общения. Она еще не умела вычислять тот момент, когда за обедом надо уставиться к себе в тарелку, чтобы не видеть, как лапоть свекра размазывает по стенке очередное домашнее животное. А пить позавчерашний чай ей было и вовсе не под силу. Жить же с тещей было не под силу ни Алексею, ни самой завкафедрой. Алексею пришлось раскошелиться и снять квартиру. Жизнь стала намного лучше - бытовые конфликты пропали, а зла родители не держали – но у Алексея возник квартирный комплекс в тяжелой форме. У всех его друзей откуда-то были квартиры – наследство, квартиры бабушек и дедушек – коренных жителей Города, или большие, полученные в старые годы от университетов и всяких организаций квартиры родителей, которые можно было разменять или продать, купив две поменьше. А еще никто не был четвертым ребенком. А если кто и снимал, то, обладая более аристократическими манерами, не делал из этого проблемы. И что уже было совсем нехорошо –

у его сестер и брата тоже были квартиры. Тут, впрочем, дело обстояло не так просто. Старшая сестра, как и друзья Алексея, купила квартиру на деньги от квартиры мужниной бабушки. Сестра-близнец жила сначала в деревне в доме, который ее муж, едва не надорвавшись, построил своими руками. Как только дом был достроен, его пришлось, за полной невозможностью прокормить себя в этой деревне и постоянной необходимостью откупаться от местной запойной администрации, бросить и переехать в Город, где снять квартиру и подождать с приобретением очередной недвижимости до лучших времен. Брат же и вовсе находился за границей, был женат на женщине, чьи предки были лишены возможности серьезно обустраиваться на одном месте последние две тысячи лет, и относился к тем, кто из квартирного вопроса проблемы не делал. Но все это у Алексея сливалось в единую картину того, что у всех есть, а у него – нет. Тут, к счастью, замаячила работа в Германии, и необходимость решать квартирный вопрос отодвинулась на неопределенное время. В Германии Алексей будет жить не очень далеко от тех мест, где стояла часть его деда. Проведет он там те же три года.

В Германии было здорово. Можно было делать науку, и за нее платили, лечили, учили, брали жену в аспирантуру и давали ребенку няню, за которую платила налоговая система. Жене даже дали право на небольшую работу. И другого места в мире, где именно за эту науку платили бы, причем столь долго, в этот момент не существовало. И уже через полтора года сказали, что существующий трехлетний контракт готовы продлить еще на три года. А это означало постоянный вид на жительство со всеми правами. Только как известно, сколько волка ни корми, а он все в лес норовит. Может, волкам в лесу и неплохо живется. У неудачливых эмигрантов по отношению к стране, из которой они уехали, возникает комплекс – как вернуться и перед всеми признаться, что ты – неудачник. Алексей ощущал себя неудачливым эмигрантом наоборот. Все его успешные, или представляющие себя успешными друзья были там, в Городе, с квартирами и работами, а ему пришлось

уехать. Его общественное положение в Германии было, конечно, ниже, чем в Городе, как и у большинства людей, уезжающих из одной страны в другую. Это было поправимо, тем более, что Алексей не был в Германии иммигрантом – он был иностранцем, но это надо было осознавать и хотеть этим заниматься.

И Алексей начал готовить почву для возвращения. Работа для возвращения была желательна, но не принципиальна. Работу можно было найти уже после возвращения. А вот где жить – это надо было решить заранее. Снимать квартиру было никак нельзя, поскольку нельзя же отдавать деньги чужому дяде, непонятно, за что. Следуя этой логике, надо было бы покупать каждый номер в гостинице, в которой останавливаешься в путешествии. Или спать на улице. Кроме того, родители Алексея сами сдавали одну из своих квартир и прекрасно понимали, за что отдают деньги чужим дядям и тетям. Но то были какие-то иногородние, люди без квартиры, а родной сын, нормальный житель Города, так жить не мог, это было ясно, как белый день. И аренда жилья была все еще связана с определенным риском – обманут или договор досрочно расторгнут. Это случалось уже нечасто, и даже этого риска можно было избежать, сняв вторую квартиру родных родителей, за которую им и так платили те, кто отдает деньги чужим дядям. Квартира была маленькая и заведомо по карману. Да еще и бабушка была бы под боком. Но поскольку снимать квартиру – это как-то несерьезно, то родители предлагали всяческие выгодные пожизненные сделки, которые были слишком уж пожизненными, чтобы решаться на них, когда на троих едва полтинник стукнуло. Значит, надо было купить квартиру. А на квартиру нужны были деньги. Причем все сразу, потому что заем без устойчивой работы и большой зарплаты никто не даст, да и вообще заем – это как-то недешевно.

И Алексей начал копить на квартиру. Сложное это и неблагодарное дело, когда живешь вблизи от Курфюрстендума, зарплата у тебя – научная, и жена твоя – не неграмотная крестьянка с четырьмя детьми, даром, что зовут так же, как и

твою прабабку. Да и сам ты вырос среди сплошных эстетов. И тянуло тебя всегда к элегантному разгильдяйству и некоторому пренебрежению к деньгам. Но куда ж деваться от этого Митрофана, которому вынь да положь свое. Так что сбережения свои Алексей измерял в квадратных метрах. И когда Алексей за два года накопил на кухню, понял он, что не видать ему квартиры к приезду, как своих ушей без зеркала.

Тогда Алексей начал обдумывать идею покупки земельного участка и постройки на нем своего дома. Подходящий участок как раз имелся. Его сестра-близнец, что за несколько лет до того вернулась из деревни, успела наладить свою жизнь и купить два соседних земельных участка. Расположение у них было замечательное – возле леса, к северу от Города. На одном из них они с мужем строили дом, а второй она была готова по разумной цене продать брату. История постройки этого дома была весьма показательна. Во-первых, для начала постройки потребовался клад кота Матроскина, то есть наследство от мужниной небогатой, но все же Мюнхенской бабушки. Во-вторых, работа хоть и клерком, но в немецком посольстве. В-третьих, несколько лет жизни вчетвером в однокомнатной снятои квартире. И, в-четвертых, еще непонятное количество лет жизни в недостроенном доме. Поскольку денег у них хоть и было больше, чем у Алексея, но на отделку и, тем более, мебель уже не хватало. А если все это время жить в комфортной квартире, то вся идея ужасной выгодности дома рассыпалась на глазах. И хоть муж сестры и не был лингвистом-программистом, а был профессиональным немецким плотником, но сил после работы в посольстве и езды час в один конец оставалось немного. Через два года после начала стройки и через год после въезда в доме были некрытые полы и стены, отопление работало только в двух комнатах, а на участок, в котором после постройки дома всего-то и оставалось пять соток, рук не хватало до такой степени, что родителям было предложено распахать его под картошку. Выходить из дома надо было по дощечке, и прямо в грязь. Такими темпами до *Gem?tlichkeit*, которая и была целью всего предприятия,

оставалось лет пять, и уже даже Виктор сомневался, что она вообще когда-нибудь наступит. А еще шурин начинал не без оснований подозревать, что работа в посольстве скоро закончится, и тогда дом придется продавать, уезжать в Германию и там строить другой дом – не отдавать же деньги вездесущему чужому дяде. При таком раскладе получалось, что племянники Алексея, на тот момент уже младшие школьники, абсолютно всю свою жизнь проводят в недостроенных домах. Ни в одном словаре, а также ни в одной немецкоязычной голове в мире Gem?tlichkeit так не определялась. Истории про Лию и Рахиль еще очень есть чему поучиться у недвижимости.

А еще шурин всегда переживал, что в западном обществе родители мало времени с детьми проводят. Поэтому родители должны работать где-нибудь недалеко, а лучше – дома. Поэтому сначала он с сестрой Алексея отправился в антропософскую общину в деревню и через пару лет начал там строить свой дом. Только выяснилось, что детей все равно надо ездить рожать в Германию, а то можно и не родить, а дом пришлось, за неимением средств к существованию, сразу после постройки бросить и уехать туда, где платят. А времени на детей все равно особо не было, поскольку чтобы все перепахать и построить нужно 24 часа в сутки, как в нормальной крестьянской семье, где за детьми особо никто не бегает. А по приезде в Москву времени и вовсе не осталось, поскольку, как говорил Попугай, что дружил с Удавом, «Сначала – туда, туда ... потом там ... потом обратно, обратно ... вернусь послезавтра». А потом еще стройка. Так что если твои родители и находятся возле тебя физически, то заняты они не тобой, а домом, который они для тебя же своими руками строят, поскольку заплатить за это у них нечем. Так что все опять упиралось в те же самые деньги, а не в то, где жить.

Ходил Алексей вокруг да около, смотрел, думал – надо, не надо, выгодно ли выйдет, любит, не любит, плюнет, поцелует ... Потому что иначе происходившее уже никак объяснить было нельзя. Земля была на севере Города, а потенциальная работа – на юго-западе. Добираться – полтора часа. Для нормальной

способности передвигаться – обязательно две машины. На хорошие денег нет, плохие будут ломаться так, что все равно никуда не уедешь. И хотелось Алексею с женой не стройки, а маленькой двухкомнатной квартиры, заваленной книгами и ледорубами, и времени свободного побольше. А еще она училась в аспирантуре. А еще ей хотелось в Китай, и Алексею эта идея казалась забавной. А еще Алексею хотелось второго ребенка, и она над этой идеей не без интереса раздумывала. Но купить квартиру на Юго-западе было не по карману. Снять было можно, особенно если доложить из накопленных денег, а время потратить не на стройку и экономию, а на увеличение дохода. Бросать науку не требовалось. У обоих было хорошее образование, которое, как это обычно бывает, давало много побочных способов заработка – переводы, программирование, а, при определенном взлете воображения, и художественная экспертиза. Час работы программиста или переводчика стоил в Городе раз в пять-десять-пятнадцать дороже, чем труд рабочего или няни, так что вложение это было выгодное. Даже на театры оставались и время, и деньги. А лет через пять-семь можно было бы внести первый взнос, получить нормальный займ, и купить квартиру, дом, whatever ... Но земля эта оказалась девицей стервозной. Она не шла из головы, хоть тресни, и все бубнила – женись, да женись. Ну не отдавать же деньги семь лет чужому дяде, отдай лучше семь лет жизни мне, жить то где-то надо ...

Родители этот шаг очень одобряли и поддерживали. Заграничный брат не мог прийти в себя от изумления. Денег у тебя – только на участок, на что строить-то будешь, вопил он в телефон. Чтобы строить – много денег не надо, говорили Алексей с родителями. И вообще, мне все по фигу, говорил Алексей, мне – лишь бы какой дом подешевле построить. Мы – так, как-нибудь, по-нашемски, говорили родители, с миру по нитке, материалы где-нибудь по дешевке найдем, друзья у нас – наши, настоящие, строить помогут, ну, а пока не построили – будут перебиваться, нам не привыкать, у нас все так делают, а снимать квартиры – это мы не умеем, это – у вас, на Западе, а у нас так жить не принято, мы – советские люди, говорили

диссиденты-родители, и Алексей – советский человек, он – не как вы, он так не может - говорили родители, как-то упуская из виду, что Алексей на момент распада Той Страны был старшеклассником, а жена его едва закончила проходить таблицу умножения. И Алексей Турбин тоже не был западным человеком, а был он, по собственному признанию, монархистом, равно как и сестра его, Елена. Но только родились они, профессорские дети, выросли и жить продолжали в снятом доме, и хозяин этого дома жил там же, на первом этаже, что никак не мешало Турбиным считать этот дом совершенно своим, родным, а не Василисиным, а друзьям их – считать его уютным и гостеприимным домом Турбиных, а самому дому – находиться на Андреевском спуске. А когда Турбины этот дом потеряют – то не потому, что их хозяин выселит, а потому, что власть поменяется. А если бы Мышлаевский вдруг взял и начал строить дом своими руками, то Турбины вовсе бы не поняли, что он, оказывается, равенство свое доказывает. И единственным для него способом сохранить лицо было бы убедить всех в том, что к деньги ему совершенно ни к чему, просто хобби у него такое.

От всеобщего помешательства на недвижимости цены в Городе продолжали расти. Надо было решать быстро, и сделка состоялась. Дело было зимой, а строить Алексей решил летом. Поскольку следующей зимой уже надо было возвращаться в город. Свекор с радостью согласился копать фундамент – руками, конечно. Теперь оставалось полгода, чтобы все организовать, сделать проект дома и начать добывать стройматериалы. Поскольку земля была уже в гареме и бегать за ней больше не надо было, у Алексея возникла возможность сесть и спокойно поразмыслить. Начала вырисовываться общая картина. Друзья-эстеты, оказывается, не помогали друг другу даже делать ремонты в квартирах. Стойматериалы, оказывается, стоили денег. Поскольку все деньги были вложены в землю, то чтобы получить деньги, нужна была хорошая работа в городе. Интересная работа в Городе была, а такая, за которую бы платили – не сразу. Работа, за которую платят, будет

отбирать время от постройки дома, значит, полностью самому дом построить за разумное время было невозможно. Значит, нужны были еще деньги, то есть, работа жены. Жена была золотая, и все была готова сделать для Алексея и дома, но бросать аспирантуру она не собиралась. Значит, надо было работать и учиться одновременно. Значит, теперь требовалась няня, поскольку отдать ребенка в бесплатный детский сад было все же выше ее сил. А еще жена посмотрела на уютные немецкие дома и ей ужасно понравилось. Сложно жить в избе девять на девять, когда специальность твоя – история искусства, и подружку-архитектора попросили сделать проект. Проект был обещан не в службу, а в дружбу, но строить-то теперь надо было не неважко что, а по проекту. Выходило, что непременно надо найти для жены такую работу, как была у самого Алексея раньше, а ему – то, за что платят в полтора раза больше, и тогда, если все оставшееся время тратить на стройку, то лет за пять все будет в лучшем виде.

Где-то весной мать Алексея, будучи в гостях у старшего сына, призналась, что она, собственно, абсолютно не понимает, как Алексей будет разбираться с этой ситуацией, и, в ответ на изумленный вопль – как же так, вы же говорили, что знаете, как надо – испуганно добавила, что Витя – он-то точно знает, а еще «авось» никогда не подводило. Вскоре Виктор приехал в гости к старшему сыну и тот решил воспользоваться личной встречей и все-таки выяснить, что же отец знает такого, чего не знают все остальные. Отец знал массу интересного. Он знал, что в снятых квартирах живут или люди богатые, или бедные, а люди нормальные живут в своих квартирах и домах. А в однокомнатной квартире, что отец сдает, кто живет? Эта секретарша, что снять квартиру может, но только однокомнатную и в плохом районе, она кто – бедная или богатая? Не его, отца это дело. Он знал, что советские люди – ну ладно, не кривись ты так, русские люди – так не могут. А те кто живут в его однокомнатной квартире в плохом районе, они что – иностранцы? Каждый где хочет там и живет, не его это дело. Отец знал, что Алексей – романтик, у него – наука, музыка,

денег зарабатывать не умеет и, как все его друзья, не хочет, а работать – умеет, а потому своими руками дом построить может, дом – это романтика. А как же получилось, что этот романтик уже трижды такую классную работу нашел? Случайность. Повезло. А как же получается, что увлеченный музыкой ученый и романтик уезжает из Германии, специально созданной для сумасшедших романтических и музыкальных ученых, бросает место в университете чтобы кому-то что-то доказывать, и всю свою романтику сводит до размера одного отдельно взятого дома? Ах, ну да, русская душа, конечно, куда ж без нее, родимой.

А друзья денег действительно зарабатывать не хотели. Потому что они у них и так были. Но не так много, чтобы жить с процентов. А потому они продолжали ходить на свои работы, получать очень хорошие зарплаты и продолжать не想要 зарабатывать деньги. И у них оставалось достаточно времени, чтобы, в уютной квартире за вкусной закуской обсуждать преувеличенность значения денег.

А если Алексей будет все время пахать на свой дом, откуда же у него возьмется время и желание, поддерживать эти разговоры? И на какие деньги он сможет приходить с хорошей бутылкой? И как он сможет оставаться похожим на своих изысканных друзей, если на много лет наймется в батраки к собственному дому? Отец знал, что он корней не уйдешь. Всетаки есть у вас что-то от Митрофана, довольно приговаривал он. Ну ладно, оставим в покое русские души, которых нам, безродным космополитам, не понять, но признайся – ты же на него давишь. Зачем фундамент начал копать, когда проект не готов? Давить у отца и в мыслях не было. Просто ему пообещали, что летом будут копать фундамент. Копать он любит. А обещания надо выполнять. А остальное – это не его проблемы. Археологом, отец, надо было становиться при такой любви к истории и копанию. Чужие участки целее были бы. Но ей же важно, чтобы дом был такой, как надо, что же ей теперь делать? Чужое право на постройку красивых домов Виктор признавал и уважал, хотя зачем это надо, по собственному

признанию, не понимал. Так что их это семейное дело, я не вмешиваюсь, пообещали, что дадут копать – извольте дать, вот теперь дали – копаю. Всё. Абзац.

У старшей невестки начало темнеть в глазах. Ей живо представлялись коммунисты-энтузиасты, что хотят, как лучше, и ужасно хотят поучаствовать в какой-нибудь великой стройке, а потом, когда все получается как всегда, сокрушенно разводят руками – ну мы же не думали, что так получится, и вообще, давайте разберемся, кто виноват? А что не думали – так это от широты души, мы же как лучше хотели, и это самое главное. Ну, ладно, но с финансами-то что делать? Ведь все, даже самые большие энтузиасты, уже признают, что вложить еще надо примерно в три раза больше, чем уже вложено. А денег у Алексея – нет, ни копейки. И это без нормальной отделки, о комфорте и говорить нечего, без машины, как это все будет? Виктор радостно улыбнулся. На авось. У нас все так делается. Невестка от ярости сбилась на мгновение на английский язык. Виктору это показалось очень забавным – он был плохо знаком с психологическими аспектами многоязычия и предостережения не понял. Но «авось» это ваше – оно то хорошо только тогда работает, когда все неопределенно. Когда невозможно планировать. Когда барин хочет – дает, хочет – забирает. Когда для постройки кухоньки на даче нужно десять разрешений. А как же это ваше «авось» работает, когда у человека есть конкретный долг, платить надо – до пятого числа каждого месяца, и денег взять неоткуда? На авось, конечно, в восхищении хохотал Виктор. Или, если долга нет, а просто дом стоит недостроенный, и достраивать его не на что, и жить не на что, а потому негде? На авось, продолжал заливаться Виктор. После очередного приступа хохота невестка потеряла над собой всякий контроль, и начала методично метать сырье яйца в пол. К счастью, яиц в холодильнике оказалось всего три. И на редкость повезло с характером свекра – он был человек незлобивый и даже не потребовал причитавшихся ему извинений. А еще он вовсе не собирался принимать бабские выходки и бабское мнение о недвижимости всерьез.

Фундамент строился, проект пришлось подстроить под него. А потом несколько подправить фундамент. Проект был строгий, постмодернистский, с неожиданными углами и прямыми линиями. Становилось очевидно, что делать это все Алексею придется самому, поскольку сосед-шурин был занят своим домом, брат и второй шурин помочи не предлагали, а чего Виктор делать не умел – так это аккуратных углов и прямых линий, и жена Алексея вовсе не собиралась всю жизнь травмировать свое эстетическое чувство, глядя на подмазанные, веревочкой подвязанные постмодернистские прямые линии. А времени и реального желания всем этим заниматься после ребенка и аспирантуры у нее и подавно не было. А еще мотаться из того дома с ребенком без машины между бабушками и работами означало сорвать ребенку нервную систему ровно за месяц. А день возвращения все приближался, и никакой работы, кроме той, на Юго-Западе, не предлагали, и становилось все очевиднее, сколько денег, сил и времени вся эта затея потребует. Если каким-то чудом дом к зиме и построить, то он все равно еще точно будет холодным, а в Городе в холодный дом раньше июня не въедешь. Значит, еще год ... А там и Китай на горизонте маячит. А еще можно было уехать во Вторую Столицу – там тоже делали именно эту науку. Но как же уехать во вторую столицу, когда все друзья – в Городе, и зачем тогда вообще уезжать из Германии? И когда жена сказала, что она против Второй Столицы ничего не имеет, то к многочисленным неизвестным прибавились плохо приколоченные точки отсчета. Тогда Алексей начал постепенно, а потом все быстрее, генерить идеи. А окружающие ему в этом помогали. В Стране происходило что-то странное, смутно напоминавшее нечто, что все уже где-то видели. Отец высказал идею, что не надо, может, так быстро бежать обратно, а может надо посидеть еще в Германии, там и сумма нужная накопится. Брат считал, что надо подорожавший участок продать побыстрее к такой-то матери, пока труда на него не слишком много потратили. А у Алексея возникла идея, что надо где-то взять в долг, быстро достроить дом, поселить в него родителей, которые и так всегда хотели

жить в доме, самому поселиться в их квартире поближе и schnell, schnell найти работу, которая позволит вернуть долги. Тут Алексей слегка не рассчитал, насколько всерьез родители не рассматривают свою квартиру как предмет, обладающий рыночной стоимостью. Мать Алексея ударила в слезы, сообщила, что не ожидала быть выгнанной из дома родным сыном, немедленно отправилась к старшей дочери, получила безоговорочную поддержку, и уже через пятнадцать минут Алексею накостили так, что у него надолго отпала охота вступать в сделки с недвижимостью с родителями. О размене квартиры после этого нельзя уже было даже заикнуться. А еще отец, уставший от хождений вокруг да около и излишней логичности, совершенно неуместной на великих стройках, где все надо делать быстро, с энтузиазмом и на авось, сообщил, что вся проблема находится не в отсутствии денег и времени, а в двух иностранных родственницах, постоянно вселяющихся в жену Алексея никому не нужные сомнения.

Когда настало время возвращаться, то немногое, что было построено, завалило снегом, и ни о какой стройке не могло быть и речи. Немного пожили у родителей жены. Потом – у родителей Алексея. Потом опять у других родителей, но уже не в качестве эксперимента, а только пока не найдется квартира. Квартира по доступной цене нашлась, а тут как раз пришло время продолжать стройку. На нее денег не было – то есть, вообще не было. Надо было получать займ, но займ на строительство, да еще и без серьезного дохода, получить было невозможно. Надо было у кого-нибудь занять. Занять у отца было невозможно, потому что у него все деньги были вложены в строительство. Занимать у друзей было унижительно. Можно было занять у брата. Брат сказал, что дать взаймы готов, и даже под процент, ниже банковского. А без процента – не готов. Во-первых, потому что это очень дорого. Во-вторых, потому что взять беспроцентный займ любой дурак может, не думая, как отдавать. А он, старший брат, не хочет попадать в ситуацию, когда ему придется требовать денег от младшего брата, у которого этих денег нет, то есть вынимать их изо рта у его жены

и детей. И потому грабительский процент он заламывать не будет, но хочет, чтобы Алексей заранее подумал, как и когда он этот заем собирается выплачивать. А те широкие души, что умеют просто взять и отдать – не на спасение жизни, а на постройку дома – обычно с той же непосредственностью умеют смертельно обижаться, когда им не вернут долг, или бить морду. А он, брат, первое делать не хочет, а второе даже в детстве умел делать плохо. Пока братья сравнивали широту душ – у кого broadband, а у кого – так себе, прорезался Китай.

Если бы не требовалось оформлять визу и решать проблемы вокруг ребенка, то жена бы уехала хоть в тот же день. Алексей вскоре последовал за ней. Их жизнь в Китае – это уже совершенно другая история, интересней, чем кто-либо мог заранее предположить. Еще один раз Алексей сделал над собой усилие, приехал на месяц и дом еще несколько достроил. Потом ощущение того, что это находится где-то на другой планете стало усиливаться, и стройку заморозили. Потом пришло наследство. На полученные после всех расчетов и продаж деньги были наняты рабочие, которые быстро все достроили, и дом был продан. Часть вырученных денег была, по настоянию до смерти уставшей от вечной экономии жены, потрачены на машину, путешествия и всякую всячину. Еще часть решили потратить на сиделку для серьезно болевшего отца жены. А вложили ли оставшиеся деньги в недвижимость уже не имело особого значения, и это было самое главное.

Приложение 3.

О Вите (Л. Ткаченко)

Прочтя рассказ нашей старшей невестки Аси о том, что она увидела в Витиной самиздатской книге "Память о маме" и что сложилось у неё за 15 лет собственного касания к приобретённым родственникам, я пообещала, что вместо разбора её видения общей картины и частностей опишу своё представление о "феномене Сокирко" (термин из газеты "Русская мысль"). Моими инструментами будут искренность и трезвость, т.е. я надеюсь не допустить приукрашиваний. Меня, к сожалению, могут подвести слабеющая память и нефилософский склад ума, но в своей интуиции на правду я не сомневаюсь. Я буду для надёжности использовать Витины высказывания, сохранённые в разных наших архивных томах. Заранее сообщаю, что мой рассказ (очерк?) будет написан доброжелательной краской в противовес "чернухе" (определение первого читателя Асиного разбора жизни Витиной семьи). Наверное, не появясь Асина "чернуха", много лет ещё я не собралась бы изложить свою благодарность судьбе за то, что она ввела меня в эту семью.

До студенческих лет

Витя родился в первый день января 1939года в семье военнослужащего -авиационного техника (30-ти лет) и медсестры (24-х лет). А ведь мог бы и не родиться: врачи не советовали Татьяне Дмитриевне рожать из-за больных почек, сведших-таки её рано в могилу, но уже после рождения последних внуков. Будь она "благоразумной", не было б у меня

любимого мужа, а для наших невесток и зятьёв не родились бы мужья и жёны.

На кладбище в Петрищево, где Витины родители лежат рядышком, я сперва благодарю маму за веру в своё главное предназначение - родить и вырастить ребёнка (вырастить первенца-дочку ей не привелось), а затем папу - за его безукоризненно внимательное ко мне отношение и за его ненамеренные уроки поведения во здравии и болезни. Мамины уроки мне тоже часто вспоминаются. А первый из них - обучение меня обращению "мама". В присутствии моей мамы она прижала меня, чужого ребёнка, к своей груди и ласково предложила сказать вслух "мама", а про себя "Витина". И так тепло и защищёно почувствовала я себя на её большой груди, что только секундочка понадобилась мне, чтобы выдохнуть "мама". Это оказалось таким счастьем получить от судьбы организаторов нашего быта и советчиков в виде мамы- папы (родители - то мои жили далеко, в Волгограде). Жаль, что не смогла я этот урок передать невесткам.

Вступив в войну в ВКП(б), Владимир Климентьевич никогда не был на партийных должностях, но и не порывался выйти. Так что свою веру Витя получил хоть и не с молоком матери, зато с теплотой отца - непорочного коммуниста.

"Как большинство сверстников я воспитывался в коммунистической вере, сам я долго верил в коммунизм, и в будущем мне хотелось бы называть себя этим именем (не люблю немотивированных, не выстраданных измен своей вере)" (из самиздатской статьи "Размышления о социализме").

Доставшиеся ему на период возмужания 53-56 годы не посеяли безверия, разные комсомольские посты (один год был секретарём комсомольской организации школы) не оттолкнули от общественной работы, а наоборот породили желание сделать эту работу живой и нужной. Подтверждением тому - ответ на его письмо из журнала "Юность" от 29.05.56г. - реакция на его предложения по искоренению формализма в комсомольской работе.

Старшеклассные годы - время составления своей библиотеки из букинистического магазина на старом Арбате (деньги в основном от не съеденных завтраков), составление своей картины мира, осмысление связей исторических событий и дружбы со странными, опальными учителями.

"Первые признаки моего грехопадения появились еще в 1955 году, когда я отдал уважаемому историку и директору школы на консультацию свои недоумения в письменном виде после чтения "Краткого курса ВКП(б)". Ответы на свои вопросы я не получил, зато с заводского парткома затребовали данные об отце на предмет выяснения причин уклонений сына... На моё счастье уже готовился XX съезд, и коренные изменения готовились не в моей судьбе, а в судьбе всей страны. От меня же доброжелательные учителя потребовали только сжечь все "неправильные бумаги". По настоянию родителей я обещал и действительно сжёг наиболее сомнительные из них на газовой плите ("Память о маме")

1956-1961гг

Мечту об обучении на историческом факультете МГУ пришлось запрятать в глубины памяти. Родители и уважаемый Витей учитель советовали приобретать нейтральную инженерную профессию. Деканат нашего факультета безошибочно назначил Витю старостой группы, и все годы учёбы он не только сам добросовестно учился, но и одногруппников тянул: вёл бои с пропусками лекций, оживлял комсомольскую работу, убеждая всех стремиться к званию "группа коммунистической учёбы". На четвёртом курсе он один из организаторов успешного училищного диспута "О времени и о себе" (идея - в наше время не должно быть равнодушных к общественной жизни, к задачам нашего общества). Одногруппникам устных и письменных дискуссий на всякие темы доставалось больше всех.

На встрече одногруппников в честь 40-летие окончания МВТУ им. Баумана, состоявшейся у нас дома, выпускник из второй сварочной группы принёс сохранённые им мелко

исписанные листы одной из таких дискуссий, что безотказно окунуло собравшихся в студенческую жизнь, в которой добродушный увалень, с под нуль стриженной головой и значком Мао Дзе-Дуна, подчиняясь внутреннему позыву участвовать в улучшении жизни для скорейшего прихода коммунизма, вовлекал окружающих (не спрашивая их желания, не дожидаясь удобных моментов) в обсуждение насущных проблем настоящей и будущей их жизни в нашей стране.

Дискуссии выявляли вопросы, на которые он не может убедительно ответить, и он ищет ответы в первоисточниках - по собственному желанию штудирует Ленина, Маркса, экономистов. Прочитанные собрания сочинений Ленина и Маркса до сих пор хранятся у нас на даче. Он читает также всё, что находит о проблемах социализма в Китае и на Кубе, в Югославии и Венгрии и, конечно, в нашей стране.

Трудиться по-коммунистически звали призывы на целину. После первого курса ездили только остро желающие, их набралось 19, они использовались на стройках, а после второго - весь наш курс, работавший на комбайнерах на косьбе и подборке валков со скошенным хлебом и на открытых токах, где зерно, дожидавшееся очереди к малочисленным в Кустанайской области элеваторам, мокло и требовало постоянного перелопачивания.

"В спиртовом дурмане гниющего зерна наступало наше отрезвление от трудовой романтики...Люди, которым начхать на нас, использовали наши тяжкий и бескорыстный труд лишь как средство поправлять свои (добавлю, а чаще верхнего начальства, - Л.Т.) дурацкие ошибки. Из героев - добровольцев, мы сползли на ступень услугливых служак-рабов и даже штрайкбрехеров. Впрочем, в официальном плане всё было наоборот: после возвращения в Москву мне даже вручили медаль "За освоение целинных земель" и надолго записали как бы в "почётные комсомольцы". Однако внутреннее самоуважение было подорвано.

Окончательно оно рухнуло в третий сезон, когда я работал в строительной коммуне измайловского общежития.

Надо было обладать моим упрямством и толстокожестью, чтобы записаться участником этого предприятия, подчиняясь притягательному слову "коммуна"... Мои сокоммунники работали лишь из-за суровой необходимости: им грозил или отказ от места в общежитии, или исключение из института... Цинизм, безделье, скука, бессмыслица..." ("Дети и шабашки").

Потребность положительной работы привела Витю в СНТО (студенческое научно-техническое общество) сперва на своей кафедре, а затем дополнительно ещё и на кафедре Организации производства (от последней ездил в длительную командировку в Таганрог). Из него в конце учёбы вышел неплохой инженер, в любом случае, лучший, чем из меня: его чуткие руки и сейчас находят довольно быстро поломки в механизмах (только в швейную машину он зарёкся залезать), его логичный ум чаще всего составляет правильные технологии изготовления или починки. Я до сих пор вспоминаю как чудо, что Витя восстановил с помощью ремнабора свой велосипед, переднее колесо которого оказалось "свёрнутым в бараний рог", налетев с крутого моста на дорожный бордюр (отказал единственный ножной тормоз).

Но общечеловеческие законы жизни занимали его голову постоянно, и как следует из написанной на него в те годы характеристики, "он придерживался мнения, что каждый человек должен иметь своё мировоззрение, своё мнение по всем вопросам, а вырабатывать такое мнение - это одно из условий сознательного труда на благо общества". А что такое иметь своё, проведённое через сердце и ум, через жизненный опыт, выстраданное мнение, это значит внутренне освободиться. Следующий естественный шаг - к свободе внешней. Но инакомыслие за пределами студенческой группы активисты того самого общества, чаще всего карьерно ушибленные, терпеть не собирались. Для Вити час "Икс" наступил в 1961г., перед ХХII съездом партии

"... главное моё преступление заключалось в документе "Критика проекта программы КПСС", направленном в ЦК и

"провокационном" выступлении на факультетской конференции. Я был исключён из комсомола с шумом и гамом за "неубеждённость в марксизме-ленинизме, клевету на советскую деятельность (назвал выборы в Верховный Совет - ширмой партийного руководства) и неправильное понимание товарищества (не назвал имени комсомольца, с которым ранее доверительно беседовал на острые темы)". Моё исключение из института было делом предрешённым (лишь личное расположение ректора и моё последующее "покаяние" по некоторым пунктам позволили мне всё же получить диплом в 1962г.)". "Память о маме"

Исключение из комсомола - это ещё и начало маминой гипертонии, и начало нашего сближения. Пять лет мы не представляли один для другого никакого интереса. После случайного общего осеннего похода стали здороваться, встречаясь в коридорах. В этот день мне не захотелось поздороваться, и я отвернулась. Вечером девчонки из общежития сказали, что Витю Сокирко сегодня исключили из комсомола. Утром я бросилась искать его, чтобы извиниться за вчерашнее. Слово за слово, и вот мы уже вместе выходим из училища и не спешим расстаться. Оказывается, что мне очень интересно слушать Витю, а мои незрелые "на ходу" мысли им подхватываются и развиваются. (За следующие 40 лет я встретила только двоих, способных радоваться чужой мысли как подарку и развивать её). Где мы ходили, не помню. Помню только сильно счёсанные каблучки моих единственных нарядных голубых туфель.

Пройдёт потом целый год Витиных ненавязчивых, но и неотступных ухаживаний, внутри которого были моё ворочение носом вроде: "Ямочка на подбородке", "Профиль не греческий"; огромная корзина цветов; лыжный поход в Карелию; распределение, на котором Витя попросился на один завод со мной в Коломну, и многое другое, прежде чем амур запустил в меня стрелу поострее и очнулось моё сердце.

1962-1965гг.

Витя начал работать на Коломенском тепловозостроительном заводе почти сразу после защиты дипломного проекта (мы защищали его в феврале), а я появилась в Коломне только в сентябре. Конечно, меня отчитали за полугодовой прогул, но я зато хлебнула гор по максимуму: сперва горнолыжная смена в Алибеке и на хижине, потом у родителей дождалась первой альпинистской смены в Цее, а за ней оказалась и вторая и наконец, в августе поход с друзьями на Алтай. Путёвки на Кавказ были чуть ли не бесплатные - в Училище была мощная альпсекция, а алтайский поход скрытно от меня спонсировал уже работающий Витя, я же запомнила только большой букет цветов от невесты откуда взявшегося на перроне Вити.

Кроме радости от знакомства с навсегда полюбившимся Алтаем, я привезла в Коломну растерянность от отчуждения друзей. Окрепшая от хождения по Кавказским горам, я должна была бы брать на себя большую тяжесть бивуачных забот, да и требовать более тяжёлого рюкзака, разгружая других, а я этого не понимала и теперь съедала себя за толстокожесть и ревела от потери друзей, как мне казалось, навсегда.

Витя, привыкший к моей невнимательности, просто тихо мне радовался, развлекал прогулками по Коломне и её окрестностям. Разговоры с участниками похода ничего ему про меня не добавили. Он любил меня со всеми моими недостатками, любил, как сказал позже, земную женщину. Удивительно, но прошло всего две недели, и мои беды отступили перед моим вторым открытием Вити, уже не как независимо мыслящего, стойкого, не отступающего от своей главной линии жизни, а как надёжной опоры, источника добра и радости и вообще симпатичного парня. Куда я раньше смотрела?

Мы сняли комнатку с кухонькой в малюсеньком низеньком доме, типичном доме заводского рабочего начала XX века, рядом с заводом. Регистрироваться мы не решились, иначе

Витя не смог бы вернуться к родителям и вернуть московскую прописку, а мы оба собирались поступать в очную аспирантуру, да и отрываться от родителей не хотелось.

Витя работал сперва сменным мастером в сварочном цехе, а через год перешёл в Отдел главного сварщика. Я – совсем недолго поммастера в кузнечно- штамповочном, а потом до аспирантуры (с перерывом на дородовый и послеродовой отпуска) в Отделе главного технолога.

По Витиному сообщению (на другой день после первого поцелуя) каждой здоровой семье нашего общества полагалось 2,3 ребёнка. Я начала торговаться с 1, Витя с 3, и огорчённо уступил на 2. Это потрясшее меня понимание молодого человека о правильном устройстве семьи и сильное огорчение Вити, дающего согласие на двоих детей, время от времени выплывало из подсознания в сознание, пока не вызрело в готовность выносить ещё одного ребёнка. Бог дал тогда не одного, а двоих - повезло.

Но в Коломне у нас был только Тёмушка, с рождением которого мы переехали уже в обычный частный дом с множеством комнат, одну из которых в 5 кв.м мы снимали, и с яблочным садом. Вода - в колодце на соседней улице, для готовки и кипячения пелёнок - керогаз, установленный в холодных сенях, керосин в определённые дни - в керосиновой лавке. И всё же от тех месяцев осталось ощущение полноты счастья. Возвращаясь с работы, Витя подхватывал ведро с нечистыми пелёнками и возвращался почти к заводской проходной, к общежитию, чтоб в вольной воде выстирать пелёнки, которые я потом кипятила, полоскала, сушила во дворе на верёвках, а Витя гладил. Книга, по которой мы растили нашего первенца, требовала идеальной чистоты от пелёнок.

Витя купил бадминтонные ракетки, и на своей безмашинной улице, отодвинув подальше от летающего воланчика коляску со спящим Артёмкой, мы радовались общей игре. Витя даже отпускал меня в заводской спортзал, и я играла в любимый баскетбол. А по воскресеньям он предоставлял мне возможность уходить в читальный зал для подготовки к

экзаменам в аспирантуру. В библиотечной тишине я быстро засыпала на раскрытом учебнике, а просыпалась с чувством вины и благодарности. Я до сих пор удивляюсь тому, что 24-летний Витя мог так ценить и пестовать мои потребности, хотя его собственные потребности в свободном времени были постоянно неутолёнными.

Своё членство в комсомоле он восстановил ещё до моего приезда, активно откликаясь на комсомольские инициативы. Отказываться от дальнейшего осмысления и участия в общественной жизни он не собирался и нацелился на поступление в аспирантуру на кафедру философии, для чего читает Маркса, открывает для себя его и Энгельса личности, вгрызается в Гегеля, которого Маркс считал своим учителем, читает утопистов, как и он мечтателей о лучшей жизни для своего народа.

В начале 1963г. Витя заканчивает "Мировоззренческие наброски".

"В "Набросках" сформулировано моё миропонимание, моя модель действительности, кредо, символ веры (символ веры, потому что здесь почти нет доказательств, одни гипотезы, ждущие доказательства), приведён в относительный порядок накопленный ранее материал: перепечатано большое количество ценных для меня цитат. Сейчас у меня одно желание, чтобы "Наброски" были последней работой на полку, для себя, желание делать что-то для всех открытое... Цель - уяснить общие закономерности мира, правильно предвидеть будущее, чтобы правильно действовать"

Продолжая считать коммунистическое общество желанным для себя и людей, он искал пути к нему, через критическое отношение к официальной теории - ибо "она занимается больше оправданием политики руководства, а не установлением научной истины". Коломенские годы - времена горячей поддержки "развития кибернетики, которое даёт возможность переосмыслить все результаты общественных наук, поставить в будущем на место качественных законов -

количественные" ("Некоторые
кибернетики").

вопросы

философии

На третьем году работы на Коломзаводе Витя пытается поступить в аспирантуру на кафедру философии в наш институт, где был разрешён приём своих выпускников, но не был отпущен с завода (не получил характеристику, а характеристику для моей аспирантуры мы с ним "выходили", поочерёдно напрашиваясь на приём к тем, кто должен был поставить подпись). В следующем, 1965году, когда три обязательные года отработки по распределению закончились, наша кафедра философии аспирантов не набирала.

Тогда он попытался поступить в аспирантуру Института истории философии АН СССР, чтобы заняться социологическими исследованиями по темам философского профиля. У нас сохранился его реферат "Неудовлетворённость трудом как один из факторов технического прогресса", выросший из доклада, сделанного на одном из семинаров в этом институте, которые Витя посещал после возвращения из Коломны. Кажется, основная причина отказа в приёме была - отсутствие диплома историка. Не получилось также поступить в аспирантуру кафедры философии МЭИ.

Но это было позже. А пока шла наша "молодая Коломна". Событий было много: в магазинах надолго пропадали масло и сахар, бывали перебои с хлебом; я впервые воспользовалась услугами ателье и сшила из тяжёлой зелёной, мамой подаренной ткани платье-костюм (так называлась пара юбка с пиджачком, не имеющим подкладки); мне неожиданно как молодому специалисту и матери-одиночке завод дал комнату в 4-комнатной квартире, в которой было вволю воды, на общей кухне стояла газовая плита, да и комната была аж 13-и квадратных метров. На санках мы перевезли своё имущество, основной частью которого была Артёмкина кроватка, отскребли от своих зарплат (95 и 130руб.) денег на диванчик, а стол в виде сплющенного с одной стороны эллипса Витя вырезал из толстой фанеры и поставил на ножки сам.

И ещё Витя сделал из посыльного ящика переносной стульчик для нашего сыночка, куда мы его по летним воскресеньям и усаживали, отправляясь в лес, и где он охотно и подолгу сидел и даже спал, прислонясь к мерно покачивающейся на ходу широкой папиной спине. В то лето, когда Тёмушке исполнялся годик, вся природа особенно щедро показывала нам свои богатства, а может просто камертоны нашего счастья отзывались на всё, чем могут удивить листочек и дерево, небо и облако, ласка воды и вкус ягоды.

Осенью 64-го я сдала экзамены, став аспиранткой своей кафедры, переехала с Артёмкой к Витиным родителям и заменила пучок на голове химической пышноволосостью. Витя снова оказался один в Коломне. Зато в Москве его ждали и радовались, встречая, родители и жена с сыном. Он терпеливо дорабатывал обязательный трёхлетний срок (поступившим в аспирантуру допускался двухлетний) и продолжать искать в книгах ответы на свои вопросы.

В те годы я постоянно поражалась тому, как прочитанное шло ему на пользу: выращенный в юности мировоззренческий "ствол" интенсивно обрастал новыми ветвями и веточками, становясь плодоносящим, своим трудом выращенным деревом. Его новые знания не могли рассеиваться, т.к. были предназначены не для совершенствования себя, своего ума. Сам себе Витя был не интересен. Важно было изучить, понять политические и экономические ситуации, закономерности, чтобы знать наверняка естественный путь страны и на этом пути быть ей полезным. Он уже освободился от мифов и иллюзий реального социализма, изжил их. Доверие же к людям и их вековым идеалам позволило ему не впасть в грех очернительства существующего строя, а направить усилия на поиски выхода.

Например, кибернетику он воспринял как науку, открывающую фантастические возможности для коммунизма, т.к. она обещает сделать производство полностью автоматизированным, а людей, значит, свободными от

обязательного труда. Научная фантастика была интересна тем, что она проигрывала варианты будущего.

1966-1970гг.

После разрушения надежды на профессиональное занятие философией или социологией Витя нацеливается на техническую науку: добивается доступа в заводскую лабораторию и своего участия в проводимых там экспериментах, связывается со своей кафедрой для консультаций, подаёт две заявки на подтверждения изобретений совместно с преподавателями МВТУ и, наконец, осенью 1967г. поступает в заочную аспирантуру на кафедру сварки, делает экспериментальную установку, проводит свои опыты на заводском оборудовании, пишет обзоры и статью.

В 66 году в нашей жизни началась полоса диафильмов. Она, к сожалению, отделила нас от туристских друзей, но принесла нам много-много новых знакомых, некоторые из которых, наиболее близкие по духу и по взаимным симпатиям, остались друзьями до сих пор. Первый - о культе Сталина. Выговорившись, Витя стал писать сценарии о походных впечатлениях, о северных деревянных церквях, об истории России на видах Московских церквей и т..

Но наступает 1968год.

"Я считаю 1968 - кульминацией не только моей жизни, но и жизни многих моих сверстников... февраль - первая подпись под письмом в защиту Галанского, Гинзбурга и Лашковой... май - рождение нашей дочери Гали...июнь - подпись под письмом в Верховный Совет СССР с предложениями ратифицировать Пакты ООН о политических и экономических правах человека...сентябрь - первые Хроники... октябрь - три дня перед зданием суда над демонстрантами на Красной площади, три дня стояния перед зданием суда...ноябрь - подпись под обращением к Президиуму Верховного Совета СССР с просьбой пересмотреть судебное решение по делу демонстрантов, подпись в защиту права крымских татар на возвращение в Крым. ("Наши горы")."

Вите, бросившемуся в стремнину движения в защиту людских прав, не достаточно было стать самому "подписантом", какое-то время он верил, что можно привлечь друзей и знакомых. Оказалось, что разговоры "глаза в глаза" почти неэффективны. Он делает попытку выразить призыв к гражданской смелости в рассказе "Будем альпинистами дома". Местом написания была палатка наблюдателей на Ложном Чатыне на Кавказе летом того же 1968года. В это лето Витя получил третий разряд по альпинизму (выполнил своё желание "догнать" меня, в студенческие годы несколько раз бывавшую в альплагерях). Согласие же побывать наблюдателем за восхождением инструкторов по сложному маршруту было продолжением его восхищения горами и их смелыми покорителями, казавшимися к тому же близкими по духу. Цель его сочинения была "*показать, что достойный человек должен рисковать жизнью и что если человек это поймёт и преодолеет свой страх в горах, он ту же смелость проявит...в делах общественных*".

Не понимал он тогда, *"что одно дело - рисковать своей жизнью при общественном одобрении, ради "родного коллектива" и общепризнанных целей, и совсем другое дело - против "коллектива", против одобрения знакомых и близких людей. Что так называемое гражданское мужество совсем другое качество, едва ли не противоположное воинскому героизму или альпинистской смелости. Сейчас я могу только предположить, что для укрепления такого рода мужества нужен предварительный опыт независимой от коллектива жизни, опыт отрыва от коллектива. Что-то подобное тому, что мы с Лилей испытали в самостоятельных походах в Фаны или по Северу... Однако у большинства наших друзей, у большинства советских людей нет опыта самостоятельной жизни, опыта одиночества. Поэтому так малочисленно и слабо оказалось наше движение в защиту прав..."* ("Наши горы")

Поиски ответов на вопросы "как жить?" и "что делать?" приводили подчас к удивительным выводам. Например,

что пропаганда, т.е. вдавливание в головы людей любых, даже самых правильных идей и убеждений, вредна. Следует полагаться лишь на их естественное и ненасильственное распространение. Всё остальное - экстремизм.

В экстремистских группах задача развития независимой личности вновь откладывается, отодвигается в далёкую перспективу.

Боязнь немедленного преследования за открытое выступление осуждает человека на тайное озлобление и сворачивает его в экстремизм (там же).

(Хоть я и стараюсь писать только о главном, делать цитаты пореже и короче, но не привести здесь притчу о нашем любимом В.Г.Короленко не могу, тем более, что мне представляется: Витя одной с ним породы. Описывая свой открытый отказ от присяги новому царю Александру 111 и последующую за этим иркутскую ссылку, Владимир Галактионович вспоминает, сколько недоумения и непонимания он встретил со стороны своих друзей и коллег - политических ссыльных. И только один отзыв оказался исключительно верным: "Если бы Вы приняли присягу, то потом стали бы террористом").

Только тюрьма в 1980году, где Витя свободно говорил следователю: "Да, мой псевдоним К.Буржуадемов, да, я написал...., и участвовал..." окончательно позволит ему осознать себя лояльным к власти человеком, желающим жить в своей семье и в своей стране и стремящимся предотвратить опасные для жизни разломы, подсказывая пути мирного выхода страны к настоящему развитию. А в 1968году он просто интуитивно делал шаги в сторону лояльности и свободы.

Прошло профсоюзное собрание на трубном заводе (протокол его Г.Павловский не удержался и напечатал в своём журнале "XX век" в начале перестройки - за колоритность выступлений), где Витино подписанство было осуждено. и он предупреждён о том, что "*в случае повторения им подобных поступков, коллектив не потерпит его в своих рядах*" ("Письма 1956 - 1979гг."). Прошло заседание родной кафедры, куда

пришёл сигнал с завода о "политически незрелых действиях аспиранта Сокирко В.В." (там же), и зав. кафедрой, который впоследствии много лет был ректором МВТУ, Г.А.Николаев пресёк обсуждения и размышления преподавателей своим вывороченным заявлением, что, дескать, если завод даёт отрицательную характеристику, то какая может быть речь о пребывании в аспирантуре. Между этими заседаниями были запреты на отлучку с рабочего места, даже в лабораторию, где стояла его экспериментальная установка, на подключение её к мощному генератору (без чего опыты были невозможны) и раздряг с научным руководителем.

В этот раз стать лояльным инакомыслящим Вите не удалось - члены правящей нами партии готовы были выжигать открытое перед властями и миром инакомысление. Следующее письмо - протест против исключения Солженицына из Союза писателей он не подписал, и больше ему подписываться не предлагали.

Однако чувствовать себя в безопасности не получалось: выше его сил было самому отказаться от чтения сам - и тамиздата, особенно "Хроники текущих событий", и не мог он не ходить за ними на квартиру Якира, не мог не пытаться отпускать в самиздат свои размышления. Витя привык думать с помощью ручки и бумаги, а к этому времени написал уже много толстенных писем, рецензий и философских осмыслений глобальных вопросов. Одно из них "Сущность коммунизма" стало базой его первой книги, отпущенной в самиздат в 1970 году и вернувшейся из Мюнхена тамиздатским томом с двумя (из пяти в рукописи) приложениями. Название книги "Очерки растущей идеологии". Автор Буржуадемов видит сам и показывает убедительно, что жизнь в нашей стране прорастает буржуазно-демократической идеологией, и это хорошо, и этому надо помогать.

С этой книгой связан один из счастливейших моментов в моей жизни, момент необычного признания Витиной значимости. В Нью-Йорке (1991г.) нас позвал к себе американский издатель "Хроники" Эдвард Кляйн, свободно

говорящий по-русски. Сначала я была поражена старомодной добротностью обстановки дома, затем удивлением перед Витиным прозрением: "Как же Вас не задавила коммунистическая идеология? Откуда такое понимание буржуазных ценностей?" Как я гордилась Витеем в эти минуты и продолжаю гордиться сейчас! Да, судьба подарила мне в мужья человека, умеющего не только мечтать о светлом будущем для нашего народа, для наших детей и следующих веточек семейного древа, но и сумевшего с помощью старательских поисков искорок нужных ему знаний о наилучшем устройстве окружающей жизни и своей интуиции увидеть, какие из уже идущих процессов надо поддерживать и как. Не фантаст, создающий свои прекрасные нереальные миры, а строитель-мечтатель, стоящий на твёрдой родной почве. Э. Кляйн подарил нам одну из изданных в Америке "Хроник" с Витиным большим портретом на обложке и совершенно неожиданно... 500\$ в виде гонорара(?), начавших наш путь к квартире-кормилице, позволяющей сейчас чувствовать себя независимыми от детей и не бояться государственных наездов на пенсионеров. И уже вдогонку мне, совершенно ошалелой, он высипал в руку кучу жетончиков на метро, когда услышал, что мы не ездим, а ходим пешком и сейчас из Манхэттена в Бруклин тоже пойдём.

Но вернусь в 70-ый год, очень напряжённый для нас: не ладилась моя диссертационная работа - от меня ускользал смысл проделанных экспериментов с гофрированием трубок для сильфонов, не желая укладываться в стройную теорию. Витя помогал, сколько мог, но ведь главными у него были "Очерки..." и "Хроника" (он стал её перепечатником со 2-го номера), был самиздат, который надо было читать быстро и, не задерживаясь, отдавать, а что-то хотелось перепечатать. К тому же всё больше одолевал нас диафильмовский азарт: написать об увиденном в летних походах применительно к слайдам, вложив свои знания и понимание (Витина задача), отредактировать, подобрать музыку и записать на магнитофонную ленту (подключалась я), а затем показать гостям (Витя показывал, я обеспечивала чайное застолье). К лету 70-го было записано 26

диафильмов. Детей обихаживали: Галю - моя мама, Тёму - Витина.

В 70-ом мы могли себе позволить только двухнедельный байдарочный поход, в который отправились вместе с Игорем Крюковым, архитектором, индивидуалистом, обладателем аристократических манер. Встречи с местными жителями ("куркулями" по определению встреченных туристов), имеющими обходиться без госпособий в виде пенсий, и постоянное общение с человеком индивидуалистического склада повернули Витю к оценке значимости носителей таких направлений для разрушения родовой коллективистской устойчивости, препятствующей коренным реформам нашего общества. Ведь ни в своей среде (инженерной), ни в диссидентском кругу (в основном из гуманитариев и естественников) людей, приветствующих главную ценность буржуазной идеологии - свободу собственного дела - не находилось. Все мечтали только о свободе слова и вероисповедания (совести).

1971-1974гг.

В феврале 71-го Витя перешёл работать в академический институт, я в июне защитилась-таки, а в декабре на 21год стала патентным работником в институте патентной экспертизы. Витя

работал со страстью изголодавшегося, с напряжением преследуемого... Я откровенно торопился выйти на диссертационный материал, чтобы через три-четыре года защититься и догнать Лилю. Неустойчивость же положения "хроникёра" только подстёгивали мою спешку: пока с Петром и Хроникой ещё ничего не случилось, может быть, и удастся сделать диссертацию...

И потом я привык к мысли: голова боится - руки делают. Вдруг да получится?! У нас же был семейный опыт, когда успешно выходили из, казалось бы, безнадёжных ситуаций. Хорошо помнился пример нашего северо-уральского похода, когда максимальным напряжением сил при небольших

шансах на успех мы смогли-таки во время вернуться в Москву"("Наши горы").

Все перипетии полутора лет работы в ЦЭМИ, причиной увольнения из которого стал отказ в выдаче допуска к секретным материалам, бои за диссертационные материалы с начальником отдела и доведение до предзащиты подробно описаны в сб. "Наши горы". Я не стану в них вдаваться. Даже эпизод с Витиным шантажом бывшего начальника, так неоднозначно воспринятый друзьями, не стану обсуждать. Сб. "Наши горы" в нашей библиотеке в открытом доступе, а вне дома - в пяти архивах. Скажу только, что к этому времени моё доверие к Витиной интуиции (совести), ведущей его по жизни и не позволяющей изменять своим устоям, не позволяющей добавлять зла в этот мир, уже невозможно было поколебать. Применить к лицемерному и жестокому человеку шантаж, если только он один мог подействовать, это без всяких натяжек значит - уменьшить количество зла. Витины "Тезисы о морали", написанные в начале 73-го, наверное, не только для меня несли освободительные от людского мнения мысли, расчищая поле доверия к голосу своей собственной совести.

Гораздо сложней (из-за новизны) для Вити оказывалось участие в Правозащитном движении. Начав с попытки с помощью своего литературного опуса убедить друзей и знакомых стать смелыми подписантами ("Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идёт на смерть" был его девиз) и, продумывая, куда может завести неоглядная смелость, Витя понял, что сам "туда" не хочет. Реальная жизнь предлагала выбор: между жизнью на свободе с нечистой совестью и тюремной жизнью за действия, совершаемые человеком по зову совести, но не дозволенные существующей властью. Витя склонился к первому варианту. Он нас сильно любил и не мог позволить себе переложить на женские и детские плечи мужские семейные тяжести. Но ведь мир, в который вступили наши дети, пропитан рабской психологией, полон несправедливостей, позорно плохо устроен. Участвовать в его выздоровлении - и на это должно хватать сил у мужчины.

Значит, надо, найти свою меру участия, которая, конечно, всегда будет казаться малой по сравнению со смелыми людьми, с которых хочется брать пример. Но он твёрдо определился - выбранная мера участия не должна доводить до тюрьмы, эмиграции, смерти.

Отказ от открытого подписанства Витя компенсировал участием в перепечатывании "Хроники текущих событий...", сообщавшей новости из политлагерей, о судебных и внесудебных преследованиях, новости самиздата и др., и работой над своим самиздатом, неподписанным или под псевдонимом. Члены Инициативной группы - Ковалёв, Великанова, Ходорович объявили, что распространяли и будут распространять Хронику, не исключая передачи её на Запад, и этим прямо утвердили её открытость и легальность, хотя и редакция и корреспонденты себя не объявляли. На Западе она считалась подпольным журналом. Со временем хранители советского строя хроникёров расклевали... Витя до сих пор гордится своим участием в её распространении.

Но почти сразу в околохроникёрном кругу Витя столкнулся с тем, что было глубоко неприятно его инстинктам старого комсомольца: он практически поверил, что НТС - издатель журнала "Посев", в котором было много интересной для него информации и хлёсткой публицистики, по-прежнему призывает к вооружённой борьбе с советской властью. Больше всего на свете Витя не хотел гражданской войны, где хроникёры могут оказаться на враждебной нынешнему народу стороне. Но если эта перспектива не была столь уж близка, то собрать всех диссидентов в несколько вагонзов, убеждая свой народ, потряхивая журналами "Посев", что эти отщепенцы связаны с зовущими к вооружённой борьбе с советской властью, нашим КГБ-шникам ничего не стоит.

"Уже не на одном процессе инакомыслящих НТС исправно играет провокационную роль пугала, пользуясь которой суды доказывают преступность любого инакомыслия, ведущего якобы прямо к диверсиям НТС" ("Наши горы").

Свои просьбы-требования о размежевании он обращал к окружению П.Якира и к нему самому до его ареста. "Выступите с заявлением о непричастности к НТС и с объяснением по поводу изъятых материалов, не допускайте своего ареста, Пётр Ионович", просил Витя. "Нет", - в один голос отвечали все. - "Никаких заявлений. Сейчас нужно держаться твёрдо". У них была своя мера участия и не было в ней знака: "Запрещено - далее тюрьма", хотя, конечно, никто в тюрьму не хотел.

"Что же делать? Ожидать вместе со всеми неизбежного конца или отходить от преследуемой, т.е. ставшей де-факто нелегальной Хроники? Первому мешали убеждения и заинтересованность в жизни и работе, второму мешала простая порядочность и чувство причастности к лучшим людям нашего времени" ("Наши горы").

После посадки Якира Витя собирается и обращается с большим, продуманным письмом к анонимной редакции "Хроники", прося её

"принять действенные меры предосторожности... в смысле максимального возвращения в рамки легальности... Ленинское презрение к ликвидаторству, к отказу от нелегальной борьбы воспитано в нас с детства, но следует ли культивировать его дальше?... Что же касается чести и достоинства, то как раз эти чувства отмщения, борьбы, "око за око" и тянут нас порой на революционный в конечном итоге путь" (там же).

Конечно, Витя понимал, что "продвинутые" в смысле, более радикальные, чем он, правозащитники будут отмахиваться от него, как от труса, а некоторые и вовсе заподозрят в нём КГБ-шного наймита, и всё же он продолжает твердить:

"Мы должны жить не в тюрьме, а на свободе, жить и работать вместе со всеми, в том числе с властями и с поддерживающим его большинством" (там же).

Жизнь продолжала подкидывать загадки. Пётр "потёк" и арестованные после него тоже. Каким непонятным, немыслимым способом достигают капитуляции твёрдых

диссидентов? Единственной опорой казалась решимость: если вызовут, то "не вступать в игру с дьяволом", закрыть уши и сразу отказаться от показаний. Таково было общее настроение, и Витя ему поддался, как бы заразился непримиримостью ... от страха перед возможной своей слабостью.

Первое испытание ему было назначено на 5 марта 1973г в Лефортовском СИЗО. Давать показания по делу Якира и Красина Витя отказался. Отказался и на повторном допросе. Беседовавший с ним в этот раз прокурор объявил, что он будет привлечён к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний. Следователь на прощание сообщил, что в ближайшую субботу вызовет меня.

Два дня терзаний, как помочь дорогому человеку выпутаться из коллизии, когда и давать показания нельзя (вдруг кому-то повредишь) и не давать нельзя (возможен суд и увольнение вслед за Витеем с уже полюбившейся работы), прорвались Витиным разрешением мне дать показания о фотоаппарате (так случилось, что именно я отдавала его Красину) и больше ни о чём. Все размышления, разговоры, описания допросов, суда и даже вклинившаяся перед судом удачной предзащиты диссертации уже по сложившейся привычке были оформлены в машинописном виде под названием "Дневник мелкого процесса" (раньше и потом Витя перепечатывал мои походные дневники, снабжая их своими обильными комментариями, и дневники приобретали смысл и привычный для чтения вид).

Ужасно тянет хотя бы упомянуть обо всех переживаниях тех двух месяцев, но я всё же удержусь. С благословения адвоката-правозащитника Софьи Васильевны Каллистратовой Витя на суде признал свою вину, согласился дать показания относительно фотоаппарата и потому "отбывал" 6 месяцев исправработ за своим рабочим столом, в колхозе, в Крыму, используя заработанные в колхозе две недели отгулов и опять на свежем воздухе - в совхозе. Связанные с судом переживания прибавили Вите спокойствия и уверенности, он навсегда вернулся к свойственной ему позиции: не отказываться от

разговоров и показаний, не скрывать своих убеждений (например, в полезности "Хроники" и самиздата), но в то же время не давать конкретных показаний, избегать всего, что может быть поставлено в вину кому бы то ни было.

1974 - 1979 гг.

В 74-ом в районном КГБ Витю "кадрили" в стукачи и получили ответ: "Я согласен беседовать с Вами на любые темы, работать на взаимопонимание, но... только я не буду скрывать содержание этих бесед от своих друзей. Это непременное условие". Злобную реакцию описывать не буду. Зато остались в покое.

Зашить диссертацию не удалось - разобщенные КГБисты многократно запрещали институтскому треугольнику выдавать характеристику, даже после окончания срока судимости. Путь в официальную науку оказался перекрытым, и Витя с головой ушёл в работу над своими собственными исследованиями в истории, экономике, мировоззрении, а деньги для растущей семьи он начал зарабатывать на шабашках (летом 74-го мы переехали в купленную в кредит квартиру, родились Анечка и Алёшик, а Витя провёл свой отпуск и отгулы на шабашке под Хабаровском).

Шаг за шагом наступало освобождение. Немало этому способствовало оформление Витиных соображений на всевозможные темы в наших дневниках и диафильмах и их последующее обсуждение вслух с читателями и зрителями. Не упускал он случая писать письма-рецензии в официальные издания и знакомым, а в сентябре 77-го включился в обсуждение Проекта Конституции СССР, послав Открытое письмо двум адресатам: Брежневу и Сахарову. Брежnev смолчал, а Сахаров (скорей всего кто-то из его окружения) передал составителям бюллетеня "Вокруг проекта Конституции СССР". Витины предложения выпирали из диссидентского единства и потому подверглись довольно значительной цензуре по важным для него пунктам Конституции. Конечно, он

послал составителям свои отчётливые возражения. Но... поезд ушёл.

Меня всегда поражало Витино, как сейчас говорят, "интерактивное" чтение: он делал выписки и тут же их комментировал. Со временем записи разных лет по наиболее важным для него книгам и статьям он собрал и обработал в своей книге "Советский читатель вырабатывает мировоззрение". Мне хочется из неё привести две цитаты (обе из комментариев к сборнику статей "Демократические альтернативы"):

"Надо кончать споры и просто постараться ужиться друг с другом, помогать и работать совместно. Работая над своими убеждениями, над выяснением собственных идеалов, не надо огорчаться, что другие люди думают по-иному. Даже спорам о том, куда "пойдёт Россия после демократизации" не следует придавать большого значения. Ибо это решение будут принимать сами люди, народ, а на их волю будет действовать как давние традиции, воспитание, привычные идеи - в пользу сохранения социалистических форм жизни, так и требования рациональности, эффективности, свободы - в пользу рыночного хозяйства, капитализма."

"Сводить свои задачи к политической борьбе без экономического преображения, которое только и способно подвести устойчивую базу свободного труда под великолепное здание демократии - значит, быть экстремистом. Как дом строится с фундамента (хотя, конечно, не фундамент - самое главное в доме), так и демократизацию нашей жизни надо начинать с хозяйства, с экономической повседневности. Глупо, конечно, всё сводить к фундаменту и им ограничиваться, но не менее глупо и строить крышу на воздухе. Более целесообразно ограничиться подготовкой элементов дома".

В первой цитате спокойная уверенность в повороте на демократический путь и доверие к людям, к тётям Маням и дядям Колям. По мере роста их желания рациональной и свободной жизни рыночная экономика, которая в виде теневой уже народилась, будет усиливаться и светлеть - здороветь. Эта мысль, совершенно чуждая интеллигентам - диссидентам,

считывающим именно себя мозгом, учителем нации, конечно, не могла быть воспринята в те годы. Вите симпатизировали, но к его идеям не прислушивались. Диссиденты строили крышу дома, не беспокоясь о стенах и фундаменте и не дожидаясь, когда остальные сограждане, понесут свои камни в фундамент дома. И так я это явственно представляла и так жалела Витю, не находящего себе единомышленников. Витя не позволял себе переживать по этому поводу, он был рад и тому, что с ним спорили.

Любому, кто слушал, он старался показать естественность и моральность рыночных отношений, неэффективность плановой системы хозяйствования с её безрассудной растратой материальных и трудовых ресурсов. И в организованной им в 77-ом дискуссии вокруг призыва Солженицына "Жить не по лжи!", Витя отстаивает самостоятельность в работе и жизни, выдвигая тезис: "Чем лучше для нас самих, тем лучше для общества и его будущего". (Я не знаю, почему открытие Адама Смита: свободное преследование каждым своих частных выгод в итоге даёт, как правило, наибольшую сумму благ для всех, Витя представлял в таком виде. Наверное, так его легче впустить каждому в своё сознание). В дополнение к лозунгу "Жить не по лжи!" Витя предложил: "Жить и работать по собственному уму и воле!", даже если это и будет нарушением официальной устаревшей морали.

"Житейская практика показала мне, как трудно, почти невозможно сделать собственный нравственный выбор, если он противоречит господствующим моральным убеждениям. Необходим хотя бы один человек, который подтвердил бы правильность твоего выбора... Необходимо затратить много труда, чтобы критерии нравственного выбора сегодняшних людей сблизились и составили то самое твёрдое ядро, которое остаётся на сегодня вне сферы нравственной свободы".

Во исполнение своих представлений о том, "что необходимо", он тратит много сил и времени на уговоры и на сбор письменных ответов, из которых составляет три сборника

откликов на призыв Солженицына. Основной автор третьего выпуска - Р.С. Померанц с его известными "Письмами о нравственном выборе".

Конечно, мне не следует перечислять всё написанное Витей и тем более комментировать. Добросовестный архивист (я старалась быть таковым для нашей семьи, но осталась от идеала далека) давно б имел единый список Витей написанного. Могу только сказать, что отдельных текстов много сотен. Но ведь нельзя же не сказать о программных статьях и о сборниках, за которые его посадили.

Отчаявшись быть понятым в самых важных для него вопросах, Витя пишет в 78-ом году резкую (provokacionную) статью "Я обвиняю интеллигентов-служащих и потребителей в противостоянии экономическим свободам и прогрессу Родины". О, какой всплеск возмущения и устного, и письменного обрушился на него! Ведь как обидно было читать фактически про себя такое:

Для большинства современной служилой интеллигенции спокойная государственная служба лучше беспокойной службы народа, свободным рыночным потребителям, сытое и спокойное рабство много лучше трудной и неустойчивой свободы...

Если желаете свободной и богатой жизни, то займитесь свободной экономической деятельностью, не жалея своих сил и времени, презрев опасности от государственных преследований и моральные упрёки от "служилой" интеллигенции. Становитесь кустарями, шабашниками, леваками, спекулянтами, предпринимателями, частниками.

Если же вы не желаете изменять своим прежним духовным занятиям, своему самосовершенствованию, вечным проблемам, то будьте последовательными: ограничьте свои материальные потребности, становитесь йогами, аскетами, духовно очищайтесь, но оставьте наш материальный мир от ваших требований.

На этот раз откликнулось много народа, и это Витя ценил и хотел сохранить, чтобы привлечь ещё большее

количество спорщиков. В результате стал складываться первый выпуск сборника "В защиту экономических свобод", отпечатанный в марте 78-го. 7 выпусков ЗЭС Витя успел собрать, распечатать и размножить на "Эре" до посадки. Витя Сорокин, с 81-го года живущий с семьёй во Франции, в те годы активно участвовал и как автор, и как советчик. Первые сборники не имели твёрдо устоявшихся разделов, а, начиная с третьего, включали разделы "Наука", "Истоки", "Книги и рецензии", "Право и судебные преследования", "Письма и дискуссии". Как мечтал Витя соединить в единый поток информацию о преследованиях за свободную экономическую деятельность с информацией о преследованиях за свободное слово! Но где там...

Находясь между людьми умственного и физического труда, между крайними представителями - диссидентами и "леваками", я разрываюсь в крике: "Братья, вы ведь одно и то же, не презирайте друг друга!" И получаю по морде...

Такой настроенностью на положительное решение всех конфликтов, больших и малых, вообще настроенностью на решение наших проблем своими силами, без опоры на Запад, путём выработки взаимопонимания и терпимости, т.е. постепенного воспитания демократического поведения, пронизаны все его слова и поступки. Это его духовная потребность, его "крест". Поиски взаимопонимания начались для Вити раньше, чем он вступил в редакцию журнала с таким названием (сдвоенный 1-2 номер журнала вышел в июне 78-го.)

Как я писала, уже в 72-ом году в письме в редакцию "Хроники" он пытается найти основу для взаимопонимания между диссидентами и властью. А в 74-ем в редакцию "Литературной газеты" и в самиздат пошло письмо-отклик на статью о Солженицыне "Продавшийся", в котором Витя всячески убеждает автора статья, а в его лице и всех охранников власти, что инакомыслие - это нормально, естественно, полезно стране. Резкие столкновения диссидентов и сталинистов вызвали у Вити желание написать статью "О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и

диссидентами", а между почвенниками и либералами – статью "Ради России".

Своеобразной оценкой Витиной личности является фраза Роберта Боска - французского социолога, иезуита, профессора католического университета в Париже, привозившего в Москву студентов для обучения русскому языку (Лена Сморгунова - русист познакомила нас, а многочасовые прогулки по Москве - подружили):

"У меня с Вами больше понимания, чем со многими моими братьями по ордену".

Витино отношение к религии менялось с годами от "пионер не верит в Бога" до осознания значимости Бога для людей.

Огромна церковная тематика, велико накопленное церковью и неизвестное нам духовное богатство. Мы... пользуемся всяkim случаем, чтобы воспринять опыт церкви и её истории, перевести его на собственный материалистический озученный язык... В последние годы я много раз вступал в споры о вере с "ищущими Бога", но окончательной твердости так и не достиг" ("Москва-Ополье").

В эти самые "последние годы" Витя изучал русского дореволюционного философа Н.Ф.Фёдорова, что позволило ему осознать бессмертие своей атеистической души в делах и творениях, читал "Протестантскую этику" М.Вебера, открывшую и для меня источник человеческой активности и успешности.

Мне, материалисту, оказывается гораздо ближе мораль и миропонимание протестантов, т.е. сектантов, уважающих чужую веру, чужих Богов, исполненных добра и чести и в то же время ориентированных на труд и его рационализацию, на материальное и духовное преуспевание ("Советский читатель...").

Из анализа книг, касающихся сектантства, он сделал вывод, что все секты, первоначально коммунистические, при продолжительной жизни приходят к хозяйственному процветанию и неминуемо перерождаются в крепкие

буржуазные организации. Не потому ли так тянуло его поработать летом в шабашных коммунах (даже когда мы выплатили долг за квартиру), что в них он видит ростки новой идеологии: "через проповедь истинного коммунизма к капитализму - это мировой опыт".

Витин интерес к религии, пробудившийся в 60-ые годы от удивления перед искренней верой нашей однокурсницы Светы К., ставшей адвентисткой седьмого дня ("Москва-Ополье"), с годами рос и увлекал других, т.к. выражался в самиздатских статьях и диафильмах: до 80-го года родились "Московские церкви", "Ополье", "Рассказ об иконах" - о православии, "Огонь Баку" - о мусульманстве и зароостризме~~зароастизме~~, "Среднеазиатские города" - о мусульманстве, "Буддистская Сибирь" - о буддизме, после 80-го в диафильмах рассказывалось о католичестве, униатстве, языческих верованиях алтайцев, мордвы, коми-пермяков и т.д.

Каждому из нас нужна вера, не догматическая, а живая, укрепляющая нас в добрых делах на благо мировой жизни. Развиваться же вера может только в общении с Богом или Бесконечным миром, т.е. в реальных делах" (1978г.)

Витя отделял свою атеистическую веру от господствовавшего у нас вульгарного безбожия, называя его "антитеизмом". Атеизм потому, видимо, стал его верой, что из двух альтернатив - мир управляемся сверхъестественной силой и мир "управляется собственными законами - и тогда мы должны познавать их, ориентируясь на практику своих дел" - последняя в большей степени соответствовала его деятельной натуре, его поискам социальной справедливости, т.е. главному делу жизни.

Витино кредо атеиста, по-моему, лучше всего сформулировано в письме священнику С. А. Желудкову(1978г)

Он (атеист) знает только одну реальность и человека в ней. Значит, что мир (эта движущаяся и взаимосвязанная, т.е. одушевлённая материя) не абсурден, а упорядочен и закономерен, что он не холоден к человеку, теплый, ибо породил человека и способствует его жизни, как может. Однако природа-мать не всесильна и может разрушиться и погубить с

собой и своих детей. На людях лежит огромная ответственность - продолжить жизнь и передать накопленное богатство развития в века будущим поколениям. Миллиарды лет существования жизни и миллионы лет горения разума утверждают нас в надежде на практическую бесконечность жизни человечества. У атеистов есть уверенность в существовании своей души и надежда на её бессмертие - в детях и делах, в общечеловеческой памяти и опыте. Надежда, не уверенность".

Эта же мысль в "Письме друзьям" с грифом "На случай ареста" изложена удивительно чеканно и невольно заставляет меня перейти на торжественное чтение:

Как верующий материалист, я верю в свою бессмертную душу лишь как в совокупность идей и впечатлений, которые через мои слова и дела перейдут к сегодняшним и будущим людям...

Наверное, за такое отношение к жизни и смерти наши дети и называют нас романтиками, а не за то, что мы любили походы по Подмосковью и по горам, хоровое пение у костра до рассвета и лыжные прогулки по заснеженному лесу.

В декабре 78-ого года Витя согласился стать редактором самиздатского журнала "Поиски взаимопонимания". Доверился названию и "Приглашению" М.Я.Гефтера, поверил в возможность расширить круг обсуждающих экономические проблемы и согласился, несмотря на моё неодобрение. Наверное, сейчас уместно сказать, что я привыкла доверять Витинным шагам, но тут моя интуиция засигналила: "Опасно!" Интуиция молчала по поводу "ЗЭС"ов, хотя почти через два года Витю судили не только как редактора журнала, но и как составителя "ЗЭС"ов. И всё же не будь первого, я уверена, ему удалось бы избежать тюрьмы, чего он желал всем диссидентам. Не то, чтобы "ЗЭС"ы нельзя было признать "антисоветчиной" - про необходимость изменения существующего общественного и хозяйственного устройства можно было выведать почти из каждой их статьи, но не было в них открытого противостояния и обращения к западной общественности.

В конце декабря один из редакторов объявил на весь мир о существовании "свободного московского" журнала, а в начале 79-го последовали обыски у редакторов и сотрудников. У нас изъяли гору самиздата - 68 наименований и пишущую машинку. Наш личный архив, привычно изготавливаемый в 7-и экземплярах, был развезён по захоронкам, дома хранились лишь одинокие тома, которые и не заинтересовали "налётчиков". По горячему следу Витя написал очень эмоциональный "Репортаж о первом обыске".

Уголовное дело на поисковцев было заведено в конце марта, опасность заставляла спешить. В начале июня Витя заканчивает укладывать в "ЗЭС"ы набранные материалы. (Летом, перед поездкой в отпуск, я торопливо резала рулоны отпечатанных в 15 экземплярах на "Эре" листов пяти "ЗЭС" ов).

Прошёл второй обыск, прошли три допроса. Уезжающего на шабашку Витю следователь просит: "Надеюсь на Вашу совесть - ничего не сочиняйте, не творите такого... хотя бы месяц!" Месяц Витя вместе с бригадой "творит" двухэтажный дом- профилакторий на берегу Каспийского моря и приглашает меня приехать к нему с детьми. Мы вчетвером (без Тёмы) приехали за 10 дней до окончания работ. Из этих дней получился наш любимый диафильм "Мангышлак", а из последующего месячного похода по Кавказу - четыре больших фильма про лезгин, аварцев, чеченцев и азербайджанцев, правда, уже после возвращения Вити из Бутырки.

1 ноября арестована Таня Великанова - основатель Инициативной группы, хроникёр. Наше восхищение и уважение Таня получила, как только мы узнали её получше. С Таней, её мужем Костей Бабицким и подругой Леной Сморгуновой мы познакомились - пересеклись маршрутами на Севере летом 67-го. А через год 25 августа Костя в составе уже не туристской группы вышел на Красную площадь, протестуя против нападения СССР на Чехословакию, а Таня его провожала. Таня с Витей часто жестко спорили по тактическим и моральным вопросам (к экономическим работам Вити она была равнодушна), но взаимная симпатия не пропадала. В первые дни

после её ареста Витя написал отчаянное письмо, с которым согласились и поставили свои подписи В.Абрамкин и В.Сорокин. Письмо было отослано в "Правду".

В письме Витя брал на себя обязательства, которые потом не смог выполнять, т.к. на своём суде он вынужден был по сути отказаться от участия в правозащитном движении, получив взамен условный срок.

Не имея возможности больше разговаривать с Таней, Витя изложил свои мысли в статье "К вопросу о диссидентской этике", где он опять надоедливо, неприятно для диссидентов напоминает, что помочь из-за рубежа вместе с пользой несёт и огромный вред в виде роста паразитизма и отстранения поддержки отечественного окружения, что правозащитное движение защищает только свободы интеллигенции и равнодушно к правам, важным множеству людей: на свободный труд, на свободную экономическую деятельность и пр.

Ответственность перед нацией, трудолюбие, смелость - вот три этических кита, на которых только и может укрепиться диссидентское движение.

К 100-летию Сталина была написана очень миролюбивая статья "О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами", вызвавшая, по свидетельству Г. Павловского, наибольшие споры в диссидентских кругах, ведь антисталинизм оставался единственной идеей, общей для всех диссидентов. Но для меня и, я знаю, для многих из нашего окружения и дальше самой важной статьёй предпосадочного времени была "Экономика 1990г: что нас ждёт и есть ли выход". Мне приносили разные перепечатки. Она выглядела как настоящее исследование и была столь убедительна, что оторопь брала: цифры показывают, что страна через пару лет начнёт нищать! Всё! Доехали!

Единственной настоящей альтернативой для страны и её руководства осталась отныне лишь честная и бесстрашная переоценка ценностей, и, прежде всего - скорейший отказ от смертоносной идеи всеобщего планирования, немедленная легализация общественного, рыночного регулирования.

С ноября Витя пытается убедить своих коллег объявить о прекращении выхода журнала. Трудно шли поиски взаимопонимания среди редакторов, даже после ареста Валеры Абрамкина. 31 декабря 79г редакция журнала объявила, что прекращает (приостанавливает) свою работу, но было уже поздно...

В 79-ом году нам исполнилось по 40 лет. Дети подросли: Тёме перешагнул рубеж совершеннолетия (16л), Гале с мая пошёл 12-ый год, малышам летом исполнилось по пять. Уже умерли Витина мама и бабушка, мои папа и бабушка. Витиному папе было 71, моей маме - 66, оба продолжали работать, не в последнюю очередь потому, что помохи денежной от нас не могли ждать, не позволяли себе думать о ней. Мама приезжала к нам на отпуск, и всё старалась "отянуть от плохих друзей", папа переживал молча. В папиной квартире мы бывали редко, там хозяйничала его вторая жена, которая за ним хорошо ухаживала, но не становилась нам родной. Чаще всего встречались на даче, куда Витя считал своей обязанностью приезжать, и где я постепенно прикипала по мере того, как просыпались детские огородные навыки. Мама жила в Волгограде одиноко, т.к. со второй женой моего брата, жалея первую, не сдружилась, а время от времени возникающему её желанию переехать к нам мы не радовались, понимая, что здесь и она будет ещё более одинока, и наша жизнь усложнится.

Старшие дети хорошо учились, были самостоятельны в выборе занятий и друзей, малышам вдвоём было не скучно. Быт устоялся. Магазинные очереди, готовка, уборка не были в тягость, т.к. изыскивались способы уменьшить на них время, втиснуть в промежуток между главными делами: работой, чтением, записью диафильмов, встречами с друзьями, обращениями к искусству, правда, нечастыми и многими другими интересными занятиями.

Мы уже 5 лет назад отдали свою комнату в общей квартире и переехали в кооперативную, ежемесячно возвращая без напряжения долг за неё. Мальчишки жили в одной комнате,

девчонки в другой, мы в третьей, а собирались в общей или на кухне. Нам представлялось, что условия для жизни у всех хорошие. От детей своих интересов мы не скрывали, слушать разговоры взрослых на пятничных диавечерах они могли без ограничения. Витя, постоянно во вне рабочее время сидящий за печатной машинкой, охотно отрывался от неё, если ребёнок хотел поговорить или просто получить ответ на свой вопрос - он получал подробный ответ. Общие семейные дела случались редко, вниманием к себе лично каждый ребёнок не был избалован и потому видно, спустя 25 лет, приходится констатировать: не получилась из нас крепко держащаяся друг за друга и помогающая друг другу семья, зато выросли самостоятельные, вполне социальные, с чувством собственного достоинства люди, которых окружают свои семьи и друзья.

И нас Бог не обидел друзьями.

Мы не приживались в тех компаниях, где много пили по случаю и без, но не отказывались от бокала шампанского и нескольких рюмок вина на днях рождения. Наша студенческая туристская компания научила гордиться тем, что для нас предпочтительней общаться между собой и с природой на трезвую голову. На пятничный вечер новичок по незнанию мог принести бутылку вина, но основной напиток был чай, к которому я пекла что-нибудь простенькое.

Друзей мы, как и большинство людей, заводили в молодости. Так что к сорока годам у нас уже был устойчивый круг друзей и очень большой спектр знакомых, завлечённых когда-то на наши диафильмы и не терявших к нам интерес кто месяц, а кто и годы. В отдалении держались туристские, со студенческих лет друзья. Встречались, в основном, на футбольном поле в Кусково и Григорово. Но было исключение: в 72-м Толя Жилин пригласил нас на Алтай. И всё прошло бы хорошо, если б не вздумали мы отпечатанный и откомментированный Витей мой походный дневник подарить участникам похода. Какое бурное было неприятие со стороны Гали П. и Толи Ж. (реакцию нашего случайного попутчика Володи Т. не помню)! Ещё раз друзья показали нам, что нельзя

не считаться с тем, что каждый очень по-разному видит мир вокруг. Пришло охлаждение. Но настолько сильно кипела жизнь читателей и "писателей" самиздата, в круг которых мы вошли с 67-го, где никак не давило чувство вины, не будировался комплекс неполноценности, а всё было наоборот, что тоска по старым друзьям ушла в глубину.

Случались расставания и с новыми друзьями. Болезненно была пережита мной необходимость расставания с Таней Т. Мы начали дружить с начала активного участия её мужа Вадима Т. в событиях перед первым Витиным судом. Через год с лишним последние дни перед родами я жила в их маленькой квартире, т.к. Витя был на шабашке, Таня отвозила меня в роддом и слала Вите лиющую телеграмму о рождении двойняшек. Их Лёнечка - третий ребёнок в семье - родился на следующий год, и Вадим решил, как и Витя, подрабатывать на шабашках. Витя уговорил свою МВТУ-шную бригаду взять Вадима и был настолько горько разочарован, что оказался не способен продолжить даже нетрудовое общение. Мы уже не могли дружить ни семьями, ни одна с другой. (Через 10 примерно лет к нам пришло наказание - Таня Великанова отказалась дружить с Витей, не отказываясь от меня, но для меня это всё равно означало конец дружбы, расставание). Незадолго до смерти Вадим приходил к нам и звал к себе в гости. Пришли только на проводы- поминки и были поражены количеством людей, благодарных ему за теплоту и помощь. Участливое слово, обращённое к друзьям, было его силой, а в чуждой шабашной обстановке он был не на месте.

Я не знаю, правильно ли я решую свою задачу - раскрыть неординарность Витиной фигуры, вспоминая эпизоды из нашей жизни и надеясь, что у читателей создастся объемный Витин образ. Вот только, может, я мало рассказываю о нём в быту.

Мы строили свою жизнь на труде и радости, не зацикливаясь на заботах о жилье, мебели, одежде, здоровье, еде, домашней технике.

22-хметровую комнату в соседнем с родительским подъезде мы получили от Трубного завода сразу после рождения Гали, а перед рождением двойняшек вступили в жилищный кооператив , не сумевший распределить 4-хкомнатные квартиры среди своих сотрудников.

Мебель для квартиры - стенные шкафы, трюмо, двухъярусную кровать, книжные стеллажи делали мой папа и Витя. И это Витя придумал оклеить шкафы в мальчишеской комнате вместо обоев картами. Вот и стала у сыновей потребность в путешествиях одной из первичных. Только в ноябре 2004г мы заменили карты обоями, да после отъезда Тёмы сняли верхний ярус, остальное продолжает служить по назначению.

Одежду-обувь, б\у конечно, детям приносили. Помню Витино удивление, когда, не обнаружив в середине ночи меня рядом, он пошёл с полузакрытыми глазами на поиски, и широко раскрыл их, увидев, как я сижу у шкафов большой комнаты, а весь её пол занят ну не меньше чем двумя дюжинами пар детской обувки. Мне в тишине и покое нужно было решить, что оставить, а что передать дальше и кому. Пожалел меня.

Для нас обувь и одежду я покупала в комиссионных на рынках (позже их, чтобы отличить от богатых комиссионных в городе, стали называть скучочными). В моей жизни было три сшитых в ателье платья-костюма: белый (свадебный), зелёный (в Коломне) и темно-синий к защите диссертации (в 1971г.). Юбки шила сама и носила до сильного износа. У Вити было (до кражи) два хорошего качества костюма, которые он надевал редко, предпочитая дешёвые курточки и брюки. Ботинки он предпочитал самые дешёвые - за 7рублей. С детства не носил перчатки, чтобы мама не могла больше его упрекать в случае их потери. В руках - кожимитовая папка на молнии, которую много раз друзья и сослуживцы пытались заменить чем-то приличным: кожаной папкой, папкой с ручками, сумкой на плече - не удалось. Когда **папка** распалась, Витя стал ходить с черной болоневой сумкой. Мне известно, что в Прокуратуре СССР, куда он в начале 90-х годов приносил в этой сумке кипы

документов и свои надзорные жалобы, его звали "мужик с сумкой".

На своё и детское лечение до 40 лет тратить деньги не приходилось. Витя, правда, заразившись в Средней Азии желтухой, пролечился в Боткинской больнице, но было это тогда безденежно, последовавшая диета - необременительна. Родители со своими расходами справлялись сами, у нас не было ощущения, что они нуждаются в нашей денежной помощи, (мой папа оставил деньги от продажи полдома своей сестре, за ним ухаживавшей, Витин папа отдал нам их накопления, которые мы передали детям на их свадьбах).

Еда наша не отличалась ни изысканностью, ни дороговизной. Из двух сортов колбас за 2.90 или за 2.20 выбиралась последняя, из двух масел "Вологодское" или просто "Сливочное" - также второе, из двух сортов мяса - опять же второй сорт, чаще гуляш в нашей институтской кулинарии, а полуфабрикаты котлет стоили гораздо дешевле шницелей. Зато с лета 68-го стало много дачной зелени, ягод, фруктов, овощей. Надо было только их дождаться и наесться на всю зиму. Летняя роскошь частично сохранялась в закрытых банках, и до сих пор по утрам после Витиного ночного чтения газет я обнаруживаю очищенные от варенья вазочки. По пятницам были мои пироги, а от гостей торты и всяческие сладости - вкусности.

Из домашней техники вместе с нами в отдельной квартире поселились холодильник, стиральная машина, пылесос, громкоговоритель, телевизор (спрятанный в шкафу), проигрыватель и "Нота". Магнитофонная приставка к проигрывателю "Нота", купленная за 80 рублей в начале нашей диафильмовской жизни, дожила до сегодняшних дней, работая на износ при записях, при прослушивании, переживая переносы в рюкзаке к местам показа диафильмов. Музыка, становившаяся одной из составляющей наших диафильмов, могла сниматься с пластинок и затупившейся иглой и воспроизводиться низкосортным усилителем, но со всем этим Витя готов был мириться, т.к. главным было - слово. И действительно, мы смотрели много чужих диафильмов, были среди них особо

художественные, эмоциональные, но не пришлось увидеть столь же эмоционально осмысливающих поставленные проблемы: исторические, политические, психологические, философские. Рассказывая друзьям о своём понимании устройства мира дальнего и ближнего через открытые для нас Славой Коренковым возможности диафильмов, Витя не упустил шанс реализовать себя как историка и публициста.

1980-89 гг.

Наступил первый месяц "года коммунизма" (Хрущёв обещал в 61-ом). 3-го января на допросе в Мосгорпрокуратуре Витя сообщил, что журнал "Поиски" приостановлен и подписался "бывший член редакции..." Он позволил себе думать, что опасность ареста миновала. 10 января Витя написал Брежневу "Прошение" с просьбой о выводе наших войск из Афганистана. 17 января бывший член редакции Егидес вылетел за границу, 21-го Сахарова отправили в Горький, 23-го арестовали Витю и ещё одного члена редакции Юрия Гrimма.

Витя вернулся осенью, 4 сентября, худой и серый после голодовок и карцера, прибитый чувствами разных вин перед всеми, кто его знал и по-своему верил. Я же, как правильно написала Оля О., живущая по принципу "что муж не сделает, то и хорошо", ни на секунду не усомнилась в правильности его поступков. По мне можно и нужно было оговаривать себя столько, сколько хотелось его следователям, добиваясь освобождения хотя бы до суда. Нельзя было только ничего рассказывать про других и признать журнал и сборники клеветническими. Упреки вроде "да, на других не давал показания, зато предал диссидентское движение, заявив, что, будучи диссидентом, "занимался деятельностью, порочащей советский общественный и государственный строй", я выслушивала с недоумением. Разве Витя сказал, что диссиденты занимаются этой самой деятельностью, он написал оговор исключительно на себя: "я по глубокой заблужденности занимался..."

Горько было прощаться с теми, кто вошёл было в нашу жизнь, но не сумел полюбить Витю, сражающегося на воле и в тюрьме за право нормального существования человека оппозиционных убеждений без ареста и тюрем, не сумел поверить в его "непредательскую натуру", сущность которой поиски взаимопонимания и компромиссов. Ушли желающие видеть в диссидентах героические личности, себе недостижимый пример. Ушли не способные выйти из-под осуждающего мнения сильных, но нетерпимых, для кого любая лояльность есть безнравственная смычка с преступной властью. Отвернулись те, кто поверил в высказанную в листовке "К аресту Тани Великановой" решимость подхватить Танино знамя, говоря: не удержал, капитулировал, отрёкся от взглядов и ещё оправдывается вместо того, чтобы каяться. Их вывод: Витя оказался недостойным общественной деятельности, и потому ему нельзя больше ею заниматься.

У них своё отношение к людям, своя правда, но и по сей день я продолжаю входить в диссидентские собрания щепетиненная, готовая защищать Витину правду, которая мне видится как глубоко человечная.

Зато, каким счастьем был поздравительный поцелуй от Алёны Армандт в первое утро после Витиного возвращения, на гимнастике, в ответ на мой выдох "Витя вернулся!" Как благодарна я до сих пор Юре Коновалову, первому приехавшему поприветствовать вернувшегося Витю и после прочтения "Письма друзьям", сказавшего: "Не надо оправдываться, надо жить дальше". И не случилось пустоты вокруг! Тех, кто любил, доверял Вите, оказалось много. С октября после суда опять по пятницам наполнялись наши комнаты народом. Опять звучали диафильмы и доклады. Опять формировали мы свои архивные тома, лишь гриф на них стоял: "Семейный архив". Собирались в них материалы вокруг "Поисков", Витины бутырские записки-заявления и мои судебные стенограммы, отзывы экспертов о "ЗЭС"ах и Витина адвокатская речь; записал Витя ещё свежие бутырские воспоминания, вложив в них сбережённые выписки из

прочитанных в Бутырке книг, переложенные его комментариями, и мои дневниковые записи, и, наконец, появилось ещё одно размыщение вслух - диафильм под странным названием "Наши пансионаты", в котором вперемешку рассказали мы о нашем пребывании в Клязьминском пансионате перед судом и о Витином пребывании в Бутырке, которую он назвал пансионатом за вынужденное своё безделье, казённую постель и трехразовое кормление.

Каждое лето мы продолжали ездили по нашей огромной стране, с двойняшками и Галей или с Сулимовыми. Витя привозил десятками отснятые цветные плёнки и, разрезав, запечатав в рамки, писал по ним сценарии диафильмов, которые после наших горячих споров при правке текста обретали музыку и наши голоса, записанные "Нотой". Так получилось, что, отодвинувшись от запрета властей "участвовать в самиздате" и от запрета диссидентов "участвовать в общественной деятельности", Витя не замолчал и не стал "играть в шахматы", а продолжал и думать, и писать, и устраивать диспуты, и предоставлять квартиру ("площадку" по определению Володи Г.) и собирать слушателей и зрителей для поэтов, художников, философов, религиозных проповедников, экстрасенсов. При этом просветительская цель была второй, впереди стояли всё те же поиски взаимопонимания под девизом "не бояться дарить всем своё понимание и быть благодарным другим за сказанное". Сам Витя уже освободился от страхов перед кем-либо, став свободным в несвободной стране.

Конечно, не все оставшиеся с нами друзья отнеслись к Витиной цене за выход несерёзно, как я, и время от времени случались в пылу споров высказывания "с высоты своей непорочности" или от сочувствия к "оступившемуся" и не желающему ну если не каяться, то хотя бы стыдливо умалчивать. И тогда я кидалась его защищать. Хочется привести отрывок из одного письма, наверное, потому, что сегодняшние мои записи спокойные, а в 40 с небольшим эмоции ещё определяли все мои поступки.

"Вы полагаете, что Витя изменил своим идеалам, но Вы их просто не знаете, приписывая ему стандартные идеалы. Он, К.Буржуадемов, всегда избегал и осуждал максимализм, приводящий к бунтам и тюрьмам. Его идеал - жить в мире, в полезном диалоге, приводящем к развитию страны, со всеми слоями и группами, в том числе с правительством и КГБ.

"Договоритесь, пока не поздно!" - кричал Ю.Ким в известной Вам поэме. Об этом же твердил Витя, каждой своей статьёй обращаясь к правительству, к диссидентам, к сталинистам и интеллигенции. Да вот не верите Вы, что это и есть основная Витина установка. Даже в тюрьме он вёл трудный диалог с властями в лице КГБ, не теряя своего достоинства до самого конца. Вести свою линию в тюрьме, Вы думаете, многие способны на это? Я за себя сильно неуверенна. Гораздо легче сохранить себя, спрятавшись с кокон молчания и доказав тем самым своё враждебное отношение к власти. Вспомните по диафильтру, как Витя за несколько часов до выхода радовался, что не выйдет, что не надо большие вести диалог. Даже он устал. В этот день замолчать ему хотелось больше, чем выйти на свободу.

Витя никого не опозорил и от идеалов мирного реформенного преобразования путём вкладывания личных усилий не отказался и сейчас: хочешь свободы слова - бери её, расширяй круг своих слушателей за пределы семьи; хочешь свободы печати - садись за машинку, размножай то, что ты считаешь важным; хочешь свободы собраний - собирай людей на семинары, диафильтры, лекции; хочешь свободы вероисповедания - исповедуй свою веру- материализм во всё более христианизирующемся окружении. А не делаешь ничего, значит, хочешь только потрапаться, да показать свою "прогрессивность". В "прогрессистах" Россия недостатка не знала.

Свободы не имеют привычки спускаться как манна небесная. Старая истина говорит, что их надо завоёывать в каждодневной жизни. Истина эта для многих звучит лишь красивым аргументом. Услышат, вздохнут, в очередной раз к

себе примерят - жмёт, повосхищаются теми, кто надел вериги, и снова будут ждать манны небесной или злобиться на нехватку продуктов, сырья для работы и т.д.

Витя дал обещание не участвовать в самиздате. Но разве самиздат - единственная форма свободы печати? В 73-ем году он перестал перепечатывать "Хронику", но начал печатать свои и другие статьи. Сейчас он не будет собирать ЗЭСы, но Вы уже читали Архив, смотрите диафильмы.

Второе Витино "прегрешение" - признание политической вины в заявлении для печати. Оговорюсь сразу, это заявление я для себя не делю на слова, для меня оно просто крупная плата за освобождение, грубо говоря, захватившим путника по праву силы разбойникам, плата, существенно облегчившая карман, но предотвратившая разорение и смерть. Разбойники не могли же отпустить свою жертву с полными карманами. И всё же, какую вину признал Витя? Вы, похоже, даже не делали попытку понять. Он винился только за то, что его работы используются противниками нашей страны в ущерб ей. Витя "без дураков" любит свою страну и готов взять на себя ответственность даже там, где вина его проблематична. Ну, кто может знать, как будет использована даваемая тобой информация: добрые используют по-доброму, злые - зло. А его "я по глубокой заблуждённости занимался..." "Да ГБ-исты буквально стали на уши, чтобы диссидента, железно отказывающегося каяться в юридической, подлежащей суду, вине, выдать своему начальству и печати как покаявшегося и достойного освобождения грешника".

Шли годы, заполненные работой, походами, их оформлением в диафильмы, встречами, новыми знакомствами, пятничными вечерами. Тема "Поисков взаимопонимания" не кончалась: провожали Сорокиных во Францию, Витя писал заявления прокурорам по поводу ареста Г.Павловского, по поводу опасности второго срока В.Абрамкину, Председателям КГБ - о В.Гершуни, Т.Великановой, В.Абрамкине. Желание помочь Валере избежать второго тюремного срока привело к скандальному письму к трём известным диссидентам, от

которых Витя требовал позволить Валере снять шлем героя и с помощью компромиссов освободиться. Это письмо и для вернувшейся после лагеря и ссылки Тани Великановой поставило точку в наших отношениях. Я жалею о том, что не пришлось додружить с Таней, Леной, Асей, но до сих пор не жалею, что разнесла копии этого письма адресатам.

Продолжается война в Афганистане, и Витя подает в 1984 году второе Прошение Ген. секретарю ЦК КПСС теперь уже Черненко о выводе войск, а в 89-ом он обращается к американскому президенту Дж. Бушу использовать громадный авторитет США для скорейшего примирения враждующих в Афганистане сторон.

Мы много читаем сам - и тамиздата. Витя на всё значительное пишет торопливые, часто плохо напечатанные рецензии, но теперь они уже не собираются по темам вроде того, как это было сделано в книжке "Советский читатель вырабатывает мировоззрение", законченной в 78г., а после прочтения заинтересованными людьми собираются в хронологическом порядке. Темы: о пользе инакомыслия, о сверхидеалах, которые могли бы объединить разномыслящих, о КСП (клубе самодеятельной песни), в пользу движения крымских татар, отстаивающих своё право возвращения в Крым, о проблемах Карабаха и т.д. и т.п.

Главная тема - экономические свободы - до перестройки звучит мало, в основном на пятницах и в письмах. В конце 81г. он отправил Андропову своё обращение "О реабилитации буржуазно-коммунистического мировоззрения и выражавших его сборников "В защиту экономических свобод" и получил ответ-вопрос от уже знакомого КГБ-шника: "Ну, когда же Вы уговоритеесь?!"

Зато в перестройку Витя вкладывает свой разум и силу по максимуму: в собрании "Московская трибуна" он докладывает о новой кооперации, предварительно собрав материал и его расквалифицировав, Горбачеву уходит обращение "О необходимости широкой амнистии", пишутся статьи для разных изданий, возникших в это время, и старых,

народным депутатам, делаются законодательные предложения, берутся интервью у кооператоров. И, наконец, составляются сборники под названием "Новый ЗЭС" (№1-3 в 1989г и № 4-6 в 1990г) и тоненький сборник "Амнистия хозяйственникам".

Летом 89-го Витя "по наводке" В. Абрамкина знакомится с И.С. Котовой, отсидевшей почти все отмеренные ей 8 лет и работавшей тогда разнорабочей на бумажной фабрике в Серпухове. С попытки добиться её реабилитации осенью того года начала работу "Группа защиты осуждённых хозяйственников" в составе правозащитного Центра В. Абрамкина, которая через год была зарегистрирована как независимое "Общество защиты осуждённых хозяйственников и экономических свобод" (ОЗОХиЭС).

1990-2000 гг.

Годы работы ОЗОХиЭСа - подарок судьбы Вите. Одна за другой раскрывались его дремавшие способности: организаторские - в наиболее активные годы в Обществе постоянно работало 5-6 человек и несколько юристов, проводились ежегодные собрания, собирались общественные суды присяжных (по 10-15 в год); добытчика - три гранда от Сороса с оборудованием в виде компьютеров - принтеров-ксероксов, телефона-факса и пр.; ораторские - стал говорить свободно, и образно. Совершенствовались и известные мне способности, например, журналистские. Писал он теперь легче, убедительней и чаще всего быстро. Надзорные жалобы были нередко поразительными и, как я понимаю, не только для меня, но и для прокуроров- судей, их читающих. В надзорных жалобах он был защитником, а не адвокатом, обязанным следовать букве закона и писать юридическим языком. Витя же, сохранив юридическую строгость в описательной части жалобы, далее говорил языком экономиста, болеющего за нормализацию жизни в нашей стране, показывающего своим адресатам, почему наказание этого конкретного человека не только не полезно нашему обществу, но и вредит ему, загоняя ещё не посаженных "в тень", вися дамокловым мечом над каждым человеком,

способным к экономической активности. Чтобы не утяжелять мои записки, приведу лишь пару примеров.

1. По делу якутского кооператора, покупавшего бетон на государственной "точке", Витя пишет(1991г): "В эпоху перехода от командно- административной экономики к свободным рыночным связям не дело правоприменительных органов вмешиваться в эти хозяйствственные связи и толковать их по устаревшим понятиям как хищение, раз всем субъектам этих отношений (включая государство) не принесено никакого ущерба". Должно будет пройти ещё пять лет, и закон заставит следователей и судей, прежде чем наложить обвинение "хищение", доказать, что ущерб был причинён.

2. По делу астраханского приёмщика рыбы С.Бодаговского, осуждённого на 15лет, Витя пишет в Ген прокуратуру СССР в том же 91г.: "...весь в данном случае рыбу не крали у государственных предприятий, а создавали её неучтённые излишки. Государственные планы лова рыбы выполнялись, и государство само по себе не терпело никаких убытков. В конечном счёте, " излишняя" с плановой точки зрения рыба, предназначенная для частной продажи, изымалась у природы, что, конечно, предосудительно с учётом нашего сегодняшнего знания об её осуждении, но не более преступно, чем излишние и расточительные Госпланды". Прямо в ткань жалобы Витя включает стихи Бодаговского, чтобы иметь право сказать: "Поэтическая склонность и гордый характер делает, видимо, маловероятной просьбу о помиловании" (отсидев полсрока, заключённый имел право подать просьбу о помиловании, но для Бодаговского Витя полагал, что пересмотр - более вероятен, чем помилование).

А как горячо он защищал женщин (половина наших подзащитных- женщины были "козлы отпущения" - бухгалтера). "Да как же нет основания?" - возмущённо писал он в ответ на судейскую отписку.

Я называю годы перестройки и первые ельцинские - годами растерявшейся бюрократии, не способной "накинуть платок на каждый роток"- ротков оказалось много. Витя в

полной мере использовал эту растерянность, своими руками и мозгами помогая переворачивать нашу экономику с головы на ноги.

Мощный импульс работе нашей Группы, а потом Общества был дан на Обсуждении 17 мая 1990г. в Подкомитете по правам человека Верховного Совета СССР темы "Соблюдение в СССР экономических свобод и прав человека на рыночную деятельность", участие в котором организовал наш изначальный юрист Олег Сокольский. Витин доклад и выступление Олега обсуждались серьёзно юристами и МВД-шниками. Мощную поддержку мы получили от д.ю.н. А.М.Яковлева, начавшего с того, что "поднятая проблема реальная, существенная и идёт в самый центр нашего существования".

Боевой дух поддерживали успехи обжалования приговоров: в первый же год мы узнали о прокурорских протестах по трём делам наших подзащитных. Уверенность в правильности выбранного Витетом пути питалась результатами общественных судов присяжных, особенно когда сторонами и ведущим были юристы с докторскими званиями, а о свершившихся действиях сообщалось по телевидению и в газетах.

Правозащита пронизывала всю нашу жизнь. Даже выезжая впервые за границу на велосипедах, мы, по Витиному настоянию, везли на рюкзаках плакаты на немецком: "Группа помощи заключённым предпринимателям и торговцам в СССР приветствует свободных людей Европы!", "Тысячи заключённых предпринимателей и торговцев в СССР ждут поддержки от вас", "Амнистия советским бизнесменам!" То-то недоумевали случайные прохожие, кому удавалось что-то прочесть. Мы ещё раздавали им свои материалы про наших подзащитных - пусть знают, кого у нас держат в тюрьме. Наверное, мало кто пытался их читать, но для Вити плакаты и листовки добавляли значимости нашим поездкам.

Оглядываясь назад, я признаю, что исходившее от нас - "безлошадных" русских искреннее стремление обратить

внимание, вызвать сочувствие к судьбам наших "экономических диссидентов" у европейских правозащитников и журналистов, должно было оставлять следы доброго дела и слова. Нам же оно дало много встреч и знакомств, много ответного тепла, тёплые ночлежки и продукты на дорогу. Многонедельных велосипедных заграничных поездок было у нас пять, они все уместились в это десятилетие. В США (в 1991г.) мы летали без велосипедов, но и там дней, свободных от встреч со старыми знакомыми и знакомств с новыми, почти не было.

А в Москве копились груды писем и ждали помощи заключённые и их родственники. Чтобы как-то справляться, отработав январь 1992г., уволился из своего института Витя, а я - к лету. Конечно, было жаль - ведь прикипела, но потом-то я поняла, что,увольняясь по собственному желанию, избежала вынужденного увольнения, доставшегося моим товаркам.

Витина голова переполнялась проектами, которые незамедлительно внедрялись, если могли способствовать освобождению зря сидящих в лагерях людей, осуждённых за хозяйствственные "преступления". Поскольку, как хороший архивист, Витя всё собрал в 23-х "Голосах", то вроде и писать об этом не обязательно. Читайте, "Голоса" доступны. Я только назову поражавшие меня: многостраничные Записки для прокуроров и судей в качестве ликбеза по нормальной экономике, двухнедельная (честная, с 8 утра до 8 вечера, дома пил горячую воду и спал) голодовка зимой перед "насельниками" Белого дома с требованием амнистии осуждённым хозяйственникам, постоянная работа над законодательными предложениями, касающимися экономического блока статей Уголовного Кодекса и положения заключённых в лагерях и тюрьмах, проведение многолюдных отчётных собраний и даже добывание денег для работы юристов и сотрудников, участие во всевозможных конференциях, круглых столах, демонстрациях для постоянного напоминания о тех, кого мы защищаем, содействие в организации партии экономической свободы, эмоциональнейшие надзорные жалобы, пронимавшие судей и прокуроров. Все эти дремавшие в нём

способности очнулись, когда открылись возможности открыто заниматься своим делом, в полезности которого для нашей жизни он не сомневался. К пенсионному возрасту он успел реализовать свой потенциал.

В 1996 году Витя поднял огромную глыбу - проведение и видеозапись исследовательских судов присяжных и по собранным материалам написал книгу "Сумма голосов присяжных в поисках граней экономической свободы". Огромнейшая доступная нам работа по восстановлению в нашей жизни престижа судов присяжных была доведена до возможного конца. Читайте! Витя сделал всё, что мог. Книгу рассыпали, дарили, продавали. Самый крупный подарок - районным библиотекам Москвы и страны, более 1600 книг.

Начало XXI столетия

В этом столетии мы - пенсионеры. В ноябре 2001г. судья Люблинского суда окончательно закрыла наше Общество ЗОХ и ЭС. Витины многолетние попытки найти себе молодого сменщика оказались неудачными. Находились люди, готовые взять "раскрученное общество", но не понимающие, что его успешность держалась на неимоверной Витиной работоспособности, даже точнее, самоотдаче, на всеохватности его ума и на обаянии.

Письма из колоний продолжают идти, но "наши" писать перестали, пишут только осуждённые по уголовным статьям, и отвечаю им, за редким исключением, я, причём по установившейся традиции всем без исключения. Витя начал писать книгу о гранях экономической свободы. Удастся ли ему ясно выразить, что мы защищали 10 лет, где проходят границы между допустимыми и допустимыми деяниями людей в нормально действующей экономике? Первый вариант оказался неудачным, да Витя и сам согласился, что начинать надо с примеров, говорить проще, а любимые базовые философские построения оставить на конец. Вот и пишет он второй вариант. Работа идёт, к сожалению, с многомесячными перерывами.

Главная "отвлекалка" - стройка фундаментального дома на нашем садовом участке. Колossalные земляные и бетонные работы на месте будущего цокольного этажа начались летом 1998года, а первые огурцы под стеклянной крышей (на третьем этаже) я посадила в 2003году. Отделочных работ ещё много и они могут затянуться, т.к. на Витю сильно действует мое отравляющее его нежелание в новом доме жить. Мне привычно и не в тягость жить по устоявшейся схеме. Если дети жили б летом на даче, возможно, нам стало бы тесно, но пока Гаял предпочитает по-другому проводить лето, а у Ани свой дом за городом. Думать о необходимости жить на даче зимой, пока я нужна внукам, мне и вовсе не хочется. Затоскую.

Вторая "отвлекалка" - переведение наших диафильмов на компьютерный язык. Последний наш диафильм о велопоходе с американцами от Чопа до Киева мы сделали в 90-ом году. И с тех пор только переживали, что слайды выцветают, а магнитофонные плёнки сохнут. Дети нам сочувствовали, и вот Тёма подарил сканер, Алёша составил программу, чтобы Витя мог сохранить свои труды. И теперь часы-дни-месяцы Витя этим занимается. Я согласна с Тёной, что перезаписывать надо только лучшие диафильмы, но Витя то ли так ценит их, то ли в нём звучит пиетет перед его величеством историей, для которой архивы - основа и подпитка. В общем, труда своего ему не жалко и уже добрую третью он перезаписал на дискеты и раздарил.

Третья " отвлекалка" - строительство Алёши - Полиного дома. Мы гордимся, что справились вдвоём с фундаментом, хотя сказавшееся еще летом 2003г на Алтае боли суставов от этого, видимо, ещё более расползлись по моим ногам. И во второй половине лета 2004года Витя много времени и забот посвятил этой стройке. В это лето мы впервые никуда не поехали, учитывая и стройку Алёшиного дома, и наш недострой и оправдываясь, что поездки были же: у меня в конце зимы с Тёминой семьёй в Альпы, где Тёма и Ася катались на лыжах, а я с двухлетней Танечкой гуляла и много читала, пока Танечка спала, а Витя ездил в Германию на две недели в начале мая

помогать им переезжать из одного дома в другой и общаться с внучкой.

И, наконец, последнее - неисчерпанное переживание событий и людских судеб. Ещё задолго до официального закрытия ОЗОХа Витя стал постоянным пикетчиком в группе, протестующей против новой войны в Чечне. Они стоят напротив памятника Пушкину каждый четверг полтора часа и в мороз, и в зной. Война же всё не заканчивается, наоборот расползается по стране с возвращающимися из Чечни милицейскими отрядами, заражёнными вседозволенностью, с озлобленными солдатами. За пять лет пикетчики стали близкими друг другу людьми, между которыми были и резкие споры, и примирения, и общие чаепития, и несколько выпусксов тонкого журнала, и участие в митингах, демонстрациях, выставках и т.п. Новые Витины товарищи и являются, в основном, читателями его статей - откликов на взволновавшие его события или исторических размышлений.

43 года назад свела нас с Витей судьба, а потом крепко переплела детьми - внуками, друзьями, диафильмами и самиздатом, тюремной разлукой, походами и велопоездками, десятилетней глобальной работой на благо нашей выздоравливающей экономики. Мне совсем не хочется кого-либо уверять, что жизнь наша протекала при полном взаимопонимании, без ссор и обид, без мировоззренческих столкновений, без отстаивания своих личных интересов и времени на них. Сейчас, когда мы стареем и труднее соображаем, размолвок даже стало больше, хотя, казалось бы, столько лет притирались. Но в дни лада и покоя мы продолжаем мечтать - успеть завершить все начатые дела и умереть в один день. Дай Бог и вам такой мечты! 19.01.05

Приложение 4.

Мой дед был рабочим

(Артем Сокирко)

Мой дед работал. Его глаза близоруко щурились за стеклами очков, пытаясь увидеть в тусклом свете одинокой лампочки на потолке. Морщинистая, почерневшая от времени шея вздувалась и опадала в судорожном ритме. Воздух входил и выходил в его грудь с ужасающим, душераздирающим громким свистом, заслышиав который сестра с кислородной подушкой несется по коридору больницы к постели умирающего. Старческие заскорузлые пальцы двигались медленно, но все еще уверенно. Дед чинил корзинку.

Грибная корзинка, прослужившая хозяину верой и правдой пятнадцать лет, разваливалась. Сначала разлохматился верхний край, затем отвалилась ручка. Дед не умел плести корзины, поэтому он чинил так, как мог. Вместо поломанных прутьев он обмотал верхний край тряпичной ленточкой, скрепив несколько оставшихся прутьев, так, чтобы дальнейшее разрушение было приостановлено. Подвязать оторвавшуюся ручку ленточкой не удавалось, и он приматывал ее алюминиевой проволокой. Закончив работу, он еще раз внимательно осмотрел корзинку с разных сторон, попробовал ручку и, сказав сам себе: "Ну, еще послужит", поставил ее на место. Мой дед был Рабочим.

Мой дед работал всю свою жизнь. Фактически, это все, что про него можно сказать. Работал в холод, зной, дождь... работал с самолетным мотором, мостовым краном, швейной машинкой... в армии, на заводе, на садовом участке. Что он делал? Что требовалось, то и делал. Приказывало начальство - делал, просили товарищи - делал, намекала жена - тоже делал. Бесконечная, безмерная тактичность не позволяла ему отказаться от любой работы, равно как и попросить каких-либо

благ взамен: денег, лекарств или стройматериалов. Скромность - это главное и почти единственное, что приходит на ум, когда вспоминается дед. Невозможно представить его спорящим. Фронтовые товарищи вспоминали, что за все годы войны, даже в критических ситуациях, он ни разу не повысил голоса. Вы можете себе себе фронтового офицера, капитана Советской Армии, который ни разу не повышал голоса на подчиненных, а только просил их? Я до сих пор не могу.

Вспоминается такой эпизод. В дедовой мастерской на даче я, двадцатилетний парень, клепал какую-то хреновину, кажется, станок к своему рюкзаку. Что-то мне удавалось, что-то по-неопытности и суетливости - нет. В такие моменты откуда-то бесшумно появлялся дед - иногда с советом, а чаще - просто с предложением помочи. Он, старый семидесятилетний человек, всю жизнь проработавший с техникой, не видел ничего зазорного или неестественного в том, чтобы стать подсобным рабочим у молокососа.

Вообще, слово "подсобить" было одним из его любимых слов. Подсобить, т.е. поддержать, помочь, когда кто-то работает, было его насущной потребностью. Иногда "поддержать" трансформировалось в "подержать" - например, подержать доску, которую приколачивают. Невозможность прямо или косвенно стоять в стороне, когда кто-нибудь работает было, пожалуй, еще одной его болезненной особенностью. Каждый день он приходил на завод к шести утра, а уходил позже всех, часто работая по 12-14 часов в сутки. Сверхурочные? Бросьте! Просто работы было много, какие сверхурочные. Мой дед был Рабочим.

Другим любимым словечком было у него "приладить". Прежде, чем начать что-либо делать, нужно сначала подготовиться: собрать необходимые материалы, заточить инструмент, поразмыслить, как выполнить то или иное действие. Если работа сложная, как, например, строительство, возможно, потребуется изготовить дополнительные приспособления. В противном случае, говорил он, получится "тяп-ляп и готово". Он терпеть не мог делать "тяп-ляп". Его

постройки отличались прочностью, надежностью и, пожалуй, некоторой тяжеловесностью.

Помню, когда я был маленький, он сшил для меня пальто. Хорошее, теплое, надежное пальто для четырехлетнего мальчугана, несколько, правда, тяжеловатое и на современный взгляд совсем не модное. Он умел только так -очно, добротно. Красиво, современно, модно - не умел.

У всякой вещи есть ее функциональная сущность. Брюки нужны, чтобы их носить, пила - чтобы ею пилить, кисть - чтобы ею красить... Если брюки порвались, пила затупилась, а кисть засохла, они фактически перестают быть вещами, превращаясь в тряпку, кусок металла, комок грязи. Равновесие в мире нарушается, поскольку вещь, созданная, чтобы жить и работать, преждевременно умирает. Дедова душа протестует против такого убийства, и поэтому он зашивает штаны, точит пилу, чистит кисть, чинит корзинку, пытаясь по мере его слабых сил восстановить Мировой Порядок, даже если эти вещи не будут использованы в достижимом будущем. Видя немой вопрос в наших детских глазах, он, оправдываясь, говорил: "Про запас". Запасы гвоздей, краски, пчелиного воска, оконных стекол. Собранный за два десятилетия уникальный по своей полноте набор слесарных и столярных инструментов. И все живое, работающее - бери и пользуйся, все можно найти. Если не знаешь где - спрашиваешь: "Дедушка, дедушка, а где у тебя сверла на четыре миллиметра?" Немедленно достается фанерная коробочка-сундучок (кажется, эта коробочка у него еще с военных времен) и вот оно - сверло на 4 миллиметра. Попользовался - положи на место. Место вещи - это столь же неотъемлемый ее атрибут, как, к примеру, ее цвет. Если вещь не лежит на месте, ее нельзя найти, нельзя использовать, т.е. она перестает быть Вещью. Тоже самое происходит, если Хозяин забывает место Вещи, поэтому дед никогда его не забывал. Даже за месяц перед смертью, уже лишенный возможности не только заниматься своим хозяйством или хотя бы наблюдать за ним, но и просто двигаться без посторонней помощи, он все еще помнил про какой-то кранник-распылитель в глубине сада,

который следовало подвернуть-почистить для того, что бы он мог работать.

Я практически уверен, что эта философия - поддержание Мировой Гармонии через поддержание порядка в отдельном хозяйстве - не осознавалась дедом впрямую. Скорей всего, она оформилась во мне совсем недавно, когда я старался рациональным образом объяснить дедов стиль поведения, его иррациональную бережливость и экономность, столь непонятную детям. Ну чем иным, как не скрупульностью, может обозвать двенадцатилетний мальчик складывание дедом "про запас" больших гнутых гвоздей? "Гвозди можно при необходимости расправить и использовать" - отвечает дед. "Зачем?" "Ну представь себе, что ты что-то строишь, а прямые гвозди у тебя кончились, что ты будешь делать?" Согласитесь, что постановка вопроса совершенно непонятна для любого нормального западного человека ("Как что?! Пойду и куплю еще"), но для Москвы семидесятых этот разговор был наполнен русской сермяжной правдой. Действительно, что делать, если прямые гвозди кончились?

Как я сейчас понимаю, назвать деда скрупульным было никак нельзя. Он всегда был готов поделиться всем, что у него было. Однако он серьезно переживал, хотя старался и не показывать этого, когда кому-либо одолженная вещь использовалась не аккуратно или не надлежащим образом. Сам он не протестовал, протестовало его рабочее нутро, для которого пренебрежение вещами делает невозможным саму работу. Ведь мой дед был Рабочим.

Дед был образованным по тем временам человеком - закончил техникум. Он часто любил вспоминать, как он прорешал "сквозь" задачник Магницкого (нет, не Магницкого, кого - уже забыл). Техническое образование открыло ему дорогу в армию, он стал воентехником - готовил к вылету, чинил боевые самолеты. Все понимают, насколько сложной машиной является боевой самолет, чем грозят неполадки в работе его многочисленных приборов и устройств. Требуется серьезный опыт и недюжинная интуиция, чтобы отыскать причину

неполадки. Можно сказать, что нужно действительно полюбить самолет для того, чтобы вдохнуть жизнь в этот кусок дюраля.

Возможно, вы видели кинохронику сорокового года: на аэродроме длинный строй грозных боевых машин, крылом к крылу, стоят на защите нашей могучей Советской Родины, как сталинские соколы. Все правда, так они и стояли, крылом к крылу, как на параде - таков был приказ. А когда наступило воскресенье 22 июня, фашистские бомбы обрушились не на мирно спавшие города и села и даже не на солдатские казармы. Большая часть массированного бомбового удара пришлась на прифронтовые аэродромы. Огонь с горевшего самолета легко перебрасывался на стоящие рядом, а затем дальше и дальше, воспроизводя в чудовищном масштабе эффект падающих одна за одной костяшек домино. Самолеты горели разом, как спички в коробке. Немногочисленные летчики, оказавшиеся рядом, вскакивали в свои машины, чтобы подняться в воздух и через минуту простреленными вонзиться в землю. Единственным способом остановить тотальное побоище было развести, растасчить самолеты по большому летному полю. Дед вспоминал: "Обычно самолет цепляли трактором. Но тут, конечно, тракторов не хватало, так что мы прямо влезали в кабину, включали мотор и пошел..." Вот и все воспоминания о том утре. Боялся ли он? Наверно, да. Был ли он смелым в тот момент? Наверно. Но на самом деле, бояться было просто некогда, - требовалось спасать самолеты. Просто работа была такая.

Потом несколько лет искаженные, простреленные машины приходили с заданий для того что бы наутро вновь уйти и, может быть, опять вернуться. Дед рассказывал, что в одну из ночей они "залатали" более тысячи пулеметных пробоин в самолете, чудом дотянувшим до своих. Работали и днем, хотя военный аэродром в прифронтовой полосе - всегда передовая с воздуха. Прилаживались.

Или приказ: "Перебазировать завтра аэродром на 200 километров." Как? Это не волнует начальников. Перебазироваться. Дед вспоминал: "В самолете два места:

летчик и стрелок-радист. Однако без заправки, обслуживания и прочего самолеты летать не могут. Нужно везти еще кого-нибудь из техсостава. Мы придумали, что можно заталкивать людей в бомбоубежища вместо боезапаса. Таким образом еще два или четыре человека помещались в самолете дополнительно." Единственная "неприятность" заключалась в том, что по пути нередко встречались вражеские самолеты и когда завязывался бой, летчики перед выполнением виража рефлекторно жали на рычаг бомбосбрасывателя, "облегчая" самолет. Гроздья живых бомб уходили в землю. "Но мы скоро приладились" - продолжал вспоминать дед - "блокировать бомбосбрасыватели." Теперь можно было умирать с самолетом вместе. Русские солдаты "прилаживались".

Кажется, единственный раз он открыто поссорился с товарищем уже в конце сорок четвертого. Советские войска вступили в Пруссию. Население, особенно то, что побогаче, бежало на запад, на территории, где наступали союзники. Советские солдаты размещались в "буржуйских" домах. Как то дед зашел в очередной брошенный дом, поднялся в изящную небольшую гостиную, все еще хранившую воспоминание о домашнем уюте, детском смехе, о бесконечно далекой довоенной жизни. "В углу" - вспоминал он - "стоял очень красивый угловой диван, обитый бархатом - я такого никогда не видел в России. И тут в комнату врывается солдат и немедленно направляется к этому дивану. Два взмаха ножом - готово

Что ты делаешь?! - спрашиваю я его, а он отвечает:

- Не видишь что ли, - портняки крою.

- Из дивана??!

- А почему нет? Как они нас, так и мы их!"

"Солдаты" - продолжал дед - "совсем озверели, когда попали на немецкую территорию, часто превращаясь в обыкновенных мародеров. Начальство этому потворствовало, частью из идейных соображений, частью потому, что ничего не могло с этим поделать."

Потом это стало называться красивым словои "трофеи". Трофейное оружие, снаряжение, продовольствие. Затем

трофейные автомобили, заводы и кинофильмы. Потом трофейные украшения, мебель, посуда и женское белье. Добро из разбитой, разбомбленной Германии вывозили товарными вагонами, запасали впрок, готовясь к очередному "железному занавесу". Впрочем, через некоторое время возникли квоты и лимиты: половина товарного вагона на семью. Больше нельзя, меньше, в общем-то тоже: как объяснить, если кто-нибудь спросит: "Почему?".

Вывез свои полвагона и дед. Хорошие, удобные, прочные вещи, многие до сих пор служат, как, к примеру, шифоньер или обеденный стол на даче. Тяжелый письменный стол в отцовской комнате и стенные часы в гостиной - оттуда же. Мелкие вещи живут меньше, но часть из них тоже сохранилась, как, например, фарфоровая ваза "с цаплей", автоматические электрические пробки или столовые ножи, вилки и ложки из штабной немецкой столовой. Отличные ножи: рукоятка из алюминия, лезвие из крупновской стали. Утверждается, что все эти вещи были собраны в разбомбленных, разбитых домах. Верится с трудом, хотя кто знает.

Упрекнуть деда в идеологической незрелости было довольно сложно. Член партии с тридцать девятого, фронтовик, он честно отсиживал все партсобрания, однако, кажется, умудрился за все эти годы не сказать ни слова; всегда находился желающий говорить "за него" или "вместо него". Было бы очень странно сказать про него "представитель пролетариата". Он никогда не был "пролетарием", т.е. нищим голодранцем, клянущим буржуев за собственную несчастную жизнь. Ему не могло прийти в голову позвать кого-нибудь на...за...против; большевизм был глубоко чужд его природе. Он не был коммунистом, т.е. человеком, который, расталкивая других, пытается построить коммунизм в одной отдельно взятой квартире. (Да и вообще квартира появилась у него только в восьмидесятых, когда ему было под семьдесят). Он был только членом партии, тем самым "сознательным представителем

рабочего класса", от которого только требовалось платить партвзносы, что он ежемесячно и делал.

Собственно говоря, он был тем, кем он был - рядовым советским человеком. Именно на таких - работящих, безответных - стояла Советская власть, строились Уралмаш и Волго-Доны. Ушло в могилу дедово поколение - поколение молчаливых тружеников - ушла вместе с ними и Советская власть. Дед не дожил года до августовского путча, провал которого ознаменовал начало новой эры демократии и тра-та-та. А вы уверены, что эта самая демократия и независимость, которые на поверку больше смахивает на распущенность, безвластие и анархию, действительно являются чем-то столь необходимым? Я думаю, что с простой, нормальной, естественной точки зрения рабочего - отнюдь нет. Рабочий умеет работать. Если он не может работать, он старается сделать так, что бы он опять мог. Вот вам в двух фразах вся идеология "рабочего движения". Да, "будущее поколение будет жить при капитализме", но что делать нынешним пятидесяти-сорокалетним рабочим - совсем распроститься с мыслью о нормальной жизни?

И отец, и я как могли избегали политических разговоров с дедом. Обижать его не хотелось и было, честно говоря, как-то несправедливо. Говорить неправду тоже не хотелось. Ясное и понятное мировоззрение рабочего сталкивалось с запутанными, метающими исканиями русского интеллигента первого поколения - моего отца. (Сам отец придумал себе псевдоним К.Буржуадемов [Коммунист - буржуазный демократ]. Что может означать эта помесь лягушки с жирафом? Социалист? Но он не марксист. Либерал? Но где тогда коммунизм? И так далее. Фактически, он продолжал болеть болезнью, столь свойственной "научному коммунизму", т.е. смешением, передергиванием терминов и понятий, когда запутываются причины, следствия, терминология и методология вместе с изобретением очередных политэкономических велосипедов.)

В июне девяностого я впервые попал за границу, в Восточный Берлин. Стена была уже сломана и я, хотя и с

опаской советского человека, но все-таки проникал несколько раз на враждебную буржуазную территорию, смотрел на "их" магазины, "их" рейхстаг и на наш танк Т-34, мирно высившийся на постаменте посреди "их" площади. После возвращения дед с интересом расспрашивал меня о Берлине, он тоже был там однажды - в сорок пятом. Задавались и более прозаические вопросы: "А сколько человек было в делегации?" - "Я был там один." "Один? А как это так?" - "Очень просто. Выписали мне в нашей Академии Наук командировку в Берлинский университет, я заказал через институт билет и поехал." "Надо же" - подумал, но промолчал дед - "какое доверие ему оказывают теперь - одного отпускают." С другой стороны, если бы до него донеслись слухи о моей потенциально возможной эмиграции (вместе с семейством жены), он, наверное, воспринял бы это как непоправимо тяжкий проступок, чуть ли ни как измену, хотя, скорее всего, опять бы смолчал и не показал своих переживаний. Разве возможно объяснить такому человеку, что через год его старший внук, как и многие другие, собственным примером сотрет разницу между командированием Академией Наук (что правда) и фактической эмиграцией (что тоже правда). Нет, не стоило все это объяснять ему, знаяшему всю историю советского периода не по книжкам.

Помнится, к 9 мая восемьдесят пятого вышел указ: выдать к сорокалетию Победы орден Отечественной Войны всем оставшимся в живых фронтовикам. Разумеется, на всех орденов не хватило, поэтому секретарь заводского парткома выдал к празднику орден себе и другим политработникам. Дедова очередь подошла уже ближе к осени. Помню, держал он этот орден на ладони и удивлялся: "В войну этот орден только за настоящий подвиг давали, а теперь вот всем..." И я смотрел на орден и думал: "И действительно, как же это так получается..." Тактичность и тогда его не оставила.

Помню, что он показывал мне свои ордена и медали на парадном "кителе" только однажды, когда я был лет десяти. "Это за Кавказ, это за Кенигсберг, это за Польшу. Это орден Красного Знамени." Медали, помнится, были сделаны из бронзы,

на обратной стороне - профиль Сталина и девиз "Победа будет за нами". Этот костюм надевался только раз в год, на день Победы. Однажды он решился поехать на встречу однополчан в Харьков и там у него прямо с кителя срезали орден "За боевые заслуги", одна планка осталась. Дед переживал страшно. Наверное, он чувствовал себя так же, как знаменосец, который на параде уронил знамя полка в грязную лужу. Больше искалеченный орденский ряд не надевался, на встречи ветеранов он тоже больше не ходил, как ни звали. И ведь, действительно, орден потерял...

Захожу я недавно в свой любимый букинистический, что в Столешниковом. Не густо стало в госторговле с книжками, даже с научно-техническими, ну да не удивительно. Выходя, замечаю, что отдел у выхода, который раньше торговал антиквариатом, теперь несколько "перестроился": на прилавке под стеклом лежат ордена и медали. Любые. В хорошем состоянии. Недорого: зелененькая или две; где-то моя десятидвадцатиминутная зарплата. Продавщица постарше инструктирует молоденьку: "А эту медаль больше не бери, они плохо расходятся..." Вот, пожалуйста, можно купить потерянный орден и отнести деду. Если бы он еще жил... Как хорошо, что он уже умер и не видит этого кощунства! Насколько все же люди должны потерять совесть, что бы торговать орденами Великой Отечественной за зелененькую!!! Что могут построить "нового и прогрессивного" такие циники и вандалы?!? Коллекционеры, мать их...

Еще хорошо, если это просто торговля краденным. А то ведь молодое хулиганье вламывается в квартиру к одинокому беззащитному старичку, забирает то, что есть - его медали, на прощанье тихонько его стукнут - что бы не шумел, пока они из подъезда не выдут. Старичкам много не надо, они даже и без этого помереть могут...

Совсем незадолго перед смертью, в восемьдесят девятом, ему позвонили из парткома: "Владимир Климентьевич, зайдите в партком, Вам тут пришла награда - почетный знак "50 лет в КПСС". Зайти он не смог, - ноги уже не ходили, тогда

порученец принес домой. Я уже давно знал про такой знак - медаль, с интересом подсчитывал дедов партийный стаж: сорок пять, сорок восемь - успеет или не успеет? - сорок девять, пятьдесят. Успел. Кому-нибудь это может показаться смешным, кому-нибудь - странным, но я действительно горжусь дедовым "50 лет в КПСС", как будто чуточку и своим личным...Ведь пятьдесят лет честного труда. И мне наплевать, что скажут про меня диссиденты или подумают гэбэшники!

У вас уже могло сложиться впечатление, что я заболел советским патриотизмом. Не все так просто.

Есть вещи, перед которыми все оказываются равны, очереди, в которых люди сидят одинаково: мужчины и женщины, молодые и старые, русские и кавказцы. Тихо сидят, ждут. Сидел и я в этой очереди - очереди в Онкологическом центре и тоже ждал. Тут у двери врача возник юркий старичок с потрепанной красной книжечкой в аккуратной целлофановой обертке: "Товарищи, скажите, тут еще ветераны войны есть? Если нет, я пойду следующим, смотрите - имею право." Очередь тихо, глухо разразила: "...нет таких объявлений здесь, что бы кто-то вне очереди... все больные, здоровых тут никого нет... вот молодой человек сидит, от боли мучается..." "Позвольте," - возмутился старишок, - "есть такое постановление, что участники всюду идут вне очереди!" И тут до этого молчавший старый мужчина с двумя рядами планок на пиджаке - как его раньше не заметили - говорит: "Есть тут другие участники!" "Так почему Вы тогда не идете?" "Не хочу. Я пойду в свою очередь", - отвечал мужчина со своего места и продолжал, обращаясь уже к окружающим: "Да пусть идет". Тут старишок юркнул в кабинет врача.

Днем позже тот же старишок появился перед дверью другого кабинета: "Товарищи,.." Но тут книжечка не сработала. Ультразвуковое обследование происходит в порядке, записанном регистратурой, часто длится по полчаса, так что старишку волей-неволей пришлось усесться на стул и подождать. Он немедленно начал объяснять соседям, т.е., в

частности, мне, что он всю жизнь зарядку делал, холодной водой обливался, держал форму, сбалансировано питался и замечательно себя чувствовал. Только вот недавно обнаружили у него опухоль... Мне было интересно проверить свою догадку - не был он похож на рядового, а больше смахивал на какого-нибудь штабиста. Я начал расспрашивать:

-Вы участник войны?

-Да, я участник.

-А где вы воевали?

-На разных фронтах: на Втором Белорусском, на Брянском...

-Нет, я имею в виду, в каких войсках?

-В пехоте.

-В пехоте?! Действительно?! - я почувствовал стыд за свои необоснованные подозрения - "А кем?"

-Я был начальником особого отдела полка.

Немедленно тысячи недавно прочитанных страниц о гулаговских зверствах, загадотрядах, особыстских пытках всплыли в моей памяти, жгучая волна ненависти захлестнула меня. Вот он, конкретный палач, лично ответственный за тот ужас, до сих пор по привычке прокладывающий себе путь через людей своей красной ветеранской книжкой, как он раньше прокладывал НКВД-ным удостоверением! Как ненавижу я его!!! Я набрал в грудь побольше воздуха и... выпустил его обратно. Мою болезнь вовремя обнаружили, правильно продиагностировали и удачно прооперировали и, если верить результатам бесчисленных анализов, навсегда изгнали из моего тела. Тем же вечером я шел в кино со своей невестой, через год мне предстояли поездки в разные страны. А он, подтянутый, холодной водой обливавшийся, в аккуратненьком костюмчике будет гнить через год в земле - его диагноз не оставлял ему никаких надежд - я это понимал абсолютно отчетливо. Бывшие обитатели круглой башни почему-то приобретают дополнительную способность ставить диагнозы, глядя на собеседника: "Этому год, этому - месяц, а этот, бедняга..."

Кончилось их время, не осталось сталинской гвардии, не с кем бороться. "Нет человека - нет проблемы" - говорил Отец Народов.

Интересно проследить, как менялись, эволюционировали черты характера на главной наследственной линии Сокирко: дед, отец, я. Деда отличала скромность, ответственность, неприметность, безответственность. Невозможно представить его начальником. У отца ответственность переросла в ответственность перед обществом, - он стал диссидентом. Скромность стала скромностью в одежде, еде и вообще во всем, что связано с материальным миром потребления. Неприметность стала болезненным желанием абсолютной независимости, даже потенциальной. Он даже радовался отсутствию подарков на день рождения, ибо так он был более свободен от дарящих. Нежелание подчиняться каким-либо приказам привело его к невозможности работать в какой-либо структуре, поскольку там всегда есть начальник. В то же самое время организовать собственную структуру мешает административная бездарность. Поэтому все известные достижения, которые ему все-таки удалось, были заработаны им каторжным личным трудом (с участием мамы, разумеется).

Представить меня начальником можно довольно просто. Нельзя сказать, что у меня особый талант, но некоторые орг.способности имеются. Дедова скромность заменилась на адекватное восприятие своих способностей: хвастаться не хорошо, но и приуменьшать себя не следует. С отцовским "стилем" в моей одежде неуклонно борется моя жена. Назвать мое поведение неприметным довольно сложно. Весьма забавно модифицировалось отцовское чувство независимости: я терпеть не могу просить, в особенности, если это действительно просьба, т.е. я не имею на это права (морального, юридического, любого) и мне могут отказать; например, лишние пол- кило колбасы в московском магазине. Попав в Буржуинию, я по привычке стараюсь в магазины не заходить, а если, что-либо требуется, - покупаю только в супермаркетах, где не нужно

разговаривать с продавцами, чего-либо спрашивать, т.е. просить, хотя бы косвенно. Если же я по ошибке попадаю в какой-нибудь маленький уютный магазинчик, к приветливо улыбающимся продавцам, я быстро обхожу его и, не сказав ни слова, удаляюсь. "Ну и высокомерный же этот тип", - думают продавцы мне в спину. Как бы им объяснить, что мое высокомерие - это просто проявление дедовой стеснительности?

Дедово внимательное и уважительное отношение к вещам модифицировалось в моем отце в желание иметь все простое и незатейливое. Свои фильмы он записывал на старинном, раздолбаном магнитофоне, походный рюкзак, сложенный "колобком", напоминал свисающими лохмотьями хипповские "прикиды". Понятно, что все это "хозяйство" постоянно ломалось, и отец чертыханьем и пассатижами пытался вернуть не любимую им технику в "работоспособное" состояние. Иногда я тешу себя надеждой, что я унаследовал дедово умение "думать руками", хотя в последнее время оно мне нужно все меньше и меньше.

Для полноты картины нужно упомянуть также про еще одну эволюцию: рабочего положения. Дед был рабочим и, в основном, работал стоя. Отец, московский инженер и диссидент, провел большую часть своей жизни за допотопной портативной машинкой, шлепая на папиросной бумаге десять экземпляров через один интервал. Я тоже считаюсь трудолюбивым, однако мое основное рабочее положение - на диване, а форма деятельности - разглядывание потолка, в институт можно ходить только когда хочется отдохнуть.

Глупо было бы говорить, что у меня с дедом не было мелких конфликтов. Основная часть была из-за того, что я забывал убирать на место разнообразные вещи, например, оставлял пилу под дождем. Понятное дело, пила может заржаветь и пилить перестанет. Еще дед периодически заставлял меня мыть мой велосипед. "Зачем, дедушка?" - говорил я, отирая присохшие куски грязи, - "Завтра я опять поеду и он станет таким же. И что, опять мыть?" Мы так тогда и не смогли разрешить этот гносеологический вопрос: "Мыть или не мыть?"

Дедова страсть всегда "прилаживаться", даже в мелочах, стала серьезным испытанием для отца, особенно когда дед постарел и не мог думать быстро. Для отца дачные работы были обременительной, но необходимой и понятной обязанностью. Поставить забор, сколотить сарай, - и обратно в Москву к своей машинке. Дедовы прилаживания, улучшения и прочие рац.предложения изрядно замедляли работу, которую можно было сделать по-простому. Фактически, отец - это единственный человек, которому приходилось выполнять прямые указания деда, один день в неделю быть его подчиненным.

Можно сказать, что дедова "карьера" сложилась неудачно. Вечно его забывали, в последний момент вычеркивали из списков на... и тому подобное. Сам он об этом предпочитал не говорить, только изредка отвечал на прямо поставленные вопросы.

Особенно наглядно его застенчивость была видна в военные годы. Например, он имел две "шпалы" в начале войны, что примерно соответствовало званию капитана. Затем в войну появились новые звания, погоны (точнее, фактически вернули мундиры царских времен) и как всегда новых погон на всех "не хватило", так что дед без всякой причины оказался "разжалованным" в стар.лейтенанта. Вступление в партию для военных офицеров было явление столь же необратимым, как для школьников - вступление в пионеры, хотя и происходило в соответствии с квотами и разнарядками. Дедово принятие отсрочивалось более двух лет, всегда находился кто-то, кому было больше надо.

Было еще одно событие в его жизни, о причинах которого мы ничего не знаем: его уход "по собственному желанию" из армии после 21 года военного стажа (вспомните, что год войны считался за три), за четыре года до получения полновесной воинской пенсии, лишаясь всех офицерских привилегий. Мои догадки строились на том, что после войны необходимо было произвести демобилизацию офицерского

состава, которую, как водится, проводили в добровольно-приказном порядке, выпихивая вместо ненужных всех беззащитных. Вызвали деда в партком, сказали ему ласково, что в его услугах больше не нуждаются, и что лучше уйти "по собственному", помня, что он спорить не умеет - вот и все.

Скромность и неприметность иногда приводили к ситуациям, которые при некотором желании можно охарактеризовать словом "забавно". Например, один из его товарищей-однополчан на пенсии переквалифицировался в члены Н-ской областной писательской организации и состряпал соцреалистическую, но вполне документальную повесть "Суровое небо" о военном пути дедова полка. Впрочем, дед там никоим образом не появляется. Когда "писателя" спросили об этом, он был очень удивлен: "И действительно, как это так получилось, что я не упомянул про нашего Климентыча!" "Ну, ничего", продолжил он, "-я сделаю это во втором издании."

Безусловно, скромность и стеснительность были свойственны деду от природы. Но когда видишь примеры такой стеснительности и трудолюбия, всегда хочется спросить: откуда? Что сделало его таким? Откуда взялся такой, в некотором смысле закомплексованный, характер? Мне кажется, что причина находится в том, о ком он никогда и ни при каких условиях не говорил - в его матери, моей прабабке. Мне про нее рассказывал дядя Юра Красовитов, наш далекий родственик, незадолго перед своей смертью. Он так и начал свой рассказ: "Мне кажется, что мы больше не увидимся, поэтому я скажу тебе сейчас то, что не сказал тебе перед смертью твой дед..."

Хорошо жить на свете тем, у кого хорошие отношения с матерью. Плохо - тем у кого плохие. Несчастны дети, чьи матери умерли. Моему деду было гораздо хуже. Юрко вспоминал: "После того, как она ушла из семьи, бросив своего маленького сына, она опускалась все ниже и ниже. Разумеется, ни о каких регулярных заработках речи быть не могло. Она..." Здесь не место описывать тошнотворные подробности, скажу только, что последнюю часть жизни она провела, роясь в

мусорных баках, вместе с собаками разыскивая что-нибудь съестное. Если находила что-нибудь мало- мальски ценное - пропивала, благо горилка на Украине вмегда стоила копейки. Люди иногда жалели ее, давали какой-нибудь еды или одежду, однако спасти ее ничего не могло - все немедленно пропивалось. Фактически, она уже ничем не отличалась от животного, разучилась говорить, но, к сожалению, жила довольно долго. Периодически кто-то из дальних знакомых пересказывал моему деду - студенту, курсанту, офицеру - о том, что вытворяет его мать и жгучий стыд в сочетании с абсолютным бессилием сделать хоть что-нибудь заполнял его. Человек с таким грузом на сердце не мог быть другим.

Как же сложилась такая семья, как у дедовых родителей? Семейное предание говорит, что мой прадед, Климент Сокирко, был работающим, но очень бедным деревенским сапожником. Прабабка же была дочкой чиновника, воспитывалась как "благородная", училась бренчать на фортепиано, короче, была полной аристократкой по деревенским понятиям. Неизвестно, сколько трудов положил прадед, что бы завоевать ее "руку и сердце", только известно, что "аристократическое" семейство окончательно разорилось еще перед свадьбой. Молодым предлагалось жить и растить детей, опираясь только на себя. Разумеется, это вполне устраивало скромного, работающего прадеда, однако прабабка, как оказалось, делать ничего не умела. Более того, вся работа считалась низкой для нее. Муж был обязан обеспечивать достаточный уровень, стряпать должна кухарка, воспитывать детей - ... Прадед выбивался из сил, пытаясь вытащить из трясины семью с "благородной" нахлебницей, но ее "развлечения" разделяли их все больше и больше. Затем она окончательно бросила детей и мужа в поисках аристократической жизни, пока революция не перечеркнула раз и навсегда "дворянский образ жизни", оставив этой женщине только развлечение в виде водки.

Я подозреваю, что отцовская ненависть к аристократам, аристократизму, вообще ко всему элитарному связана именно с этой историей с его бабкой, которую он никогда не встречал.

Понятие "аристократ" у него железно ассоциируется со словом "бездельник". Единственное, что он хочет от своих детей, это что бы они не воображали из себя дворян, а жили простой трудовой жизнью. Так что известие о том, что я в тринадцать лет сам подготовился и поступил в элитарную школу, вызвало у него смешанную реакцию.

На первый взгляд, казалось, что дед умел делать все: слесарничать, плотничать, раскрывать пчелиные соты, копать землю. На самом деле, он умел делать все, что называлось "мужской" работой. Когда возникала необходимость делать "женскую" работу, он часто запинался и терялся. Например, он абсолютно не умел обращаться с маленькими детьми. Собственных маленьких детей он почти не видел, для остальных всегда находились женские руки. Когда мы с ним оставались на даче вдвоем, всегда я шел на кухню готовить, поскольку дед не умел и не любил этого процесса, а предпочитал с благодарностью принимать мою, как правило, подгоревшую, стряпню. Вспоминается такая картина: жарким влажным летом в начале семидесятых вымахал гигантский урожай клубники на нашем садовом участке. Дневной урожай мерился ведрами, а бабушка задержалась в городе на пару дней. Клубнику пришлось собирать и перебирать одному деду. Он сидел перед корытом с ягодой, оттирал клубничные хвостики и с ужасом представлял, как это добро к вечеру пропадет. Тогда бабушка успела к плите вовремя.

Вообще, дедушка и бабушка представляли из себя удивительно гармоничную пару. Сказать, что они любили друг друга, было бы слишком плоско и обыденно. Они действительно представляли из себя две половинки одного и того же существа, светлого и работающего. Когда бабушка умерла, дед не мог этого вынести. Он сразу постарел, сдал. Фактически он не обратимо уходил за ней и ушел бы, подобно другому нашему родственнику, Игорю Мендрину, который умер через полгода после смерти его жены, бабушкиной младшей сестры.

Однако дед смог выжить в тот год, а через два года наш шести- десяти-семи летний дед женился второй раз на

пятидесятилетней женщине. Вторая жена была опорой деду еще пятнадцать лет после смерти нашей бабушки.

Дедова жизнь оказалась "подлатаанной". Мои родители всегда, как могли, выражали свою признательность ей за животворящую заботу и поддержку деда. Для нее же эти годы оказались единственным светлым, осмысленным периодом в ее одинокой жизни, наверное, равно тусклой как до встречи с дедом, так и после его смерти. Единственное, что ее сильно огорчало - это тихая, но упорная верность деда памяти бабушки, но она как умела старалась скрывать свою ревность к предшественнице.

Был у меня с дедом один серьезный конфликт. После переезда второй жены в дедову квартиру у них образовалась лишняя комната, в которой никто не жил много лет. Лет в двадцать с хвостиком я попросил подарить эту комнату мне, мотивируя тем, что "мне где-то жить надо, а так все делают..." и натолкнулся на неожиданно категоричный отказ: "Мы сами все заработали и ты тоже все должен сделать сам". Строго говоря, комната была не его, а через год они съехались в крохотную, но единую квартиру. Я был очень обижен и не появлялся у них год или два. Однако и потом, когда "инцидент был уже исчерпан", дед время от времени повторял с напускной решительностью: "Мы сами все заработали, и..." Чувствовалось, как мучит его эта история, как хотелось ему оправдаться, но непонятно как. В последние годы я старался отвечать на это как можно более искренним тоном: "Да, конечно, дедушка, сами все заработаем" и про себя добавлял: "Да не волнуйся ты из-за этого". В самую последнюю нашу встречу он опять вернулся к больной для него теме в других словах: "А если ты на меня за это обижаешься, то ты не прав." Конечно, не обижаюсь, поскольку дед опять оказался прав. Сейчас я оплачиваю две квартиры: одну в Стокгольме, другую? Зачем мне при этом комната в Новогиреевской коммуналке?

Совсем недавно в Оксфорде моя жена сказала: "Завидую я тебе - у тебя был такой дед, мудрый глава семейства. Такие люди в еврейских семействах являются семейными

цадиками." Я был очень удивлен. Конечно, мой дед был необычайно светлой личностью. Более того, долгое время он был старейшим в семье и ежегодные семейные встречи на пасху происходили у него в квартире. В то же самое время он фактически не был главой семейства, к нему не приходили спрашивать жизненных советов. Он всю жизнь работал и был рабочим, а не цадиком. Только в последние годы, когда тело окончательно перестало его слушаться, у него появился вынужденный досуг и ему пришло размышлять над жизнью, переосмысливать свой жизненный опыт, просто читать газеты. От некоторых его высказываний тех времен веяло мудростью, от многих - наивностью. В целом, я не стал бы называть его "мудрым", поскольку "почтение к старческим сединам" вообще не свойственно мне. Мне не понятно, почему нужно "оказывать почтение", "прислушиваться к советам", "слушаться" только потому, что кто-то прожил под этим небом на двадцать-сорок лет больше, чем я; это мое качество до сих пор сильно расстраивает тещу.

Дед прожил длинную, натруженную, осмыщенную жизнь; нельзя было сказать, что он "безвременно ушел". Он жил в "собственном ритме", трудно и интересно, с радостями и горестями, больше всего ценил в людях честность, не стал "этим" и не стал "тем". Иногда мне кажется, что его жизнь обладала той самой чистотой и гармонией, которая свойственна по-настоящему счастливым людям, даже если окружающие этого не понимают.

...Дед угасал постепенно. Заядлый курильщик, он выкуривал около пачки "Беломора" в день всю свою сознательную жизнь. Я подозреваю, что он выкурил этого "Беломора" больше, чем кто-либо еще на свете. Курево сделало его столь худым, что, как иногда шутили, "в нем даже микроб поместиться не может". С годами он мог есть все меньше и меньше, неуклонно продолжая худеть - организм подбирал свои последние резервы. Его организм, подобно его вещам, износился равномерно и полностью.

Последний раз я его видел где-то за три недели до смерти. Он целыми днями сидел в дальнем углу беседки на построенной им самим даче. Фактически, у него хватало сил только улыбаться окружающим: солнышку, чириканью лесных птичек, жужжанию его пчел... В другом углу беседки моя сестра частенько оставляла в коляске своего маленького Гриню. Гриня открывал новый для него мир, улыбался и радовался, реже сердился и хныкал, а большую часть времени просто спал. Казалось, что между этими двумя людьми - совсем старым и совсем молодым - существует какая-то невидимая, необъяснимая связь, что они общаются, но каким-то недоступным другим людям образом. Мне порой кажется, что именно Гриня является настоящим продолжением деда. Я не очень верю в возможность переселения душ и больше полагаюсь на духовное влияние родителей на ребенка в раннем детстве. Скромный, трудолюбивый Миша, его папа, куда более похож на внука нашего деда, чем я или братец - самоуверенные, напористые молодые люди.

На ту последнюю встречу я взял с собой свою невесту. "Очень она мне нравится," - сказал мне дед. "Будьте счастливы." Ну то, что она ему понравилась - неудивительно, хотел бы я посмотреть на человека, которому несимпатична моя жена. Но он прежде всего увидел в ней ласковую, добрую и красивую девччину с Украины. Наверное, тогда он вспоминал свою невесту...

В тот раз меня удивила длинная щетина на его лице. Его жена сказала мне: "Слушай, а ты не мог бы его побрить? А то вот он хотел побриться к вашему приезду, а сил не хватает". Дед смущенно улыбался. Бриться для него всю жизнь было самым рутинным, обыденным мужским действием, а тут он не может справиться с самой элементарной мужской работой. Я взял помазок, развел мыло и затем остановился, с ужасом глядя на дедову щеку. Мне показалось, что я тоже не смогу справиться с этой "первичной мужской обязанностью". Его кожа была столь дряблая, морщинистая, под ней уже фактически отсутствовали какие-либо мускулы, что казалось - любое движение и бритва

оставит глубокий порез. Я почти физически чувствовал, как мало крови в нем осталось, и что кровотечение может привести к немедленной смерти; я своими неумелыми руками могу убить человека прямо сейчас. Дрожь в руках отнюдь не способствует качеству, так что в итоге дед оказался выбритым весьма "выборочно". "Дай мне зеркало", - сказал он, когда я собрался кончать. Потом он взял бритву и твердыми, решительными движениями начал брить там, где я не смог. Через три минуты он откинулся в кресле и постарался восстановить силы. Со щетиной было уже покончено.

Дед умер в начале августа, когда Москва была совсем опустевшей. На похороны собрались только близкие родственники. Родителей это известие застало во время их первой в жизни заграничной поездки, в Париже - пришлось ждать их приезда. Я по случайности вернулся из горного похода несколькими днями раньше. Было жаркое московское утро, родственники и заводские сослуживцы поджидали начала процедуры, сидя на лавочках около Филевского морга. Представители цехового треугольника прибыли как раз вовремя. Почтили, произнесли, посочувствовали и немедленно растворились по своим треугольным делам. Задержка похорон, затем какая-то очередь, жаркий день, неполадки в .., отсутствие напора со стороны родственников и десятки других причин привели к тому, что дедово тело в гробу выглядело ужасно и как-то виновато. Весь его вид говорил окружающим: "Вот видите, опять как-то нескладно получилось. Вы уж простите, что я вас побеспокоил." Таким он и ушел в землю.

На дедовой могиле высечена маленькая пятиконечная звездочка. Военный, технарь, член партии, неверующий - ни по каким законам ему вроде не полагается загробной жизни. Но вот о чем я думаю все чаще и чаще.

Мы очень мало знаем о природе времени. Иногда оно спрессовывает годы, иногда за минуту человек может прожить пол-жизни. Нельзя про другого человека сказать, что он исчерпал себя, потому что невозможно определить, что он чувствует и понимает перед смертью. Может быть, последние

дедовы годы и месяцы, когда он, обремененный ненужным, неудобным для него досугом, был вынужден перепрородумывать и перепроживать свою жизнь, были его чистилищем? И, может быть, последние дни и часы, когда он в неподвижности и молчании эмоционально, телепатически, духовно общался с маленьким Гришуткой, были его бесконечно прекрасным и вечным раем?

Ведь мой дед был Рабочим. Я горжусь им.

14-22 июня 1993, Оксфорд.

Приложение 5.

Сценарий диафильма «Аня, Алеша и мы».1977

Г.

1-2. Наши старшие дети Тема и Галя уже имеют о себе диафильмы, так как же можно обойтись без диарассказа о самых маленьких?

3. «Часть I. Рождение»

Когда в Хабаровской шабашке я получил известие, что Лиля родила двух сразу, что у меня теперь четверо детей, то испытал какую-то непередаваемую радость: «Все хорошо, все хорошо, все хорошо!!!».

4. «Печатники, август 1974 г.»

У Лили, наверное, это чувство было острее. В заранее купленной квартире на берегу Москва-реки, она в полной мере вбирала в себя это трудное, очень трудное, но такое глубокое счастье

5. взращивания двух новых родных человечков.

6. Сейчас им уже по 3 года, и мы расскажем и покажем все, что можем, но прежде хочется понять самим, откуда взялось такое везенье?

7. Аня и Алеша в свои младенческие годы стали как бы завершением нашего счастья, его вершиной. И, находясь на этой вершине (ведь скоро 40), хочется оглянуться на уже прожитую,

8. уже состоявшуюся жизнь, поблагодарить Бога или судьбу за доставшееся и понять, как же все это получилось. Хотя заранее знаю: причиной тому - Лиля. Только она...

9. Тема родился, когда мы работали после вуза в Коломне. В его рождении была неизбежность, как жизнь. Конечно, было много страхов, но не меньше радостей. Было бездомье, безденежье, но

10. зато счастье роста первого ребенка; нехватка времени для подготовки в аспирантуру и общения с друзьями, но и растущая уверенность в прочности создавшейся семьи. Темкины пеленки соединили нас крепко, пусть мы и были тогда не расписаны.

12. Потом Коломна сменилась Москвой. Другой завод и институт, аспирантура у Лили и долгие поиски призыва у меня.

13. Была стесненная жизнь в Филях в комнате родителей и психологическая малосовместимость.

14. Но зато было открытие семейного байдарочного туризма с Артемкой по Подмосковью, а потом и счастье дальних путешествий вдвоем.

15. И, забираясь куда-нибудь в далекую Среднюю Азию или на Русский Север, мы уже скучали по своему сыну и своему дому. Нам было уже кого оставлять и перед кем чувствовать себя обязанными вернуться.

16. Прочнее веревок привязал сын к этой жизни.

17-18.

19. В 1967 г. страна праздновала 50-летие революции. Москва была разукрашена огненными лозунгами, огромными портретами, бессмысленными, темными словами. Но в этой идеиной темноте

20. через радио и друзей до нас стал доходить иной, всемирный свет.

21. Уже в следующем 68-м году я стал подписантом, поддержав протест своих друзей, поставив этим под опасность не только себя, но и свою семью.

22. Как отнеслась к этому Лия? - А как она могла к этому отнестись, если по-настоящему мы и познакомились лишь после исключения меня из комсомола 7 лет назад? Разве могла она удерживать меня от самого важного и благородного, от того, за что когда-то оценила?

23. В мае этого же 1968 года родилась наша Галя.

Мое диссидентство и рождение Гали нельзя связать причинной связью, но в памяти и чувстве они связаны воедино.

Никаких, совершенно никаких условий и предпосылок: мы жили двумя семьями с родителями в одной комнате. У Лили, кончавшей аспирантуру, были испорчены отношения с руководителем и заваливалась диссертация, а я втягивался во что-то грозное - и вдруг рождение Гали!

24. Как Лиля на это решилась? - Не знаю. Нет у меня другого ответа, кроме ссылки на ее непонятный, но какой-то основополагающий, животворящий инстинкт. Вместо удерживания меня от опасных шагов, вместо драки за погибающую диссертацию, вместо пробивания отдельной квартиры - простое, без расчетов создание новой жизни.

25. И Вы знаете - она была права, все образовалось... Уже весной нам дали отдельную от родителей комнату, Лилю оставили после аспирантуры на кафедре доделывать диссертацию, а я... что ж! Я только лишаюсь аспирантуры, сохранив работу. Лето Лиля провела с новорожденной в новой квартире,

26. а я - в альплагере на Кавказе. 5 вершин, зачеты, третий разряд и... мысли о доме. Да и как же было не думать о такой семье?

27. Высочайшие снежные вершины и великий ералаш в моей голове от вопросов... Меморандум Сахарова и обсуждение его на привалах, пример Чехословакии и страх за нее, воспоминание о своей увлеченности Мао и Фиделем, высокие идеалы любимых экстремистов и мерзкие их провалы - эта география пострашнее Кавказских гор!

28. А ведь в лето рождения Темы я тоже уезжал, тогда в Саяны. И почему Лиля так хорошо, с улыбкой отпускает меня даже в свои самые тяжелые месяцы? Почему не держит мужа при себе, как поступают иные жены? Какая ей корысть от моей свободы?

29. На это нет понятного ответа. Есть ответ только общий, интегральный: наша общая жизнь, наши общие горы, наше доверие друг к другу.

30. И, может, именно этот месяц в горах, в тоске по дому, позволил мне навести порядок в душе и еще крепче

связаться с жизнью? И, может, Лилино доверие пошло семье во благо?

31. В горах я много времени проводил один на один с чистой бумагой. Задуманный рассказ у меня не получился, зато завязалась публицистика: «Письмо к сверстнику». На самом деле это было письмо к себе самому, и оно помогло, очень помогло избавиться от нервической смелости, от безоглядной верности романтическим идеалам - ради ценностей несомненных, живых и семейных.

32. Здесь я жил вместе со смелыми людьми - альпинистами. Моим инструктором был Вадим Ш., командиром отряда - Юрий Моисеев.

33. Мне довелось наблюдать за их опасным восхождением на Чатын и пережить трагедию - три смерти в ранее вышедшей на Чатын группе и их спасателей.

34. Сегодня, уже зная, что Юра Моисеев несколько лет спустя все же погиб, я вспоминаю тревожное лицо его сынишки в лагере еще тем, благополучным летом: «Что с папой?» и снова терзаюсь в безысходных вопросах:

35. «Горы и жизнь?»

36. В Москве, зимой 1969 года, под угрозой лишения работы я перестал подписывать протесты друзей, но это совсем не избавило меня от страхов. Совсем наоборот. Жизнь читателя Самиздата в те годы установилась в каком-то опасно-каменистом русле.

37. И лишь летние походы возвращали нас к открытой, заманчиво свободной жизни.

38. Прибалтика и Армения, Урал и Алтай - дети не мешали нашим путешествиям. Начались диафильмы. Забирая основную часть нашего свободного времени, они прессовали наш отпуск, наполняли остальной год смыслом, наполняли нас каждой видеть мир и передавать увиденное.

39. Первую половину 70-го года мы провели в Ленинской библиотеке над Лилиной диссертацией. Тяжелым был у нее этот подъем. Не с помощью, а скорее даже с

противодействием руководителя. И только скомпоновав в августе первый вариант работы, она вырвалась в поход.

40. ... Илья и Печора для нашей байдарки оказались много тяжелее, чем представлялось в Москве. Но дома нас ждал сын,

41. идущий в 1-й класс, и потому мы торопились вовсю.

42. И мы успели.

43. Сын Тема спрессовал наш отпуск, он заставил нас грести, собрав все силы и волю. И той же осенью Лиля бросила заряд своей воли на завоевание права на защиту.

44. И добилась своего уже в конце учебного года.

45. Я знаю: это было очень трудно, сложно, даже страшно, как будто ее уставшая байдарка продолжала плыть по Печоре, поспешая на встречу с сыном.

46. ...Жизнь наполнялась все нарастающим единым ритмом: байдарки, работа, горы, писаница, диафильмы, друзья, интересные книги. Потом прибавились работы на отцовской даче, на садовой земле.

47. Дети лишь уплотняли эту круговорть интересов, озвучивая ее своими звонкими и такими нужными нам голосами. И казалось - не будь их, разве мы смогли бы так сработаться, так сродниться?

48. ...Алтайский поход был юбилейным. 10 лет назад Лиля с друзьями уже смотрела на эти горы и гадала о своем будущем.

49. А сейчас мы вместе подбираем местечко, куда б могли приезжать пенсионерами. Жизнь наша устоялась. И, стоя на ее алтайской вершине, можно было подводить итоги.

50. Все на Алтае: и красивые горы, и климат, и лес, и озера, и вершины, казались нам удивительно гармоничными.

51. В такой гармонии и красоте хотелось бы прожить вдвоем до самой смерти: делать нужную работу, растиль детей, общаться с друзьями.

52. Но невозможно удержаться на вершине. Гармония не вечна. В верности этих банальных истин нас убедила сама жизнь.

53. Да и на Алтае были подъемы и спуски, за уютом и довольствием долины следовали желанная тягость и страх подъема в холод.

54. Алтайские мечты о гармоничной и спокойной жизни нам реализовать не удалось. Но зато было другое движение - зато родились у нас двойняшки.

55. В Москве меня ожидали неприятности: фактическое изгнание из стен академического института, увольнение как неблагонадежного. Потянулась долгая, темная и безуспешная борьба за накопленные материалы, за право защиты диссертации, за право на научную работу и нормальный заработок.

56. Но главное, в Москве уже шло следствие над Якиром и Красиным, как организаторами оппозиции. Затронет ли это следствие меня, и в какой степени? Помешает ли научной защите? Этот вопрос мучил всю зиму, и только выработанная в горах и реках привычка идти без устали и всегда надеяться, помогала мне гнать работу, ожидая чуда: вдруг пронесет, вдруг успею защититься до срыва...

57. Прошли октябрьские праздники, прошел семейный Новый Год, и лишь в марте, на непраздничный, но памятный день смерти Сталина, меня вызвали в КГБ.

58. Почти месяц длились наши встречи и переговоры в Лефортовских кабинетах, пока окончательно и нерасчетливо я не превратился из свидетеля обвинения в обвиняемого по статье: «Отказ от дачи свидетельских показаний...»

59. Шел май 73 года, и с разрывом лишь в неделю прошли и радость: моя предварительная защита - итог трехлетнего напряженного труда, и горе: суд по ст. 182 - еще не полный расчет за 5 самиздатских лет.

По этой, как говорил следователь, слишком мягкой статье, нельзя было посадить в тюрьму. На суде меня даже не уволили с работы. Зато (но это стало ясно лишь позднее), лишили права на защиту уже готовой диссертации.

60. Не успел я отбыть свои полгода принудительных работ, как осенью последовал новый вызов, теперь на Малую

Лубянку из-за серьезных, очень серьезных показаний на меня знакомых. Снова заштормило, закачало наш корабль.

61. Как вела себя в этот штормовой год Лиля?

Я не могу подобрать другого определения, кроме слова - «мужественно». Когда в 69-м году меня исключили из аспирантуры, она плакала, когда же в 73-м судили, она только молчала. А свой допрос в Лефортово провела лучше, чем я. Но все же - это не главное. Ее истинный ответ на штормы 73 года был совсем иным и по-настоящему женственным...

62. ...Нет, нет, мы совсем не сторонники многодетных семей, а знаменитый «десяток малолетних пороссят» вызывает у нас лишь сочувственную ухмылку. И вот это знакомство с алтайской свиноматкой могло породить лишь отрицательное отношение к подобному «геройству». Однако такой алтайский настрой был зачеркнут бурей,

63. а в бурю и войну, как известно, каждый борется за спасение рода, семьи, себя, а женщины рожают мальчиков.

64. Вот тогда-то, в пору очередных октябрьских праздников, в ожидании очередного допроса на Лубянке, начались быть у нас

65. Аня и Алеша. Нет, не скажу, что я тут ни причем. Все бури, которые испытала наша семья, пришли к ней по моей, в основном, вине.

66. Но Лилины решения об увеличении устойчивости семейного корабля через детский балласт тоже значили очень много - они нас спасали.

67. ...В те же осенние дни мы решили отдать государству назад занимаемую комнату и купить кооперативную квартиру.

68. Так, еще не родившиеся Аня и Алеша переселили нас в Печатники, а меня летом послали на шабашку.

69. **Шабашка!** Сначала Дальний Восток, а потом два сезона на Печоре - сколько дали они мне, как сильно изменили, направили в созидательную сторону - и все это случилось по Лилиной воле, по ее желанию родить третьего ребенка.

70. ...Летом 74 года в Хабаровск прилетела искрящая счастьем телеграмма: «Витенька, поздравляю близнецами!»

71. Часть II. «Первые годы»

72. Это - мы на прогулке перед своим новым домом. Неприглядна еще наша улица. Не один год ей придется благоустраиваться, обзаводиться магазинами, 100-метровой зеленой зоной перед пляжем, тихим троллейбусом. Аня-Алеша спят в своей двойной, еще не украденной коляске. Хорошо им там.

73. А вот - парадный кадр делает Лиля, стремясь запечатлеть не только семью, но и квартиру на 9-м этаже. Вон как высоко забрались. Крайняя - Галина комната, потом идет общая, потом - наша, затем кухня, а Теминого окна не видно.

74. Из этих комнат в ясные дни раскрывается вид на все южное Замоскворечье, на всю Москву: от колокольни Рогожинского кладбища через всю гамму высотных зданий, Останкинской и Шуховской башен, главы Ивана Великого, и дальше

75. через синь портового моря к Университету, чтобы завершиться старинным Коломенским и Дьяковым, а на нашем берегу - громадным зданием Перервинского монастыря.

Перед Коломенским нам виден первый московский шлюз, слева - остров географический и политический. Хотя давно уже снят там ГУЛАГовский лагерь еще со времен постройки канала, но до сих пор закрыт вход в его поселок. Через шлюз идут пароходы вниз по реке к Коломне на Оке, к Волгограду на Волге.

76. Когда-то, еще до Гали, мы с Темой сели на пароход и поплыли по Москва-реке вниз.

77. Проплыли пустынное Южное «море», мимо еще не выстроенного нашего дома на топких берегах речки Нищенки и, прошлюзовавшись, в первый раз выплыли к Коломенскому.

78. Долго тащил нас старенький «Сергей Есенин», много раз он шлюзовался и петлял по равнине; прежде чем за день и ночь привез нас под утро в Коломну...

79. Да, нескорый путь по воде. И все же мы мечтаем опять плыть - теперь по Волге, до Лилинго и Галиного Волгограда.

80-81. А пока мы глязееем на речной путь и на заходящее солнце, поджиная, когда подрастут самые маленькие...

82. **1-й год жизни.** От первой ани-алешиной зимы осталось очень мало кадров

83. - Аня!

84. - Алеша!

85. - И снова Аня. Замечаете разницу? Нет? - А для нас это были два совершенно не похожих существа. Мы так радовались, что они разные: двойняшки, а не близнецы. Не любим одинаковость.

86. И снова Алеша. И так много-много раз на дню. Счастье видеть их, носить на руках, пеленать, кормить, купать... держало наш общий тонус так высоко, что с ним не могла совладать никакая усталость. От них, от добродушного Алешика - «маминой радости» (ведь сын ожидался) и

87. от беззубой улыбки Аннушки - «маминого подарка» - так весело стало в нашем доме.

88. Какие б ни были неприятности, как бы ни штормило вокруг, наши маленькие, как якоря, привязывали нас к земле, и тем спасали.

89. Пусть седые волосы на висках и близко сорок лет, а там и звание бабушки, но в этих, еще таких удивленных глазах уже не угаснет и наша молодость, и наше бессмертие.

90. Ну, а как отнеслись к новым членам нашей семьи старшие дети? - В целом, очень благосклонно. Как будто у Ани и Алеши кроме нас есть еще одна пара родителей -младших только. И только один раз они были недовольны, когда после года пребывания в нашей спальне кроватки маленьких переехали в детские комнаты.

91. Галя стала для них главной и заботливой няней в мое отсутствие. Она маленьким так и велела себя величать - второй мамой. Как будто она возится с большими и очень-очень настоящими куклами. Такая игра, надеемся, ей только в пользу.

92. Тема занят детскими зимой меньше, но зато летом, когда Галя в Волгограде, папа на шабашке, а мама уезжает по утрам с дачи на работу, детки целиком на его попечении.

93. **Дача.** Родители купили садовый участок еще 10 лет назад, и постепенно дача стала предметом постоянных забот, неустанных трудов, источником яблок, меда, ягоды и варенья и гарантированным летним местопребыванием детей.

94-95.

96. Да и нам здесь, среди цветов и свежести бывает хорошо.

97. Дачный участок в лесу, тянущемся к Верее и Можайску.

98. Любимое развлечение - грибная охота.

99. Нам здесь будет особенно хорошо, когда станем свободными от обязательной службы.

100. Ну, а пока надо работать и помогать деду обустраиваться, вести хозяйство и заготовку на зиму.

101-104.

105. Несколько лет назад по настоянию бабули Тани дедушка выстроил теплую кухню. И дача стала настоящим домом. Теперь здесь можно жить и зимой.

106. Бабуля Таня еще увидела малышей, держала их на руках, но, уже смертельно больная, не могла быть с ними много. Похоронили ее недалеко от дачи.

107. А через год умерла Витина бабушка, ушла вслед за дочерью.

108. Особенno сильно перешивал смерть Татьяны Дмитриевны Витин отец. И только внуки на первых порах отвлекли его от тоски и терзаний.

109. Молодые, требовательные, набирающие силу голоса зазвучали вместо голосов усопших. Это естественно. Так заменяются и птицы, и звери. Но люди, ...люди должны помнить.

110-113.

114. Для Алешика этот луг - огромный и манящий мир. Через год он улизнет через калитку, пройдет через луг

115. к лесной речке, где, завязнув в приречном болоте, будет тихо скучить, пока его не найдет Тема.

116. Ну, а пока они еще не могут ходить и только ползают под присмотром Темы или сидят в траве, как грибы,

117. или балуются со столь редко ими занимающимся папой,

118. или дедом.

119.

120. «Первый поход».

Первым целевым походом со всеми детьми мы считаем нашу воскресную прогулку по Шоссейной - главной в Печатниках улице - к Перервинскому монастырю и дальше, в еще сохранившуюся деревню.

121. Был погожий мартовский день. Снег уже частично сошел и санки не всегда скользили. Что ж... В походе и должны быть трудности...

122. А вот и первопутешественники. Они уже могут ходить, но не быстро, и потому лучше их вести на санках.

124. Вот первый нестандартный дом на нашем пути - неказистый деревенский продмаг. В своей молодости, в тридцатые-сороковые годы, он был, конечно, стандартным, но сейчас, в отличие от белых одинаковых гигантов, он хранит в себе нашу память, как дед среди внуков.

125. Потом появляется краснокирпичное здание 40-х годов - мы в таких учились.

126. А вот красивое, похоже, еще дореволюционных времен, здание, закрытое, правда, от улицы очередной коробкой. Но может, к лучшему - дольше сохранится. Ведь, наверное, только оно и осталось здесь от старой деревни.

127. Да, пожалуй, еще Перервинский монастырь. Сейчас он обозначает собой границу, за которую многоэтажные Печатники еще не перешагнули. Может, боятся до сих пор историки-архитекторы, запрещающие строительство высоких коробок вокруг монастыря - со строителями,

128. стремящимися побыстрее и проще двигать многоэтажные дома дальше. Строители, наверное, победят. Белые дома нависают над беззащитным монастырем.

129. Опечалены ли мы этой победой? Да, мы сочувствуем историкам-архитекторам, и своим детям хотели бы передать любовь к старинным зданиям,

130. к поэзии жизни и труда предков.

131. Но ведь при всем этом мы сами живем в девяностоэтажке белых Печатников, наступающих на Перерву. Нам остается лишь оправдание, что разрушение идет не нашими руками, не по нашей воле... Зато в нашей воле сохранить память вот в этих слайдах...

132. Ведь это Перерва, несмотря на свой поздний вид - один из древних московских монастырей. Основан еще во времена царей Рюриковичей и назывался Никольским мужским монастырем.

133. В XIII веке он принял к себе младшие классы Славяно-греко-латинской академии, нашего первого университета, стал ее младшим братом. Имел 4 церкви, среди которых вот эта, Иверская, выстроенная в 1904 году, вмещала в себе 3000 человек. А сейчас ... пустынь за забором.

134. Еще 10 лет назад, когда мы фотографировали московские церкви, монастырь выглядел лучше, внушительней, уцелевшие главки очень оживляли его несколько угрюмый вид, в него можно было войти

135. и полюбоваться вблизи старой трапезной.

136. Теперь же монастырь закрыт наглухо, охраняется собаками. А красивые главки уже многие годы закрыты строительными лесами...

137. Мы проходим монастырь и вступаем в деревню, пригородную раньше, а теперь - остаток деревни. С умилением смотрим на водопроводную колонку. С ней тоже связано наше детство. Правда, в моем Мазилове в те годы действовали еще колодцы...

138. Нет, эти дома не могут привлечь внимание краеведов и искусствоведов.

139. Обыкновенные дома, старинные, построенные руками отцов и дедов. Но если присмотреться, то сколько в них

отразилось человеческих характеров, как сроднилось дерево с человеком, побывав в его руках.

140-142.

143. И все это должны подмять под себя наши коробки. Неизбежно! Смотрите, дети, запоминайте, как новое воздвигается на костях старой красоты. Смотрите, дети, и ужасайтесь. Может, хоть вам удастся строить, не разрушая; жить, не умерщвляя старое, а делая его бессмертным.

144. Еще полгода назад на этом месте стоял бревенчатый клуб. Наверное, как и в клубе моего детства, здесь стояли лавки, а на стенах масляной краской были намалеваны лозунги, а по вечерам крутили фильмы за 10 копеек, а публика лузгала семечки и лузгу выметали метлами... И вот - не успел я его заснять...

145. Бульдозер хозяйствует в деревне, бульдозер торжествует над Перервой, бульдозер господствует в нашей жизни. Чудовищная механическая сила, пришедшая из будущего, чтобы сломать дома, труды и память предков.

146. Но разве техника выполняет свою волю, или даже волю государственных чиновников?... Нет, если подумать, то мы сами в этом виноваты! В этих домах живут обыкновенные люди и держат обыкновенных злых собак.

147. Работают в московских учреждениях и учат детей в московских школах. И только дома у них деревенские, с дровяным отоплением и без удобств. Но до чего же хочется этим хозяевам получить удобную государственную квартиру - как у всех! И без трудов - в этом особая сладость! Как хочется избавиться от надоевшего отцовского наследства, черт его подери!

148. Порушить бы его на дрова, поджечь...

149. Хозяин одного из этих домов, увидев мои съемки, поинтересовался, не из «комиссии» ли я какой-нибудь, а потом рассказал, как долго они ждут сноса, и что монастырь мешает застройке: «Вот еще, понимаешь, морока...», что соседям вон

150. сильно повезло, «загорелся, понимаешь, у них дом, до конца не сгорел, успели потушить и вещи все вынести, зато теперь квартиру дали где-то в другом районе...»

- А я думал: «Боже мой!...»

151-152. Ничего этого, конечно, наши маленькие путешественники не увидели. Аннушка терпеливо просидела на санках всю дорогу.

153. Алешик же на обратном пути боялся, желая самолично везти свои санки, и проявлял в этом истинно хохлацкое (или мужицкое) упрямство.

154. Нашим деткам предстоит жить в красивом и удобном микрорайоне, который мы тоже любим заранее. Эти улицы - их родина. Но как хочется, чтобы они узнали и запомнили и другую,

155. нашу, деревянную, с резными наличниками родину, чтобы знали, на чьих костях стоит их дом.

156. «К С П» Если для Темы и Гали первые выходы в лес были связаны с воскресными походами, то для Алеси и Ани - со слетами клуба самодеятельной песни, сокращенно, КСП.

157. Раньше эти слеты были неофициальными, скрываемыми, и потому небольшими.

158. Теперь о них пишут в газетах, покровительствует комсомол и ходить стали многие тысячи людей,

159. в том числе и мы с детьми.

160. Когда электричка на ближайшем к месту слета полустанке разгружается от гитаристов и их слушателей, то ахаешь от вида этого многоцветного зрелища. Сколько людей стремится к «неформальному общению», пусть в рамках дозволенного.

161. Ближе к ночи с субботы на воскресенье проходит конкурсный концерт... Сетуют «старички», что теперь, после ужесточения самоконтроля исполнителей и самодеятельных авторов на глазах Горкома, конкурс стал неинтересным.

162. Но, может, он и раньше был не так интересен по сравнению с импровизированными и самозабвенными конкурсами в отдельных группах и группах групп (кустах).

163-164. Гигантский контролируемый слет после первого концерта на большой сцене разбивается на десятки неконтролируемых кустовых сцен, как будто пойманный идеологической сетью дракон распадается на множество мелких и вновь неуловимых дракончиков. Невольно пожалеешь работников Горкома...

165. Выступает 8-я творческая студия МИФИ - пародии, стихи, рассказы, сказки, истории, песни - студенческий капустник.

166. Подрывают ли этим ребята наши «идеологические основы»? Да что Вы... У них и в мыслях нет такого. Они только смеются и сами от души веселятся, и заражают своим весельем остальных.

167. Им не нужна идеология. Даже неофициальная и оппозиционная. Им сейчас и пока нужна только свобода. И они пользуются ею здесь в полной мере!

168. Выступает ансамбль «Последний шанс» - певец-гитарист и аккомпаниатор на самых разных из известных и придуманных инструментах. Много детских песен, в том числе и на стихи Юнны Мориц. Прекрасное музыкальное исполнение.

169. Эти ребята из Подмосковья выступали на этом слете первый раз, пели самозабвенно, много раз. Успех перед многотысячной аудиторией был их удавшимся последним шансом завоевать право на творчество, на профессиональный труд. И они добились успеха, ухватили свой шанс. Теперь их можно услышать не только на лесной сцене.

170. Так песенный слет стал не только местом неформального кострового общения, но и местом свободной игры и выявления таланта, ареной свободного искусства...

171. И смотрели на все-это наши Алеша и Аня, впечатывая пока лишь в подкорку яркий, шумный, мелодичный, благожелательный хороший мир.

172. А мы смотрели на своих детей, тщеславно гордились ими, беспокоились о сухих штанах и теплой еде и молили судьбу, чтобы не заболели. И судьба была нам милостивой...

173-174. А может, пройдут годы, и наши малыши вдруг обнаружат странную приязнь к костровой песне и сами потянутся участвовать в свободной жизни КСП или чего иного. Так уже случилось с Артемкой. Он теперь ездит в лес самостоятельно. Счастливой дороги, дети!

175. Часть III. «Три года. Украинские корни»

Теперь расскажем о том лете, когда завершился ясельный возраст наших деток

176. и приблизилась «взрослая детсадовская жизнь».

177. В это лето им повезло: их родители расстались с горным туризмом и пришли к мысли, что пора ходить с детьми. А то ведь не успеешь пообщаться с ними в походах, как вырастут, перестанут нуждаться, разорвут связи-нити, если окажутся непрочными и будет к старости, которой я так боюсь, глухота и пустота вокруг нас. Хорошо, если удастся ее пройти вдвоем, а если одному?

178. Я никогда не смотрела на детей, как на банк, куда кладут сбережения под проценты - для обеспечения старости. И не будет у меня оснований для упреков: «Вот я тебе всю жизнь отдала, а ты...» -

179. Потому что не отдала, потому что жила сама. А дети только делали жизнь полноценной, а не заедали ее.

180-181. Они никогда не были нашей собственностью. Мы научились обращаться с ними, как с чужими людьми. Да, да, я не оговорилась, подразумевая под этим уважение к внутреннему миру, потребностям, ранимости другого человека.

182. Хотелось бы научить такому отношению старших и младших детей, но удивительно трудно дается им эта наука жизни, - главная наука, без усвоения которой большинством наших молодых сограждан нельзя рассчитывать на положительные изменения в нашей стране.

183-184. А сколько еще иных наук должны усвоить наши дети:

185. вести хозяйство и растить сад,

186. знать и чувствовать красоту всего живущего,

187. испытывать жажду проникновения в глубины жизни, к ее истокам.

188-193.

194. А сколько знаний, доступных сегодня и еще недоступных, должны будут вместить их головы! - Но не спешим мы насыщать ими своих детей, отчасти от недостатка времени, отчасти боимся задавить их стремления к самопознанию, их духовную активность.

195. Вот мы в зоопарке, в этом разнообразнейшем удивительном мире, где и взрослым хорошо.

196. Хорошо от того, что могут доставить радость своим детям,

197. от того, что могут познакомить их и с лисенком, и с медвежонком, и павлином, и бегемотом.

198. А детям хорошо от оживших сказок: увидеть живого Мишку для них так же удивительно, как нам - живого Дракона или Кащея.

199. Жизнь поворачивается к детям такими многообразными гранями, будит к себе их интерес.

200. И пусть пока несмыслены эти глазенки. В свое время они зажгутся интересом, который вызовет сотни вопросов.

201. Пусть будет все естественно, не будем торопить природу.

202. ...А через 2 недели после посещения зоопарка нас уже грело украинское солнце

208. и ублажала днепровская вода...

204-207. «Крот-строитель» (Алеша в песке)

208. Фотофиксируемся у Запорожского дуба, где когда-то казаки писали свое охальное письмо Султану... Алеша - в динамике, остальные - застыли.

209. Мы уже не считаем себя украинцами, а наши дети тем более будут русскими. Но почему-то важно не забывать и этих, украинских корней, почему-то важно показать детям - смотри, и это тоже твое личное наследство.

210. После осмотра знаменитого ДнепроГЭСа, наш путь на «Ракете» лежал вверх по Днепру, в Черкащину, в землю родичей.

211-212. Грустно смотреть, как водохранилища похоронили под собой старый Днепр. Но мы тешим себя надеждой, что на берегу увидим больше.

213. Вместе с детьми мы лазили на Богданову гору в Чигирине

214. И гуляли по паркам Каменки, где каждый поворот дорожки

215. связан со славой декабристов, Пушкина, Чайковского.

216. Много часов тряслись в пыльных автобусах по стариинным украинским селам,

217. ночевали в придорожных кустах, бросив палатку,

218. прежде чем добрались до родственников.

219. Какое оно вкусное - парное молоко, а не попросить ли еще у кормилицы-поилицы - тети Нины? - Проси, не откажут. В этой семье доброта естественна, как воздух.

220. Мы любим вспоминать и говорить о них, нашей украинской родне из села Шевченково. Юру и Нину вы уже видели, а

221. это - Маруся - средняя сестра. Пока Нина не вышла на пенсию и не вернулась в дом, на ней лежало все хозяйство, потому что Юра сильно болен, рана с войны, а

222. наша ровесница Оля слаба здоровьем. Но не услышать жалоб от них, недовольных нот в голосе, не увидеть недобрых усмешки, не почувствовать зависти... Говорят, это у них от матери.

223. А я? Какова мера моего добра и хватит ли его детям? Научу ли самостоятельности, трудолюбию и незлобивости?

224. Труд, работа, самостоятельная, без расчета на чужую благодарность и помощь, необходимая: ведь в магазинах почти ничего нету. Насколько меньше такой работы в городе.

225. Нет, например, нужды два раза в день гнать коров на пастьбу. А в деревне это обязательный ритуал.

226. Нельзя не пасти корову Малявку, телку Юльку и теленка Черву.

227. И наши старшие дети, сбив в первый же день свой интерес, остальные дни преодолевали себя, выводя коров в поле. Что же у них больше останется в памяти - радости от преодоления своей лени в большом и нужном деле или

228. злобы от наших понуканий? От итога зависит многое.

229-230.

231. Это была хорошая школа, потому что, кроме всего сказанного, нужно было научиться ладить с другими, такими же пастухами.

232. И совсем неожиданно преподнесла пастьба еще и экономический урок. Ребята согласились за деньги пасти чужую корову. Но их трое: Галя, Тема и главный пастух

233. - хозяйственный племянник Вадик. Сложные перипетии дележа заработанных денег показали, надеемся, Теме и Гале, как сложен мир человеческих отношений и как тонка грань между стремлением к справедливости и нанесением несправедливой обиды.

234. ...Как итог этой нелегкой летней работы - пастьбы - прозвучали для меня Теминны слова, сказанные им уже после расставания, при встрече с чужой коровой: «Смотри, мама,

235. совсем как наша Малявка!»

236. Спасибо, Малявка, за уроки старшим детям!

237. Малыши тоже помнят тебя, вспоминают часто. Видели, сколько труда нужно вложить, чтобы тебя накормить и выдоить. Видели, как достается молоко.

238. Но, конечно, их жизнь пока не знает забот. Все впереди. И пока обязательный труд не коснулся их, они живут, как в раю. А разве не так?

239. Стоит только пожелать - и яркие мальвы наклонят свои

240. цветы.

241. Пожелай яблочка -
242. - и оно уже здесь, у ног твоих.
243. А от яблони подойди к груше.
244-245. И слива зреет для тебя...
246. А вон цветок тыквы. Смотри, какой громадный. И сколь многим пчелам дает мед.
247. А вон виноград развесил свои кисти по соседней яблоне...
248. Смотри, смотри, запоминай, полюби через них землю, небо
249-250.
251. Это только в детстве можно так увлекательно и безопасно путешествовать посуху на плавательном кругу.
252. Далеко ли? - Не скажем...
253. Да мало ли радостей у жизни...
254-256. Когда вишню - допьяна...
257. Но у жизни есть конец - смерть. Это когда для человека, зверя, травинки все исчезает: - и солнце, и небо, и краски, и запахи. И вы должны
258. знать о смерти, дети, чтобы не отдать ей себя и ее посланцу - слушаю без боя себя и свой мир... Мы идем на кладбище, к могилам родных.
259. Красивая, 18-летняя, смотрит на нас мама наших теток Оли, Маруси, Нины, Гали, и мы благодарны ей за то, что через все беды революций, голода, репрессий пронесла в душе тепло и добро. Это сейчас легко быть доброй. А как же она-то устояла? Сама ли по себе, памятью ли мужа? Заботами ли о детях. Светлая ей память!
260. А вот одну из сестер, Раю, сломила жизнь с жестоким мужем. По старому обычанию ее похоронили, как самоубийцу, в углу кладбища. И горько нам у этой могилы.
261. Растет население кладбища. Вот мы у могилы двоюродного брата Витиного отца, еще и года не прошло, как он здесь лежит. Потом проходим к могиле его матери Ольги Павловны. Это хорошо, что родственники собираются вместе хоть после смерти.

262. А теперь мы на прощание еще побродим по селу.

263. С каждым годом все меньше остается мазанок под соломенными крышами. Все больше они замещаются кирпичными строениями под железом и шифером.

264. И, глядя на этот бурный рост благополучия, невольно вспоминаешь, что такое уже бывало здесь: в начале века украинские деревни уже начинали менять соломенные крыши на железные,

265. начинали благоустройство, но катаклизмы гражданской войны, разруш и коллективизации остановили ее развитие и отбросили деревню назад, в Шевченковские крепостнические времена.

266. Глядя же сегодня на эти ухоженные украинские дома, невольно гордишься ими, сравнивая их не только с нищим сталинским прошлым, но и богатыми западными образцами...

(далее следует сравнительный показ украинских домов с коттеджами австралийских рабочих и пенсионеров).

267. Ну, скажите, пожалуйста, чем такой новый дом украинского

268. колхозника или механизатора хуже

269. домов австралийских рабочих

270. или пенсионеров.

271. Любовь к труду, земле, дому своему и общественное поощрение этой любви делают чудеса благополучия в любом участке земного шара.

272. И мы хотели бы верить, что наши дети будут достойными преемниками этой новой традиции, этого рождающегося прогресса,

273. что они будут жить и работать не хуже австралийцев. Только дайте срок.

274. Здесь живут наши родичи. Здесь столько Сокирок и Ткаченок в списке погибших на главном памятнике и на доске почета, здесь постоянно звучит украинская речь, знакомая мне с детства от бабушки.

275. Мама старалась говорить только по-русски и сердилась на бабушку, что, мол, она обучает меня, свою внучку - грубой провинциальной, по ее понятиям, украинской мове...

276. Здесь то и дело встречаются похожие на меня женщины и, включившись в круговорть огородно-кухонных дел, я отчетливо осознала, что руки, и тело, и мозг мои созданы для крестьянской тяжелой работы, для цепляющихся друг за друг забот, что в них сидит память моих предков, украинских земледельцев, питающая меня силой и здоровьем.

277. Город, учеба потребовали от меня перестройки на другой тип работы - умственной, перестройки нелегкой, на всю жизнь. Тешу себя надеждой, что детям будет легче. Но кто знает, как сложится их судьба, может, как раз дети вернутся в отчину и будут перестраиваться на крестьянский труд от зари до зари.

278. Нам только не сгубить бы их природное трудолюбие, научить получать радость от труда, любого, самого простого и незавидного.

279. Кроме Черкашины на Украине есть и другой корень наших детей - село Гвintовое - родина моей мамы. Давно, очень давно я хотел приехать в эти места, но лишь сейчас, после маминой смерти, наконец-то собрался.

280. Здесь совсем иная Украина, луговая, лесная, равнинная, граничная к России и почти Россия. Ближайший райцентр - древний русский Путивль, ближайшая река -

281. Сейм, с детства звучавший для меня легендой больше, чем все остальные реки мира.

282. Гвintовое - большое, глубинное и уже не растущее село. Молодежь уезжает. Сама, по своей воле. А вот дед Витин уезжал отсюда не по своей воле.

283. Не собирался он покидать землю отцов. Вынудили в коллективизацию.

284. Тут, напротив кладбища, и было их подворье - братьев Степанкив, т.е. детей Степана Глобенко, прпрадеда для наших деток.

285. Из соседней русской Нечаевки на это подворье пришла жить молоденькая Поля. Она родила деду пятерых дочек и долгожданного сына. Две девочки умерли маленьками, выросли трое.

286. Жизнь девчоночья, полная работы с раннего детства, имела,

287. конечно, и радости, которые тем более ценились, что были не часты. По большому двору бегали они к ставке,

288. если, как и я сейчас, яблоки и груши с деревьев, посаженных дедом,

289. и гоняли к Сейму лошадей по ровному-ровному лугу.

290-291. Ну, а уж там-то - какое раздолье!

292. Мамины ровесницы продолжают жить, еще крепки, несмотря на все перенесенные тяготы и тяжести. Мы как будто принесли с собой волшебный ключик, которым открыли их память. Как они оживились, вспоминая и Таню, и Настю, и Соню, и тетю Полю, и дядю Митрия...

293. «Вот здесь стоял дом дяди Митрия, вот прямо здесь, а там - его брата, нет, нет, чуть правее»...

294. Как приятно им вспоминать, вызывая из небытия свою молодость.

295.«**Волгоград**»

Кроме Украины у наших детей есть еще и моя родина - город, где я родилась и прожила до семнадцатилетия - Волгоград.

296. Вот на этой по-деревенски тихой улице, тогда еще без многоэтажек, и прошло мое школьное детство.

297. Вот моя школа. Моя школьная подруга Валя взяла меня «за ручку» и ведет в школу.

298. Отчий дом

299. с вишневым садом

300. и столом под яблоней. Гале здесь привычно, Тема бывал меньше, а малыши приехали в первый раз и в первый раз

301. увидели свою старенькую прабабушку. Не очень-то им везет на общение с бабушками, московские умерли,

волгоградская бабуля приезжает раз в год. Но все же сколько-то бабушкиного любви и тепла и им досталось. И может, дадут со временем добрые свои плоды.

302. Заключение.

Наши детки уже ходят в детский сад и называют себя большими. Крепыш Алеша и

303. расцветающая Аннушка...

304. В суровый год начались наши младшие дети. Много сделали для нас своим существованием. В благодарность за это

305. мы желаем им быть счастливыми и богатыми - горами, друзьями, книгами.

306. А главное - чтоб были хорошими людьми и не боялись трудностей и опасностей, ибо из них выросли.

307. А что получится из наших желаний, жизнь покажет!

308-325.

Приложение 6.

Сценарий диафильма "Курско-белгородская земля"

(Курск и Рыльск)

110. Курск В столице области мы пробыли несколько часов: доехали

111. с автовокзала до центра, покружились рядом со старинными церквями и зданиями, осмотрели вокзал - и снова на автовокзал.

112. Очень давно над Тускарью при впадении в нее речки Кур была поставлена деревянная крепость.

113. В местном музее узнали, что город был в составе владений еще Владимира равноапостольного в начале нашего тысячелетия. А во времена борьбы с половцами Игоря Северского курянами владел его любимый брат Буй-тур Всеволод:

114.Всеволод промолвил, встрече рад:/ Ты мой свет
единый, кровный брат
Так седлай коней. Мои у Курска /В полной справе по пути
стоят.

Мои куряне издавна /В сраженьях знамениты,
Под стягами взлелеяны, /Под трубами повиты.
С конца копья вскормлены. /Из шеломов вспоены,
Луки их напружены, /Колчаны отворены,
Мечи всегда наточены, /Ножны позолочены,
Думы да заботы /К седлам приторочены.

115. Все пути известны им: /Все яруги ведомы,
Словно волки серые /Рыщут за победами.

Как на пир веселый /Рвутся в бой кровавый,
Себе чести ищут, /Князю ищут славы.

116. Так рисует курских предков бессмертное "Слово о полку Игореве". И можно понять, что, в отличие от других старых городов, Курск сохранил свое столичное положение.

117. Рядом с половецким изваянием Великая Степь сама сотворила это

118. вот природное изваяние, ставшее как бы символом иного, страшного своей неведомостью и непонятностью племени - монголов. Курск был ими разорен и в 1240 году, и позже, в 1278. В своем школьном невежестве мы привыкли считать, что в безлюдье и дикость русские земли попали от "проклятых татар". С полным доверием мы принимаем описания

119. московских дьяков, что "сему граду Курску пленену татарами и до основания разорену суще быти и оттого многие годы пребывания

120. пустела и от многих лет запустение того града Курска и уезд великим древесом поростоша и многим зверем обиталища быта".

121. Но запустение не было тотальным, и зачастую люди продолжали жить сами по себе, не входя в известные тогда государства, как бы вне истории, и даже были оттого счастливы... Известно: в ряду прочих черноземных земель, Курщина после ослабления татар держала сторону Литвы, а в 1508 году попала в орбиту московской власти, но целый век оставалась в глухой тиши, пока повелением царя не выстроили на

122. древнем месте новую крепость - острог Курск. Было это в 1597 году.

Сейчас, конечно, острожных стен нет, зато - сохранился вынесенный

123. форпостом на другой высокий холм дом-усадьба Ромодановского рядом с древней Нижне-Троицкой церковью. Памятник бурного 17-го века, когда уцелевшие в историческом затишье князья-воины, потомки хоробрых

124. курян, вышли на широкую арену московского государства.

Н.-Троицкая ц. Курск стоял на пересечении Муравского шляха из Крыма с границами главных противников Москвы - Крымом-Турцией и Литвой-Польшей.

Наверное, здесь было выгодней всего располагать на длительный постой-жительство готовое к вечному бою приграничное войско. Взамен

125. денежного жалованья курский воевода по велению московского царя наделял воинов "дачей земли" - в пригороде, в Стрелецкой, Казацкой или Пушкарских слободах, и дальше, по всей земле. Такая практика

126. и сформировала на курской земле это многочисленное сословие воинов-земледельцев. И видно, было им хорошо, раз образом своей жизни они были способны привлечь к переселению в свои пределы украинцев-черкасс.

127. Но как же они проявляли себя в жизни и истории России? Вовне они были ее защитниками, а внутри? Попробуем если не дать ответ, то поставить проблему. Все говорят: каждый народ достоин своего правительства. Русские крестьяне были издревле общинными, лишенными личностных свойств людьми, потому впали в крепостничество и подчинение самодержавию и нуждаются в них.

128. Но вот существует, оказывается, и такая русская земля, где под властью одного из самых страшных в истории палачей - воеводы Ромодановского уживалась масса свободных личностей. Как? В мрачных подвалах этого дома пытали первый раз после поимки Степана Разина и его сподвижников перед отправкой на казнь в

129. Москву. И личностному достоинству "храбрых курян" эти бесчеловечные пытки, видно, не мешали, а может, даже служили необходимым условием защиты от всяческих степных "воров". И может потому

130. перед революцией однодворческий Курск (как и Дон) был одной из самых монархических, верносотенных

охранительных и ретроградных земель России, вотчиной небезызвестного Маркова.

131. Естественным центром Курска был и есть кремлевский холм над Тускарью, разросшийся на месте крепости до ее размеров Знаменский

132. монастырь со своим огромным красным собором - сейчас кинотеатром, выходящим на Красную площадь, с архиепископским подворьем, ныне музеем и Дворянским собранием, и

133. с монастырскими корпусами, ныне занятymi под какой-то электромеханический завод - по виду вполне заменяют Курску кремль. И чувается в самой этой местной административной нелепости, открытости ее - какая-то курская внутренняя раскованность...

134. В 1869 г., заехав в Курск, Тютчев писал жене: "Ничуть не жалею о долгой остановке в Курске - не будь он в России, давно бы служил предметом паломничества для туристов. Во-первых, расположение его великолепно и смутно напоминает окрестности

135. Флоренции, как бы смешно ни показалось такое утверждение... У подножия возвышенностей, на которых расположен город, представь себе

136. реку, искрящую на солнце и усеянную сотнями купающихся. Можно было вообразить себя перенесенными во времена мифологические. Действительно, вся местная молодежь, юноши и девушки, наподобие

137. нескольких стай уток и гусей резвились тут столь непринужденно, как эти водяные птицы.

138. Одним словом, я унесу из Курска самые благоприятные впечатления.

Воскресенская ц.

139. Эта нижняя улица вдоль Тускари лежит прямо под обкомовской Красной площадью. Конечно, можно только надеяться, что в этих неказистых; почти куриных домах, куряне сохраняют традиции своих непокорных предков. Поднявшись на обрыв чуть в стороне, можно выйти прямо

140. к самой старой в Курске Верхне-Троицкой церкви, чтобы осмотреть здание 17-го века, правда, чуть подновленное цементом. Наш знакомый рассказывал, что два года назад, оказавшись, как и мы, самодеятельным туристом на этом месте, он вдруг увидел, что из какого-то

141. церковного подвала вышла женщина и попросила его вынести из дома тело умершей матери. Уже неделю не может сама справиться, с властями она не знается, соседей просить не привыкла.

142. Таков, наверное, курский характер. Как будто соединились русская недоверчивость и украинское упрямство... Но не будем останавливаться на одном впечатлении, на одной черте...

143. Неподалеку от Верхне-Троицкой церкви стоит самый красивый в Курске барочный Сергиево-Казанский собор 1762-78 годов постройки. О нем уже в 18-м веке отзывались восторженно, как о шедевре:

144. "Сия церковь великолепием своим превосходит всех прочих". Богатейший барочный иконостас внутри еще более усиливал впечатление. Ходили слухи, что ее строили по проекту Растрелли, но они не имеют под собой основания. Гораздо достовернее, что строили ее

145. сами куряне, на свои деньги, что большие личные средства пожертвовали курские купцы - родители Прохора Мокшина. Мальчишкой Прохор упал с лесов колокольни, но не расшибся, а был спасен неведомой силой. В благодарность мать благословила сына в монастырь на духовный подвиг. Послушник и скиталец по всей России, он осел, в конце концов, в Саровской пустыни и на всю Россию прославился, как мудрый чудотворец Серафим Саровский.

146. Потомок курских купцов и однодворцев, духовный восприемник Украинского старца Паисия Величковского и бродячего христианского философа Сковороды - и такие люди характеризуют курскую землю.

147. Мы не могли туда ехать, но нельзя не помянуть, что в 27 км прямого пути от Курска в Коренево еще стоит

монастырская церковь и остатки торговых рядов знаменитой Кореневской ярмарки, второй по значению в России и первой - в обороте России с Украиной, Польшей, Западом.

148. Еще при татарах какой-то рыльский горожанин нашел у корня дерева нерукотворную икону Знамения, где и возник потом Кореневский монастырь. Икону впоследствии отнесли в Знаменский собор под

149. защиту курских стен, но ежегодно торжественным крестным ходом святыня возвращалась на место ее обретения. Святость и чудеса накрепко связались в курской земле с торговлей, и это нас не удивляет: ведь вера и личная свобода - естественные основания для торгового дела и трудового богатства.

150. Сегодняшние путеводители могут иронизировать над косностью курских купцов, упорно отказывавшихся от "прогрессивных благодеяний", навязываемых властью - то от императорского университета, чтобы не было смуты и разрата в молодых умах, то от железнодорожного вокзала в городе (так и построили его за городом)... Но мы тоже вправе помнить и положительные стороны их естественного консерватизма. И, может быть, России далее не хватало здорового консерватизма всяческим насильтвенным новациям, когда они не отвечали прямо интересам и убеждениям самих русских людей.

151. Курская Красная площадь перед красным обкомом. И мы гадаем, было ли это здание раньше губернаторским дворцом, или его строили в новое время, но под старину. Сходны не только архитектура, сама жизнь хранит основные родовые черты. В зданиях рядом располагались и располагаются чиновные, служащие, присутственные места... И мы вспоминаем описание их Нарежным. Его герой видит на главной площади два здания с государственными гербами, где только и толкуются люди, а на вопросы: "Зачем?" поясняет:

152. "Ты прав,- сказал Ермил Федулович - хотя дома те и не царские дворцы, однако они оба имеют величественные имена: большой называется присутственным местом, а

маленький - кабаком. Ты спросишь, без сомнения, чем занимаются в обоих? А вот чем: в первом, т.е.

153. в большом, судят, рассуждают, оправдывают или обвиняют, словом, все, что есть в природе, подлежит суждению того места: люди, скот, четвероногие и пернатые, рыбы, пресмыкающиеся, плоды, древа, все, все

154. без исключения! В маленьком казенном доме собираются простые люди в свободное время забыть на минуту житейские свои горести и, вкусив от искусственного дара Божия, сиречь выпив вина, и подлинно на время их забывают!"

155. Раздерганные, мало связанные, но меткие картины Нарежного о приключениях князя Чистякова находятся в очевидном предваряющем созвучии с похождениями гоголевского плуга Чичикова. Но сколь

156. различной оказывается в этих романах Россия: у Гоголя - страна каких-то гомерических уродов, марионеток (у них нет выхода, кроме слома). А, читая Нарежного, видишь, сколько живых, независимых сил в стране было...

157. Мы прощаемся с Курском, уезжали с его главной улицы. Как-то увязывают куряне традиции своих предков с нынешней жизнью.

158. Говорят, не очень-то веселая и сытная жизнь в Курске. Обкомовское их начальство уже не раз менялось, но толку что-то не видно. Правда, вон тот курянин спокойно несет в сетке где-то отхваченную курицу. Перепадает, значит. Жить можно...

159. Прекрасное автобусное шоссе на запад за несколько часов перенесло нас из Курска в Ивановское.

160. Ивановское да Марьино Это совсем иная память курской земли - не однодворческой или купеческой, а властной и крепостной.

161. Сейчас в сохранившейся небольшой части усадьбы села Ивановского лишь закрытый колхозный музей, какой-то производственный склад и

162. просто развалины, а стояли когда-то великолепные дворцовые палаты последнего украинского гетмана Мазепы. Ведь, помимо украинских

163. владений, Петр передал гетману еще и курские села, тут же переименованные им по своему имени-отчеству - Ивановка, Степановка, Мазеповка.

164. Иван Степанович Мазепа - редкий для нашей усеченной истории портрет. Уже не раз мы встречались с памятью о нем - на Украине - в Батурине и Полтаве, на Острогодщине Воронежской земли, здесь вот в Куршине, в стихах Рылеева и Пушкина. А ведь этот тоже Иван, один из вариантов судьбы наших предков на стыке польской и московской культур. Вольный казак, может, сродни свободному однодворцу, а превратился сначала в ополяченного по культуре шляхтича, потом в демагогического и жадного казацкого атамана, наконец, в хитрого

165. и коварного русского царедворца. В конце карьеры он тысячами закрепощал украинских, да и русских людей - только у него самого было 120 тысяч крепостных, развращал людей раболепством перед Москвой, а потом изменой ей в трудный момент.

166. Палаты Мазепы были выстроены в духе украинского барокко. Сейчас они сохранились только своим нижним облезлым этажом. А в свое время

167. были пышны и красивы в сравнении с окружающими однодворческими домами и должны были возвеличивать силу гетмана. Ведь только очень сильный человек мог закрепостить свободных курских людей, такой, почти царской силой, и обладал Мазепа.

168. Наступил 1709 - год Мазепиной измены. Владения гетмана были разорены и стали переходить из рук в руки - сначала "минхерцу" Меншикову, потом первой петровой царице Евдокии, графу Головину и, наконец, последнему владельцу - князю Барятинскому - к верхушке придворной

169. знати. Потомок черниговских князей, правитель Малороссии, князь Барятинский был, пожалуй, знатнее и богаче

Мазепы. Только в курской области имел 35 тысяч крепостных. Один из виднейших сановников России, он десятилетиями жил в Европе, по виду стал совершенным англичанином. Он мог позволить себе любое строительство, но время было иным, и вместо восстановления мазепиных палат Иван Барятинский строит собственную усадьбы в стороне от села, всего за два года, 1815-16 годы, и в честь жены называет ее Марьино. Рядом обустраивается парк.

170. Приехав из Курска поздним вечером, мы остановились на

171. ночевку на краю усадьбы, а утром пошагали по этой уникальной аллее в 2 км длиной из редких пород деревьев, постепенно

172. приближая к себе белое дворцовое строение курского, нет, всеевропейского и всероссийского магната. Может, мы походили на бедного героя Нарежного, князя Чистякова, когда тот приближался к московским-варшавским вельможам, стремясь увидеть и овладеть их высотами.

173. Но мы наткнулись на решетку, а потом и на санаторную проходную, через которую нас просто не пустили. Вот где мы ощутили разницу

174. прошлого века с нынешним. Раньше недоступность дворца для посещений и обзора русским казалась в порядке вещей. Сейчас же закрытость Марьина, разрекламированного путеводителями - ошеломила и возмутила. Чуть поскандалив со стражем и бросив ему на попечение свои рюкзаки, мы зашли за угол и перелезли через узорную ограду.

Только в Москве мы узнали, что в Марьино дислоцируется санаторий ЦК - и тогда "стало все понятно".

175. Непрошеными и чуть боязливыми гостями, лишь на минутку мы заглянули внутрь самого дворца. Картинка из путеводителя лучше представляет богатое убранство, созданное и собранное Барятинским.

176. Князь Гаврило Симонович описывает свою службу Латрону в Варшаве - литературному образу русского посла князя Репнина и фактического правителя якобы независимой, а

на деле гибнущей Польши, когда от продажности и произвола высшей власти даже гордые люди ставились на грань смерти или бесчестия. Даже поляков обращали в рабство, что уж говорить о курских князь-крестьянах.

177. Самым известным из Барятинских был Александр Иванович, генерал-фельдмаршал, командующий кавказской армией и победитель Шамиля. В своем Марьино и соседнем Льгове он не раз принимал с помпой и славой плененного имама, определенного к ссылке в Калуге. И каждый раз воздвигал в память - то башню Шамиля, то победного царского орла, сломавшего-таки извечную горскую вольность.

178. Все эти памятники и роскошь содержатся до сих пор в полном порядке. Для отдыхающих даже прибавлено комфорта. Например, новые спальные корпуса и столовые соединены с главным корпусом крытыми переходами-коридорами. Нигде мы не видели столь ухоженных цветников и благостных курортников.

179. Рассказывают, что начало охранению усадьбы положил сам Михаил Иванович Калинин. В разгар раскулачиваний и революционных перестроек он был в Ивановском и объяснил окрестным мужикам, что старый князь Барятинский был хоть и строгий хозяин, но не угнетатель, и потому Марьинскую усадьбу ломать не следует, надо сохранить для трудового народа. А вскорости здесь был устроен санаторий ЦК, где в

180. некотором удалении от бывающей в нехватках страны был воссоздан небольшой уголок земного рая - коммунизма. Конечно, относительного. Но значимость его была столь велика, что когда в войну Марьино

181. было захвачено немецкими войсками, его оставили в неприкосновенности для отдыха немецких генералов. При обратном же наступлении наших войск на Марьино был заблаговременно выброшен десант - и все сохранилось в неприкосновенности...

182. В Марьино уместно попытаться ответить на наше давнее недоумение: почему из курской земли не выходили

знаменитые русские писатели? В соседних русских землях были многочисленны среднепоместные помещики, а они-то и стали основным воспитателем блестящих дворянских писателей XIX века. Среди курских же однодворцев, занятых трудом на земле, а не искусствами - возможностей для художественного и иного образования детей было много меньше.

183. Дети же таких аристократов, как Барятинские, предназначались для высшей государственной службы, а не для свободного творчества. Хорошо это или плохо? Ну а разве плохо, что гений американского народа проявляется в техническом творчестве больше, чем в литературе? - По мне эта национальная черта нисколько не унизительна и для курского народа. Может, даже наоборот.

184. В Рыльск - итоговый курский город

185. Языческий Рыльск стоит здесь с докиевских еще времен. Название его связывают то с болгарским святым Иваном Рыльским, то с Ярилой-солнцем, в честь которого устраивали на холму языческие игрища. Помянем этап в его долгой истории, общей для всей курской земли.

186. Город на берегу Сейма-реки был известен нашим летописцам, как один из главных центров северских славянских племен, потом, как стольный город Рыльского княжества. Его Святослав Ольгович вместе с рыльской дружиной тоже ходил с Игорем Святославовичем на половцев. Это - наши первые, основные предки, личностно независимые и свободные.

187. Город Шемяки А потом, как и у всех - бывестность в годы татар и вхождение в Речь Посполиту. Сперва успешная борьба с засильем татар в Степи, а потом - неуспешная оборона от натиска отатаренной Москвы. В 1454 году польско-литовский государь Казимир IV отдает Рыльск в удел-опору князю Ивану Шемяке. Он потерпел поражение в Москве в борьбе с Василием Темным за московский престол и удельную правду. И город, видимо, отвечал согласием и любовью конкурентам московского царя. В 1605 году был опорой последнему оппозиционному царю - Лжедмитрию.

188. По легенде, в городе до сих пор три дома связывают с именем Шемяки, но существуют ли какие сказания о самом суровом князе, одном из последних государственно независимых московских людей, не знаем. Знаем лишь, что сын его Василий построил в городе Покровский собор. Но защищать свою независимость он уже не хотел и даже изменил защищавшей его отца Литве.

189. В 1503 г. Рыльск стал владением московского самодержца. Так закончился этап потери политических свобод - землей и ее людьми. Вместе с Курском Рыльск стал важной крепостью на южной засечной

190. границе. На целых два века эта крепость на Иван-горе стала долговременной базой оседлых русских войск - русских стрельцов, украинских казаков, и прочей массы военных людей. Позже, с переходом Рыльска на мирную жизнь, они стали купцами и однодворцами.

191. В каком-то из рыльских домов останавливался Петр в пору войн со шведами и турками. Рыльск тогда еще, наверно, считался крупным и устроенным городом, но ходом имперского развития был отброшен в разряд небольших уездных.

192. Тем не менее, город сам начинает широкое каменное строительство. Именно от 18 и 19 веков сохранились здания, дающие нынешний уютный облик Рыльска. Путешественник 18-го века писал о нем: "Рыльск - старинный и богатый город. Стоит на реке Семь при

193. впадении в нее речек Рылы и Дублянки. В нем церквей 28, сверх того мужской каменный монастырь, в коем 4 церкви. Купеческих лавок около 50-ти". Другой свидетель говорит: "Рыльск длиной 2,

194. шириной 1,5 версты, а живет в нем 138 священнослужителей, 412 купцов, 860 мещан, бондарей 3, воскобойников 2, горшечников 1, кирпичников 1, кузнецов 19, музыкантов 5, всего разного звания 2232 души... Герб - на желтом фоне кабанья голова "(Рыло)".

195. Свидетельство словаря Брокгауза конца прошлого века: "Жителей уже 11 тысяч. Церквей православных только 12,

единоверческих одна, 1 монастырь. Зато - 24 фабрики и завода со 162 рабочими. Оживленная торговля хлебом, пенькой и косами, последние закупаются в Австрии для перепродажи на русских ярмарках. Банк

196. две прогимназии. Кстати, о торговле австрийскими косами. Купец Иван Филимонов так успешно ими торговал, что получил от австрийских властей дворянский титул и стал фон Филимоновым. До наших дней в Рыльске остались здания, выстроенные русским "фоном".

197. Дворянский титул за торговлю - наверное, рядовое явление в Европе, уважающей дело, предпримчивость. А вот нам в России князья-однодворцы и купцы казались страшной нелепостью. И в это была наша национальная трагедия.

198. В старину Рыльск с многочисленными церквями был красив и духовен. Сегодня церквей в половину меньше, а в уходе стоят всего 2 - действующий собор и Покровский - под краеведческим музеем.

199. Жаль, если остальные будут разрушены временем и 200. реконструкцией.

201. Вокруг райкома партии уже "организовано" пустое пространство. Сколько здесь было "ликвидировано" старины, памяти, души. Слава Богу, зона эта в Рыльске еще не велика и не коснулась

202. старого купеческого центра над Рекой - с живыми торговыми и гостиными рядами, яркими базарными лотками, с озабоченно гуляющим местным народом и белой часовней над присеймовскими далями -

203. музейная картинка, прямой сколок старой Курчины, каменный слепок

204. ее религиозной, торговой, однодворческой души.

205. Городской музей был закрыт, а, впрочем, вряд ли он прибавил бы существенное к увиденному на улицах. Известных писателей

206. и деятелей культуры город не родил - это нам было уже известно. Вот фон-Филимоновы - другое дело.

207. Около Успенского собора и нынешнего городского парка в 1957 году восстановлен дореволюционный памятник "российскому Колумбу - Григорию Ивановичу Шелихову. Вот в ком, в полном блеске, проявились таланты рыльского уроженца.

208. Сын потомственного купца (Шелиховы не раз упоминаются в числе строителей рыльских церквей), Григорий Иванович стал устроителем Русской Америки и Алеутских островов, прямым продолжателем казаков-первоходцев. Его путь - от компаньона сибирского купца Голикова до человека, занятого грандиозными планами освоения не только Дальнего Востока, но и подготовкой экспедиций в Среднюю Азию и Тибет.

209. Мы уже встречались с памятью этого человека в другом старинном русском городе, столице Восточной Сибири - Иркутске, где в Знаменском монастыре захоронен его прах. И думали о коренных причинах неудачи Русской Америки, о коренных различиях нас от янки... Тогда мы считали рыльское происхождение Шелихова, этого русского американца - случайностью.

210. Теперь же, побывав на курской земле, думаем по-иному. Эта земля давала России людей особого склада - независимых, предприимчивых, первоходцев. Правда, их усилиями благоустраивалось не свободное

211. государство, а империя. Правда, она же и задавливала, в конце концов, их талант. Но ведь нельзя же задавить людскую жизнь полностью.

212. И потому можно надеяться, что северское, русско-украинское, курско-рыльское начало еще получит в нас все условия для своего полного

213. расцвета.

Конец..

Приложение 7.

Сценарий диафильма "Украина - 1977" Ч. 1. "Земля северская - Украина русская"

Путинль

1,2

3. На заре, на зорьке рано-рано / Со своей тоской
наедине,

Плачет-причитает Ярославна / На Путивльской городской стене

4. Ах, взовьюсь кукушкой бесприютной,/ На Дунай далекий полечу,

Где-нибудь в Каяль-реке попутной Свой рукав бобровый омочу.
Наяву ль, во сне ли в час туманный, / В той ковыль-траве, в
степном дыму

Оботру запекшиеся раны / Милу другу, князю моему...

5. Так за всех, кто из чужого края / Милых ждет, вздыхая
тишине,

Плачет Ярославна, причитая / На Путивльской городской стене,

6. Ветер, ветер, почему, могучий, / Ты забыл старинное
родство,

Вражьих стрел зачем ты мечешь тучи / На дружину князя моего!

Мало, что ль за облаками мчаться, / Гнать по синю морю корабли.

Для чего ж мое ты отнял счастье, / Разметал в глухой степной
дали!

7. Так, горючих слез не утирая, / В ранней рани далеко
слышина.

Плачет Ярославна горевая, / Причитает на стене одна.

Всем тепло отрадное даришь ты, / Что же с милым сделало
моим?

Ты жарой полки его спалило, / Половецкой рати помогло,
Луки храбрых русичей скрутило, / Заперло колчаны как назло.

9. Так, вплетая голос в шум дубравный,/ В камышиной
шелест над рекой,
Плачет, причитает Ярославна / На стене Путивльской
городской...

10. X-XII века. Путивль В современном районном Путивле нет ни одной постройки от древнерусских времен. Только земля и ее рельеф.

11. река и ее свежесть, поля и воздух, только славянство облика и речи путевильских обывателей остались прежними. Но разве этого мало?

12. Молчанско-Печерский монастырь. Сегодня в нем размещен какой-то завод, и потому смотреть на него можно только со стороны, гадая: сохранилось ли что в его стенах от Древней Руси.

13. А в живущих здесь украинских мужиках и бабах - от Ярославны и храбрых русичей? Крест и стены над кручей - счастье и слезы над Сеймом, трагедия гибели в чужом краю и радость возврата к родным стенам. Неужели и вправду это здесь было?

13а. В парке, разбитом на древнем городище, нам пришлось разговориться с путевлянином. Он был немного пьян, и потому привязчив к моему фотоаппарату, рассказывая о недалекой отсюда статуе прославившегося в последнюю войну Ковпака, о том, как пройти к селу Гвинтовому, откуда он взял жену.

13б. Ковпак - вместо древнего князя, пьяный украинский дядька - вместо русича, гвинтовская жинка - вместо Ярославны, беды и обиды хохлацкого населения - вместо величавой скорби древнерусского Бояна. Неужели в этом и состоит наше развитие? Или все связи порваны и бессмысленно копаться в истории?

14. Вот центр Путивля! Рядом с автостанцией - зеленая площадь, и над ней Свято-Преображенский собор, совсем уже русского облика.

15. Это не удивительно. Собор выстроен в 17-м веке русскими мастерами. В то время Путивль уже давно был включен

16. в состав России и стал обычным русским пограничьем.

17. Но сегодня окраинный русский город зовется украинским. Его судьба неотделима от северской земли, в свое время породившей и Великороссию, и Белоруссию, и Украину.

18. Веками Путивль - моя прародина - был заштатным курским городом, а его хохлацкое население считалось просто

19. испорченным русским. И лишь иногда он показывал своевольный нрав. Так, в 1604 году именно Путивль первый признал Дмитрия Самозванца, присягнул ему на верность.

20. Отсюда началось триумфальное шествие Лжедмитрия и западного духа в Москвию.

21. Сегодня же украинская "мова" признана здесь официальной, древние здания считаются украинскими памятниками, а память о северском князе Игоре и Ярославне стала источником знания об истоках украинской трагедии.

Дополнение к этой части сценария смотри в приложении 8.

Новгород-Северский

22. Наша палатка открыта в сторону Десны, и мы готовимся к походу в древнюю новоградскую столицу Северской земли.

23. На месте детинца сейчас стоит деревянная Никольская церковь закарпатского типа.

24. Мы готовы были в умилении запеть: ну все как в России - на горе стоит церковь, а под горой - кабак, т.е. продуктовый с винным отделом. И вправду чудо - деревянная

церковь на Украине, в ее самом северо-восточном углу, почти в России - и живая, не сгорела, не испорчена, хоть и закрыта от верующих и любопытных.

25. А в современном центре Новгорода - собор Успенский, заложенный еще при Алексее Михайловиче. У него не совсем рядовая судьба.

26. В послереволюционные годы нужд на электрификацию, индустриализацию, военизацию, идеологизацию, он был ограблен и низведен до склада. При немецкой оккупации он ожила, а после возвращения поумневших наших органов так и не был закрыт. Примирилась власть с существованием этой древней своей опоры... Пусть горожан в этом соборе сейчас немного, он простоит в их ожидании еще века, древний и вечнозеленый одновременно.

27. Путивль и Новгород-Северский - старые соседи, но всегда Новгород был главнее и столичнее Путивля, и здания это подтверждают.

28. В них когда-то размещались и духовные училища, гимназии, еврейские школы. В отличие от судьбы Путивля, Запад долго, вплоть до Мазепы, сопротивлялся включению города в Московию. Поляки укрепляли город, наделяли его магдебургским правом, льготами, но все это не помогло.

29. Новгород-Северский оказался в конце концов под властью Москвы, как, впрочем, столетие спустя, и сама Польша.

30. Эти триумfalные ворота казацкой славы были выстроены уже при русской императрице Екатерине Великой, той самой, которая вместе с тем окончательно уничтожила

31. украинское казачество, выселив запорожцев на Кубань. Обычное женское коварство!

32. О древнем столичном прошлом города напоминают и стены Спасо-Преображенского монастыря, когда-то сильнейшего оборонительного центра левобережной Украины.

33. А ныне - дома престарелых. В свое время его заботливо укрепляли, главным образом, во времена Мазепы, против московской сильной власти. Однако для ползучего московского деспотизма и такие стены не страшны.

34. Мы долго оставались здесь, смотрели и вспоминали Игоря Северского. Вся его страна, все княжество отсюда - как на ладони! Поневоле захочется рвануть с дружиной в запредельные дали, на каких-нибудь поганых половцев, погулять за их счет.

35. Известно, что Новгород-Северский выдвинулся на роль новой столицы взамен Чернигова. Однако после татарских завоеваний и разорения, Новгороду тоже пришлось уступить главенство лесному Брянску. Продвижение русской власти на Северо-Восток от Киева к Москве было неумолимым, а

36. здешние княжеские терема стали лишь краткой остановкой на этом пути, здешние князья - лишь прототипом московских правителей, а их слава - лишь предвестием грандиозной царской славы.

37. Известно, что когда Новгород-Северский князь Игорь Святославович планировал свой грабительский поход на обозы и кибитки в половецкой степи, то он отнюдь не защищал своей земли, а искал личной выгоды. Известно, что войны русских с половцами ничем не отличались от обычных княжеских межусобиц. Такова точка зрения самих степняков и их потомков на подвиги знаменитого русского князя. Такова же, в общем, и точка зрения исторической науки. Но почему же тогда в легенде, в "Слове о полку Игореве", князь описан патриотом и человеком доблести и чести? Почему искажена правда?

38. А потому, что мы воспитаны в атмосфере всеукрепляющего единства и славословия, от века привыкли превозносить своих правителей патриотами, иностранцев звать погаными. ...Эти церкви и монастыри хранили и перерабатывали древние тексты, воспитывали наших отцов, и, значит, нас. Мир наших предков, и русских, и украинцев формировался именно здесь, в Северщине, в Полесье, на краю Леса и Степи. Формировался не замкнутым, а открытым для всех степных ветров. И пока степняки были привычными половцами, знакомыми и даже родными, еще жива была объективность в душах. А сменились половцы на чужих монголов - затрещала княжеская честь и мораль. Опираясь на силу татарских клинков,

всяческие Иваны Калиты в полной мере возобладали над конкурентами. С 13 века бездонная азиатская степь от Китая до Европы стала давать силу и власть тем, кто презирал права и мораль своего народа, тем, кто основал российский деспотизм, сформировал судьбы и русских, и украинцев.

Чернигов

39. В черных, непроходимых лесах князь Черный основал некогда Град Чернигов. Реликвия города - Черная Могила.

40. По древности и исторической значимости, Чернигов - второй город на Украине. Да и тысячу лет назад он был таким, основным соперником киевских великих князей. Именно черниговские князья первые установили русскую власть на нынешних московских землях.

41. Вместе с властью на север двигалась и культура каменных построек. Пятницкая церковь! Десять лет назад, в Новгороде Великом, мы встретили ее младшую сестру и возмечтали о Чернигове... А теперь вот оно - осуществленное желание.

42. Все в ней как будто измечтано в едином порыве - и устремленный вверх контур, и щедро украшенные стены. А главное, многоярусные кокошники, которые, за красоту, видно, полюбили со временем и новгородские, и псковские, и московские зодчие...

43. И я благодарю судьбу за то, что довелось насытить глаза такой красотой. Благодарю реставраторов. И еще, как ни парадоксально, надо было бы поблагодарить бомбу, что прямым попаданием разрушила храм вместе с достройками и перестройками 17-18 веков и позволила реставраторам явить миру его древнюю основу.

44. Но как-то язык не поворачивается... Достройки, судя по фото, тоже ведь умелыми и любящими руками делались...

45. А в Детинце, Черниговском кремле, стоят еще более древние соборы.

46. Лаконичный, одноглавый, неброско украшенный Борисоглебский собор.

47. С такими вычурными, травянисто-звериными капителями

48. И Спасо-Преображенский собор - главная городская святыня. От него и в Новгород-Северском, и в Путивле монастыри и соборы получили свои имена, наперекор софийским соборам Киевской земли.

49. Первоначальный вид Спасо-Преображенского собора был, как и у киевской Софии - византийским. Окружающие низкорослые постройки, башни, крещальня, часовни, выявляли центральную, тянущуюся к небу часть собора.

50. А нынешний вид собор получил в конце 18 века. Золотые шпили на башнях даже мешали мне любоваться собором, мешали проникнуться его древностью.

49. Вот только открытые части кладки, явно древние, слой плинфы, слой рваного камня, да орнаментальная полоса уводили вглубь веков.

50. В старой книге 1890 года мы прочли возвзвание настоятеля черниговского кафедрала: "Ранее, чем воздвиг Ярослав, сын Владимира, храм святой Софии в Киеве, другой славный сын его, Мстислав, князь тьмутараканский и черниговский, в своем столичном граде Чернигове в 1036 году, как упоминает преподобный Нестор-летописец, заложил основание церкви Преображения Спаса".

51. С воодушевлением описывает настоятель устроителей храма."Первым здесь был похоронен Мстислав Владимирович Храбрый. Как утверждает летопись, Мстислав Храбрый был милостив к народу, любил дружину и отличался благочестием к Богу. В 1016 году он воевал Крым, в 1023 году разбил полки брата своего, Ярослава, но благородно оставил его княжить в Киеве, а сам ограничился лишь властью над Северской землей. В первый раз подразделил Русь на южную,

западную - Киевщину и - северскую, восточную - Черниговщину.

52. Здесь похоронен и печально знаменитый новгород-северский Игорь Святославович и Мстислав Мстиславович Удалой, поражавший своих современников удалью и удачливостью. То он был любимцем Новгорода Великого и неуклонным защитником его вольностей и прав, то храбрым патриотом в битве с монголами на реке Калке, то королем Галиции.

53. Здесь захоронен и последний независимый черниговский князь Мстислав Глебович, погибший в татарском погроме, и князь Михаил с боярином Федором, замученные в Орде и оставшиеся в народной памяти Черниговскими чудотворцами. И много иных князей и святых. Добрая часть украинской истории скончана в этих стенах. Ведь черниговские удалые князья стали прародителями западнорусских князей и их казацких потомков.

54. Ярко живописует старое возвзвание прежнюю роскошь и богатство собора. "Внутри храма шли вдоль к иконостасу восемь колонн и столбов в два ряда красноватого мрамора с желтыми базами и капителями. Эти колонны поддерживали своды, на которых лежали кругом древние хоры, на коих, в свою очередь, стояли четырехгранные столбы, также из мрамора для опоры среднего из пяти куполов, представляющего подобие царьградской святой Софии.

55. Налево была величавая, круглая и высокая, из дикого камня и кирпичных плит башня, где не один раз собирались съезда князей для решения важных вопросов".

56. Мы всматриваемся в собор, так сильно пострадавший за свою долгую жизнь, как в глаза старого человека, чтобы увидеть в них мудрую память...

57. Совсем другое отношение к этому зданию. По виду - трапезная монастыря, а на самом деле - бывшее высшее учебное заведение, Коллегиум. Украшений - сколько уместилось, а на четверик вместо восьмерика забралось этакое заумное строение, в котором разместилась церковь Иоанна Богослова. В 17 веке

Коллегиум и Борисоглебский собор образовали Доминиканский монастырь.

58. Так и стоят они рядом: католический Доминиканский собор и Спасо-Преображенский, древнерусский... Что может подсказать это соседство о судьбе украинского народа с его древнерусскими истоками и долгим западным воспитанием?

59. Чарующие пейзажи древнего русского города, которому выпала украинская судьба... Правы ли те, кто отрицает ее, кто не хочет видеть в Украине чего-то отдельного от России, а в украинцах - особой нации?

60. Древности Украинского Полесья говорят только великорусскими аргументами... и, конечно, не в пользу самостийности...

61. Живописно раскинулся Чернигов по холмам вдоль Десны. Почти на каждом из них храмы возвышают свои золотые или зеленые главы сложной формы - над морем деревянных, а теперь уже и каменных домов.

62. Вот холм Славы. К неугасимому огню в честь погибших в последнюю войну ведут траурные плиты свой похоронный марш.

63. А сразу за ним, в полуповороте, простая дорожка печально ведет мимо древнейших славянских могил - курганов еще дохристианских, а может, доязыческих времен.

64. И приводит к пещерному монастырю, который заложил здесь святой Антоний, основатель и Киевской Лавры.

65. В пещерах несколько храмов и множество келий, соединенных галереями. Здесь царило самое трудное подвижничество и благочестие. Некоторые монахи по обету вообще не выходили на белый свет, становясь, в глазах богомольцев, святыми заступниками перед Богом.

66. Снаружи монастырь обозначает трехстолпная Антониевская церковь позднего украинского вида.

67. Видимые и невидимые церкви! Видимые и невидимые подвиги! Видимый христианский подвиг людей, замуровавших себя под землю, сегодня продолжается в христианстве людьми, вынужденными скрывать свои взгляды.

И неизвестно, чей подвиг труднее и плодотворнее... От пещерного Антониева монастыря пошли иные монастыри и в Чернигове, и по всей Северской, а потом и русской земле... А кто предскажет дела и результаты сегодняшнего незримого христианства? Не повторят ли они прошедший тысячелетний цикл побед, поражений?

68. Троицкий монастырь

69. Елецкий монастырь

70. Мы продолжаем настойчиво искать украинское, отличное от русского в черниговских зданиях.

71. Вот - Екатерининская церковь, построенная на средства полковника Лизогуба в честь подвига черниговского полка при взятии Азова.

72. Как не узнать в ее обличии украинское барокко, так ярко расцветшее и в Киеве, и в Москве? Здесь детали украшений скромны, но форма, крест в плане и над каждой секцией креста и его сердцевиной свой купол - четкие атрибуты этого стиля.

73. И еще один признак - заломы, завершения храма, на которые ставился барабан. Закарпатские деревянные лемковские церкви имели до 6 таких заломов. Получалась высоченная баня, как зовут ее украинцы. А древнерусское в этой церкви может только стремление к кубичности?

74. Уходя от Екатерининской церкви по аллее героев к современному центру города, как бы возвращаясь от берегов Десны - в наше время можно подвести итог тяжело бьющимся в голове мыслям... Единой украинско-русской нации никогда не было. Сначала были разные племена, а потом они стали делиться по иному принципу. И все же факт своеобразия налицо. Украинская земля лесостепи между Европой и Азией обусловила национальный характер народа, и потому в Чернигове

75. западной формы ратуша соседствует с православными соборами. И как бы ни было кратким влияние Запада на эту землю, оно сделало свое дело.

76,77. С 1801 года Чернигов - губернский город России. Обзаводится и классическими зданиями, как в любой русской губернии.

78. Но уже поздно становиться Чернигову русским.

79. У него иная судьба...

Истоки

80-84.

85. XIV-XVIII века. Истоки

86. На Украине, кроме Полесья Восточного, Северского, русского есть Полесье западное, волынское, белорусско-польское.

87. Луцк Центр Волынской области сегодня - древний Луцк. Время его основания неизвестно: то ли 7-й век, то ли когда жил Владимир Красное Солнышко. Недаром так напомнил нам его Кремль - Детинец Новгорода Великого, тоже неизвестно когда возникшего.

88. Луцкий кремль носит название Большого замка Любарта. Любарт - сын знаменитого литовского князя Гедемина, начавшего освобождение древнерусской земли от татарской зависимости и сплачивание ее в единое западнорусское государство под литовским главенством. Точно так, как в свое время варяги объединили Киевскую Русь.

89. Сегодня Большой замок Любарта - пустынный музей, а для нас почти единственный свидетель сложного периода жизни украинского народа, когда он начинал борьбу за свое особое существование. Не только с татарами, но и с польскими королями. Именно здесь, в Луцком замке был создан в 1429 г. знаменитый конгресс монархов.

90. Почти со всей Европы приехали сюда, к великому литовскому князю, руководители тогдашнего христианского мира: германский император Сигизмунд со множеством немецких князей, польский король Ягелло, московский государь, хан Крыма, магистр Ливонского ордена, гроссмейстер Тевтонского ордена, король Датский, папский легат владетель валашский, посол от императора Византии...

91. Они обсуждали возможность объединения сил против турецкой опасности, в помощь Византии. Намечалось и провозглашение королем хозяина съезда и тогдашней Литвы, Белоруссии и Украины - великого князя Витовта. Однако стараниями московских и польских политиков все эти планы были сорваны. И Варшава, и Москва мечтали сами завладеть землями Витовта.

92. Даже последующие переговоры в Малом замке Любарта, а затем в Вильно и Тракае, не привели Витовта к успеху... Византия тоже осталась без поддержки и погибла под турецкими ударами, и Западная Русь так и не стала независимым литовско-русским королевством...

93. Изначально Луцк был чисто православным. Еще в 15 веке в нем было 15 православных храмов, но при польских королях и католическом засилье эти храмы стали вначале униатскими, а потом были перестроены в католические костелы и монастыри.

94. Это Доминиканский монастырь.

95. А вот костел иезуитов. Высоченный снаружи, просторный внутри, со статуями святых в нишах и на балконах.

96. А рядом громадная звонница. Ну, как не подивиться такому соседству?

97. И все же борьба религий не была здесь жестокой, а победа западного католичества - абсолютной.

98. Ведь Луцк сумел сохранить - и православный собор, и протестантскую кирху, и армянский храм, и еврейскую синагогу.

99. До недавнего времени жива была даже караимская кенасса. Сгорела, однако...

100. Какое богатство идейных влияний! Какая свобода для роста европейского рационального духа... Однако вместо европейцев здесь выросли украинцы... Сегодня Луцк чистый, зеленый город, с прекрасным парком

101. вдоль реки, свидетель одной из первых европейских попыток создать государственную самостоятельность Западной Руси - Литвы, т.е. Украины. И свидетель краха этих попыток -

из-за интриг Польши и Москвы, первой причины украинской трагедии.

102. г. Острог Небольшой районный городок Луцкой области со старинным названием - Острог - известен, прежде всего, своей удивительной крепостью, с грандиозными башнями и церковью XV века.

103. Почти вся его история связана с князьями Острожскими, а их жизнь неотделима от западнорусской и, значит, украинской истории 15-17 столетий.

104. Эту неприступную гору для постройки замка Острожские получили еще в 1368 году - от Витовта. Места на ней хватило и для замка, и для православного храма. С высоченных его барабанов не увидеть издали врага просто невозможно. А стены? - на них не окна, а бойницы. Первым здесь обосновался и похоронен Даниил Васильевич, а сын его,

105. Федор Острожко, стал знаменитым полководцем, участником Грюнвальдской битвы, гуситских войн в Чехии и Германии, не говоря уже о битвах на юге и востоке. К концу же жизни он постригся в монахи и за благочестие и подвижничество остался в народной памяти православным святым.

106. Незаурядным полководцем был и внук Федора - Иван Васильевич, принесший Литовской Руси более 60-ти выигранных сражений, хотя в целом его военная судьба была менее удачливой. Все основные войны Иван Васильевич вел с

107 наследницей татарской Орды - усиливающейся деспотической Москвой. С 15-го века, закончив собирать Северо-Восток, Москва начинает прибирать к рукам и западнорусские земли, предрешая рабство двум другим наследникам Киевской Руси - Белоруссии и Украине.

108. Удаль и какая-то воинская красота первых князей Острожских, под стать удали Черниговских Мстиславов, способствовала тому, чтобы на века затянуть процесс перехода Руси в азиатчину. И если не хватило сил для защиты западнорусской самостоятельности, то не князей Острожских в том вина.

109. Князь Иван Васильевич Острожский нещадно и не раз бился с московскими полками, справедливо видя в своих православных единоверцах истинную и главную опасность для своей Родины. В 1500 году он был пленен и сослан в Вологду, где через два года его принудили согласиться на покорность и службу московскому великому князю. Но в 1507 году он сумел бежать на Родину и снова воевал на стороне Литвы. И воевал столь успешно, что "москали" называли его не иначе, как истинным Врагом Божиим.

110. Кроме замка, в Остроге еще сохранились две отдельные городские башни, Луцкая и Татарская - как памятники другим Острожским князьям, их сбалансированной политике. Ведь, обратив военное оружие против православного Востока, князья Острожские подняли духовный меч православной веры против католического Запада.

111. И главы Богоявленского собора возвысились над круглой замковой башней, как символ, как высокое знамя над укреплением.

112. Наибольшим защитником православия по праву считают сына Ивана Васильевича - князя Константина Ивановича Острожского. Он был одновременно - и выдающимся полководцем, дипломатом и просветителем.

113. В Остроге была им основана первая на русской земле типография, где Федор Печатник напечатал Острожскую библию и "Апостолов" - чтобы поднять и укрепить авторитет православной культуры - против культуры иезуитов и бернардинцев.

114. Здесь начинался процесс усвоения православием наследия мировой культуры, процесс православного Возрождения. И пока держались князья Острожские, а вместе с ними - и другая русская знать православной веры, единой со своими подданными, до тех пор была жива надежда на мирное развитие западнорусской, украинской нации.

115. Но как только они уступили духовному нажиму Польши и Ватикана, подчинились культурному обаянию Запада,

так их величайшее богатство и могущество обернулись для украинцев - не защитой, а бедствием.

116. Уже сын Константина Ивановича - Яков Острожский - стал католиком, а внучка его Алоиза стала столь ревностной католичкой, что перестраивала православные храмы в городе - в католические, чем вызывала городской бунт и разрыв народа с прежде любимыми князьями.

117. Преданные своими князьями, потянулись теперь простолюдины душой к Москве, и потому русские, в конце концов, пришли сюда. В 1796 году Острог был присоединен к России. В предместье была выстроена Троицкая, московского типа церковь. Казалось бы, православие восторжествовало, но какое - официальное, восточное, московское...

118. Сам же Острог остался в нашей памяти каким-то идеальным взлетом, княжеской столицей, какой-то автономной и свободной Украины, каким-то не осуществившимся шансом морально-политического единства верхов и низов в украинском народе. После Константина Ивановича Острог пал в духовной борьбе, опустил свое знамя перед католической культурой и обусловил этим вторую причину украинской трагедии.

119. Почаевская Успенская Лавра¹⁰

120. Сегодня это, кажется, единственный на Украине мужской монастырь, оставшийся в живых. И он, похоже, не думает сдаваться под напором репрессии власти.

121. Считается, что на этой святой горе первые монахи появились еще в Батыевы времена. Много позже, в 16-м веке вдова земского судьи Анна Горская принесла сюда чудодейственную икону Пресвятой Богородицы от Византийского митрополита... и все свои земли в придачу.

122. С тех пор не пересекается поток богомольцев и богатств к чудодейственной иконе. Монастырь стал знаменитым и богатым, а позже получил звание Лавры.

123. Долгое время Почаевский монастырь, как великан, стоял на защите православной веры против католического

искушения. Долгие годы ему приходилось судиться с ополяченными наследниками Анны Горской, которые даже воровали чудодейственную икону. В Почаеве даже была типография, помогавшая монахам поддерживать православным словом колеблющихся.

124. Однако в 18 столетии и этот великан был повержен - в 1720 году стал униатским, приобрел соответствующие Западу барочные украшения. И хотя через сто лет с лишним по велению Николая I Почаев вновь стал православным в наказание униатам за участие в польском восстании 1830 г., но это было не победой-реваншем западнорусского духа, а вторым его поражением.

125. Под нажимом Запада принять униатство, а потом, по приказу московского деспота, принять московское православие - какой же народ может такое выдержать без духовной порчи? - Нет такого народа!

126. И в этом третья причина украинской трагедии... А сегодня - новый поворот против православия и католичества в пользу государственного атеизма. И ходят, по разрешению свыше толпы организованных неверующих туристов в сопровождении монахов-гидов, по-хозяйски раздвигая богомольцев...

127. Почаевские храмы роскошны, ухожены.

128. Белизна стен, золото глав и яркость фресок создают торжественное, **праздничное** настроение не только у богомольцев, но и у нас простых посетителей.

129. Модернистская стилизация одного из храмов под старину уместно подчеркивает в Почаеве

130. древность русского православия. Реставрационные работы, толпы плановых туристов,

131. создание туристского центра - все говорит о почти неприкрытом желании властей превратить Почаевскую Лавру в музей,

132. в доходное место, как в Киеве и в Суздале. Этому мешают пока лишь зловредные хозяева -монахи

133.и богомольцы. Уже много-много лет идет эта неравная борьба, когда местные и прочие власти всеми средствами вплоть до арестов, до запрещения принимать послушников выживает отсюда монахов.

135.Однако Лавра продолжает жить и плодоносить. Народ сопротивляется начальственной идеологии и упрямо держится за предков, теперь за православие. И это хорошо.

134.Мы украдкой смотрели на богомольцев, на уходящую Украину, поражались ее простоте и убогости, так явственно воскрешающей шевченковские времена и типы.

136. и с интересом вслушивались в аргументы молодых христиан, ребят послевоенного рождения, которые видят в православии единственно прочную и истинную веру **украинцев..** От их убежденности и нетерпимости становилось даже страшно. Не дай Бог им власти!

137.Одуревшие от впечатлений, хаоса людского мельтешения, праздничности и убогости, красоты и безобразия, туристского спокойствия и спора с ребятами, мы выходим на знаменитую паперть Почаевской Лавры с ее простором для ветра и пытаемся осмыслить увиденное.

138.XVII-XX века. Следствия И снова русское Полесье. Мы оставляем пока в стороне период польского владычества и Хмельничины, чтобы быстрее перейти к последним векам русского господства.

139. Батурина Батурина сегодня небольшой городок на берегу Сейма

140 с маленькой действующей церковью и огромным старинным парком, недалеко от которого высятся руины гетманского дворца.

141. Строился он уже в XVIII веке любимцем русской царицы и бывшим украинским пастухом, а потом графом Григорием Разумовским. Украина к тому времени потеряла и память о своей независимости, поэтому гетманство царицынского любовника и этот огромный дворец бывшей столицы левобережной Украины был просто самодержавной русской блажью, подделкой.

142. Когда-то знаменитый польский король Стефан Баторий - победитель московского деспота Ивана Грозного, был вместе с тем и отцом для украинского казачества, которому он дал организацию на полки и сотни, а также гетманскую столицу, основав ее в 1575 году и назвав своим гордым именем Баториным. Но уже в следующем столетии руками самих украинцев левобережная Украина была отдана московскому царю и его власти теперь подчинялись левобережные гетманы.

142а. Последним настоящим гетманом в Батурине был Иван Степанович Мазепа. Высокообразованный шляхтич, проницательный политик, твердый администратор, в эпоху петровского усиления власти он пытался использовать последний призрачный шанс - отвоевать независимость своему государства, понадеявшись на помощь шведского войска. И проиграл на Полтавском поле. Можно только удивляться нерасчетливости этого хитрого политика. Ведь его не поддержали в решающий момент даже свои украинцы. Но, видно, он не мог поступить иначе. Видно, накипело.

143. Отсюда он выступил в свой последний поход - на соединение со шведами, оставив столицу, дом и военные припасы. Скоро Батурин был окружен войсками Алексашки Меньшикова, защищался отчаянно, но был взят и предан пламени в назидание всем украинцам.

144. В большом и тенистом парке сохранился дом войскового судьи и доносчика Кочубея. И его дочери Матрены. Мы знаем ее как Марию из пушкинской "Полтавы".

145. Украинские подсолнухи привечают романтические развалины гетманского дворца, как когда-то молодая украинка полюбила престарелого гетмана. И, возможно, толкнула его на молодое безрассудство и отчаянную смелость.

146, 147. Украинская история требует от государственных деятелей смелости и подвига. Но не безрассудного. Иначе останутся на ней лишь руины в диких подсолнухах...

148. г. Глухов На слайде - еще одна триумфальная казачья арка, построенная к приезду в город Екатерины II. Она и

сегодня служит въездными воротами для этого городка, почти не изменившегося в размерах с 18-го века.

149. Глухову судьба готовила стать последней, уже скорее марионеточной, столицей автономной Украины. Когда в 1709 году Мазепа ушел к шведам, разгневанный Петр повелел предать его анафеме и выбрать нового гетмана, что и было выполнено покорной и испуганной казацкой "старшиной". Вот здесь, в Глухове, на общевойсковой раде они по царскому велению проголосовали за сотника Скоропадского. А в 1722 году украинское гетманство вообще было ликвидировано. Вместо гетмана в Глухове расположились

150. правительственные учреждения Малороссийской Коллегии. Наконец, в 1782 году и они были ликвидированы, а Украина превращена в рядовую русскую провинцию.

151. Гибельный процесс завершился. Отныне можно было говорить только о подневольном развитии украинской нации в теле Российской империи.

152, 153. От тех времен в городе стоит Троицкий собор.

154. г. Нежин

155. Хотя Нежин известен на Руси еще с 1147 года под именем Уненжа, он никогда не был ничьей столицей, и потому его можно показывать как типичный город лесостепной Левобережной Украины. Он давно уже стал большим.

156, 157. Это видно по множеству церквей, хотя сегодня они в запустении и разоре.

158. Окруженный лесом и болотами, Нежин издавна был защищен от лихих людей, и потому в 17 веке воскрес перевалочной базой на торговом пути из Турции, Ирана и Греции - в Московию Основными торговцами в Нежине были греки. Богдан Хмельницкий первый дал им торговые льготы, а при Мазепе они даже образовали свое греческое церковное братство. При Екатерине II оно было переведено в греческий городской магистрат. Немногочисленная торговая греческая диаспора как бы вдохнула предприимчивый дух жизни в этот болотный город, а, породнившись с украинской старшиной, заложил основу для нежинского процветания и культуры.

Торговое счастье переменичиво... Развитие Ростова, Таганрога, Одессы подорвало значение Нежина. Но он все же успел стать большим.

159. Самый известный архитектурный и исторический памятник в Нежине - Педагогический институт, бывший Нежинский Лицей, основанный князем Безбородко.

160. Он известен не столько своими классическими формами,

161. сколько тем, что... "Здесь учился Гоголь"

162. Николай Васильевич родом с Полтавщины, из старинного полковничьего рода Гоголь-Ямовских. Однако учился он в Нежине, в русском лицее, а жил и вырос как литератор в Петербурге, став там великих русским писателем.

163. Даровитейшие сыны украинского народа уходили в русскую культуру, при этом как бы обескровливая украинскую землю. Такова еще одна трудность украинской судьбы.

164. На долю украинской культуры оставалось лишь народное творчество, лишь фольклор, а этого - мало.

165. У нежинской автостанции стоят руины, иначе не скажешь, одного из православных храмов. Крестовая церковь с тремя барабанами. Мимо нее проносится жизнь, и она молчит, покорно ждет своего окончательного разрушения.

166. Вот так и с украинской культурой. Есть древний остов, есть богатая народная почва, есть природные талант и сила, но они уходят, уезжают от разрушенных руин,

167. попадая под воздействие более сильной русской культуры.

168. г. Каменка И сегодня этот городок невелик, а до революции он был лишь местечком, фактически селом вокруг усадьбы Давыдова, с которой началась его декабристская, литературная и музыкальная слава.

169. Усадьба Давыдова, героя войны 1812 года, долго служила штаб-квартирой для южнорусских декабристов. Этот дом был чрезвычайно гостеприимен для друзей, удобен для откровенных споров, в которых молодая военная и

интеллигентская элита пытаясь выработать пути преобразования громадной Российской империи.

170. Герои Отечественной войны, привыкшие к бесстрашию ради Отечества и товарищества, и насмотревшиеся в Европе на иные, привольные порядки, победив в войне внешней, теперь желали побед на своей Родине.

171. Орлов, Волконский, Раевские, Давыдов, Якушин, Пестель, Апостол - кто только не участвовал в этих спорах! В выработке новой русской правды на западной основе... Они были, прежде всего, военными, и потому их Южный союз тяготел к военному заговору, в отличие от Северного союза в Петербурге.

172. В этом гроте они собирали конспиративные совещания, обсуждая возможности союза с низшими чинами, с различными организациями, типа "Союза славян". Обсуждали методы захвата власти.

173. Но когда наступил 1825 год, Южное общество оказалось распавшимся и неспособным к действиям. Раевский был уже в тюрьме, Пестель схвачен, многие отошли от движения, и лишь братья Муравьевы и Бестужев в преддверии окончательного разгрома подняли восстание в Черниговском полку и были разгромлены в бою.

174. Никто их не поддержал. Это кажется удивительным. Так долго и яростно боровшаяся с московскими полками украинская нация, еще недавно бывшая под властью Запада, Польши, даже не шевельнулась, когда в ее центре горячая и вольнолюбивая молодежь попыталась завоевать свободу и счастье для России и для нее... Украина как будто изнемогла после стольких столетий войн и междоусобий, как будто стала спокойным стоячим болотом. Только бы его не трогали.

175. В усадьбе Давыдова встречался с декабристами и ссыльный Пушкин. Молодым и влюбчивым бродил он по аллеям парка

176, 177. вдоль спокойного Тясмина, взбирался на прибрежные скалы и, конечно же, писал стихи...

178. А позже, Чайковский здесь перекладывал стихи Пушкина на музыку.

179. Он жил напротив парка, у замужней сестры, но, думается нам, что вдохновение чаще нисходило на него в старой усадьбе Давыдовых, с ее неутишшей памятью о декабристах и Пушкине.

180. Музыка к "Лебединому озеру", "Черевичкам", "Мазепе". И хотя Чайковский - русский композитор, эта земля одарила его и мелодиями, и сюжетами. И потому украинский народ

181. может и должен причислять Чайковского к своей культуре! И не надо бояться в этом переборщить. От русских не убудет.

182. г. Харьков В Харькове я родился и жил в нем первые три года настоящим украинцем. И хотя потом вырос русским, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы проездом остановиться в Харькове, как и в этот год, при пересадке нашей семьи с волгоградского поезда на запорожский.

183. Конечно, Харьков уже очень далек от русского Полесья, но он сформировался в тесной близости с Россией и потому стал одним из главных проводников русского влияния на Украине.

184. Мало того, в советское время он долгое время был официальной столицей Украины, и потому олицетворяет целый период в нашей теме.

185. Харьков - это не только многоэтажный многокоробчатый город советской формации. Есть в нем и старая часть, красавая и ухоженная.

186. А ведь каких-нибудь триста лет назад здесь было Дикое поле. Только в 1654 году начали строить первые дома беглые черкассы-украинцы, спасаясь от ужасов гражданской войны при Хмельницком.

187. С саблями и мушкетами выходили работать в поле первые поселенцы. Крепким заслоном от татар стали они для Московии. И потому очень благосклонно смотрели кремлевские

цари на революционных казаков. Поначалу беспрекословно подтверждали их права и вольности.

188. Но уже в середине 18-го века казачье самоуправление было ликвидировано. Как и Нежину - Харькову выпала счастливая торговая судьба. В 18-м столетии здесь уже проводились четыре ярмарки с иностранными купцами, не говоря уже о вездесущих греках.

189. Харьков рос как на дрожжах, а открытие черноморских путей ему только помогло. С 1771 года он стал наместническим, а потом губернским городом, центром Слободской Украины.

190. И еще одно везение. В 1805 году харьковчане добились открытия у себя университета, единственного высшего учебного заведения тогда на всей Украине, Дона и Кубани. К торговому городу прибавилось значение культурного центра.

191, 192. Но так чаще всего и бывает. Где торговля, там и культура. Где культура, там и промышленность, там и власть.

193. Харьков, как столица суверенной, советской украинской республики вместо Киева - одно это накладывало оттенок сомнительности на такую независимость, но в первое послереволюционное десятилетие на подобные тонкости не обращали внимания.

194. Центральная власть делала столицей Украины - то Батурина, то Глухова. Теперь вот - Харьков, чтоб быстрее преобразовать провинцию под единый революционный российский знаменатель.

195. Многое знают харьковские улицы. Моя мама рассказывала и об умирающих от голода на его тротуарах и веселых демонстрациях, о пайках и страхе за жизнь и о счастливой любви и начале семейной жизни, о военных бомбежках и радости восстановления.

196. Многое могут рассказать харьковские архивы о второй, еще более страшной, чем после Хмельничины, послереволюционной руине. Но, наверное, только сам Харьков может рассказать, как и почему это недавнее Дикое поле

197. в непосредственной близости от русских поселений вдруг оказалось заселено и обжито деятельным народом, родственным к России, но, тем не менее, вполне самобытным и не думающим об исчезновении даже при сильнейшем воздействии официальной русской культуры.

198. В этот раз вместе с нами в Харьков, на родину отца, приехали и наши дети, русские украинского происхождения. И если нам не хватит сил разобраться в русско-украинской теме, то им-то, может, хватит?

199. Конец

Приложение 8.

Три письма о книге О.Сулейменова "Аз и Я" (переписка с ак. Д.С.Лихачевым)

Предисловие

Для нас, как и для многих, миф о половецкой опасности и монгольском иге как о первопричине российской отсталости и, следовательно, нынешних наших бед, - очень долго казался самоочевидной истиной. Хотя постепенно мы осознавали и иные моменты. Так, в 1967 году стали отрицательно относиться к роли Александра Невского, добровольно покорившего Новгород татарам ради битвы с Западом, потом к Петру I, использовавшему западную технику для укрепления деспотизма...

Книга казаха О.Сулейменова с необычным истолкованием древнерусской повести "Слово о полку Игореве" стала поворотным моментом осознания того, что в самых дальних глубинах русской истории существовала тяга к использованию степняков как ударной силы деспотической власти, монгольское иго теперь видится не причиной, а средством глубинных потенций. Это, правда, уже мои выводы, сам же Сулейменов лишь воинственно защищал достоинство своих степных предков, национальную честь от русского шовинизма. Скоро после появления книги были напечатаны и разгромные рецензии, а книгу стали изымать из обращения в магазинах. Сулейменов был вынужден выступить с самоосуждением в газете. Все это вызывало к нему общее сочувствие.

Однако наши знакомые филологи говорили, что Сулейменов был слишком легкомысленен и невежественен, пускаясь в научную дискуссию о "Слове..." и, следовательно, его критика в печати - справедлива. В этом споре, как один из веских аргументов, мне была подарена книга ак. Д.С. Лихачева,

имя которого широко известно за пределами круга специалистов.

Последующее изложено в самих письмах.

В заключение же их хочу сказать, что я жалею о своей первоначальной и теперь уже неисправимой резкости. По ответу видно, что я нанес обиду хорошему человеку и каюсь в том. Но и от защиты страстной книги О.Сулайменова, от защиты которой вынужден был отказаться сам автор, я отступать не хочу, ибо чувствую в ней правду, важную, прежде всего, для нас, русских и украинцев.

Письмо 1. Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Друзья подарили мне Вашу последнюю книгу "Слово и полку Игореве" и культура его времени" - (в основном, из-за 20 страниц критики книги Сулайменова "Аз и Я") - и я с благодарностью прочел ее, однако мое восторженное отношение к Сулайменову Ваша критика рассеять не смогла. Ниже я попытаюсь объяснить "почему" (уяснить это для себя и для друзей). Мне кажется, что дальнейшее Вам будет читать неприятно, поэтому не обижусь, если Вы бросите это письмо в урну без ответа. Для меня важно только, что Вы имели возможность узнать отрицательное мнение одного из рядовых читателей.

Вкратце, мое мнение состоит в следующем: Вы правы в мелочах, Сулайменов прав в главном; Вы правы в своих частных возражениях, но защищаете громадную неправду, умалчивая о главном.

А теперь объяснения.

Украинец по крови, я - русский по языку, воспитанию и культуре, и книгу казахского писателя прочел со стыдом, как заслуженную пощечину своему русскому шовинизму. Воспитанный в ненависти к "поганым половцам и прочим татарам" и, след., в презрительном снисхождении к их потомкам, я вдруг услышал свободный голос потомка этих самых "поганых половцев", голос, убедительно ткнувший меня в мерзкие дела моих предков, того же самого Игоря Святославовича, а с другой стороны - показавший славу своих

предков - половцев, а самое главное - вскрывший наш сегодняшний эгоизм, нестерпимое и ни на чем не обоснованное высокомерие европейца перед азиатом, разоблачивший ту ложь, вернее, искажение исторической правды, на которой только и зиждется его высокомерие.

С самого начала мне было ясно, что многие, если не все, из текстологических доказательств Сулейменова будут высмеяны и отвергнуты как дилетантские и ошибочные. При такой богатой истории изучения одного письменного памятника, при такой массе толкований и сомнений иначе и быть не может. И Ваша книга в этом смысле не дала ничего нового, она только подтвердила ожидание отрицательной реакции "официальной науки". Но не повредила книге Сулейменова, для которой текстологические аргументы были не столько доказательством, сколько демонстрацией возможности и правдоподобности сулейменовской концепции.

Даже если все эти аргументы будут бесспорно отвергнуты (а до этого еще далеко), то и тогда главная правда, высказанная Сулейменовым, останется непоколебленной. А именно: на протяжении многое веков существования ненависти к половцам и степнякам, последняя не могла не влиять на переписчиков и продолжает сегодня влиять на интерпретаторов "Слова о полку Игореве", продолжает искажать правду об "Игоревом времени". Чтобы опровергнуть Сулейменова, надо доказать или, что ненависти к половцам и степнякам у русских переписчиков и позднейших ученых комментаторов никогда не существовало, или, что эти переписчики и ученые не могли влиять и влияли на смысл и букву "Слова".

Доказывать отсутствие неприязни к Полю Вам, ее современному адепту - смешно, а искажающую, т.е. творческую практику переписчиков и комментаторов Вы тоже не отрицаете. Но из этих очевидных посылок столь же строго и очевидно вытекает и следствие: по характеру вековых интересов и пристрастий переписчиков можно судить и об основном характере эволюции памятников - вносимых в него искажений. Вот то главное, что сказал Сулейменов. Историческую правду о

русско-половецких отношениях, возможно,искажали не только переписчики и комментаторы. Сам автор, наверное, тоже не был беспристрастным и, возможно, на нем лежит главная ответственность, но и для Сулейменова, и для читателей (кроме Вас и Ваших коллег) второстепенным вопросом является, кто несет главную ответственность за искажение исторической правды в современном прочтении "Слова": сам ли древний автор, или средневековые соавторы-переписчики, или их современные преемники-толкователи. Гораздо важнее восстановившись саму историческую правду жизни и избавившись от вековых искажений ее. И выполнить эту задачу мог только человек, совершенно независимый от таких пристрастий, или даже наоборот, придерживающийся противоположных интересов, т.е. не русский, а потомок их врагов, т.е. половцев. Им-то и стал Сулейменов. В "научный" спор прокуроров как бы вошла, наконец, адвокатом обвиняемая сторона и сказала свое веское слово.

Я убежден: именно в этом первом "половецком" выступлении в науке о "Слове" и состоит научное значение книги "Аз и Я", большее, чем многих профессиональных книг на эту тему.

Повторяю: главное доказательство Сулейменова - историческое и логическое. И оно не опровергнуто. Вы, во всяком случае, отклонились даже от попытки такого опровержения, от анализа фактических событий, рисуемых в "Слове". Конкретные обвинения Сулейменовым князя Игоря как антигероя Вы тоже игнорируете. Но ведь и летопись рисует Игоря иначе, чем "Слово" (скорее, как Сулейменов). Я верю, антиполовецкие влияния в будущем будут доказаны и текстологическим анализом, и если последний пока не удался Сулейменову, то удастся следующему "половцу", и в конце концов правда вскроется и наш русский шовинизм на древней почве будет посрамлен.

Вы совершенно напрасно иронизируете над популярностью книги "Аз и Я" - она производит переворот в душах, рассеивает шовинистические предрассудки,

заблуждения, убеждает богатством содержания и глубиной анализа эпох бывшей и нынешней. Взаимоотношения Руси и Поля, людской чести и подлости, политика наведения князьями половцев на свою землю в качестве будущего господина-царя (как страшно повторена эта политика потом Иваном Калитой и как помогла она созданию величайшей и могущественной в мире деспотии), история патриотических поисков внешних врагов ради обоснования и укрепления единства, вернее, деспотизма, история забвения уроков прошлого - как все это нужно нам, сегодняшним людям - для собственной жизни и поведения!

Книгу Сулейменова сегодня невозможно дослать, за нее платят в десятикратном размере, но достать могут не все (впрочем, влияет и указание властей для магазинов - скупить "Аз и Я" - не для продажи, а для уничтожения. Об этом я сам слышал в Алма-Ате от продавщицы в книжном).

Простите, но каким контрастом лежит на столе Ваша книга - может, одного из лучших наших "словистов". При таком объеме - и такая узость взглядов, такое равнодушие к животрепещущим проблемам, волнующим всех читателей. Какая пустыня! Над важнейшими вопросами нашей истории при чтении Вашей книги можно размышлять только против воли автора.

Так, при обсуждении терминов "чести и славы", вернее, осуждении этих "феодальных качеств" в сравнении с благом России, я думал о том, сколь далеко зашли корни российского рабства еще в те давние, дотатарские времена, что, прервав княжеские междуусобицы ("поиски чести"), Москва прервала и выработку в России чувства личного достоинства и чести и этим обусловила деспотическое развитие. Но Ваша книга не стимулирует такие размышления, а забивает их давно известными штампами - о необходимости единства, о противостоянии "врагам", о вредности браков с половчанами, о гениальности наших предков и недобросовестности всех, кто в этом сомневается, - и морем малоинтересных частностей.

Впрочем, узость содержания и мелкость тем можно извинить, ссылаясь на известную болезнь профессионализма, но глухота к боли и страданию нашего половецкого современника непростительна. На всю Сулейменовскую боль Вы нашли возможным лишь снисходительно проронить насмешливое: "Меня, как русского, очень трогает стремление О.Сулейменова вложить в "Слово о полку Игореве" черты своего, тюркского этноса". Далее Вы продолжаете в том же насмешливом тоне: "Трогают меня и другие проявления любви О.Сулейменова к "Слову...", хотя знаете о законности его гипотезы ("А.Н.Робинсон выдвинул... обширно и серьезно аргументированную гипотезу о "Слове" как памятнике культурного пограничья между Русью и Половецкой степью" - это Ваши слова!)

Больше всего меня удивляет - почему "Аз и Я" не вызвала отклика в Вашей душе, почему Вам, русскому, не стало стыдно так же, как мне, как и многим другим русским читателям? А ведь поводов для этого, наверное, у академической науки не меньше, чем у рядовых читателей...

Сейчас книгу Сулейменова уничтожают, его самого заставили выступить с галлиеевским отречением в газете. И в наших условиях Вы все же считаете возможным выступить с критикой "поверженного половца", со своих академических высот потретировать его как жалкого дилетанта, хотя для реальных читателей соотношение выглядит обратным... Бог Вам судья!

Наверное, я и вправду глуп, что пишу Вам это письмо. Но нет, я - русский по языку и культуре и пишу русскому ученому, твердо веря, что среди ученых найдутся люди, способные понять "половецкую правду", подхватить Сулейменовское начало.

Обязательно найдутся! В.Сокирко 17 августа 1978 г.
Опера "Князь Игорь". Увертюра

Письмо 2.Уважаемый Виктор Владимирович!

Я получил Ваше письмо по возвращении в Ленинград только сегодня (6.X.78) и тотчас отвечаю Вам.

Вы плохо осведомлены во всем, о чем пишете.

1. Почему Сулейменов потомок половцев? Казахи не потомки половцев, хотя и близки к ним этнически.

2. Когда и в чем проявлялось презрение русских к половцам? От половцев оборонялись, воевали с ними, но ни в одном случае я не встретил в древних памятниках презрения к ним.

3. Какое отношение имеют войны XII в. к современности? Все воевали со всеми! Русские в прошлом всегда уважали тех, с кем воевали. Самый высокий памятник на поле Бородина - французам. Знаете ли Вы это? Памятник шведам - на поле Полтавской битвы. Прекрасное французское кладбище существовало в Севастополе и пр.

4. Следы половецкого эпоса и тюркские элементы в "Слово о полку Игореве" изучали Пархоменко, Приселков, Мелиоранский, Гордлевский, Корш, Кононов. Сейчас - Робинсон и многие др. русские ученые. Только они эта делали грамотно и со знанием тюркских языков (кроме Робинсона). Тюркских языков Сулейменов не знает. Он человек русской культуры и пишет только по-русски. Он не знает работ о половцах и о следах половецкого эпоса.

5. Русские для изучения языков сделали гораздо больше, чем сами тюрки.

6. Шовинизм и презрение к русской науке проявляет именно Сулейменов.

7. Никто (кроме Бородина в опере) не идеализирует Игоря.

8. Стыдно за нападки на русскую науку должно быть именно Сулейменову. Стыдно потому, что он не знает русского востоковедения и его великих традиций, а самоуверенно бранит. Традиции же в русском востоковедении не только научные, но и гуманистические.

9. Вы не знаете, что я всю жизнь в разных формах борюсь с шовинизмом (в том числе и русским) за истинный патриотизм.

10. Вы не знаете, что я не занимаю высокое положение, а именно Сулейменов. Он катается по всему миру и сразу после скандала с его легкомысленной книжкой поехал в Париж, о нем сразу же была в "утешение" помещена статья в "Литгазете" с фотографией, а меня не пустили даже на съезд славистов в Югославии в этом году и во множество других мест. Вот мои "академические высоты" и вот "поверженный полоумец".

Желаю Вам быть более осведомленным в тех вопросах, о которых скандачка беретесь судить и рядить. Подпись Д.Лихачев. 6.Х.78г.

Вы написали свое письмо на машинке в нескольких экз. Очевидно, с гордостью показываете его своим друзьям. Имейте мужество показать им и мой ответ.

http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/022a4fa9-a9a2-1729-fef1-e0fd0fc2bcc/Borodin.Opera_Knyaz_Igor.01.Uvertura.mp3

Письмо 3. Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Ваше письмо было для меня неожиданностью и наказанием. Мне стыдно за причиненную Вам боль и обиду, но поверьте, я не был злонамерен.

Конечно же, Ваше письмо я распечатал в том же количестве экземпляров (и высыпал подтверждение). Однако еще раньше друзья успели упрекнуть меня за письмо к Вам, ссылаясь, главным образом, на соотношение Вас и Сулейменова в официальном мире в сравнении со сложившимся у меня представлением. Но я писал лишь как рядовой читатель и судил лишь по Вашей и Сулейменова книгам. Для миллионов существуют только эти книги.

Дмитрий Сергеевич! После Вашего письма я понял: Вы погружены в академическую науку, в мир древних текстов и толкований и не замечаете той массовой культуры, в которой варимся мы, миллионы. Вы не видите ненависти и презрения к иностранцам вообще, к татарам, половцам и прочим азиатам - в

особенности, людей, воспитанных школьными учебниками, худлитературой, популярной историей и т.п. Мой современник в подавляющем большинстве знает только о степных хищниках-половцах, о зверях-монголах, вызвавших нашу отсталость от Запада вплоть до последнего времени, а крымских татар считает турецкими наймитами и немецкими прислужниками и т.п.

Мне не надо это доказывать. Я учился в обычной школе (мне 39 лет) и брал книги в обычной библиотеке. Да, русские уважают тех, с кем воевали, именно те, кто воевал. Но не те, кто позже писал об этом и обрабатывал народное сознание в "патриотическом духе". Конечно, это не наука. Но наша наука в этом вопросе или молчит, или подтверждает распространенные шовинистические предрассудки, в то время, как ее прямая гуманистическая обязанность - выступить против этих предрассудков. Иначе, зачем нужна историческая наука, если она мирится с такой неправдой в народном сознании, как, например, реальный облик князя Игоря Святославовича. Вы пишете, что никто не идеализирует этого князя, кроме Бородина в опере. Какое заблуждение! - Его идеализируют миллионы - весь народ: и слушатели оперы, и школьники, изучающие "Слово о полку Игореве", которое в его нынешнем толковании представляет Игоря героям.

Я был рад узнать из Вашего письма, что русская наука много сделала для изучения тюркских языков и половецкого эпоса в "Слове..." Видимо - для выявления правды в русско-половецких отношениях. Но почему об этом никто не знает? Почему школьные учебники не снабжаются объективными характеристиками Игоря? Почему только Сулейменову удалось громко крикнуть об этом?

- Может, не пропустила цензура? - Но нет, такое препятствие не чувствуется (даже по Вашей книге). Просто Вы не видите той неправды об Игоре, в которой мы живем и которой формируют наши души ("и на заре нации у нее были злобные враги, справиться с которыми можно только единством и деспотизмом..."), и не желаете ее исправлять. А вот Сулейменов захотел в силу своего степного происхождения

(какое имеет значение, прямой ли он потомок половцев или побочный - он чувствует себя преемником их и это дает ему силу) и сделал это. И я благодарен ему, несмотря на то, что сегодня от Вас и от своих друзей узнал порочащие его обстоятельства. Потому что я благодарен не просто высокопоставленному казаху - О.Сулейменову, а автору книги "Аз и Я". Сулейменов не шовинист, он просто националист, поскольку принадлежит к малой и подчиненной нации. Его "дерзкие нападки на русскую науку" - есть дерзкая защита от великодержавной интерпретации этой науки (а мы, читатели, только ее и знаем)...

Я хотел бы быть благодарным и Вам, Дмитрий Сергеевич, за открытие правды: кто же были наши предки, Игорь Святославович и другие, и что заложили они в основу нашей Родины?.. Потребность в этой правде у всех огромная. Буду рад услышать Ваш голос.

И еще. Вы упрекаете меня в малой осведомленности - чтобы "судить и рядить". Но сужу я только по малоинформационным книжкам и Ваш упрек переадресовываю Вам и Вашим издателям. Что же касается "судить и рядить" - то не следует ли мне отказаться и от размышлений, от откровенного высказывания своего мнения? Не следует ли стать равнодушным и не писать больше "глупых писем"? Неужели лучше молчать?

С уважением В.Сокирко 16.X.78г.

Приложение 9.

Украинский дневник.

Этому дневнику фатально не везло. Во-первых, мы не думали, что у нас все же будет "туристское лето" и его записи. Ведь мы собирались жить в деревне и только сделать несколько автобусных вылазок в города. Но, наверное, Лилия уже не может обойтись без записей, просто так, даже на клочках бумаги, а я каждый раз жалею их выбрасывать и ищу смысла в сохранении. Так и при подготовке этого тома диафильмов понадобилось какое-то объяснение и дополнение к нашим украинским диафильмам 1977 года, почти целиком обращенным к украинской истории и судьбе, Лилин дневник пригодился для уравновешивания чрезмерной идеистичности диафильмов. И потому летом 1978 года я взял Лилины разрозненные, но еще живые путевые украинские записи в долгую сибирскую поездку, привел их в порядок и сопроводил комментариями. Однако, на обратном пути (уже в Казани) все эти записи, а с ними и сибирский дневник, были утеряны.

Пришлось восстанавливать все по памяти (почти полтора года спустя). И это было сделано. Мало того, печать украинского тома была уже почти закончена, когда произошла новая и еще более крупная пропажа. Государственная власть обыскала квартиру и изъяла почти все машинописные материалы, в том числе и украинские. Не только напечатанные страницы, но и рукописные, не только дневников, но и диафильмов. Все пришлось начинать сначала...

Так что перед Вами, скорее, не дневник, а воспоминания, далекие от первоначальной свежести. И все же они - нужное звено в нашей украинской теме.

В этот год, выполняя прошлогоднее обещание горам Тянь-Шаня, мы отправились в летний отпуск с детьми. Чтобы не замучить малышей переездами, поехали на Украину, в Шевченково к родственникам, которые пообещали нас принять и даже освободить от детей на две автобусные экскурсии.

В один из июльских дней (не помню какой), мы приехали в Волгоград к маме, где нас поджидала Гая. Два дня гостевания в родном доме и отъезд поездом Волгоград-Киев.

Приступив к той части отпуска, которая называлась "с детьми", мы засунули их на вторые полки общего вагона (других билетов не было) и, провожаемые плачущей мамой, что не сумела воспитать дочь, чтобы ездила в купированных вагонах, как госпожа, и жалеющей неповинных внучков, отправились в путь.

Устраиваемся в тесноте и нервности. Пока готовились ко сну, Алешик сумел-таки свалиться с полки на стол и отчаянно заревел, приведя в испуг всех пассажиров. Рев Алешика, ругань пассажиров, разрядивших на нас не только испуг за ребенка, но и все накопившиеся огорчения от дорожных неурядиц и многодневных стояний в билетных очередях... Они все высказали мне, какая я плохая мать. Я слабо огрызлась, а надо бы совсем молчать.

Потом уснули, вернее, полууснули, потому что лежать с Алешей на одной полке (Витя спал с Аней), можно только держась за вешалку для полотенца.

... июля. День в дороге в общем вагоне заполнен обычными дорожными радостями: посмотреть в окно - поспать - побегать на остановках. Последнее относится больше к Гале и малышам. На одной из станций Гая сильно расшибла коленку и попротихла. Детки не капризничают, несмотря на духоту, но они слишком неуемные, и некоторых пассажиров раздражают. Весь день я в напряжении оттого, что нужно сдерживать их веселье и контролировать. Но вот и Харьков.

В Харькове у нас пересадка на Запорожье. Здесь я впервые в жизни пользуюсь кассой "для матери с ребенком", т.к. есть один детский билет (Гали), и, на свое удивление, после

получасовой очереди получаю желанные компостеры на вечерний поезд в Запорожье (на общем же табло было указано, что мест на этот поезд уже нет).

До поезда еще 2 часа, и мы расположились с рюкзаками по-цыгански на травке привокзального скверика, используем это небольшое время для радиальных выходов в город. Сначала отправился Витя с фотоаппаратом, потом я с Галей и Темой. По улицам нашего века подходим к старой части города, осматриваем его заречную панораму и возвращаемся к деткам.

Пораженные полупустым вагоном (почему же не было мест в кассе?), привольно устраиваемся. Но короток наш сон. В 3 часа ночи вылезаем в Запорожье. Для меня самой большой неожиданностью были тихие и некапризные детки, послушно подставляющие ножки для обувания и сами выходящие на платформу. А я-то боялась этой выгрузки!

На привокзальной площади стоят только "левые" машины. Но нам не нужна гостиница, нам лучше бы лес на Хортице. Наконец, один "левак" нас понял, загрузил в автобус и через полчаса езды (а может, и меньше), доставил на остров Хортицу, содрав потом пятерку (я таких цен не ожидала, но пришлось платить).

В густых зарослях белых акаций на древней земле запорожцев мы растянули палатку и доспали ночь.

... **июля**. Солнышку не сразу удалось нас разбудить рано. Но вот мы уже на ногах, а глаза готовы обозревать достопримечательности одна за другой. Но где они на Хортице? Не осталось ни одной. Даже фундаментов и остатков стен домов запорожских казаков не найти среди этих зарослей. Зашли за информацией на турбазу-гостиницу рядом, и от женщины-инструктора узнали то же самое. Возят туристов только к 600-летнему дубу. Обидно, но понятно: ведь память о казаках - это память об украинской самостийности...

Женщина (инструктор по должности), ссылалась на отсутствие денег для реставрации запорожских укреплений, повторяя, по-видимому, официальную версию. Она странно звучала в роскошных апартаментах этой гостиницы, очевидно,

выстроенной для желающих посмотреть на старое Запорожье. Ведь, чтобы вырубить заросли вокруг сохранившихся фундаментов, проложить грунтовые дорожки, восстановить несколько шалашей, описания которых известны и т.д. - денег надо гораздо меньше, чем на постройку этой самой турбазы. Старое Запорожье, наверное, можно было бы восстановить даже без денег, на энтузиазме горожан... И когда я прямо спросил: "Может, сверху опасаются усиления национализма", хозяйка не удержалась и от столь же прямого ответа: "Да, конечно".

С Хортицы едем в город через ДнепроГЭС, на пристани узнаем расписание речного движения, сдаем рюкзаки и, освобожденные от вещей (но не от детей), едем снова на Хортицу, к запорожскому дубу. Большие бронзовые стрелки не дают сбиться с пути, и мы не сбиваемся, а постоянно "запинаемся" на ходу, собирая валяющиеся оранжевые зрелые абрикосы - не давить же это горьковато-сладкое добро ногами. Потом моем их, и наслаждаемся дарами обильной и щедрой земли.

Дуб огромен, его ни охватить, ни описать, да и фотографии поддается с трудом. Он-то помнит запорожцев, тех, кого изобразил Репин, и ему можно верить...

На обратном пути останавливаемся у плотины и купаемся в прохладном Днепре, снимаем усталость от жары, радуемся воде, а детки - еще и песочку. В два часа дня "Ракетой" упываем вверх по Днепру...

Мы очень боялись трудностей дороги с детьми, но все не могли удержаться, чтобы не использовать путь из Волгограда на Украину для туристского знакомства. Поэтому мы и ехали через Запорожье, хотя проще и быстрее бы было через Киев. Правда, Запорожье обмануло наши надежды, но впереди у нас еще было водное путешествие по Днепру (а ведь известно, что нет ничего приятнее, как путешествие семьей по воде!), Кременчугское или Черкасское море и поездка по родным местам Богдана Хмельницкого: Чигирин, Субботово,

потом декабристская Каменка и Смела, а оттуда уже недалеко и Шевенково.

На "Ракете" было скучно. Запруженный Днепр - водохранилище не радует глаз. Много воды, которая, если смотреть сверху - безжизненна, а на далеких берегах видны пустоши или низкорослый лес.

Оживление вызывали только шлюзы и города: кварталы Днепропетровска и оранжевые клубы дыма над Днепродзержинском.

В Кременчуг приплыли в темноте. Узнали, что автобус на Чигириин будет только утром, и вернулись к реке. По разрешению милиционера ставим палатку в кустах в 100 м от вокзала и обещаем ему чуть свет убраться.

...июля. В 7 часов утра - автобус на Чигириин. Витя встал за билетом чуть свет и дал нам возможность спать до 6-ти.

Два часа разнообразной и красивой дороги - по украинским балкам и взгоркам, вдоль озерных днепровских заливов. Темка удивляется: он думал, что вся Украина ровная...

В одном из городков покупаем на утреннем базаре несколько килограммов дешевых яблок и вгрызаемся всей семьей.

Но слышали и горе. Наш пожилой попутчик говорит, что едет к дальней родственнице, потому что не может жить в городе. Он речной штурман, а месяц тому назад, вернувшись домой, узнал, что его квартира сгорела, а в ней сгорели его жена, дочь и внучка, что у него теперь, уже на старости, никого и ничего нет. Неисправность с газом... Невыносимая тяжесть в его словах, и у нас переворачивается душа от невозможности ему помочь и утешить...

В Чигириин мы приехали рано, избавились от рюкзаков и с удовольствием ходили по этому маленькому и уютному городу. Зашли в небольшой народный музей, потом все вместе поднялись к памятнику Богдану на Богдановой горе.

Детки, конечно, с нами. Потом столовая (для деток впервые) и соблазн купания в Тясмине.

Уехать же из Чигирина оказалось трудно. Попытка быстро съездить в родовое богданово село Субботово (15 км. от Чигирина) не удалась: сломался автобус. После долгого ожидания на жаре, мы решаемся ехать прямо на Шевченково, не искушать судьбу: вдруг на жаре перегреются и заболеют. И действительно, когда мы потом тряслись автобусами до Александровки, а потом - Каменки, по пыльным украинским проселкам и дневной жаре, сморенные и потные детки спали на руках, то можно было за них не волноваться...

Однако, высавшись, в Каменке они уже бодро бегали по аллеям старинного парка, наверное, принадлежавшего раньше Давыдову, в усадьбе которого теперь музей и с почтением развешены экспонаты декабристов, Пушкина и Чайковского. Среди зелени парка - много скульптур. Хорошо. В музее неожиданно столкнулись с нашим сокурсником (15 лет не виделись), с группой каких-то директоров приехавшего в Каменку отвлечься от совещания. Бедные, как они пыхтели, составляя "отзыв"!

Но до Шевченково в этот вечер так и не добрались. Немного не застали в Звенигородке последний автобус. Было 9 часов вечера, закат, до Шевченково 18 км., и мы понадеялись на попутную машину, взвалили рюкзаки, сверху усадили уставших деток и вышли на дорогу, шли недолго, потому что совсем стемнело, а машин не было. Сошли в посадки и в полной темноте поставили палатку. Витя даже воду где-то нашел и уснул с палаткой рядышком, чтобы нам было просторнее. Спалось крепко.

Воду из фляжки мы использовали всю, на ночь и утро для питья и умывания ничего не осталось, поэтому я вышел на самые ближние огни. Оказалось, не деревня, а склад с/х-техники, но колодец был в исправности. Труднее всего оказалось найти в темноте затихшую в кустах палатку, а когда я все же на них набрел, то нацупал, что влезть между родными телами просто невозможно. Конечно, помещаться вицестером в двухместной палатке нелегко. Будить мне их не хотелось, поэтому устроился рядом, на брошенных пустых рюкзаках,

укрываясь от утреннего холода полиэтиленом. Спал тоже хорошио.

... июля. Утром, довольно быстро, к 11 часам, добрались до родных. Нас ждали, нам были рады. Началась сладкая деревенская жизнь в украинском "садочку".

Правда, старшие дети работали - гоняли коровье семейство на пастбище под руководством Вадика, их троюродного дяди, успевшего, однако, родиться раньше Гали всего на год. А мы все старались делать, что могли, по хозяйству. Витя, к тому же, переводил с общей помощью и комментировал стихи своего погибшего в войну дяди. Дни наши смешались в один сладкий ком из вареников, фруктов, молока, сена, на котором спали, а перед тем косили и ворошили и т.д. И мне кажется, я хорошо вписалась в суетливую работящую жизнь Оли, Маруси и Нины, как будто вспомнила каких-то наших общих предков, как будто тело и руки мои всегда помнили крестьянскую работу, а голова - украинскую мову.

Нелегка жизнь сестер Красовитовых Их брат. Юрко - инвалид уже 30 лет и только Галя замужем, живет в Богуславе, а сына Вадика держит здесь на воспитании. А в надвигающейся старости будет им еще труднее. Но они любят друг друга и других людей, и потому хорошо людям с ними, радостно в их доме...

...июля. В это утро мы сделали первую из запланированных экскурсий, взяв с собой Галю. Тема очень хотел путешествовать с нами, а Галя была более покладистой, поэтому первое кольцо мы сделали маленьким - на 2 дня, а второе - с Темой - большим - на 10 дней.

Самый первый киевский автобус довез нас до Корсунь-Шевченковского в 8 часов утра. И сразу же пошли на реку Рось, о которой читали (предполагается, что слово "Русь" от "Роси"), но как следует не видели. Она вся в гранитных валунах и скалах, как горная река. А на одном из островов поставлен замок Вишневецких. Четыре угловые башенки венчают нарядное здание церковного вида.

Внутри его сейчас - музей обороны, рядом - выставка военной техники времен Корсунь-Шевченковской битвы 1944 г. Зато дальше - старинный парк с шевченковскими каштанами, цветами и святыми источниками, приятными видами, а в регулярной части - со скульптурой. Усадьба польского магната...

Закончив экскурсионную часть, полезли в Рось купаться, и все было хорошо, но, выходя из воды, Галя неожиданно порезала ногу, наверное, о бутылочное стекло. Кровь текла ручьем, и даже уложив ее и подняв ногу, мы не могли как следует остановить кровотечение. На счастье, довольно скоро нашу беду заметил спасательный катер с медсестрой, и Галя получила квалифицированную помощь, ее убинтовали на совесть. Однако, что же теперь делать: ехать домой, так и не начав маршрута? Галя уговаривает нас продолжить путь. Ей хочется увидеть Канев.

Охи ее прекратились и, ковыляя на пятке, она довольно быстро прошла с нами до автобуса на Канев...

Два часа какой-то неинтересной дороги с промышленными видами, и мы в ухоженном красивом городе, с широкими курортными тротуарами и тихими троллейбусами на улицах. Здесь могила Т.Г.Шевченко на приднепровской круче. К мемориалу ведет длинная чугунно-гранитная лестница. А наверху - простор, виды на заднепровские дали и луга. Кроме главного памятника, с гораздо большим любопытством рассматриваем старые памятники ему же - ведь в них тоже история. История общественного отношения к поэту, ставшего символом украинской нации. Наши шевченковские родичи цитируют его, как воду пьют. И так везде.

Огромный музей Шевченко сегодня закрыт, но мы не сильно огорчаемся, ибо не ждем много от украинских музеев.

В самом городе сохранился древнейший Успенский собор, еще домонгольских времен. Закрыт для службы он еще в хрущевские времена, а сейчас его все же открыли для выставки народного прикладного искусства, но нам она была неинтересна. Для Гали - школа, где учился Олег Кошевой,

музей-библиотека Аркадия Гайдара. В библиотеку все же не пошли, а зря...

В остаток дня мы добирались двумя автобусами до Богуслава, где живет Битина тетушка Галя с мужем и старшим сыном. Добраться нам надо было обязательно, иначе негде было бы ночевать. Нашли их многоквартирный дом на краю города уже в одиннадцатом часу ночи. Долго звонили, пока не догадались обратиться к соседям. Сосед выслушал нас, толкнул дверь, и мы, довольные, вползли в квартиру. Но ждать пришлось довольно долго, пока Галя пришла с птичника на своем огороде - она растит гусей и уток для проводов в армию старшего. Некоторая неловкость от первой встречи развеялась, и мы, уложив Галку, долго разговариваем. Двухкомнатная квартира от института (филиал киевского), с большой кухней, современной мебелью, уютом и комфортом, но нет покоя и радости в Галиной душе. А ведь она одна из сестер Красовитовых, и самая счастливая, по всем человеческим меркам.

... июля. Ранним утром - купание в дымящейся паром Роси. Никого нет, только гуси... Беглый осмотр Богуслава, и путь домой, в Шевченково, через Лысянку и Звенигородку. А подходя к дому, ковыляющая Галя даже обогнала нас, стремясь быстрее появиться к деткам. Куда девалась ее усталость от порезанной ноги! Наверное, торопилась им все рассказать.

28 июля. Четверг. Теперь мы отправились уже в большое кольцо, в дальнюю дорогу. С нами был Тема, а на один день - до Умани, поехали и Оля с Вадиком. Довольно долго мы надеялись, что Оля, ровесница наша, возьмет отпуск и поедет с нами на все большое кольцо, но отпуска ей не дали, чепчено говоря, ее домашние даже радовались, потому что боялись за ее здоровье (у Оли был туберкулез кости). Но мы рады и одному совместному дню. Весело как-то, как в праздник.

Правда, от деток уйти утром скрытно, как в прошлый раз, не удалось. Они уже знали, в чем дело, и успокоились только обещанием, что в следующий раз поедут и они. И в

самом деле, в следующий раз мы поехали все вместе - в Киев и в Москву.

Главная достопримечательность Умани - Софиевка, парк графов Потоцких. На месте каменистых оврагов в русле речки Каменки, искусный архитектор сотворил много див и чудес, одухотворил каждый уголок: здесь и гроты, и фонтаны, и пруды, подземные каналы и водные каскады, сад камней и греческий театр. Все изысканно, утонченно и поддерживается сегодня в хорошем состоянии.

Только к середине дня мы выбрались из парковой зачарованности, попали в шумный город, пообедали в столовой, и на автостанции с грустью простились с Олей и Вадиком. Наши автобусы уходили почти одновременно, они ехали в Звенигородку, а нам предстояла многочасовая дорога на Ямполь, что на Днестре, с пересадкой в Гайсине, с остановкой в Тульчине.

Во время тульчинской остановки, конечно, сбегали посмотреть центр с действующей церковью в традиционном для Украины бело-голубом уборе и серебристыми куполами, к музею А.В. Суворова. И уже на ходу видели выразительный памятник генералиссимусу на коне. А также заборы с колючей проволокой и вахтами на углах - то ли лагерь, то ли казарма. Прижились, видно, здесь с суворовских времен.

Запомнилась еще стайка девушек в украинских нарядах и венках с лентами, вдруг впорхнувших в наш автобус на несколько остановок. Это был не маскарад, праздник первого хлеба... Сохраняется еще такой...

В Ямполь приехали в темноте. По изрытой канавами улице в потоке кинозрителей, вышедших с последнего сеанса, мы вышли на берег Днестра и, нащупав ровную площадку между двумя крупными вишнями, заночевали...

Посмотрев города центральной части Украины, мы теперь хотели увидеть ее юго-западные и северо-восточные окраины... И этот осмотр начинали с южных крепостей, выстроенных когда-то против турок (а потом использованные

турками), и коснуться воды Днестра - этой юго-западной украинской границы с Турцией и Молдавией.

29 июля. Пятница. Катер вниз по реке уходил рано, и потому мы собирались быстро. С трудом найдя площадочку на обрывистом глинистом берегу, умылись мутной днестровской водой и даже почистили зубы.

Катер не опоздал, привез несколько женщин с корзинами в нынешний базарный день. Одна из них наняла за полтинник местное такси - возчика с лошадью и телегой.

Часа полтора мы плыли по середине Днестра, по этой естественной границе между Украиной и Молдавией (а до войны здесь была и настоящая государственная граница), всматриваясь в скалистые днестровские берега, редкую растительность, деревни. Это было наше второе водное путешествие по Украине.

Наконец, показались городские кварталы. Это Сороки - молдавский город, возникший вокруг небольшой старой крепости, которой так восхищались наши туристские друзья. Наше же восхищение было гораздо умеренное (виденная в 1971 году Хотинская крепость на Днестре же - гораздо грандиознее). К тому же нагло закрытые ворота не пустили нас (даже глазом в щелочку) внутрь. Пришлось удовлетвориться лишь внешним осмотром и круговым обходом.

Потом ходили по городу, держась церковных колоколен. Церкви при них еще крепки, хоть и обгажены и, может, дождутся восстановления. Сам же город, вытянувшийся вдоль днестровской долины, нас не тронул, ничего особенного, молдавского, мы в нем не увидели и потому без сожаления с ним расстались, усевшись в автобус на север до города Атаки.

Дорога шла вдоль Днестра, но по Молдавии. Это было первое наше с ней знакомство через города Сороки и Атаки, через проезжающие поля и молодые низкорослые сады, через чернущих детей и незнакомый, непонятный говор... Конечно, в этот день мы только коснулись Молдавии, только сделали себе заявку когда-нибудь к ней вернуться.

Из Атаки по мосту через Днестр мы вернулись на Украину, попав в ее город Могилев-Подольский. В нем мы были недолго. Прошлись по улицам, зашли в бедный музей в одном из церковных зданий, где запомнилось почему-то только изображение двух Ильичей из соломки и отправились с автостанции снова в путь, теперь до Каменец-Подольского. И снова мелькание за окнами автобуса домов и людей, полей и садов. Много богатых домов. Запомнился один из них, изрисованный вишнями...

...В Каменец приехали к вечеру, а когда подошли к его крепости, солнце было уже на закате и подарило нам замечательные виды.

6 лет назад мы проезжали Каменец и не остановились в нем, потому что не знали о его крепости. Сейчас мы приехали "досмотреть" крепость. Однако пройдя от вокзала новыми и неинтересными улицами, мы очутились перед рекой Смотрич в обрывистом каньоне, а на другой стороне увидели панораму старого города со шпилями костелов, ратуши, армянского кафедрала, оборонительными башнями... Все это было так неожиданно и так радостно. А потом открылась и сама крепость. Она стоит в почти сомкнувшейся петле - излучине скалистого берега Смотрича и в закатном освещении показалась очень значительной и романтичной. Витин аппарат радостно щелкал, пленки становилось все меньше и меньше. С крепостных валов мы взглядывались в старый город, (а в другую сторону - бесконечные поля) долго-долго, пока солнце не спряталось за горизонт. Аппарату стало нечего делать, нашим глазам тоже, и мы отправились искать место для палатки в тени старой крепости. Побродив по берегу Смотрича, поставили ее в прибрежном ивняке, но так, чтобы недалеко была водопроводная колонка, потому что вода в Смотриче грязная до жути. Городская река.

На противоположной берегу до полночи колобродила местная молодежь, но нам, уставшим от впечатлений этого длинного дня, от видов крепости, они почти не мешали.

Мы ночевали на самом дне узкого каньона, опоясавшего старый город. Здесь всегда было городское предместье, в котором селились бедняки и украинцы - недаром, именно здесь, внизу, за пределами городских стен поставлена деревянная православная Крестовоздвиженская церковь украинцев - карпатского вида. Многоэтажные дома здесь строить нельзя и негде, поэтому старинное предместье почти в центре города так и осталось предместьем, почти деревней и, конечно, из тех же украинцев. Когда мы начали выбирать себе место ночлега, то я сначала не беспокоился о воде, рассчитывая занять в любом доме ведро до утра, а сходить один раз до колонки из любого места не трудно. Помню, Лия меня тогда высмеяла. "Так тебе и дадут ведро". И, действительно, несколько моих попыток выпросить это ведро натыкались на глухой отказ, и мало того - на советы пойти с ночлегом подальше, вон туда, за реку. Даже зло взяло на этих "родичей", куркулей... Но потом, обдумав, и поостыяв, я понял, что эта "хозяйская" осторожность вызвана именно городом. Здесь так много ходит чужих людей, всяческих туристов и бродяг по крепости, пьяных и романтичных, презирающих обычательские интересы, что долгая практика им подсказывает: добра от чужих людей не жди и добра не делай, твое ведро, если не стащат, то где-то забудут и бросят... А может, эта недоверчивость живет здесь долгие века, с первых домов под тенью крепости, ибо доброжелательство и взаимопомощь по-настоящему возможны только в деревне, где все друг друга знают, а общественное мнение может контролировать все поступки. Здесь же иное: по виду деревня, по социальным обстоятельствам - город. Отсюда - каньонная психология...

30 июля. Утром солнышка не было, и мы лишний раз порадовались, что вчера успели "урвать" солнечные краски. День начался с холодного завтрака... Потом поднялись к трехшатровой православной церкви на противоположном от крепости берегу. Издали она очень манила к себе. Вблизи оказалась скучноватой, с гладкими, недавно отремонтированными бетонными стенками.

К крепости мы подошли со стороны небольшого плотинного гребня, через который перекатывались воды Смотрича, но по нему же местные ходят как по мосту, и даже таскают детей. Мои смелые мужчины прошли быстро, а я трусила, т.к. вода часто подходила к коленам, и этот поток мог не дать утврдиться ноге, а тогда - купайся с рюкзаком. Через силу я проделала этот путь, и потом надолго было испорчено настроение, даже Крестовоздвиженская деревянная церковь под крепостью его не исправила. Тем более, что в запустении она, в заброшенности, в старости, которой ничто не минует, а мы - тем более.

Снова поднялись в крепость, теперь - в музей. Кроме того, для осмотра открыли Водяную башню и башню Устима Кармелюка... А, покинув крепость, мы не торопясь пошли по каменному турецкому мосту в старый город и не спеша походили по нему от шпиля к шпилю.

Зашли в "музей атеизма", что бесцеремонно квартирует сегодня в главном польском костеле - городском кафедрале, потом посетили художественные выставки в городской ратуше, и мимо костелов доминиканского, иезуитского, францисканского монастырей (и даже неизвестного нам раньше монастыря ордена тринидитариев) прошли средневековыми улочками к армянскому кафедралу под лемеховой крышей... Мы были счастливы, что после Львова опять увидели католическую культуру, пусть и сильно разрушенную за последние полвека, что опять "обманули пограничников" и побывали на "запретном Западе".

Без особой охоты уезжали мы из Каменца на север. Нам был нужен по плану Дубно, но билетов туда не было, и чтобы не терять время, мы влезли на другой северный автобус - на Кременец, про который из карты знали только одно: в окрестностях города имеются живописные скалы. Как потом оказалось, у Кременца есть не скалы, а горы, а кроме того... Судьба нас еще раз наградила за безропотность.

Долго-долго едем, через всю Тернопольщину, в пределы Волынской области. Витя использует каждую остановку,

особенно после Збруча, когда автобус ввез нас на территорию Западной Украины, бывшей до 1939 года за Польшей и униатством. Еще не разрушенные костелы, красивые дома-особняки, памятник Мицкевичу, боевые башни в Скалате, дворец в Гринайлове, свадебная процессия на городской улице (невесту в белом дружки ведут в дом к жениху, и она низко кланяется каждому встречному)... Пассажиры даже автобус остановили, чтобы Витя смог высокочить и заснять процессию. И, конечно, много нам рассказывали об иных интересных и красивых местах.

Не всегда автобусные попутчики были к нам столь благожелательны. Большое неудовольствие вызывал вопрос об открытых окнах. Украинки, особенно с детьми, норовят закрыть их в любую жару и духоту, панически боясь сквозняков.

Бог знает, чем вызвано такое свойство "национального характера" - может мягкостью украинского климата, и потому - изнеженностью тела? Но, продолжая кутать своих детей в самую жару, украинские уже интеллигентные мамашы упрямо воспитывают в них свои подобия. Доходило до абсурда, когда к нам, сидящем на заднем сидении у единственного открытого маленького треугольного окошка, решительно направляясь мамаша с переднего кресла, громогласно требуя оградить от возможного сквозняка ее младенца! И только энергичная помочь молодой цыганки помогла отстоять последнее отверстие на вольный воздух.

Кстати, эта молодая цыганка - каким разительным контрастом она была остальным пассажиркам, бросающим на нее презрительные взгляды. Я плохо отношусь к цыганам в их традиционных видах и занятиях. Но с нами ехала, по-видимому, оседлая цыганка, соединившая в себе спокойное достоинство трудового человека и жизнестойкость еще не выродившейся дикорастущей породы. Какое-то подобие национального костюма, но только подобие, ослепительное своей чистотой и свежестью в этой духоте украинского автобуса - и простонародные привычки забираться с ногами на сиденье.

Городские туфли стояли рядом, но на остановках, едва высокив на землю, она с удовольствием сбрасывала их, возвращаясь к матушке-земле. И та ее почему-то не грязнила... Какая-то наивность или даже примитивность реплик - и книжка в руке для чтения. Она мне казалась диковинным цветком, со своим изяществом движений и босыми ногами. Упрямо цветет и - не задыхается. Неужели выживет -таки и не задохнется в этой "консервной банке"?

В Кременец приехали в полной темноте. Взобравшись в гору над городом, на краю леса, поставили палатку и разожгли первый за поход костер. Но, не дожидаясь чая, я уснула.

Грустным оказался у нас тот вечер. Ночевать нам всегда приходилось в каких-то полупарковых зонах, где о костре нечего было и думать. Здесь же пахло простым лесом и потому не воспользоваться случаем, чтобы устроить традиционный костер и почувствовать себя истинным туристом - было просто грех. Поэтому мы с Темой сразу стали собирать с округи хворост. Правда, он был здесь сырьим и горел плохо, но все же горел и грел воду для чая.

А сухой хворост мы экономили и откладывали в сторону, чтобы, когда вода вскипит и чай будет заварен, распалить с его помощью большой костер, чтобы очутиться в его тепле и свете, как в особом добром мире, противостоящем окружающему темному миру с его далекими звездами над головой и городскими стенами внизу... Лиля же была почему-то в плохом настроении, отказалась и от нашей затеи, и от чая, и сразу же залезла в палатку. Но мы были убеждены, что она не выдержит и откликнется на наш горячий чай и на наш большой костер, и мы будем втроем глядываться в темноту и дальние огни под нами. Иначе не могло быть.

Но Лиля так и не вышла. И чай оказался невкусным, а большой огонь мы даже не разжигали - зачем? Когда все так плохо... Тихо и молча залезли на свои места, по бокам нашего главного человека... Как хорошо, что "плохое настроение" случается так редко!

31 июля. Воскресенье. В 8-м часу утра, с первых же шагов, мы стали удивляться, а потом и восхищаться городом.

Он лежит в узкой долине невесть откуда здесь взявшихся гор и имеет одну центральную, длинную-длинную улицу. Вдоль нее мы дошли сначала до деревянной очень нарядной церкви. Сочувственно послушали жалобы старушки, живущей на ее дворе, что церковь закрыли всего 12 лет назад, в годы последнего антирелигиозного "бума" (мол, в городе есть еще одна церковь - и хватит!") Сейчас же, без ухода в поддержки - она ветшает деревом и гибнет.

В одном из монастырей города - сейчас больница. Этому мы даже порадовались - все же богоугодное дело, тем более, что и при монахах здесь горожан лечили. А другие церкви закрыты. Лишь в одном храме, на краю Кременца, дозволено вести службу. При виде сверху он выделяется свежей голубой краской своей крыши.

Но наибольшей неожиданностью для нас было, что за следующим церковным зданием, типичным польским костелом, встали учебные корпуса старинного Лицея, местного университета, каким он бывал в стародавние времена - красивые фасады, уютные дворики, каменные ступени, зеленые площадки... В советское время здесь был устроен пединститут, а сейчас, когда областной Тернополь перевел институт в себе - обитает педагогическое училище и школа.

Потом поднялись к крепости на самой высокой горе над городом. Сохранились лишь остатки стен и башен, до сих пор грозные, они выдерживают сейчас лишь нашествия туристов и мальчишек. Умирает крепость.

Побывав еще на кладбище казаков Богдана Хмельницкого ("простые каменные кресты", вросшие в землю - "казацкие могилы"), мы вернулись в город, где чисто и уютно, где много небольших старых домов в центре и слышна иногда еще живая польская речь "Прошу, пани," - обратилась ко мне буфетчица.

Из Кременца, полные благодарности неизвестно кому, уезжаем в Почаевскую Лавру.

Почаевская лавра

Она ослепила и оглушила нас. И роскошью громадных церковных зданий, и золотыми барочными главами, огромными мозаичными и фресковыми панно - и массовой убогостью паломников, многочисленных по случаю воскресенья. Блеск и нищета - извечные наши два полюса. Как будто вся искалеченная и убогая Украина собралась на красивой паперти собора.

Нечаянно разговорились с двумя верующими молодыми людьми. Они сидели на травке с евангелием. Видно, бывают здесь часто, а может, даже хотели бы вступить в монастырь. Но прием новой братии запрещен, и вообще, обращение властей с монахами, по их рассказам, драконовское (вплоть до нашествия военных и арестов монахов). А в городе, мол, строят туристский центр, чтобы, сломив сопротивление монахов, превратить Лавру в туристский объект. Что ж, с них может статься... Да народ не дает. Глядя на богомольные толпы, в это легко поверить.

Парни очень убежденно говорили в защиту православия, ругая католичество за неистинность. Я слабо возражала, однако этот разговор прервала вдруг подошедшая женщина, которая стала ругать меня за штаны, уверяя, что для женщин в штанах ад будет обязательной расплатой, а вот в Киеве такие и на улице один раз поучили...

Я подошел к Лиле лишь в середине ее разговора с парнями и всячески старался смягчить Лилины возражения и закруглить этот бесплодный разговор, но он закончился сам собой после вмешательства "женского благочестия". У нас обоих остался осадок на душе от этого разговора-столкновения::: богомольцев здесь гонят, но и они сами нетерпимы до фанатизма. И не дай Бог им в руки власть. Наломают и дров, и людей.

К вечеру уехать из Почаева оказалось нескованно трудно. После двух с лишним часов стояния в маленьком зальце, стиснутый потными телами, Витя вылез-таки с

автобусными билетами, и мы уехали на Броды (ж.д. станция), а оттуда в Пляшево за местечком Берестечко, на поле знаменитой битвы Хмельницкого...

Стояние в автобусной очереди в Почаеве, наверное, останется одним из самых сильных переживаний в моей жизни.

Автостанция расположена в небольшом каменном доме от монастырских еще времен и состоит из "зала" метров в 50 и отгороженной от него толстой каменной стеной - "кассы". Окошко кассы сделано в виде амбразуры, конусом сужающейся в кассы и загороженной вначале решеткой с толстыми прутьями, потом стеклом со щелью для денег и, наконец, занавеской, за которой сидит скучающая кассирша. Время от времени она отдергивает свою занавеску и объявляет о прибытии очередного транзитного автобусе (местных до Броды, практически нет, несмотря на очевидный воскресный наплыв паломников) и о продаже нескольких билетов на него (продаются только сидячие места).

Но перед кассовой амбразурой нет простой очереди: есть куча людей, в основном, женщин, изо всех сил протискивающихся к окошку. Некоторые из них все же сумели протянуть руку и даже схватиться за прутья решетки. Троє же протиснулись в амбразуру головами и даже телами и держат свои руки с измятыми рублями прямо у стекольной щели. Старушечьи лица вытянуты, глаза выпучены от напряжения, а рты жадно ловят воздух. В самом зале необычайно душно, здесь же, в амбразуре, пар как будто клубится баней и оседает подтеками на стекле, для кассирши наши лица выглядят, наверное, какими-то рыбьими страшилищами в аквариуме, недаром она так поспешно задергивает свою занавеску. И страшилища не обижаются, тихо обмирают и терпеливо ожидают своего счастья: обменять свои деньги на автобусные билеты. Теперь уже недолго: через час будет новый автобус, и тогда мы уедем. Но бывает, что кассирша объявляет: на такой-то рейс билетов нет - то ли их не было совсем, то ли она продала билеты с левого хода. Но понять это невозможно, и страшилища терпят, только жалобно иногда причитают: "Но, пожалуйста..."

Они молчат, потому что стоят уже у кормушки, и знают, как трудно было до ней добраться. И потому что твердо надеются уехать сегодня домой, к семье и обязательной работе.

Прошло время, когда богомольцы ходили сюда со всей Украины пешком или на своих телегах. Когда они имели и массу времени для богомолья, и приют-пристанище у любого селянина, да и привычку не журиться ночлегом, а в случае нужды прикорнуть в стогу сена рядом с дорогой. Сегодняшний богомолец иной: он (вернее она) весь в трудах и производственной или семейной дисциплине, да и не примет его никто на ночлег, да и сам он не будет ночевать в стогу. Поэтому сегодняшнее богомолье - лишь на выходные дни и со строгим возвратом к сроку домой - и неотделимо от современного транспорта.

У самой кассы нет очереди, есть только кучка людей, борющихся за место в амбразуре всякий раз, когда очередная счастливица с билетом задом вырывается из их круга. Очередь начинается чуть поодаль. Как бы очередь претендентов на заключительную толкучку. Но и в ней вспыхивают споры и кипят страсти. Именно "очередь" отшивает чужаков от попыток проникнуть в кучу претендентов, под каким бы видом они не явились: с ребенком ли на руках, со справкой ли над головой. Пробиться к амбразуре они все равно не могут (там хоть молчат, но держат), а потока обвинения и ругани быстро не выдерживают и начинают искать иные пути-выходы (но очередь этого уже не видит).

Конфликтуют женщины и между собой. Так, две из них долго толкались из-за места в очереди, одна даже тихо просила: "Уймись! Не вводи в грех...", а потом, когда просьба, видно, не помогла, разразилась грязной матерной бранью. Даже этот зал замер и затих, и лишь одна из последних в очереди тихо причитала: "Женщины, опомнитесь, что вы делаете... Вспомните, зачем сюда приехали..."

И действительно, кто виноват в этом унижении? В том, что эти простые и, может, даже грубые люди приехали сюда за духовным укреплением, а сейчас безнадежно теряют его в этой

зверской борьбе за билеты? Сами богомолки? - Думаю, что нет. Виноваты те, кто не дал автобусов в достаточном количестве, кто не идет навстречу людям. Кто не любит и не уважает народ... Конечно, можно ссылаться на отсутствие автобусов, на иные объективные причины. Ну, а усиленные наряды милицейской инспекции, запрещающей шоферам брать дополнительное количество пассажиров - хотя бы до Броды? Это разве не намеренно?

Я не думаю, что такие автобусные ситуации в Почаеве создаются намеренно сверху - скорее, это плод издевательского равнодушия и недоброжелательства местных властей. Но им дают возможность процветать и сеять ненависть в этих простых православных душах. Ненависть, расхлебывать которую придется всем нам.

Мне повезло, яостоял всего лишь два часа (как-то меня приняли в очередь) и, мокрый, как мышь (на моем соседе даже тиджак промок нас kvозь), вытащил свои три билета.

На поле близ Пляшево стоит мемориальный монастырь со стенами и водным каналом перед ними. Здесь, почти в полном безлюдье, под стенами мемориала мы ночевали, вспоминая Хмельницкого. Эта тишина и историческое поле, и крепостные стены со рвом - все будило историческую память, все настраивало на прошлое.

1 августа. Понедельник. Опять утро, опять солнце. Музей в мемориале сегодня и завтра закрыт. Нам немного жаль, но Витиному фотоаппарату хватает и внешнего осмотра. Внимательно осматриваем главный собор-памятник в честь погибших. Он приземист, в шлемах и фресках, создан в конце века. Перед ним - плоский курган над погибшими здесь казаками, рядом - деревянная украинская церковь. Ничто не нарушает их печали.

А потом, по бывшему болоту (сейчас осушаемому) мы возвращаемся на шоссе и поджидаем 9-ти часового автобуса на Дубно. Он пришел вовремя, и мы катим по Волынщине в новый город-память.

Дубнинскую крепость воевали, по описанию Гоголя, запорожцы. И она продолжает хранить воинский дух: в ней казармы, и потому не разрешено ни входить, ни фотографировать. Но Витя, злясь и прячась, все-таки фотографирует древние стены, а я через какой-то боковой вход всовываю нос на территорию крепости. Она пустынна - плац для учений да административное здание. Скучные солдатские будни.

Обойдя крепость кругом, направились в музей. Как мало остается в памяти от краеведческих музеев! Но мы не нарушаем сложившийся порядок: городской центр-музей - книжные магазины, посещать которые еще меньше смысла, чем музеи.

Весь город вообще привел меня в уныние, так он топчет свою историю. В крепости - казарма, в костеле - завод, но самое тягостное - это поруганное еврейское кладбище - захламленное, загаженное, с поваленными памятниками на могилах. Так - на сохранившейся части, а большую его часть уже занял новый автовокзал.

Кладбище сохранилось лишь узким клином между двумя дорогами - лучами от автовокзала. Я случайно набрел на него в ожидании автобуса. Проходящая женщина на мой вопрос охотно подтвердила, что перед нами - еврейское кладбище, а потом уже по своей охоте рассказала, как наболевшее. И что безобразничать начали еще немцы, забирая гранит с памятников для собственных нужд, потом зверствовали бандеровцы, поджогами и убийствами вынуждая поляков и евреев убраться с Украины. А потом уже наши власти. Ведь просили их не строить на кладбище, не разрывать могилы... Однако, построили, бульдозерами сметали памятники, экскаваторами ломали старые кости предков. И заканчивает женщина: "Бог их накажет".

Мы с облегчением уехали из Дубно и в четвертом часу дня прибыли в Луцк. Вот где вздохнули радостно. Луцк - областной центр, ухоженный, зеленый, сохранивший свое прошлое и гордящийся им. Прямо у автостанции мы увидели карту-плакат города, на котором насчитали 14 интересных для

нас объектов: крепость, монастырь, костелы, храмы. Но не все они оказались живы: недавно, например, сгорела караимская кенасса, не нашли мы армянский собор, но многое ведь ещё живо!

Осмотр города мы начали с того, что потеряли друг друга, прямо на улице. Витя, нарушив порядок, забежал в книжный магазин, и мы с Темой ненадолго скрылись с его глаз, и разошлись...

Удивительно, как мы не терялись еще раньше. Занятый выбором кадров и фотосъемкой, обычно я не мог держаться вместе со свободно идущими Лилей и Темой, отставал, даже терял из вида в городской толпе, но потом снова нагонял и, чтобы выиграть время, уходил вперед - до нового объекта. Ловить в видоискатель кадр, а потом ловить в толпе знакомые головы - трудно и, действительно, кончилось потерей...

Только что их видел, и вот, исчезли! (А на деле их загородил автомобиль у книжного магазина). Побежал догонять, добежал до большой площади с Доминиканским монастырем - нет! Значит, я как-то оставил их сзади. Бегу назад, где видел в последний раз, нет никого, в книжном магазине - тоже. Что же делать? Может, они свернули на какой-то иной путь, мне неизвестный. Но крепость они, конечно, не минуют, и потому я иду к ней, не забывая, конечно, о продолжении съемок... Через полчаса ожидания в крепости туда приходит "брошенная" и рассерженная Лиля, и велит мне идти снимать Темку со старого места. Где же? - А у фонтана за 30 м. перед книжным, там было удобнее ждать в тени деревьев... Но я-то откуда мог знать, что вам там удобнее... Да разве такое можно объяснить, только забыть...

Через час мы нашлись, восстановили равновесие и настроение и были способны оценить высокие башни замка Любарта с узорным верхом, а потом и старую католическую культуру города с костелами и монастырями. Синагога, кирха, православные храмы... Старая часть города смахивает немного на деревню своими одноэтажными или двухэтажными домами. Канализации здесь нет, и жители по вечерам дожидаются

прихода машины для мусора. Новые кварталы более удобны для житья и имеют приятные улицы.

А поздним вечером мы гуляли по прекрасно устроенному парку вдоль речки Стрый, отгороженной от парка высокой дамбой. В парке много сказочной скульптуры из дерева и камня, прекрасен памятник Лесе Украинке с говорливым ручьем у ивы, и молодежь там какая-то приятная... А может, нам все так показалось, но простились мы с Луцком чрезвычайно довольные, умиротворенные.

Автовокзал нас, однако, огорчил. Последний автобус на Острог не имел мест, и потому мы поехали на ж.д. вокзал. Нужный поезд отходит после полуночи, да и то билеты дают почему-то лишь до предыдущей станции (потом оказалось, что с нее вагон объявляется плацкартным и заполняется плацкартниками). Мы решаем брать билеты, куда дают, и дремлем на пристанционных лавочках в ожидании поезда, потом дремлем на третьих полках вагона (лишь Темку укладываем на вторую), а зря, ибо пришлось ему потом освобождать место для законных пассажиров. Последнюю остановку мы благополучно проезжаем зайцами, вылезаем уже в Остроге, и оставшиеся часы до первого автобуса в город спим на твердой пристанционной земле, в палатке. Хорошо, но мало.

2 августа. Вторник. В Острог мы приехали рано утром, когда солнце еще не разогнало утренний холод и росу, а на улицах нет никого, кроме редких дворников. Он сейчас не слишком перестраивается на современный лад, и потому здесь легко переноситься воображением в старину. Очень способствует этому родовой замок князей Острожских с мощными стенами и великанами-башнями на высоком холме-утесе над городом. На территории замка-крепления сохранились остатки княжеского дворца с гербом и львом у дверей, а также большая старинная XVI века церковь с узкими бойницами-окнами, с контрфорсами и высокими, стройными главами под шлемами. Красиво и величественно.

Есть в городе еще и действующая православная церковь на окраине, и недействующий костел, и, наконец, три

изолированных башни - остатки городской стены. Ну, и, конечно же, обычный украинский набор - памятники Ленину, Шевченко, Хмельницкому.

Мы рады были знакомству с Острогом, но в нашей напряженной программе мало времени, и потому, все осмотрев, мы торопимся на автобус к 10-ти часовой электричке, чтобы перенестись на украинский Северо-Восток, в Чернигов.

Весь день провели в дорожной полуздреме. В четвертом часу попали в Киев, и, не останавливаясь в нем, на горе Тeme (его интересовал именно невиданный и престижный Киев) уезжаем электричкой в Нежин, а потом поездом в Чернигов. Киев был обещан Тeme на обратном пути.

Ночевали мы все же в Чернигове, в парке на берегу пруда, напротив городского Детинца.

3 августа. Среда. О Чернигове я замечтала еще в Новгороде Великом, в 1967г., когда увидела там церковь Параскевы Пятницы, построенную по типу черниговской, и влюбилась в нее.

И вот теперь утреннее солнышко освещает купола и шпили черниговских соборов, отражающихся в водной глади. Скоро собираемся и держим путь в Детинец, конечно, не ленясь заворачивать к разным интересным нам точкам.

В Детинце сохранились два старых собора. Одноглавый Борисоглебский, в апсидах, со "звериными" капителями на лопатках, и Спасо-Преображенский, древнейший, в одном ряду с Киевской и Новгородской Софиями, и такой же громадный - с золочеными шпилями над башнями приделами, с открытыми местами старинной кирпичной кладки. Рядом стоит Коллегиум с Иоанно-Предтеченской церковью наверху, богато украшенной каменной резьбой. Внутри - добротные музеи.

А в городе, на торговой площади стоит и кирпично-розовая церковь Параскевы-Пятницы. Лишь войдя внутрь, я узнала, что ее древняя красота - дело рук реставраторов. Ведь до войны она была сильно перестроена и похожа на обычный храм. Бомба прямым попаданием сильно разрушила храм, и реставраторы восстановили его не в прежнем, а в

первоначальном виде, по древним чертежам. Поистине, нет горя без радости! Я готова земные поклоны klaсть реставраторам - какую красоту возвели!

В Чернигове смотреть и смотреть. Недалеко от земляного вала, что над набережной, заканчивается реставрация Екатерининской церкви, выстроенной когда-то на деньги полковника Лизогуба в честь победы казаков над турками при Азове. Она имеет чисто украинские черты - "бани"-приделы, крестовую форму с низкими углами.

Позже я прочел книгу о судьбе последнего отпрыска знаменитой фамилии черниговских полковников - Дмитрии Лизогубе, ставшим одним из основателей организации "Земля и воля" и главным финансистом террористической "Народной воли".

Был ли Дмитрий Лизогуб изменником своему роду или, напротив, прямым продолжателем древних казачьих традиций? Мне кажется верным последнее. Тут есть родственная связь. Только старые Лизогубы ходили в набеги на турок внешних, а Дмитрий - на "турок внутренних", деньги предки вкладывали в церкви, как в царствие небесное, а Дмитрий вкладывал в революцию, как в верную гаранцию светлого будущего. В своей же удали и бесшабашности - они едины.

Посетили еще два больших городских монастыря - Елецкий и Троицкий. А от них прошли к пещерным храмам Антониево-Печерского монастыря - соратника Киевской Лавры. На улице жара, а в пещерах - ледяной холод и девушка-экскурсовод в валенках. Оттараторив заученные пояснения, она быстро сплавила нас из келий и храмов обратно на солнышко. Ее понять можно. Ведь это только монахам под силу было сидеть здесь, годами не вылезая...

Исходив город и напитавшись впечатлениями по горлышко, мы отправились на черниговский пляж - на другом берегу быстрой Десны. Здесь, в стороне от купающихся, мы устроили свое купание и маленькую постирушечку. Солнышко быстро вытащило воду из мокрых тряпок, тело насытилось

ласковой водой, и мы, бодрые и веселые, отправились на автовокзал, в путь дальнейший. Теперь в Новгород-Северский.

Билетов на автобус не было, и мы рискнули влезть в автобус без них, на авось, правда, заручившись поддержкой шофера. Но пришел перронный контролер и начал выгонять нас, чуть ли не с руганью, хотя мы и сидели на чьих-то свободных местах. Витя тоже вспылил, но потом наш гонитель почему-то притих (может, шофер его приструнил), и мы благополучно уехали.

В традиционной темноте вышли к берегу Десны и привязали свою палатку к какому-то забору.

4 августа. Четверг. Утром сначала искупались в дымящейся Десне, а потом уже бодро отправились поглощать новый город, неотличимый с реки от большой деревни. На первом же прибрежном холме - деревянная Никольская церковь - приятная встреча.

В центре - торговые каменные ряды, как в обычном среднерусском городе. Мы их уважаем, сердце города. А чуть поодаль стоит памятник екатерининских времен? поставленный в честь ее приезда, - триумфальные ворота с гербами казацких полков.

В центре же действующий православный собор. От прихожан узнаем его судьбу: был закрыт и разорен в 30-е годы, снова открыт при немцах (они сказали - немцами), а когда наши вернулись, его так и оставили, поумневшие власти.

Надо сказать, что говорившие не были мне симпатичны. Эти две женщины вначале даже не хотели меня пускать за церковную ограду: "Мол, ходят тут всякие, травку топчут и окурки бросают, а помохи от них никакой". Признаться, я даже растерялся: может, следует вносить плату за посещение церковного двора? (Мне он нужен был для выбора кадра). Но никогда я с такой практикой не встречался, потому решил выждать. Меня все же пустили, а затем и подошедших Лилю с Темой, и даже разговорились на лавочке - как трудно прихожанам содержать церковь самим (наверное, это были активистки) и о судьбе храма.

По нешумным улицам с приятными иногда домами, в которых угадывается былая провинциальная роскошь, мы добрали до Преображенского монастыря на краю города над Десной. На его громадной территории много красивых построек, но все они, кроме соборного храма, отданы дому престарелых, заполнены умирающими здесь старушками. Как тяжело здесь! Еще и еще раз ужаснулась убогой старости, еще раз испугалась ее для себя. А с холма монастырского видны дали пресветлые над Десной. И так хороша жизнь! И так не хочется беспомощной старости!

Мы в первый раз увидели дом престарелых воочию, и воочию убедились в ужасности здешнего существования, вернее, обреченности на смерть. Старики не могут, не должны жить друг с другом, когда вокруг них только смерть, только уход из жизни, когда мысли сосредотачиваются только на этом. Никакая медицинская помощь здесь не поможет против такого духовного самоубийства. Такая обстановка убивает душу быстрее, чем тело. Нет, доживать последние годы надо только среди обычных людей, в обычной жизни и обычных делах. Только тогда можно дожить духовно здоровым до самой физической смерти.

И опять мы едем, сперва до Шостки, где нам почти за даром (за рубль) отдали большую сетку сладких груш, (в сам же промышленный химгородок мы едва заглянули), а потом в Глухов, одну из старых гетманских столиц.

В Глухове на площади перед автобусной станцией стоит красивых пропорций Никольская церковь, а в центре городка недавний постройке действующий собор.

Городок небольшой. Прямоугольная сетка не очень нарядных домов. Когда дошли до очередной Триумфальной арки (все той же Екатерине), то неожиданно оказались за городом. Эти ворота до сих пор являются выездом из города!

Главное впечатление у нас осталось от посещения глуховского краеведческого народного музея, от энтузиазма его работников...

До революции здесь был создан местными ревнителями богатейший музей. Но после войны на него положило глаз киевское начальство и, под предлогом лучшей сохранности и унификации хранения, музей закрыло, а экспонаты вагонами стащили в Киев. Долго осиротевшие жители добивались возвращения отнятого, но безрезультатно. Пока секретарем райкома партии не стал бывший историк по образованию. Он поступил по партийному: добился открытия народного, т.е. бесплатного и не финансируемого из центра музея, а экспонаты велел собирать по району всем предприятиям, причем задания на оформление стендов и эпох поручал директорам прямо на заседании бюро райкома. Это быстро помогло, много было собрано интересного, но, думаю, что главное было сделано все же не директорами, а самими энтузиастами. Это и вправду, наверное, самый интересный музей на Украине. Сейчас у них новая полоса трудностей: секретарь-историк ушел из района, новый секретарь выслушивает про музейные беды вполуха, а помещение сырое, экспонаты сыреют, цветут, портятся... "Нет-нет, я завтра же иду к нему на прием и заявляю, что дальше ждать невозможно!"

Господи, с каким сочувствием и уважением смотрели мы на этого музейного энтузиаста. Бог ему в помощь!

И еще по третьему городку мы успели пробежаться в этот день, по знаменитому Путивлю.

Сразу за автостанцией на зеленой площади стоит Спасо-Преображенский монастырь с русским собором в звездах на синих куполах. Правда, обнесен забором - идет реставрация.

А на берегу Сейма стоит Николо-Молчановский монастырь, но подойти к нему близко нельзя - какой-то п/я обосновался внутри. Запомнились от него одни позолоченные кресты, светлые на закате.

На городище старого Путивля, на мысу над рекой мы пробыли до последних лучей солнца и еще дольше. Здесь сейчас только городской парк, а когда-то была знаменитая пущивльская стена с причитающей Ярославной.

Уже в темноте городским автобусом мы выехали за город, за Сейм и пошагали по дороге, которая должна была через 18 км. привести нас в Гвинтовое, родное село Витиной мамы, одна из главных целей путешествия. Но втягиваться в ритм и настраиваться на долгий путь нам пришлось недолго - грузовая попутка подхватила нас и домчала проселком по ночной степи прямо до окраины села. И просто за спасибо, да еще хорошую тропу указали, чтобы дойти до Сейма в 4 км. от села.

Счастливо улыбающиеся, мы пошагали к Сейму, чтобы утром проснуться на его берегу. По дороге встретили телегу с фермы и с вдруг замолчавшими женщинами, напуганными нашим видом и рюкзаками. Они, видно, приняли нас заочных диверсантов. А наутро уже в селе нам говорили, как одна из них успела подумать, что если бы эти "страшные люди" потребовали велосипед с телеги, тут же отдала бы, лишь бы не тронули.

5 августа. Пятница. Опять солнечное утро. Лезем в теплую и быструю воду, вспоминаем о Витиной маме, девчонкой тут купавшейся и рассказывавшей ему о Сейме, как о самом чудесном месте на земле. Тему пришлось будить. Он так и не проснулся, пока не залез в воду.

Возвращаемся в село и начинаем поиски дедовой усадьбы. Главный ориентир - старое кладбище. Удивленно выслушивают люди наши вопросы, где кладбище. Но последняя опрошенная нами женщина оказалась подругой маминой сестры. Она бросила на дороге свои ведра с коромыслом и пошла нам показывать усадьбу. По дороге подхватила еще одну женщину, и вот они с удовольствием рассказывают и показывают, где что стояло на этой совсем уже перестроенной чужими людьми усадьбе. Построек от деда, конечно, не сохранилось, но зато стоят посаженные им яблони и груши, и мы испробовали чуть горьковатые и терпкие плоды их.

На заросшем кладбище одни покосившиеся кресты, и найти родственников трудно. В живых же в деревне осталась лишь тети Насти свояченица, но мы ее не знаем, и потому искать не стали. По Витиному настоянию отъезжаем редким

здесь автобусом на железную дорогу, на станцию Бурынь, надеясь попасть в этот день в Конотоп, а потом в Батурин. Главное мы увидели, а больше в Гвинтовом Вите быть не хочется.

Мне, действительно, вполне хватило утреннего Сейма, ходьбы по зеленому приречному лугу и вида старой усадьбы, как пепелища (осталась еще яма от одного из домов братьев Степанкив). Я как будто проявил давние мамины рассказы, воплотил их в реальность. И больше мне ничего не было нужно, а только бы мешало запомнить и утрясти растревоженную память по-новому. А может, это было воскрешение маминой радости, потому что я всегда слышал счастливые интонации при рассказах о детстве в Гвинтовом. Не знаю, удалось ли это, но кажется, что мы с Лилей были счастливы тем солнечным днем на Сейме и в Гвинтовом и, может, в этом реально жила самая радостная часть маминой души...

Однако в Бурыни нас ждала неудача: ожидание поезда до вечера. Раздосадованные, мы не останавливаемся в Конотопе, а сразу едем в Бахмач, а оттуда автобусом - в Батурин.

В сумерках выходим снова на берег Сейма и ищем место стоянки. Неожиданно возникла перепалка с Темой, под знаком которой прошел весь оставшийся вечер. Тема желал остановиться в лучшем с вида лесу, для этого надо было переходить вброд приток Сейма, а нам не хотелось усложнять таким переходом себе вечер и утро. Обида Темы, что мы с ним не считаемся и не слушаем его предложений - по-видимому, результат усталости от дорог и не нужных ему памятников. К тому же нерегулярное питание и вообще неудобства. С грустью констатируем, что не получается у нас поход с детьми. Им с нами неинтересно, или темп наш тяжелый. А желания "слушаться" их нам, много лет ходившим самостоятельно, пока нет.

Ставим палатку и после долгого и ничего не разъяснившего разговора, засыпаем.

Осенью Тема записался в туристскую секцию и стал ходить в походы самостоятельно. Наша попытка ходить "с

детьми" в отношении Темы уже окончилась неудачно. Не повторится ли такая же история с остальными детьми? Тогда окажется, что мы были не правы. Но разве и вправду надо слушаться детей в походах? Учитывать их интересы и желания по возможности - это понятно и законно, но принимать как равноправную силу все же невозможно. Все же слишком разные мы по интересам, силам, а главное - желаниям. Пусть тогда ходят сами со сверстниками.

6 августа. Суббота. Несмотря на пасмурь, мы спозаранку лезем купаться в Сейм, а потом, взбодрившись, шагаем по курортному городку, вернее, поселку, вдоль и поперек. В нем много парков. В одном из них увидели небольшую симпатичную церковь, в другом - отреставрированный дом войскового судьи Кочубея, того самого отца Марии. В доме сейчас музей, но он, конечно же, закрыт к нашему приходу. Еще в 2 км. стоит на берегу Сейма среди огородов заброшенный дворец Разумовского. Он огромен, но его великолепие разрушается. Но величие еще долго сохранится в его развалинах.

Из Батурина началось наше возвращение. Путь выбираем через Нежин, чтобы увидеть еще и этот незапланированный ранее город. А потом мы радуемся своему решению.

Кроме лицея с двумя памятниками учившемуся в нем Гоголя (да еще памятные доски по бокам), в старой части много симпатичных старинных зданий и удивительно много старых церквей. В них не ощущается своеобразия, но добротность и богатство заказчиков-горожан - налицо. А сам город с заросшей рекой-каналом производит ощущение всамделишной старой провинциальности, забытости, заброшенности. Начиная от церковных развалин у автостанции.

С удовольствием повторяем "квасопитие" у вокзала - удивительно вкусен нежинский квас! - и вспоминаем знаменитые раньше "нежинские огурчики". Радуемся, что не все еще умение растеряли нежинские умельцы.

Из Нежина снова в Киев. И пока не стемнело, выполняем данное Теме обещание и ходим с ним по Киеву: Крещатик, София, Андреевская церковь, уже в темноте - Владимирская горка. Не спеша возвращаемся на Крещатик, делаем закупки крупы, сахара, колбасы и сыра (в Шевченково всего почти не бывает), до закрытия успеваем полакомиться мороженым в кафе на Крещатике, и с последней электричкой уезжаем на Переяславскую. Выгружаемся ночью и в пристанционном скверике ставим свою палатку.

7 августа. День воскресный, и в Переяславле-Хмельницком мы прежде всего попадаем на огромный базар. Огромное количество личных автомашин, немало автобусов, спешащие хозяйки. Гордо подняв голову, уплывает с базара в хозяйствской авоське гусь на заклание...

Потом входим в центр, любуемся отреставрированными и нарядно украшенными соборами, бродим по низкорослым украинским улицам, отыскиваем старинные здания, светские и духовные. Интересный город.

Площадь Воссоединения. В 54 году в составе делегации школьников России я ездила на праздник воссоединения, конечно, возили и в Переяславль, где большая, заросшая травой площадь - пустошь мне запомнилась, но никак не заинтересовала. Теперь же я оглядываюсь с интересом, теперь уже способна живо представить ту казацкую сходку - митинг, на котором Хмельницкий давал представление о подданстве Московии за военную и прочую помощь. Комедия, а насколько оказалась серьезной и на сколько веков затянулась!

В одном из монастырей-музеев осмотрели выставку старинной одежды и узнали о существовании большого этнографического музея. Он расположился уже за городом, на высоком берегу бывшего русла Трубежа, и включает самые разнообразные постройки, бытовавшие на украинской земле, начиная от чумов-шалашей до барских усадеб и богатых куркульских домов прошлого, да и нашего века. Все дома окружены садами и огородами, обрабатываемые служителями, как собственные. А в центре музейного села - торговая площадь,

дальше - кабак, церкви, ветряки и т.д. и т.п. А в домах - утварь, вышивки, устланные свежим сеном полы... Все очень интересно. Особенно радовался Витя, ему были очень нужны эти кадры для фильма о Хмельницком...

Вернувшись в город, осмотрели еще музей Г.Сковороды в бывшей переславской бурсе, где он преподавал.

Из Переяславля наш путь лежал в Черкассы. На автобусной станции увидели кусочек украинской свадьбы - отъезд родственников. Все благодушные, празднично настроенные, ряженые - они плясали и играли даже под хлынувшим вдруг проливным дождем.

И опять автобус покачивает нас на своих сидениях через неинтересную Золотоношу. Перед Черкассами дорога пересекает разлившийся Днепр по длинной-длинной дамбе. И было странно ехать по этой затопленной земле...

Мы собирались из Черкасс сразу же уехать в Шевченково, но последний автобус в этот воскресный вечер не взял-таки нас. Мы не очень и расстраивались. Как только прошла первая досада, поняли, что нам предстоит провести еще один походный вечер на берегу Черкасского моря. Закупили в его сильно обновленном центре продукты, доехали троллейбусом до курортной Сосновки и, выйдя на "морской" берег (а он и в самом деле был на него похож - и песком, и безлюдем, и водной ширью), привязали к единственному среди кустов дереву палатку.

Конечно же, купались в теплом море, а в темноте долго слушали голоса над водой.

8 августа. Понедельник. Очередной солнечный день - как везло нам весь месяц на погоду! Утренняя поездка до Шевченково прошла без приключений.

Детки встретили нас веселые и даже немного от нас отвыкшие. Гая тоже довольна: ей не приходилось гонять коров на пастьбу, раз она была при детках. А Оле дали отпуск, и скоро она поедет с Вадиком в Богуслав на отдых.

Прошла еще неделя в круговорти дел и подготовки к отъезду. Витя дописал биографию Коли Сокирко и повеселел-

дело сделал. Но вот и сроки подходят. Грустное прощание, и рано утром, первым киевским автобусом, предельно нагруженные фруктами, вареньем, вещами и пр. мы отправляемся в Киев. 4 часа на вокзале, и снова общий вагон поезда с какой-то особенно осатанелой посадкой и предельно недружелюбными попутчиками. Но деткам все это - хоть бы хны, да и нам тоже.

Ранним утром - Москва, по которой мы все уже успели соскучиться.

Приложение 10.

Сценарий диафильма "Харьков"

(ветераны и мое путешествие в детство)

Примечание: Этот д/ф первоначально был первой частью д/ф "Рассказы о лете -1982" ("Путешествие с детьми по Белоруссии и Литве")

1-2. Ветераны, шабашники, дети

3. В апреле 82 года меня направили от института настройку ЦК-овской гостиницы на ул. Димитрова. За месяц уборки мусора я наработал всего на 25 рублей, зато дважды приходил в свой институт, где уже, не работая, - получил месячный оклад 190 чистыми, с паршивым спокойствием принимая все нелепости нашего экономического существования.

4. Хорошо видна старая Москва, ее знаменитые здания, самостоятельные творения предков, плоды их мучений и трудов... А вот каков я? Что от меня останется? Эта гостиница - какой-то западный проект, западное оборудование и даже материалы, да и куплены они за доставшиеся нам от предков природные богатства. И нет никакой гордости перед ними, лишь потерянность и непонимание. Неужели от меня останется только мусор?

5. Добро и слава наших дедов и отцов несомненны. Это не мое, а их умение легло основанием в эту гостиницу и вознесло меня на эту высоту. Причем здесь я, временный мусорщик?

6. Да и другие халтурщики, которыми гудят этажи подо мной и окрестные институты... Кто мы есть, и какому кризису станем основанием? Какие "храмы" оставим детям?...

7. Однако приближается полдень, когда мы спускаемся на землю, бросаем работу и мимо храма Василия Неокесарийского направляемся домой. И отступают на времена тягостные вопросы.

8. И я шагаю, радуясь весне и близкому лету, которое начнется с поездки с отцом в Харьков, продолжится шабашкой в Среднюю Азию, а завершится путешествием с детьми в Белоруссию.

9. Простые, прозаические желания. Как хорошо, что хоть они осуществляются!

10. Рассказ 1. Харьков: встреча ветеранов и встреча с детством

11. Харьковский поезд на майскую встречу отца с ветеранами 103-го штурмового авиаполка, в город, где я родился и прожил три года.

12-13. Первые праздничные кадры.

14. Следующие кадры через час - торжественную встречу ветеранам устраивают шефы:- школа-интернат.

15. Рокочут детские барабаны, декламируются наизусть стихи и выученные приветствия.:

16. Все по форме: красные галстуки и множество красных тюльпанов.

17. А с другой стороны пожилые люди, смущающиеся своими наградами,

18. надевающими их раз в год, но чуть гордые от детского лепета и почета.

19. Слева, в синей форме - полковник, Герой Союза и председатель ветеранского совета Белоконь. Он пробивает массу дел -

20. от организации встречи до устройства музея полка и издания книг о подвигах однополчан.

21. На следующий день на отчетном собрании он отказывался быть Председателем, а ветераны неумеренно

восхваляли его заслуги, превознося до культа, и все же удержали его от ухода.

22. А эти женщины, участвовавшие в ужасной войне еще совсем молоденькими выпускницами школ, девчонками, пошедшими на фронт в принудительном порядке - укладчиками парашютов, вооруженщицами, медсестрами, связистками... Они уже бабушки, но здесь все те же Шуры и Клавы, поразительно молодые.

23. В эти два праздничных дня, участвуя по праву гостей во всех ветеранских мероприятиях, мы наполнялись любовью и уважением к старикам, ко всем, может, за немногим исключением.

24. Да, мы видели несомненную партийность и верноподданность большинства, их заученность официальных слов, казенную риторику выступавших: "Так надо!"...

25. Но все доводы критического рассудка отлетали при виде их сильных, открытых чувств.

26. А как они радовались друг другу, оставаясь среди своих! Как вспоминали, хохотали, как пели песни

27. - самозабвенно, слаженно, ничего не забыв, как будто спевались только вчера. Никогда в жизни мы не видели отца таким,

28. прямо сияющим, едва ли не пританцовывающим.

29. Как это было! Как совпало -/Война, беда, мечта и юность!

И это все в меня запало / И лишь потом во мне очнулось!..

30. Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России, / А мы такие молодые!

31. И разве эти высокие тяготы и чистейшая радость не отзовутся в душах детей поверх казенных слов?

32. Ведь и наши дети стоят в линейках, тоже с радостью выкрикивают торжественные слова. Хорошо, когда эти обряды не обманны, когда дети приветствуют подлинных ветеранов, тружеников и кормильцев.

33. А что получат дети он нас? Какие примеры риска и труда ради всех? Выполним ли и мы свой долг, оставив детям эту жизнь лучше и безопасней, защитив ее от войн и арестов?

34. Идут дети, гремят барабаны...

35. 9 мая - гигантское торжество памяти, новоязыческий обряд, прорастающий в душах неожиданными слезами. Что это?
- Жалость к погибшим? Жалость к себе? Вообще к смертной доле каждого?

36. Сколько здесь людей, и все разные. И все сейчас настроены на одну траурную, почти молитвенную волну. Завтра она внешне спадет, но внутренне будет держать высоко их в житейских трудах и заботах.

37. Так что же так действует? Неужели гранит и музыка?

- Нет, конечно,... Они только помогают нашей памяти о предках. Нет, это не люди идут, это души мятутся, сгустки исторического опыта, пульсирует народная душа. Это общая душа - память была до сих пор бессмертна и неуничтожима.

38. И от нас зависит, чтобы и в наш, ядерный век она приумноженной была передана детям.

39. Родной Харьков Сколько хороших слов, а вот познакомиться с родным городом я удосужился лишь на 44-м году жизни.

40. Ранним утром, чтобы успеть вернуться к ветеранскому собранию, мы с отцом отправились ходить по "его улицам".

41. Вышли из метро и в густом утреннем тумане пошли по улице Маркса искать водолечебницу, где когда-то работала медсестрой молодая девушка Таня.

42. Дом сохранился. В нем по-прежнему обитает какая-то медицина.

43. Отец волнуется, показывая сыну места, куда он молодым военным приходил к девушке, ставшей его судьбой... Вот здесь она выходила и

44. они шли в ближайший театр или через мост мимо Благовещенского собора в университет на какую-нибудь лекцию Политпросвета

45. или просто гулять у реки. Тогда здесь был парк (а не трамвайные линии). Тут отец сказал очень торжественно: "Вот смотрите, именно здесь Таня решила: "Ладно, давай попробуем, пойдем в ЗАГС".

46. И они в тот же день зарегистрировались, и в тот же день сыграли свадьбу в отцовском общежитии: друзья купили первые тарелки и потеснились с комнатой.

47. Это величайшее для меня событие, для Харькова, тогда столицы советской Украины, младшего брата красной Москвы, было рядовым незаметным эпизодом.

48. Потом им дали настоящую комнату, а с рождением дочери - две в военном городке близ аэродрома, где и сформировался потом 103 авиаполк.

49. В войну мой родной дом был полуразрушен, а потом перестроен до неузнаваемости.

50. С трудом отец угадал, где была квартира, где жила его молодая семья, где умерла четырехмесячная дочь, а потом родился сын. Вот это и есть отчий дом, о котором у меня не осталось никаких воспоминаний, кроме самых смутных в детстве, навеянных, наверное, мамиными рассказами, светом маминой улыбки о счастливой довоенной жизни.

51. Мамы уже нет, а отец - вот он, привез меня все же к родному дому - для воскрешения и связи.

52. "Здесь ты был ребенком, улыбался и агукал миру и прохожим. Отсюда в коляске тебя возили в соседний парк."

53. Оставляем справа памятник Макаренко - за ним когда-то находилась его коммуна-колония - высшее достижение советской педагогики. У Макаренко, по соседству воспитывался и манин двоюродный брат, мой дядя Сеня, адвокат из Перми...

54. Ну, вот и парк. Отец говорит, сильно изменился, уменьшился. И все же он находит места прежних лавочек и прогулок.

55. Разыскиваем любимое когда-то колесо, я снова дурашливо агукаю, изображая того веселого ребенка, под смех донельзя довольного отца: все хорошо, он выполнил свою задачу, показал мне все то, что должно быть мне дорого.

56. И в самом деле, я благодарен отцу и матери, что три первых главных моих года были счастливыми, полными света и любви. Они сделали меня оптимистом, зарядили на счастье, и я очень надеюсь, что это передалось и нашим детям.

57. А ведь в какие грозовые годы цвело их счастье! Посреди сплошных боевых тревог и войн.

58. Мама рассказывала об уходе отца на финскую войну, о колоннах пленных поляков на этих улицах, а потом и о начале войны Отечественной

59.. Через неделю авиаполк отца был срочно переброшен в Белоруссию заткнуть дыру на фронте - и тут же был почти полностью уничтожен, еще на земле, бомбажкой самолетов на аэродром. Отец чудом уцелел, отдававшись легкой контузией.

60. Авиаполк был заново восстановлен в глубоком тылу, воевал на юге, и лишь через два года снова оказался в Белоруссии (заслужил звание Гродненского) и закончил войну под Берлином.

61. Днем раньше отца из этого здания ушел на фронт мой дядя и двоюродный брат отца Виктор, в честь которого я получил свое имя - ушел, чтобы через год погибнуть под Волховым артиллерийским лейтенантом. Отец, слава богу, выжил.

62. Дольше всех в Харькове оставалась мама. Кончилась жизнь домохозяйки, и ее мобилизовали медсестрой в госпиталь. Сына пришлось отдать в садик, а потом вместе с госпиталем эвакуироваться в глубокую Сибирь, в Минусинск.

63. Дорогой из родного города в Сибирь начались мои собственные воспоминания, даже не бомбажкой, а кражей отцовских вещей - кончилось счастливое неосознанное детство, начались воспоминания трудных военных лет.

64. Из эвакуации мама приехала уже к родителям в Москву. Узнав, что в Харькове дом наш разрушен, с Москвой согласился и отец, определив тем самым и мою, и наших детей судьбу.

65. Кроме прогулки с отцом, мы сами бродили по городу, знакомясь с его историей.

66. Вот харьковский исторический музей в модернистском здании 1912 года. В нем рассказана вся история заселения этих мест казаками после гибели революции Хмельницкого, история борьбы с турками.

67. Рядом Покровский собор - ровесник городу. Около него сразу - старейший Коллегиум - школа и знаменитые "Прибавочные классы", готовившие градостроителей и других специалистов.

68. Казаки-переселенцы, строители и богомольцы этой церкви, пережили

69. самое ужасное, что может пережить народ - фактическую гибель,

70. и потерю своей Украины, своей Родины.

71. В этих диких степях они подняли новую Украину из разрухи

72. и родили тем всех нас.

73. Так как же можно не впитывать и ее изучать их великий жизненный опыт?

74. Успенский собор - памятник победы в Первой Отечественной войне.

75. Здания же вокруг - старые корпуса университета, возникшего еще в 1805 году, в "дней Александровых прекрасное начало". Первый университет не только Украины, но и всего Юга России с его особой южнорусской культурой, более свободной и буржуазной - был здесь очень нужен.

76. И может потому Харьков хранит добрую память об основателе университета и вместе с тем - помещике и фантазере - А.Каразине.

77. Памятники Гоголю и Пушкину - тоже достояние Харькова от дореволюционных еще времен.

78. К концу прошлого века казацкая самостийность и свобода, соединившись с просвещением, преобразовалась в капиталистическую предприимчивость и размах.

79. И сегодня Харьков набит старыми зданиями всяческих банков, торгово-промышленных фирм, кредитных обществ, бирж.

80. Но этот короткий расцвет был прерван катастрофой 17-го года на Севере, предтечей которой стал великий украинский бунтарь - Кобзарь.

81. И вот на стыке позднерусского капиталистического бума и бунтарских мечтаний родился послереволюционный конструктивистский Харьков.

82. Став столицей Украины, красный Харьков первым строит соцгород - "Новый Харьков" - и свою правительственную площадь Дзержинского с 11-этажным Госпромом, Домом кооперации, Домом проектов, гостиницей "Интернационал" и ЦК КПУ.

83. Но над всеми этими архитектурными фантазиями парит... символ, в который эпоха вложила столь много надежд

84. и разочарований.

85. Считанные часы пробежки по городу, вдумывания в его историю, вслушивания в слова отца, в слова ветеранов, два дня живительной встречи и

86. мы прощаемся с Харьковом, наверное, надолго, но не навсегда. Опыт предков, опыт ветеранов нельзя сдать в багаж, к нему нельзя не возвращаться.

